ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 3 (37)

2018

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 3 (37)

2018

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/ ECONOMICS / LAW

ISSN 2072-2087

№3(37) 2018
Научный рецензируемый журнал
Сентябрь

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3 (37) 2018: исторические науки и археология/ юридические науки/ экономические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2018. 240с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Институ́т исто́рии материа́льной культу́ры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алферова И.В.
БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ АККОМОДАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 9

Антюхова Е.А.
ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 17

Блуменау С.Ф.
ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ «МОНАРХИСТОВ» НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 22

Гильминтинов Р.Р.
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТПРОФОВ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ 28

Грудина А.Д.
СИСТЕМА ВОЛОСТНЫХ И ЗЕМСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ В ДЕЛЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПРИЗВАННЫХ НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) 37

Дубровский А.М., Кучурин В.В.
ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.М. СОЛОВЬЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1840-Х – 1850-Е ГГ 47

Ермаков А.А., Рыжов И.В.
РАЗВИТИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ И РАДИКАЛОВ СЕКТОРА ГАЗА: «ДОКТРИНА ЛИБЕРМАНА» 57

Зародов И.А.
НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ КИТАЯ ЗА РУБЕЖОМ: РАСШИРЕНИЕ ФОРМАТОВ ПРИСУТСТВИЯ В XXI ВЕКЕ 64

Золотов В.И.
ДЖЕНТРИ: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЭПОХИ «ВОЙН РОЗ» 72

Исмаилова З.А.
ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ М.В. НЕЧКИНОЙ В 1917-1923 ГГ. 76

Кирсанов Е.В.
ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ СО СТРАНАМИ КАВКАЗА, ЗАКАВКАЗЬЯ И ПРИКАСПИЯ ПО ДАННЫМ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ 86

Кучурин В.В.
НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С.М. СОЛОВЬЕВА 96

Лошкарёв И.Д.
ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 102

Глушак Николай Владимирович - доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и маркетинга Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Гриненко Александр Викторович - доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Гудименко Галина Валерьевна - доктор экономических наук, профессор Орловского государственного университета экономики и торговли, Орел, Россия;

Донцова Людмила Васильевна - доктор экономических наук, профессор кафедры Финансового контроля, анализа и аудита Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия;

Дорошков Владимир Васильевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО-Университета МИД РФ, Москва, Россия;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Енуков Владимир Васильевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Курского государственного университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси. Курск, Россия;

Иосифуру Цутия – профессор Нихонского университета, кафедра Исторических наук, Токио, Япония;

Кащенко Сергей Григорьевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Марковичева Елена Викторовна – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства «Российский государственный университет правосудия», Москва, Россия;

Мельников Олег Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

Никитина И.В.
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В Г. СЕВАСТОПОЛЕ В 1920 –1930 ГГ. 108

Пушкин И.А.
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БССР В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ (1920-1930-Е ГГ.) 115

Рудковская М.М.
РУССКО-ТУЛОНСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА 125

Рябчевский Н.Г., Шинаков Е.А., Лобанов Г.В.
ТОПОГРАФИЯ И ХОЗЯЙСТВО ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ДЕСНИНСКОГО ВАРИАНТА КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ) 135

Талагаева Д.А.
НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ НАУЧНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ 150

Шебалина Е.О.
СЛУЧАЙ КАРЛО МАРИЯ ВИГАНО: КОНСЕРВАТОРЫ ВНОВЬ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ПАПЫ РИМСКОГО 156

Шендыгаев Д.И.
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОФИЦЕРОВ БРИТАНСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. 161

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дедова О.В., Мельгуй А.Э., Дворецкая Ю.А., Ковалев А.Ф.
ФИНАНСОВО-УЧЕТНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРАРНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ 169

Зверев А.В., Ковалерова Л.А., Мишина М.Ю.
АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ 179

Зверев А.В., Мандрон В.В., Мишина М.Ю.
ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РФ 188

Кузнецова О.Н., Шлома А.В., Ковалева Н.Н., Ермакова Л.В.
ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 197

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Артамонов А.Н.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 204

Вяткина Г.О.
ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 210

Горбачев А.Н.
ПОНЯТИЕ«СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЬ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ 215

Зраева И.М.
РОЗЫСК ГРАЖДАН, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОТДЕЛОВ ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА 224

Сахарова Ю.В.
ВИДЫ И ФОРМЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ АДВОКАТА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ РАЗРЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ СПОРОВ 230

Патрушева Наталья Генриховна **-** кандидат исторических наук. заведующая. сектором книговедения Отдела редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия;

Рогова Елена Моисеевна – доктор экономических наук, профессор департамента финансов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Хегер Мартин (Heger Martin) **-** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, уголовно-процессуального права, Европейского уголовного права и новой истории права юридического факультета Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Германия;

Шинаков Евгений Александрович - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика. И.Г. Петровского, Брянск, Россия;

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующей научной отрасли: 07.00.00 – исторические науки и археология.

ISSN 2072-2087

Vol.3 – No.37

Scientific peer-reviewed journal

SEPTEMBER

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 3 (37) 2018: historical sciences and archaeology/ economics / law. Bryansk: RISO BSU, 2018. 240p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich – Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:

Artamoshin Sergei Viktorovich – Doctor of historical sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Beletsky Sergey Vasilyevich - Doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Slavic and Finnish archaeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of historical sciences, Professor, Head of the World History, International Relations and International Law Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Chernoperov Vasily Lvovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the World History and International Relations Department, Ivanovo State University, Russia;

Glushak Nikolai Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Customs and Marketing

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alfyorova I.V.
REFUGEES OF THE FIRST WORLD WAR: PROBLEMS OF ACCOMMODATION (ON THE MATERIALS OF ORYOL PROVINCE) 9

Antyukhova E.A.
PROCESSES OF MODERN GLOBALIZATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM: INSTITUTIONAL ASPECT 17

Blumenau S.F.
THE PROBLEM OF POWER IN THE POLITICAL PRACTICES OF THE «MONARCHISTS» AT THE BEGINNING OF THE FRENCH REVOLUTION 22

Gilmintinov R.R.
THE INSTITUTIONALISATION OF ISTPROFS WITHIN THE STRUCTURE OF SOVIET TRADE UNIONS 28

Grudina A .D
THE SYSTEM OF THE VOYAL AND COUNTY GUARDIANSHIPS IN THE CASE OF UNDERSTANDING THE FAMILIES OF THE LOWER CITIZENS, CALLED FOR THE WORLD WAR I (INITIAL STAGE OF ACTIVITY) 37

Dubrovski A.M., Kuchurin V.V.
LECTURE COURSES ON THE HISTORY OF RUSSIA IN THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF S.M. SOLOVYOV THE SECOND HALF OF THE 1840'S - 1850'S. 47

Ermakov A.A., Ryzhov I.A.
EVOLUTION OF THE CONFRONTATION BETWEEN ISRAEL AND THE RADICALS OF THE GAZA STRIP: LIEBERMAN'S MILITARY DOCTRINE 57

Zarodov I.A.
THE CHINESE PEOPLE'S LIBERATION ARMY ABROAD: EXPANDING PRESENCE IN THE 21ST CENTURY 64

Zolotov V.I.
GENTRY: POLITICS AND PRACTICE EVERYDAY ON «WARS OF ROSES» EPOCH 72

Ismailova Z.A.
THE CREATIVE QUEST OF M.V. NECHKINA IN 1917-1923 76

Kirsanov E.V.
HISTORIOGRAPHY OF THE RELATIONS OF ANCIENT RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF THE CAUCASUS, TRANSCAUCASIA AND THE CASPIAN SEA REGIONS, ACCORDING TO EASTERN SOURCES 86

Kuchurin V.V
BEGINNING OF FORMATION SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL SURVEYS S.M. SOLOVYOVA 96

Loshkariov I.D.
POLAND'S POLICY TOWARDS SUB-SAHARAN AFRICA AT THE PRESENT STAGE 102

Nikitina I.V.
SPATIAL REORGANIZATION IN THE CITY OF SEVASTOPOL IN 1920-1930 108

Pushkin I.A.
FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE POLICY OF THE BSSR IN RESPECT OF NATIONAL COMMUNITIES (1920-1930) 115

Rudkovskaya M.M.
RUSSIAN-TOULON NAVAL COOPERATION IN THE SECOND HALF OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURY. 125

Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Grinenko Aleksander Viktorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Gudimenko Galina Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russia;

Dontsova Ludmila Vasilyevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Financial Control, Analysis and Audit, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia;

Doroshkov Vladimir Vasilyevich – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs, Russian Federation, Moscow, Russia;

Dubrovskii Aleksandr Mikhailovich - Doctor of historical sciences, Professor, Professor of the World History, International Relations and International Law, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Enukov Vladimir Vasilyevich - doctor of historical Sciences, Professor of the Russian History Department, Kursk State University, Director of the Institute of archeology of the Southeast of Russia, Kursk, Russia;

Iosifuru Tsutia – Professor of Nihon University, Department of Historic sciences, Tokyo, Japan;

Kashchenko Sergey Grigoryevich – Doctor of historical sciences, Professor, Head of Source Studies of Russian History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia;

Markovicheva Elena Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Principal Research Scientist of Criminal Justice Issues Department, Russian State University of Justice, Moscow, Russia;

Melnikov Oleg Nikolaevich – Doctor of Economics, Professor of the Department of management, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia;

Mikhalchenko Sergey Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Institute for Fundamental and Applied Research, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia;

Patrusheva Natalya Genrikhovna - Candidate of historical Sciences, Head of the rare books Department of the Russian national library, St. Petersburg, Russia;

Ryabchevsky N.G., Shinakov E.A., Lobanov G.V.
TOPOGRAPHY AND LAND MANAGEMENT IN KIEV CULTURE SETTLEMENTS THE NORTH-EAST OF THE DESNA RIVER REGION (PROBLEM STATEMENT) 135

Talagaeva D.A.
SCIENTIFIC INQUIRY AS TOOL OF EUROPEAN SCIENTIFIC SPACE MANAGEMENT 150

Shebalina E.O.
VIGANO CASE: CONSERVATIVES OPPOSING POPE FRANCIS AGAIN 156

Shendygaev D.I.
MILITARY EDUCATION OF OFFICERS OF BRITISH ARMY AND NAVY ON THE CUSP OF THE XIX-XX CENTURIES..... 161

ECONOMICS

Dedova O.V ., Melgui A.E., Dvoretskaya Y.N., Kovalev A.F.
FINANCIAL ACCOUNTING TOOLS FOR INVESTMENT ACTIVITIES OF AGRI-CULTURAL TO SHAPE'S TRANSFORMATION..... 169

Zverev A.V., Kovalerova L.A., Mishina M.Y.
ANALYSIS AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF HYPOTHECARY CREDITING IN RUSSIA 179

Zverev A.V., Mandron V.V., Mishina M.Y.
EVALUATION OF THE SYSTEM OF CUSTOMS REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT..... 188

Kuznetsova O.N.,Shloma A.V., Kovaleva N.N., Ermakova L.V.
PROVISION OF PENSIONS IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS 197

LAW

Artamonov A.N.
GENERAL CHARACTERISTICS OF THE ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION..... 204

Vyatkina G.O.
INTRODUCTION OF CORRUPTION WARNING AND PREVENTION SYSTEM IN CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES AS IMPORTANT INSTITUTIONAL STRENGTHENING OF CORRUPTION..... 210

Gorbachev A.N.
THE CONCEPT OF «AGRICULTURAL PRODUCER» IN THE LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE 215

Zraeva I.M.
HE ORGANIZATION OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND DEPARTMENTS OF THE MILITARY COMMISSARIAT IN SEARCH OF CITIZENS WHO EVADE MILITARY DUTY 224

Sakharova J.V.
TYPES AND FORMS AND A LEGAL AID LAWYER AT THE PRE-TRIAL STAGE OF THE RESOLUTION OF HOUSING DISPUTES 230

Popov Stoyan Yordanov - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department History and Archeology, Plovdiv University «Paisii Hilendarski», Bulgaria

Rogova Elena Moiseevna – Doctor of Economics, Professor of the Department of Finance, National research University "Higher school of Economics", Saint-Petersburg, Russia;

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich - Doctor of historical sciences, Professor of the Russian History Department, Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.
Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

Алфёрова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ АККОМОДАЦИИ (на материалах Орловской губернии)[1]

В статье рассматривается специфика процесса аккомодации российских беженцев в годы Первой мировой войны на материалах Орловской губернии. Под «аккомодацией» понимается изменение функции, способствующее сосуществованию действующих индивидов, групп, организаций, сообществ и их совместные действия без стирания имеющихся между ними различий и утраты своеобразия. Термин представляется достаточно репрезентативным в отношении перипетий, переживаемых беженцами в местах водворения, когда процесс их адаптации к новым условиям уменьшал вероятность социального конфликта, в том числе с местным населением, но не ликвидировал ее окончательно, что и проявилось в политических трансформациях 1917 г. Из всех многочисленных проблем жизни провинции, которые порождались военными реалиями, а местным населением увязывались с тысячами переселенцев, оказавшихся на территории губернии, рассматриваются только некоторые: «квартирный вопрос», несправедливое распределение материальных благ, государственная помощь в виде беженских пайков, нехватка рабочих рук. Однако и ограниченный круг рассмотренных проблем является, по мнению автора, иллюстрацией возникшей социальной напряженности между местным населением и беженцами, которая со временем стала определенным основанием для формирования протестной активности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Орловская губерния, беженцы, аккомодация, квартирный вопрос, паёк, социальное напряжение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-9-16

Изучение российского беженства в годы Первой мировой войны в отечественной историографии уже имеет определенную традицию. Историки на общероссийских и региональных материалах воссоздают детальную картину трагедии, которую переживали миллионы подданных Российской империи, вынужденные покинуть родные места [2, 5, 18, 19, 20, 31]. Ряд исследователей посвятили свои работы экономическим, организационным и общественным проблемам беженства на материалах Орловской губернии [7, 8]. Однако для полноты отображения всего комплекса проблем еще предстоит сделать немало.

Помимо приоритетной и устоявшейся тематики в изучении российского беженства, на сегодняшний момент можно отметить появление новаторских подходов. Так, историк Н.В. Суржикова предложила рассматривать процесс беженства через понятия социальной эксклюзии и маргинализации, стигматизации и дискриминации, тем самым переключив фокус исследования с беженства как такового, на переселенцев как представителей различный социальных групп [41, с. 98]. В другом изыскании историк обратила внимание на столкновение интересов разных общественных сил, а также государственных структур, которые активизировались в связи с решением проблем беженства, «обнаруживая крайне низкий уровень их союзоспособности» [40, с. 122]. Тем самым проблема беженства начинает рассматриваться в более широком контексте, в том числе и как одна из важнейших предпосылок политических трансформаций 1917 г.

В рамках данной статьи предполагается проиллюстрировать вышеназванный тезис, сосредоточив внимание на отдельных моментах процесса аккомодации беженцев. Под «аккомодацией» в данном случае понимается «изменение функции, способствующее сосуществованию действующих индивидов, групп, организаций, сообществ и их совместным действиям без стирания имеющихся между ними различий и утраты своеобразия»[1]. В статье на конкретных фактах из повседневной жизни Орловской губернии раскрывается ситуация, которую князь Н.Б. Щербатов, занявший 5 июня 1915 г. пост министра внутренних дел,

[1] Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-21-01010-ОГН.

предвосхитил в шифрованной телеграмме от 20 июня 1915 г., сообщая в ставку Верховного главнокомандующего: «Местное население недовольно селением (*размещением*. – **И.А.**), сами беженцы чрезвычайно озлобленные уничтожением имущества и безобразным отношением сопровождающих их из Галиции чинов полиции политически являются элементом совершенно опасным» [38, д. 42, л. 74].

Первые волны беженцев докатились до Орловской губернии в двадцатых числах июля 1915 г. Относительно общего числа беженцев, осевших в начальный период переселения в Орловской губернии, можно сделать только приблизительные подсчеты. Железнодорожные узлы губернии, согласно первоначальным планам эвакуации населения из прифронтовой полосы, должны были стать только распределительными пунктами для дальнейшего продвижения людских масс на восток [2]. Однако по мере заполнения переселенцами внутренних территорий страны часть из них стала оседать в Орле и далее расселяться по уездам. Кроме того, беженцы прибывали в Орловскую губернию по шоссе и по проселочным дорогам из Смоленска, Киева и Гомеля.

Согласно телеграммам от уездных исправников в Орловское губернское правление от 1 января 1916 г., в уездном Трубчевске оказалось 1882 беженца (687 женщин, 884 детей), в Севске – 1360 (женщин 372, детей 723), в Брянске – 6071 (женщин 1733, детей 2467), в Карачеве – 3297 (1226 женщин 1544 детей) [14, д. 5245, л. 8, 17, 22, 23]. В Орле к марту 1916 г. проживало 5285 беженцев (из них: мужчин – 1265, женщин – 1761, детей – 2259) [29, № 2, 22 марта]. Казалось бы, количество беженцев было незначительным на фоне общего населения, проживавшего в губернии (Население Орловской губернии равнялось по переписи 1897 г. 2033798 чел., из которых в городах проживали примерно 12%. Самым крупным городом был губернский центр, население которого составляло 69 735 чел.)[35], однако их появление уже с первых дней обозначило «квартирный вопрос».

Беженцы с семьями расселялись в Орловском сборном пункте у вокзала, в гусарских казармах, в полузаброшенных домах. На объединенном заседании областного и городского Всероссийского союза городов, членов городской думы и управы, заведующего передвижением беженцев барона Рауша фон Траунберберга и пр., проходившем 12 августа 1915 г., предлагалось для размещения беженцев обшивать железнодорожные платформы и «устраивать там очаги», расселять их в Черниговских казармах «пока войска еще в лагерях», в продовольственном пункте и т. п. [11]. Было решено задействовать для них помещения земских и церковно-приходских школ, в найденных 105 пустующих зданиях.

Областной комитет Всероссийского союза городов уже в двадцатых числах июля 1915 г. возбудил ходатайство перед Главным комитетом союза о разрешении построить в г. Орле барак на 700 беженцев и об ассигновании необходимой для этого суммы [26, № 157, 22 июля]. Болховская, Малоархангельская, Мценская земские управы уведомляли Губернский комитет помощи беженцам, что в их уездах может быть размещено свыше 37 тыс. человек (в Малоархангельском уезде – 22400 чел.; в Болховском – до 10000 чел., в Мценском – 4169 чел.) [16]. В то же время из Карачевского и Елецкого уездов поступали сведения, что все дома переполнены беженцами, воинскими чинами и свободных квартир нет. От крестьян села Саловой Сосновки Трубчевского уезда поступила просьба не присылать к ним беженцев для размещения, так как из-за бедности имеют хаты только в один сруб, в 8 или 9 аршин [37].

Тем временем местное население начало жаловаться на повсеместное подорожание съемного жилья. Беженцы снимали жилища в городах губернии, в пригородах и даже в деревнях. «Хозяева сдаваемых хат, – сокрушался корреспондент газеты «Орловский вестник», – тоже проникаются жадностью городских домовладельцев, взимают плату за квартиры по-городски» [17]. Домовладельцы стали повышать цены своим старым квартирантам. Так, лично к редактору «Орловского вестника» обратился учитель одной из школ с жалобой «на алчность к гешефту» у хозяина квартиры С. Юркевича. Учитель, как следовало из его письма в газету, нанял квартиру «полную недостатков» в ноябре 1914 г. за 12 руб. в месяц. «Пользуясь же наплывом беженцев, – сообщал он далее, – которые поистине предлагают бешеные деньги за всякое пристанище, он заявляет мне, что с 1 сентября (*1915 г.* – **И.А.**) плата за мою старую лачугу 18 руб. в месяц, а с беженцев он возьмёт и 25 руб.» [27, № 218, 17 сентября].

Росли цены и в уездных городах губернии. В Болхове небольшая комната сдавалась за 10-12 руб. в месяц, причем корреспондент того же «Орловского вестника» однозначно обвинял в этом «высланных в Болхов поданных воюющих с нами держав, колонистов, беженцев и военных» [27, № 240, 16 октября]. Эта же причина ему виделась основной в подорожании вдвое, втрое «мануфактурных товаров».

Ситуация с жильем усугубилась с появлением среди беженцев заразных больных. Так, в сентябре месяце несколько семей беженцев устроились в имении госпожи Вещицкой в селе Яковлево. Они занимались главным образом сельскохозяйственными работами, но когда среди них появились заболевшие тифом, и один 16-летний юноша умер, госпожа Вещицкая постаралась от них избавиться, и семьи беженцев были переселены в деревенскую хату. Однако крестьянский сход села Яковлево в свою очередь посчитал для себя опасным соседство с заболевшими и «приговорил» беженцев к выселению из деревни [30].

«Квартирный вопрос» был поставлен на рассмотрение в городской думе уже 3 сентября 1915 г., когда было предложено ввести нормированные цены на жилье и издать по этому поводу обязательное постановление [9]. Однако такое постановление, вводившее ограничение на рост квартирных цен, было опубликовано в местной печати только 18 декабря 1915 г. Согласно ему, домовладельцам запрещалось сдавать жилье по ценам, которые были выше сложившихся на 1 января 1915 г. Увеличение стоимости разрешалось для квартир с отоплением по причине подорожания топлива, а также в случае проведенного капитального улучшения жилища. При этом специально подчеркивалось, что «превышение спроса над предложением не может служить причиной для надбавки» [23]. Однако обязательное постановление не смогло кардинально изменить ситуацию с ценами на жилье.

Вместе с тем возросшие квартирные цены были лишь частью многочисленных проблем жителей тыловых губерний, возникавших в реалиях неожиданно для всех затянувшейся войны. Так, например, стараясь предупредить возможные перебои в обеспечении численно возросшего населения губернии продовольствием, губернатор С.С. Андриевский уже в начале сентября 1915 г. сделал распоряжение об увеличении ежедневной выпечки ржаного хлеба, что было под расписку объявлено всем булочникам. Однако одних приказов в данной ситуации было недостаточно. Дело в том, что часть печей была реквизирована военным ведомством. Оставшееся же у булочников оборудование позволяло выпекать хлеба вдвое меньше довоенного. Действительно, не смотря на принятые меры, ржаной хлеб стал заканчиваться в булочных Орла уже к полудню. Очереди у еще не открывшихся с утра дверей магазинов становились обычным явлениям орловской повседневности, предопределенной Первой мировой войной [6, с. 64].

К квартирному, дровяному, сахарному и многим другим «вопросам жизни» Орловской губернии в этот период добавился еще один – «извозчичий», т. е. стоимость оплаты извозчичьего труда. Пользуясь возросшим в немалое количество раз спросом, «ваньки» сообщали пассажирам: «Ежели вы с вещами, то и цена будет другая…, не стесняясь требовали за проезд из одной части города в другую 40 коп., т. е. вдвое больше установленной таксы» [15].

Необходимо отметить, что с проблемой дефицита продуктов жители городов Орловской губернии сталкивались и раньше, уже с весны 1915 г. Причинами возникших затруднений в обеспечении горожан были и колебания цен на продукты питания на рынках, что заставляло торговцев придерживать товар, и общая натурализация крестьянских хозяйств, и перегруженность железных дорог военными перевозками, и, главное, сбой в связи с войной в функционировании сложного хозяйственного механизма в масштабах всей страны. Однако обыватели по большей части не были склонны к установлению замысловатых причинно-следственных связей. Чаще всего именно многочисленные переселенцы на территории губернии представлялись очевидными виновниками обозначившихся проблем.

Так, врач Н. Бар-кин (*псевдоним в газете*. – **И.А**.), выразив, по-видимому, широко распространенное в тогдашнем обществе мнение, апеллировал со страниц периодической печати: «Господа беженцы, помогите!». Автор обращался к трудоспособным «беженцам-пролетариям», благодаря которым, по его мнению, «если не всецело, то в значительной степени цены не только на продукты

первой необходимости, но и на рабочие руки растут не по дням, а по часам» [13].

Действительно, на страницах местных газет со времени появления беженцев в губернии мелькали заметки о нежелании их в общей массе трудиться. Автор в одной из заметок в «Орловском вестнике» удивлялся, что никто из них, не смотря «на большую нужду в жилье и пище, не желает пользоваться предлагаемым им помещением и платой за то, чтобы они исполняли хозяйственные работы» [17].

Тем не менее в городскую управу поступило обращение от Житомирского отделения Татьянинского комитета, в котором предлагалось воспользоваться трудом беженцев: русских, поляков, евреев, русин и др. «интеллигентных профессий». Речь шла об инженерах, учителях, врачах, бухгалтерах, назывались и ремесленные специальности, а именно: ткачи, кузнецы, столяры, портные обоего пола [32]. Складывается впечатление, что беженцы, которые могли заработать за счет квалифицированного труда и получать достойную заработную плату не были склонны ожидать пособия от государственных и общественных организаций. Так, в Орле была организована артель сапожников из беженцев, знакомых с этим ремеслом. Достаточно высоко была оценена работа латышей, которые были наняты для отделки нового здания аптеки в губернском городе. Каменщики и плотники, задействованные в ремонте флигеля кадетского корпуса в Орле, получали по 1 руб. 35 коп. в день [4].

Попечитель Варшавского учебного округа обращался к председателю губернской земской управы с просьбой о предоставлении свободных учительских мест в Орловской губернии учителям-беженцам Варшавского учебного округа, заверяя, что они в большинстве своем имеют многолетний опыт и могут преподавать на русском языке [12]. Учителя и по собственной инициативе пытались устроиться на работу, однако, несмотря на увеличивавшийся за счет детей беженцев контингент школьников, им это удавалось не всегда. «Мытарство учительниц-беженок» называлось письмо в «Орловском вестнике» от 24 ноября 1915 г., автор которого совестил директора народных училищ Орловской губернии, который беженку, учительницу с несколькими годами практики, не принял на работу, сопроводив отказ словами: «Вы – приезжие, вас здесь никто не знает, как я вас назначу?» [22].

В одном из номеров «Орловской жизни» автор статьи попытался ответить на вопрос «Отказываются ли от работы беженцы?» «Обвинение беженцев в лени, – приходил к заключению автор, – исходит от работодателей. У них почему-то сложилось представление, что беженец это что-то вроде китайского кули… (*батраки, дешевая рабочая сила*. – **И.А.**). Когда выясняется, что он беженец ему предлагают только половину оплаты» [33]. Тем не менее, на уровне общественного мнения нежелание беженцев устраиваться на работу чаще всего увязывалось с получением ими, так называемого «пайка». Газета «Орел», орган Орловского союза русского народа, категорично утверждала, что «беженцы, получая свои пайки, отказываются от работы», поэтому предложила лишать таких беженцев «и пайка, и пищевого довольствия» [24, № 48, 31 декабря]. Эта же газета распространяла слух, что среди беженцев были и такие, «которые записавшись по нескольким городам, получают везде пайки» [25, 13 ноября].

Действительно, согласно решению Особого совещания по устройству беженцев, которое было учреждено 10 сентября 1915 г., для них вводился ежемесячный продовольственный паек по аналогии с пайком от казны, выдававшийся семьям призванных в армию. До этого обеспечение нуждавшихся беженцев происходило за счет разовых ассигнований Всероссийского союза городов, Татьянинского комитета**,** различных благотворительных акций и частных пожертвований. Так, в августе 1915 г. Главный комитет Всероссийского союза городов ассигновал сумму на содержание 500 беженцев в Орле из расчета 50 коп. в сутки [36]. Паек выдавался в денежной форме, в среднем 20 коп. в день на человека [39, д. 1, л. 29 об. и др.], варьирование суммы зависело от местных цен на продукты питания.

Паек могли получить нуждавшиеся беженцы, которые обратились с соответствующим заявлением в Комитет по попечительству беженцев при городской или уездной земской управе. В Орле пайки стали выдаваться, по-видимому, с конца октября первоначально в сумме 6 руб. на взрослого человека и 4 руб. 80 коп. на ребенка в неделю [34], в то время как в

Орловском уезде беженцы получали 3 руб. и 2 руб. 50 коп. Очевидно, что такая несоразмерность сумм способствовала желанию беженцев поселиться в губернском городе, еще более усугубляя проблемы с жильем.

Повышение же городским комитетом беженского пайка до 7 руб. 50 коп. (включая квартирные) для взрослого и 5 руб. 80 коп. для малолетних привело к тому, что расквартированные и в слободах Орла беженцы начали массово переселяться в город, прибегая иногда к определенным хитростям. Так, пользуясь тем, что в Покровской Слободе, земли города и уезда располагались чересполосицей, отдельные беженцы пытались получать пайки сразу в обоих – уездном и городском комитетах [27, № 264, 13 ноября]. Однако были и противоположные ситуации. Беженцы, проживавшие в пригородных слободах Орла и в деревне Костомаровка, жаловались, что они не получали продовольственный паек ни из городского, ни из уездного комитетов.

«Квартирный вопрос» и вопрос о размере беженского пайка были объявлены в конце ноября 1915 г. важнейшими на заседании губернского земского комитета. В конечном итоге было решено беженский паек уровнять с таковым, выдаваемым семьям запасных. Квартирное довольствие было определено в 1 руб. на человека при размещении с хозяевами дома, до 1 руб. 50 коп. при расквартировании в нежилых деревенских домах и до 2 руб. в городах [10].

Однако, судя по поступавшим в периодическую печать сведениям, далеко не во всех уездах губернии, вплоть до декабря 1915 г., беженцы могли получать определенную для них Особым совещанием помощь от казны. Так, за все время пребывания в Мценске (с сентября по декабрь 1915 г.) беженцам удалось получить паек по 1 руб. 50 коп. на человека и по 1 руб. квартирных только в октябре месяце. «Наиболее нуждающиеся женщины уже начали просить подаяние» [21], – сообщал корреспондент «Орловского вестника».

Согласно новому «Руководящему положению по устройству беженцев», утвержденному министром внутренних дел А.Н. Хвостовым 2 марта 1916 г., размер беженского продовольственного пайка должен был устанавливаться Губернским (областным) совещанием от 15 до 20 коп. в день на человека. Увеличение размера пайка свыше 20 коп. разрешалось только в исключительных условиях и с разрешения министра внутренних дел. Сумма расходов на помещение устанавливалась Совещанием в расчете на одного беженца: до 1 руб. 20 коп. в сельской местности и до 2 руб. в городах, пригородах и поселениях. В эти суммы включалась и плата за отопление [38, д. 42, л. 475 об., 476 об.].

В апреле товарищ министра внутренних дел кн. В.М. Волконский телеграфировал Орловскому губернатору: «…из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь получают: а) дети до 14 лет включительно, б) нетрудоспособные, в) один из трудоспособных членов семьи, вынужденный оставаться при детях для присмотра, и принятые на сельхозработы» [28, № 92, 27 апреля]. Остальные беженцы, уклонявшиеся «от привычного для них сельскохозяйственного труда», лишались как квартирного, так и продовольственного пайка.

В сентябре 1916 г. Губернский земский комитет попечения о беженцах представил губернатору смету по содержанию беженцев в октябре, ноябре и декабре 1916 г. в сумме 455343 руб. 75 коп., причем она была меньше сметы предыдущего квартала примерно на 14,5%. Сокращение объяснялось затруднительным состоянием государственного казначейства. Предлагалось снимать с продовольственного пайка 10% общего числа беженцев, расквартированных в сёлах и 15% беженцев, живших в городах губернии.

Одновременно с представлением сметы, губернский комитет ставил губернатора в известность, что из причитавшейся за истекшую четверть года суммы им было недополучено примерно 50% [3], что означало массовые невыплаты денег беженцам и их домовладельцам, прежде всего, в уездах. Однако возмещения недостающих сумм не последовало. Напротив, уже в ноябре 1916 г. Министерство внутренних дел предложило Губернскому земскому комитету принять проект, который предусматривал обеспечением казенным пайком только 50% беженцев. Более того, в зависимости от заработков членов семьи, предписывалось снижать общую сумму квартирного и продовольственного пайка нетрудоспособным или даже совсем его не выплачивать [28, № 237, 5 ноября].

Размеры статьи не представляют возможность рассмотреть многочисленные проблемы

с которыми сталкивались беженцы, оказавшиеся в годы Первой мировой войны на территории Орловской губернии. В данном случае были выбраны только несколько из них, которые для местных жителей являлись следствием появления в их населенных пунктах переселенцев. Причем помощь со стороны государственных или общественных организаций, которая рассматривалась беженцами как несвоевременная или недостаточная, но как чрезмерная, по мнению местного населения, порождала взаимные претензии, усиливала социальное напряжение, которое подпитывало настроение недовольства затянувшейся войной. В дальнейшем, как думается, эта ситуация сказалась на выборе политических предпочтений как одной, так и другой стороной этого сложного общественного процесса.

Список литературы

1. Аккомодация в социологии / http://knowledge.su/a/akkomodatsiya-v-sotsiologii
2. Алферова И.В. Дорога на восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 16-23.
3. Беженские дела // Орловский вестник. 1916. № 210. 30 сентября.
4. Беженцы на работе // Орловская жизнь. 1915. № 187. 1 сентября.
5. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. М., 2014. 432 с.
6. Блохин В.Ф. Эпизоды повседневности Минского военного округа в годы Первой мировой войны // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Брянск: Издательство «Курсив», 2017. С. 64-74.
7. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246-252.
8. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №3 (11). С. 61-79.
9. В городской думе // Орловский вестник. 1915. № 211. 6 сентября.
10. В губернском комитете помощи беженцам // Орловский вестник. 1915. № 277. 29 ноября.
11. В помощь беженцам // Орловская жизнь. № 177. 19 августа.
12. В учебном мире // Орловская жизнь. 1915. № 190. 4 сентября.
13. Г.г. беженцы, помогите // Орловский вестник. 1915. № 240. 16 октября.
14. Государственный архив Орловскойй области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1.
15. Еще один «вопрос» // Орловский вестник. 1915. № 214. 11 сентября.
16. К расселению беженцев // Орловский вестник.1915. № 247. 24 октября.
17. Карачаевский уезд // Орловский вестник. 1915. № 252. 30 октября.
18. Корнелюк В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1 (51). С. 51-66;
19. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
20. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95-105.
21. Мценск. Орловский Вестник. Номер 286. 10 декабря.
22. Мытарство учительниц-беженок // Орловский вестник.1915. № 247. 24 октября.
23. Обязательное постановление в ценах на квартиры // Орловский вестник. 1915. № 293. 18 декабря.
24. Орел. Вестник Орловского Союза русского народа. 1915.
25. Орел. Вестник Орловского Союза русского народа. 1916.
26. Орловская жизнь. 1915.
27. Орловский вестник. 1915.
28. Орловский вестник. 1916.
29. Орловский край. 1916.
30. Орловский уезд // Орловский вестник. 1915. № 282. 5 декабря.
31. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы М.: Вече, 2014. 448 с.
32. От Татьянинского комитета // Орловская жизнь. 1915. № 183. 26 августа.
33. Отказываются ли беженцы от работы // Орловская жизнь. 1915. № 225. 21 октября.
34. Пайки беженцам // Орловский вестник. 1915. № 256. 4 ноября.

35. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. VI, VII.
36. Постановление комитета. // Орловская жизнь. 1915. № 170. 9 августа.
37. Просьба крестьян // Орловский вестник. 1915. № 261. 10 ноября.
38. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1.
39. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1.
40. Суржикова Н.В. Проблема беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 122-132.
41. Суржикова Н.В. Российское общество vs российское беженство – 1914–1922 гг. // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 88-98.

REFUGEES OF THE FIRST WORLD WAR: PROBLEMS OF ACCOMMODATION (on the materials of Oryol province)

The article deals with the specific features of accommodation of Russian refugees during the First World War based on the materials of the Orel province. "Accommodation" means a change in function that facilitates the coexistence of actors, groups, organizations, communities and their joint actions without erasing their differences and losing their identity. The term seems to be quite representative in terms of the plight experienced by refugees in places of forced settlement when the process of their adaptation to the new conditions reduced the possibility of social conflict including conflicts with the local population but did not eliminate it completely. That was manifested in the political transformations of 1917. The local population mistakenly blamed the problems caused by military realities on thousands of refugees who were in the province. Out of these numerous problems, only such issues as "housing problems", the unfair distribution of material benefits, state aid in the form of refugee rations, lack of workers will be considered. However, the limited range of the considered problems is an illustration of the social tension between the local population and refugees, which eventually became a certain basis for the formation of protest activity.
Keywords: World War I, Orel province, refugees, accommodation, housing issue, rations, social tension.

References

1. Akkomodatciia v sotciologii / http://knowledge.su/a/akkomodatsiya-v-sotsiologii
2. Alferova, I.V. (2017). Put' k Vostoku (problema bezhentsev kak odnogo iz faktorov povsednevnoy zhizni vo vremya pervoy mirovoy voyny) [The road to the East (the problem of refugees as one of the factors of everyday life during the first world war)]//Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bryansk State University Herald], 3, (33). 16-23.
3. Dela o bezhentsakh [Refugee affairs]//Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915. No. 210. September, 30.
4. Bezhentsy na rabote [Refugees at work]//Orlovskaya zhizn' [Orel life]//1915. No. 187. September, 1.
5. Belova I.B. (2014). Vyinuzhdennyie migrantyi: bezhentsyi i voennoplennyie Pervoy mirovoy voynyi v Rossii. 1914–1925 gg [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of World War I in Russia. 1914–1925]. M.432 s.
6. Blokhin, V. F. (2017). Epizody povsednevnosti Minskogo voennogo okruga v gody Pervoj mirovoj vojny [Scenes of everyday life of the Minsk military district during the First World War]//Rossiya v ehpohu politicheskih i kul'turnyh transformacij. [Russia in the era of political and cultural transformations.], Bryansk, Izdatelstvo «Kursiv». 64-74.
7. Bukalova S.V. (2014). Politika privlecheniya bezhentsev k sel'skokhozyaystvennym rabotam vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Policy of attracting refugees to agricultural work during the First world war]//Yezhegodnik po istorii sel'skogo khozyaystva Vostochnoy Yevropy. [Yearbook on the agricultural history of Eastern Europe], 1, 246-252.
8. Bukalova, S.V. (2016). Rol' mestnogo samoupravleniya v organizatsii pomoshchi bezhentsam vo vremya pervoy mirovoy voyny [Role of local government in the organization of assistance to refugees during the first world war]//Sankt-Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal: issledovaniye rossiyskoy i mirovoy istorii [St. Petersburg historical journal: research on Russian and world history], 3 (11), 61-79.
9. V gorodskoy Dume [In the city Duma]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 211. September, 6.
10. V provintsial'nom komitete po delam bezhentsev [In the provincial Committee for refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 277. November, 29.
11. Sostoyaniye bezhentsam [Assistance to refugees]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 177. August, 19.
12. V mire obucheniya [In the learning world]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 190. September, 4.
13. Bezhentsy, pomogite [Refugees, help]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 240. October, 16.
14. Gosudarstvennyiy arhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [The State Oryol Region Archive (SORA)]. F. 4. Op. 1.
15. Yeshche odin vopros" [One more «question»]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 214. September, 11.

16.K pereseleniyu bezhentsev [To the resettlement of refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 247. October, 24.

17.Karachevskiy rayon [Karachevskiy district]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 252. October, 30.

18.Kornelyuk, V.G. (2017). Bezhentsy voyny v belorusskikh provintsiyakh i pervyy opyt gosudarstvennoy i obshchestvennoy pomoshchi bezhentsam (1914 - pervaya polovina 1915 goda) [Refugees of war in the Belarusian provinces and the first experience of the state and public help to refugees (1914 – the first half of 1915)] // Novyy istoricheskiy byulleten'. [New historical Bulletin], 1 (51), 51-66.

19.Kurtsev, A.N. (1999). Bezhentsyi pervoy mirovoy v Rossii (1914–1917) [Refugees of World War I in Russia (1914-1917)]//Voprosyi istorii. [History issues], 8, 98-113.

20.Mihalev, N.A., Pyankov, S.A. (2015). Bezhentsyi Pervoy mirovoy voynyi v Rossiyskoy imperii: chislennost, razmeschenie, sostav [World War I Refugees in the Russian Empire: Number, Location, Composition]//Uralskiy istoricheskiy vestnik. [Ural Historical Journal], 4(49), 95-105.

21.Mtsensk [Mtsensk]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 286. December, 10.

22.Mytarstvo uchitel'nits-bezhenok [The ordeal of the refugee teachers]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 247. October, 24.

23.Obyazatel'noye postanovleniye v tsenakh na kvartiry [Mandatory ruling in apartment prices]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 293. December, 18.

24.Orel. Byulleten' Orlovskogo soyuza russkogo naroda [Oryol. Oryol Union of the Russian people Bulletin]. 1915.

25.Orel. Byulleten' Orlovskogo soyuza russkogo naroda [Oryol. Oryol Union of the Russian people Bulletin]. 1916.

26.Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915.

27.Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915.

28.Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1916.

29.Orlovskiy krai [Oryol region]. 1916.

30.Orlovskiy uyezd [Orlovskiy district]//Orlovskiy vestnik [Orel Herald]. 1915. № 282. December, 5.

31.Oskin, M.V. (2014). Neizvestnyye tragedii Pervoy mirovoy. Plennyye. Dezertiry. Bezhentsy [Unknown tragedies of the First World War. Captives. Deserters. Refugees]. M. Veche, 448 s.

32.Ot Tat'yaninskogo komiteta [From the Tatiana Committee]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 183. August, 26.

33.Otkazyvayutsya li bezhentsy ot raboty [Do refugees refuse to work?]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 225. October, 21.

34.Payki bezhentsam [Rations to refugees]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 256. November, 4.

35.Pervaia vseobshchaia perepis` naseleniia Rossii`skoi` imperii[The first general census of the population of the Russian Empire], 1897 g. Izdanie Cen-tral`nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del / pod red. N.A. Troi`-nitckogo. SPb., 1904. S. VI, VII.

36.Postanovleniye komiteta [Committee Decision]//Orelskaya zhizn' [Orel life]. 1915. № 170. August, 9.

37.Pros'ba krest'yan [The request of the peasants]//Orlovskiy Vestnik [Orel Herald]. 1915. № 261. November, 10.

38.Rossiyskiy gosudarstvennyiy voenno-istoricheskiy arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)] F. 2005. Op. 1.

39.Rossiyskiy gosudarstvennyiy istoricheskiy arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1322. Op. 1.

40.Surzhikova, N.V. (2016). Problema bezhentsev v konfliktakh i kompromissakh vlastey i obshchestvennosti Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam periodicheskoy pechati) [The problem of refugees in conflicts and compromises of the authorities and the public in Russia during the First World War (based on periodicals)]//Vestnik Permskogo universiteta. Istoria [Perm State University Journal. History], 1(32),122-132.

41.Surzhikova, N.V. (2017). Rossiyskoye obshchestvo vs rossiyskoye bezhenstvo – 1914–1922 gg. [Russian Society vs Russian Refugees - 1914–1922]// Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research], 9, 88-98

Об авторе

Алфёрова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории, политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor of department of philosophy, history, political science. Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia). E-mail: alferovairi@yandex.ru

УДК 327+316.32+327.51

Антюхова Е.А., кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлена попытка обозначить сложные и многоплановые процессы, происходящие в современном мире, в условиях глобализации международной системы. Автор обращается к характерным для современного мирового развития мегатрендам, давая им соответствующую характеристику, исходя из тех функций, которые они выполняют.
Ключевые слова: глобализация, международная система, мегатренды, Организации Североатлантического договора (НАТО), политические акторы.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-17-21

Международные процессы, происходящие в современном мире, отличаются сложным и многоплановым характером. Вместе с тем, их объединяет наличие двух определяющих тенденций. Первая из них связана с нарастанием однородности мирового порядка, в то время как вторая предполагает усиление его гетерогенности, обусловленной активным стремлением многих этноконфессиональных общностей к сохранению и защите собственной традиционной системы социокультурных ценностей.

Одним из ключевых аспектов современного этапа развития международной системы является растущее вовлечение представителей различных этнических, религиозных и социокультурных групп в процессы формирования глобального общества. Их протекание характеризуется прерывистостью и неравномерной динамикой, определяемой в научной литературе понятием «волны глобализации». Глобализационные процессы сочетаются с одновременным формированием полицентризма, развитием социокультурных и религиозно-конфессиональных вызовов и рисков, ростом значения фактора «мягкой силы» и влияния негосударственных акторов.

В то же время в основе эволюции международной системы находятся определенные фундаментальные тенденции, обозначаемые научным понятием «мегатренды». Одна из наиболее полных в отечественной политологической литературе трактовок понятия «мегатренд» сводится к тому, что под «мегатрендом» понимаются «крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы» [7].

С точки зрения американского исследователя и писателя Дж. Нейсбита, мегатренды представляют собой «основные направления движения, которые определяют облик и суть изменяющегося общества» [8]. Анализ ключевых составляющих миросистемы позволяет выявить целый ряд подобных мегатрендов. При всей значимости каждого из них наибольшее значение имеет тренд, связанный со складыванием нового глобального мирового порядка. Все остальные тренды, характерные для современной международной системы, выступают по отношению к нему как второстепенные.

Ключевой для современного общества мегатренд глобализации тесным образом сочетается с развитием интеграционных процессов, затрагивающих сферы экономического, политического и культурного взаимодействия и обозначающих их движение в сторону определенной унификации. Важным дополняющим фактором глобализации является демократизация, предполагающая интенсификацию процесса расширения демократического пространства в современном мире.

Вместе с тем, каждому из обозначенных мегатрендов присущ противоречивый внутренний характер и наличие противоположных векторов развития. Для глобализационного тренда в качестве такового выступает изоляционизм, для интеграции – дезинтеграционные процессы, противоположным вектором развития демократии является усиление авторитарных тенденций в политической жизни отдельных государств. Развитию трех ключевых мегатрендов присущ волнообразный характер, при котором периоды, характеризующиеся активной динамикой, чередуются со стадиями заметного спада.

Примером, иллюстрирующим данную закономерность, является разработанная известным американским социологом и политологом С. Хантингтоном теория «волн» демократизации, предполагающая поэтапное распространение демократических институтов, при котором каждая новая «волна» их транзита сменяется определенным «откатом», связанным с усилением антидемократических тенденций [11].

Современная глобализация представляет собой диалектически противоречивый процесс, оказывающий как позитивное, так и негативное воздействие на развитие системы международных отношений. Одним из наиболее важных свойств глобализационных процессов является неравномерность их протекания в пространственно-временном контексте. Наибольшей интенсивностью они характеризуются в странах западной цивилизации, развитие которых выступает в качестве главного источника глобализации. Находящиеся за ее пределами регионы реагируют на глобализационные импульсы с разной степенью интенсивности, что во многом обусловлено спецификой их социокультурной традиции. Нередко они остаются на обочине глобализационных процессов, что порождает ответную протестную реакцию. В данной связи, оборотной стороной глобализации становятся процессы изоляционизма и локализации. Изоляционизм проявляется в стремлении отдельных акторов международной системы к сознательному ограждению от глобализационного влияния, в то время как локализация предполагает акцент на максимальном взаимодействии в рамках отдельно взятого региона, в котором расположено данное государство. Тесное взаимодействие процессов глобализации и локализации привело к появлению в научной литературе специального термина «глокализация», отражающего диалектическую взаимосвязь двух данных тенденций [1].

В политическом отношении глобализация предполагает расширение и укрепление межгосударственных и других институциональных связей. В рамках отдельных государств и этносов при этом могут протекать процессы, отличные и даже противоположные глобализационным тенденциям. На этой основе формируется новый тип мировосприятия, характеризующийся пониманием принципиального единства отдельных сегментов человеческой цивилизации.

Определяющим фактором для формирования нового глобального мирового порядка является противоречие между необходимостью поддержания стабильности и обеспечения дальнейшего развития международной системы в целом, а также интересами действующих в ее рамках отдельных государственных и негосударственных акторов, которые часто вступают в конфликт друг с другом.

В данной связи, важную роль имеет анализ механизмов регулирования международной системы, имеющих своей целью, в первую очередь, разрешение кризисов и предупреждение войн. В их основе лежит сочетание интересов безопасности отдельных государств и групп государств. В практическом плане, относительная стабильность мирового порядка обеспечивается сочетанием элементов добровольного конструктивного сотрудничества наиболее значимых по своему потенциалу государств, а также гегемонией одного ведущего государства, которое оказывается способным поддерживать существующую международную конфигурацию путем применения механизмов «жесткой» и «мягкой» силы [9].

Важным политическим механизмом современного глобализационного мегатренда является увеличение роли эффективного наднационального регулирования. Одной из важных категорий, используемых современной наукой для характеристики новых тенденций в международной системе, является понятие «диффузии силы». Оно предполагает постепенное снижение роли государств-гегемонов в международных процессах и рост на этом фоне значения различного рода международных сетей и коалиций, призванных стать опорой новой многополярной конфигурации [5].

В соответствии с распространенной концепцией, присущей, в первую очередь, представителям либерального направления международной теории, по мере складывания глобального миропорядка, все возрастающую роль в качестве элементов регулирования международной системы будут играть формальные и неформальные международные институты. При всей значимости роли государств в современных международных отношениях важной отличительной чертой

формирующегося глобального мирового порядка является усиление негосударственного начала. Несмотря на существование заметных функциональных ограничений, в решении глобальных проблем негосударственные институты, определяемые понятием «новых акторов», играют все более заметную роль в мировых политических процессах. В их число входят различного рода международные организации, транснациональные корпорации, международные движения и сетевые сообщества, группы интересов.

Международные организации, а также другие «новые акторы» выполняют ряд важных функций, выступая, в частности, в качестве своего рода посредников во взаимодействии различных уровней международной системы, в рамках которых ключевую роль играют традиционные акторы – государства [2].

В современной научной литературе существуют различные оценки факторов, определяющих механизм протекания данного процесса. В рамках концепции неореализма развивающиеся надгосударственные институты характеризуются, в первую очередь, как инструменты реализации национальных интересов отдельных государств, среди которых наиболее значимую роль играют интересы ведущих мировых держав. Следует отметить, что система взаимоотношений в рамках надгосударственных объединений основана на иерархическом принципе и подчинена наличию в их рамках определённого лидера. В этой связи определенный интерес представляет деятельность Организации Североатлантического договора (НАТО), активно осуществляющей свою деятельность за пределами национальных границ государств, входящих в ее структуру. Следует отметить, что «в начале XXI в. транснациональные акторы» (к числу которых, безусловно, относится и НАТО) «не только усилили свою политическую активность на мировой арене, но и значительно усложнили механизмы и формы деятельности, расширили сферу своей вовлеченности" [6].

По мнению отечественного исследователя М.А. Троицкого, в рамках НАТО реализуется механизм «программирующего лидерства», в рамках которого США осуществляют контроль над мировыми процессами с помощью взаимодействия с региональными державами и союзами [10]. Таким образом, приверженцы неореализма характеризуют НАТО как объединение, с помощью которого США навязывают свои национальные интересы другим акторам международных процессов, позиционируя их в качестве интересов групповых.

В рамках неолиберальной парадигмы феномен наднационального регулирования определяется, в первую очередь, с точки зрения ценностных ориентиров акторов международных процессов. По мнению известного российского учёного А.Д. Богатурова, «лидерство представляет собой способность нести ответственность за формирование мирового порядка, содействовать, или препятствовать общей гармонии в международных отношениях» [4].

Согласно точке зрения другого отечественного исследователя Э.Я. Баталова, для современной мировой политики характерны две принципиально важные тенденции, во многом влияющие на характер и специфику механизмов наднационального регулирования, – деполяризация и полицентрализация. Несмотря на сохранение определенных признаков моноцентричности, современная международная конфигурация характеризуется наличием преобладающих тенденций к полицентричности [3]. В этих условиях межправительственные организации выступают скорее не в роли самостоятельных субъектов, а в качестве средств реализации интересов определённых государств или групп государств.

Несмотря на заметные различия в подходах, современные исследователи сходятся в оценке принципиальной значимости глобальных международных институтов для формирования содержания и динамики глобализационных тенденций. Процесс глубокой трансформации, который на рубеже XX-XXI вв. претерпела Организация Североатлантического договора (НАТО), является одним из наиболее показательных примеров, иллюстрирующих взаимовлияние политической глобализации и развития институтов межгосударственного взаимодействия и регулирования.

Список литературы

1. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 212.
2. Бажанов Е.П. О тенденциях международных отношений на пороге XXI столетия. М.: Научная книга, 1999. С. 6.
3. Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание// Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2012, Т.10, №1. Режим доступа: http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm (дата обращения: 07.08. 2018).
4. Богатуров А.Д. Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М: Аспект Пресс, 2009. С. 159.
5. Глобальные будущие тенденции 2030: альтернативные миры. Краткий обзор. Ташкент, 2013. С.3.
6. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. - 2013. - № 3 (28). - С. 42.
7. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: ЗАО «Издательство Аспект Пресс», 2013. С.7.
8. Нейсбит Дж. Мегатренды. М., АСТ:Ермак, 2003. С.9.
9. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С.104.
10. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991-2004 / М.А. Троицкий. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. С. 214.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2015. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

PROCESSES OF MODERN GLOBALIZATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM: INSTITUTIONAL ASPECT

The article presents an attempt to designate complex and multilateral processes going on in the modern world under conditions of globalization of the international system. The author addresses megatrends characteristic of the modern world development, appropriately characterizing them on the assumption of functions they perform.
Keywords: globalization, international system, megatrends, North Atlantic Treaty Organizations (NATO), political actors.

References

1. Azroyanc EH.A. Globalizaciya: katastrofa ili put' k razvitiyu? Sovremennye tendencii mirovogo razvitiya i politicheskie ambicii [Globalization: a disaster or a way to development? Current trends of world development and political ambitions]. M., 2002. S. 212.
2. Bazhanov E.P. O tendenciyah mezhdunarodnyh otnoshenij na poroge XXI stoletiya [On the tendencies of the international relations around the turn of the millennium]. M.: Nauchnaya kniga, 1999. S. 6.
3. Batalov EH.YA. Sovremennye global'nye trendy i novoe soznanie [Modern global trends and new consciousness] // Mezhdunarodnye processy: zhurnal teorii mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovoj politiki [International processes: Journal of the theory of international relations and world politics]. 2012, T.10, №1. Rezhim dostupa: http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm (data obrashcheniya: 07.08. 2018).
4. Bogaturov A.D. Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoj analiz [Modern world politics: applied analysis] / otv. red. A.D. Bogaturov. M: Aspekt Press, 2009. S. 159.
5. Global'nye budushchie tendencii 2030: al'ternativnye miry. Kratkij obzor [Global future tendencies of 2030: alternative worlds. Short review]. Tashkent, 2013. S.3.
6. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya [Actors of modern world politics: development trends]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. - 2013. - № 3 (28). - S. 42.
7. Megatrendy: Osnovnye traektorii ehvolyucii mirovogo poryadka v XXI veke [Megatrends: The main trajectories of evolution of the world order in the 21st century]: Uchebnik / Pod red. T.A.

SHakleinoj, A.A. Bajkova. M.: ZAO «Izdatel'stvo Aspekt Press», 2013. S.7.

8. Nejsbit Dzh. Megatrendy [Megatrends]. M., AST:Ermak, 2003. S.9.

9. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii [Globalization: disturbing tendencies]. M.: Mysl', 2003. S.104.

10. Troickij M.A. Transatlanticheskij soyuz. Modernizaciya sistemy amerikano-evropejskogo partnerstva posle raspada bipolyarnosti. 1991-2004 [Transatlantic union. Modernization of the system of the American-European partnership after disintegration of bipolarity. 1991-2004]/ M.A. Troickij. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2004. S. 214.

11. Hantington S. Stolknovenie civilizacij [Collision of civilizations]. M.: Izdatel'stvo AST, 2015. Hantington S. Tret'ya volna. Demokratizaciya v konce XX veka. M.: ROSSPEHN, 2003.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: e.ant1507@yandex.ru

Antyukhova Ekaterina Andreevna – PhD (political sciences), Senior Lecturer in Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA, Russia. E-mail: e.ant1507@yandex.ru

УДК. 944.041.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ «МОНАРХИСТОВ» НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена группировке «монархистов», её взглядам и влиянию в революционной Ассамблее в 1789 г. Приверженная политическим свободам и гражданскому равенству эта «партия» добивалась, однако, компромисса с дворянством за счет серьезных ему уступок. «Монархисты» пытались остановить быстро развивавшуюся революцию путём создания олигархической верхней палаты парламента и сохранения первостепенной роли короны, получавшей право абсолютного вето на декреты депутатского корпуса. Провал этих планов означал не только потерю указанной группировкой её политического веса, но и вёл в близкой перспективе к превращению Франции из действительно конституционной монархии, по сути, в республику.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Конституционный комитет, Сенат, «монархисты», абсолютное вето короля.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-22-27

Одной из острейших задач, вставшей перед Францией конца Старого порядка, было сокращение огромного государственного долга. И в царствование Людовика XV и при его внуке Людовике XVI королевские министры вносили предложения, направленные на борьбу с этим злом. Но власть действовала по своему произволу, игнорируя мнения общественности. Отсюда - определение «министерский деспотизм», закрепившееся в оппозиционной публицистике [3, с.65,69; 4, с.53-54].

Со своей стороны, суверенные суды, прежде всегопарламенты, блокировали фискальные меры правительства, задевавшие интересы привилегированных, в том числе, их собственные. Активность судейских расширялась: они добивались обсуждения вопросов государственного устройства, передачи им части представительских функций и ограничения королевской власти [2, с.46-47]. В отличие от министерства парламенты энергично апеллировали к обществу и народу, а те считали их хранителями традиционной законности и защитниками от новых налогов.

Постепенно происходило осознание значительной частью населения несправедливости сословного строя и сеньориального режима. Этому способствовали, в частности, публикации: отчеты о громких судебных процессах обманутых простолюдинов против аферистов-дворян, крестьянских общин против самоуправства сеньоров [9, с. 45-47, 157-158; 20]. Население все шире вовлекалось в протестное движение.

С весны 1787г. по осень 1788г. функционировал возглавляемый парламентами широкий фронт антиабсолютистских сил, включавший большую часть дворян, зажиточные круги третьего сословия, народные категории. Его противодействие реформаторству министров оставляло властям мало возможностей для маневра. Попытки реорганизовать органы управления и суда вызвали сильное сопротивление, сопровождавшееся в нескольких городах вооруженными стычками. Стремление правительства опереться на совет нотаблей также не имело успеха. Пришлось объявить о формировании Генеральных штатов, чего и добивались оппозиционеры. Новые вызовы, связанные с количественным представительством третьего сословия в Ассамблее и порядком ее работы, выявили социальный эгоизм членов парламентов, представлявших в своем большинстве дворянство. Отказ от идеи поголовного голосования в Генеральных штатах, дававшей преимущество разночинцам, привел к быстрой потере влияния суверенных судов.

Осенью 1788 г. руководство оппозицией перешло к либеральной элите, к «патриотической партии». Именно эти силы сыграют ведущую роль в собравшихся Штатах, превращенных вскоре в Учредительное собрание. Их задачей станет утверждение конституционных принципов и проведение преобразований. Решая ее, они разобьются на ряд политических группировок, предлагавших разные варианты реформирования французских общества и государства.

В начале революционного процесса известной и влиятельной группировкой в Ассамблее являлись «монархисты». Имелись в виду не монархисты в обычном понимании слова- сторонники королевской власти (противников у нее на тот момент не было). Так называли политиков, желавших сохранить за короной больше прерогатив, чем другие сторонники перемен.

Лидером «монархистов» стал юрист Ж. Мунье [7; 15], приобретший общенациональную популярность благодаря собранию трех сословий в Визилле (Дофине) летом 1788 г., где разночинцы получили двойное представительство, чего потребовали также для Провинциальных и Генеральных штатов. Другой представитель группировки - П. Малуэ сделал чиновничью карьеру, заняв должность интенданта морского флота в Тулоне. Трофим Лалли-Толлендаль был сыном неудачливого командующего войсками в Индии в Семилетнюю войну, осужденного и казненного Людовиком XVиз- за сдачи в плен англичанам. Адвокат Никола Бергас обратил на себя внимание участием в судебной тяжбе против Бомарше [5, p. 342-351]. Граф С. Клермон-Тоннер также «не затерялся» среди депутатов Ассамблеи. Анализ политической платформы «монархистов» приводит к заключению, что они стремились к коренным изменениям в обществе: являлись противниками сословных перегородок в нем, негативно относились к корпорациям, отвергали партикуляризм провинций. Это объединение хотело видеть Францию централизованной и унифицированной, в которой не было бы места претенциозным и деструктивным судебно—административным институтам. Отсюда – критика Мунье «парламентских химер» [15, p.26].

«Монархисты» были привержены идеям Просвещения. Они выступали за равенство граждан перед законом. Свобода же стала главной ценностью их дискурса [16, p.12]. И лидер «монархистов», и Малуэ разработали свои варианты «Декларации прав». В результате три первых статьи, а также пункты о свободе печати и веротерпимости вошли в этот документ в редакции Мунье.

«Монархисты», как и другие «патриотические» силы Ассамблеи, соединяли в своих рядах либеральное дворянство и верхи третьего сословия. Но в отличие от большинства Собрания, добивавшегося компромисса между теми и другими на условиях разночинцев, они желали достичь консенсуса на основе взаимных уступок и равенства сторон. Отсюда – умеренность политической стратегии и тактическая осторожность. «Монархисты» ставили вопрос о выкупе крестьянами не только реальных (поземельных повинностей), но и личных. Мунье предлагал компенсацию даже за менморт (архаичное ограничение права наследования) [14, p. 31]. Показательно, что граф Лалли-Толлендаль считал правомерным сохранение почетных прерогатив дворянства. Его единомышленники надеялись на постепенный и добровольный отказ второго сословия от привилегий. Малуэ оговаривал, что «общины» должны торжественно обещать уважать эти права и только тогда требовать введения поголовного голосования в Генеральных штатах [18, p. 56-57].

Группировка преобладала в главном комитете Ассамблеи-Конституционном. Здесь она располагала пятью голосами из восьми.Мунье, Лалли-Толлендаля, Бергаса и Клермон- Тоннера в этой структуре поддерживал также бордоский архиепископ Шампьон де Сисе. Недовольство быстрыми темпами революции, соскальзыванием Учредительного собрания на радикальные позиции побуждало «монархистов» использовать свое влияние, чтобы предложить принципиальные изменения в едва начавшую складываться систему управления страной.Их тревожили манифестации в городах и крестьянские «жакерии» в сельской местности. Особенно возмущали методы, к которым прибегали «революционные толпы»: самочинные суды и кровавые расправы. Они решительно и резко протестовали против убийств, совершенных разгоряченными участниками волнений. Мунье потребовал немедленного создания специального трибунала, который судил бы за подобные преступления [15, p. 100-102].

Со своей стороны, парижские революционные активисты сразу же невзлюбили эту политическую силу. Если Неккер, Мирабо, Лафайет и Барнав в разное время находились в фаворе у населения столицы, то к «монархистам» оно изначально испытывало неприязнь. Показательно: еще весной 1789г. Малуэ

оценивался «патриотической» общественностью как контрреволюционер [18, p.58], а во время дебатов в Ассамблее о порядке ее работы один из зрителей схватил его в гневе за шиворот [15, p.68].

Сдержать движение низов, не допустить «дрейфа» Собрания «влево», установить умеренную политическую конструкцию- вот что двигало Мунье и его соратниками, сформулировавшими к концу августа свои практические соображения. Они добивались права абсолютного вето на декреты законодателей и одновременно создания верхней палаты представительного органа, которая наряду с монархом могла бы блокировать при необходимости решения нижней.

Ход политической борьбы во многом диктовал время обнародования важных предложений. Лалли-Толлендаль сделал соответствующий доклад от имени Конституционного комитета, в котором доказывались правомерность абсолютного вето короля и существования двухпалатного парламента. Эти идеи были не скороспелыми, а, напротив, выношенными. В качестве истока и примера использовалась английская модель. Политическая система соседней страны с разделением властей и свободами привлекала французских законодателей. При этом они руководствовались не абстрактным подходом, а стремлением приспособить британский опыт к реалиям своего государства. Если в Англии корона применила право вето в последний раз в 1707 г., то французские «монархисты» считали, что оно станет действенным орудием венценосца в его сопротивлении радикальным порывам Учредительного собрания. Предполагаемая же верхняя палата французского парламента – Сенат- должна была, по их замыслу, отличаться от британских лордов. И те включали в свой состав не одну только знать. Но речь шла о кастовом органе, отстаивавшем чаяния английской аристократии [1, с. 12], тогда как французский Сенат собирались создавать на внесословной основе. Его члены рекрутировались сугубо из крупных землевладельцев как знатного, так и простого происхождения. Именно им, привязанным к своему землевладению, было что терять от «несчастий Родины».

В Сенат могли попасть только зрелые люди от 35 лет и старше, получавшие ежегодный доход с земли не менее 10 тыс. ливров [15, p. 22]. Он носил бы консервативный характер и по принципам своего формирования, и по продолжительности мандата сенаторов. Те сохраняли статус пожизненно, без переизбрания, но не передавали его по наследству, как английские лорды. А каким же образом они обретали сенаторское кресло? Мунье полагал, что их должны избирать провинциальные ассамблеи. По Малуэ, они непосредственно назначались монархом, что, конечно, увеличивало его полномочия [19, p. 49]. Лалли-Толлендаль выступил с компромиссным вариантом: провинциальные собрания выдвинут кандидатов из своей среды, акороль произведет выбор среди них [6, с.387].

Идея бикамерализма, представленная «монархистами», не нашла серьезной поддержки у депутатов. Традиционалисты из дворян и духовенства хотели восстановления прежних Генеральных штатов с разделением палат строго по сословному принципу. Внедрение в политическую систему внесословного Сената с включением соответствующей статьи в Конституцию ставило крест на этих ретроградных мечтаниях. Для большей части законодателей, для реформаторов предложенные новации означали движение вспять к Старому порядку, к сословному строю и потому были неприемлемыми. Видный деятель Собрания Ж.- Г. Туре подчеркивал ненужность парламента из двух или трех палат: ведь теперь не возникала необходимость «разрешать сословно- классовые противоречия ввиду отсутствия самих сословий» [13, p. 581]. Идея учреждения верхней палаты была близка Лафайету, но в его версии она напоминала американский Сенат. То был избираемый, а не назначаемый сверху институт с полномочиями, ограниченными шестилетним сроком. Планы организации элитарной палаты провалились в ходе голосования в Ассамблее 10 сентября. 849 депутатов проголосовали против них, 89 - «за» при122 воздержавшихся. Вопрос о двухпалатном парламенте не вызвал тревоги во французском обществе, в том числе, и среди парижан.

Другой вопрос, поднятый «монархистами», - право короля накладывать абсолютное вето на декреты Ассамблеи- оказался

куда более животрепещущим. Столичные революционеры ответили на демарш Мунье и его окружения протестами. Еще накануне в Пале-Руаяле собрались недовольные и началась манифестация. В адрес Собрания поступали также анонимные письма с угрозами.

Парижские радикалы полагали возможной поддержку парламентом абсолютного вето. Они насчитали в нем около 400 сторонников такой меры и были не очень далеки от истины. С «партией» Мунье смыкались здесь «крайне правые» - приверженцы традиционной монархии. За абсолютное вето высказался и один из лидеров Конституанты- граф Мирабо. Многие депутаты склонялись к отлагательному вето, позволявшему отсрочить введение принятого парламентариями решения на время действия двух ассамблей (4 года).

Впрочем, сами «монархисты» трактовали взаимодействие короны и представительного органа не одинаково. По Мунье, законодательная инициатива принадлежала Собранию: оно предлагало декреты и налоги, а король их утверждал или нет. Иную последовательность выстраивал Малуэ: инициативой владел монарх, его аппарат готовил проекты законов и фискальные меры, а Ассамблея путем голосования высказывалась за или против [15, p. 122; 18, p. 79-80].

Взаимосвязанной с проблемой королевского вето являлась другая: будет депутатский корпус заседать постоянно или собираться периодически? Лидеры «монархистов» вместе с «крайне правыми» тяготели ко второму решению, что ослабляло позиции парламента. При соединении вышеуказанного варианта Малуэ с периодичностью заседаний Ассамблеи она превращалась в подчиненный, вспомогательный, совещательный орган.

Но этого не случилось. Еще 9 сентября Учредительное собрание проголосовало за постоянное функционирование законодательного корпуса. Оно также намеревалось передать депутатам регламентирование их деятельности, созыва и окончания работы.

Ассамблея должна была следовать принципу разделения властей, прописанному в 16-ой статье «Декларации прав человека и гражданина». Право главы исполнительной власти одобрять решения законодателей содержалось и в английской политической традиции, и в американской Конституции 1787 г. Но парламентарии исходили, прежде всего, из французской действительности. Депутатский корпус «приобрел самую мощную силу своим постоянством, ее необходимо умерить при помощи вето» [10, p.581],-подчеркивал уже упоминавшийсяТуре. «Декрет становится законом только по королевской санкции»[11,p.219], - вторил ему Тарже. При этом большинство депутатов допускало лишь возможность отсрочивающего вето. «Может ли она (королевская санкция- С. Б.) быть абсолютной?.. только относительной» [11, p. 101], - полагал Тронше. Подобное вето могло заблокировать решение Ассамблеи лишь на четыре года. К тому же далеко не все акты Собрания подпадали под действие вето. Оно не распространялось на конституционные законы. Оно не имело отношения к избирательным вопросам, не касалось внутреннего распорядка работы парламента, не затрагивало судебной ответственности министров.

Предпочтения окончательно выявились 11 сентября, когда вопрос поставили на голосование. С необходимостью королевской санкции согласились 730 депутатов против143 при 76 воздержавшихся. Затем 673 парламентария выступили за отсрочивающее вето, а 325- за абсолютное при 11 воздержавшихся. Таким образом, определилось поражение «монархистов» и провал их планов. Голосование имело большое значение для хода революции. Показательно, что именно в связи с ним депутаты –сторонники абсолютного вето - стали рассаживаться по правую руку от председателя Ассамблеи, а их противники- по левую. Отсюда – понятия «правые» и «левые», закрепившиеся в политическом лексиконе до наших дней [8].

Дальнейшее больше напоминало современную демократическую практику,нежели реалии конца XVIII в. Уже на следующий день, 12 сентября Мунье, Лалли-Толлендаль, Клермон-Тоннер, Бергас и Шампьон деСисе покинули Конституционный комитет, а на их места пришли Туре, Тарже, Тронше, Деменье,а также Рабо де Сент-Этьен. Представители нового состава считали законодателей «главнее всех» [12, p. 485], но все же оставляли королю определенные рычаги управления. То был «комитет Туре» [17, p. 117], где преобладали политики, занимавшие срединное положение в рамках левого большинства

парламента и потому названные сегодня «левым центром».

Влияние же «монархистов» ослабевало постепенно. С 12 сентября Клермон-Тоннер и Мунье поочередно становились председателями Ассамблеи. Но поход на Версаль 5-6 октября и его ближайшие последствия окончательно перечеркнули планы группировки сохранить за короной первостепенную роль в государстве. Людовик XVI был водворен с семьей в столицу, где сделался заложником главной действующей силы революции – парижской толпы.

Список литературы

1.Айзенштат М.П. Западноевропейский парламентаризм XVIII – XIXвв.: этапы становления и развития. М., 2001.

2.Берго И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1766 годах//Французская революция XVIIIвека: экономика, политика, идеология. М., 1988.

3.Блуменау С.Ф. Политические сочинения кануна Великой Французской революции// Новая и новейшая история, 2013, №5.

4.Блуменау С.Ф. Учредительное собрание Французской революции XVIIIв. и исполнительная власть// Вопросы истории, 2017, №4.

5.Де Кастр Р. Бомарше. М., 2003.

6.Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга 1. М., 1976.

7.Сергиенко В.Ю. Жан-Жозеф Мунье (1758-1806) – идеолог конституционного монархизма в годы Французской революции// Новая и новейшая история, 2008, №3.

8.Сергиенко В.Ю. Когда появились «правые» и «левые». У истоков политической традиции// Новая и новейшая история, 2007, №4.

9.Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.

10.Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P.,1875.

11.Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.IX.P.,1877.

12.Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série.T.XII.P.,1881.

13.Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.XXIV.P.,1886.

14.Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

15.Egret J. La Révolution des Notables : Mounier et les Monarchiens. P., 1989.

16.Furet F. Introduction // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

17.Furet F.et Richet D. La Révolution française. P.,1973.

18.Griffiths R. Le centre perdu : Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.

19.Griffiths R. Le monarchienisme et la monarchie limité// Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

20.Maza S. Le tribunal de la Nation : Les memoires judiciaires et l` opinion publique à la fin de l'Ancien Régime// Annales.Ėconomies.Sociétés.Civilisations, 1987, №1.

THE PROBLEM OF POWER IN THE POLITICAL PRACTICES OF THE «MONARCHISTS» AT THE BEGINNING OF THE FRENCH REVOLUTION

The article deals with the group of “monarchists”, their convictions and influence in the revolutionary Assembly in 1789. Though committed to the political freedoms and social equality, this “party” strove for a compromise with the nobility by means of serious concessions to them. The “monarchists” tried to stop the quickly developing Revolution through creating an oligarchic upper chamber of the parliament and saving the leading role of the Crown which was to get the absolute veto right over the decrees of the deputy corps. The failure of these plans meant the loss of the political weight of the above mentioned group and, more importantly, led to transforming France in the short run from a real constitutional monarchy into a republic.

Keywords: Constituent Assembly, Constitutional Committee, Senate, «monarchists», absolute veto of the King.

References

1. Ayzenshtat M.P. Zapadnoevropeyskiy parlamentarizm XVIII – XIX vv.: etapy stanovleniy ai razvitiya. M., 2001.

2. Bergo I. B. Parlamentskaya oppozitsia absolyutizmu i popytki reform v 1749-1766 godakh //Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka: ekonomika, politika, ideologiya. M., 1988.

3. BlumenauS.F Politicheskie sochineniya kanuna Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii // Novaya i noveyshay aistoriya, 2013, №5.

4. Blumenau S.F. Uchreditel'noe sobranie Frantsuzskoy revolyutsii XVIII v. i ispolnitel'naya vlast'// Voprosy istorii, 2017, №4.

5. De Kastr R. Bomarshe. M., 2003.

6. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii. T.1. Kniga 1.M., 1976.

7. SergienkoV.Yu. Zhan-Zhozef Mun'ye (1758-1806)–ideology konstitutsionnogo monarkhizma v gody Frantsuzskoy revolyutsii // Novaya i noveyshaya istoriya, 2008, №3.

8. SergienkoV.Yu. Kogda poyavilis' «pravye» i «levye». U istokov politicheskoy traditsii // Novaya i noveyshaya istoriya, 2007, №4.

9. Shart'ye R. Kul'turnye istoki Frantsuzskoy revolyutsii. M., 2001.

10. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P.,1875.

11. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.IX.P.,1877.

12. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série.T.XII.P.,1881.

13. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.XXIV.P.,1886.

14. Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

15. Egret J. La Révolution des Notables : Mounier et les Monarchiens. P., 1989.

16. Furet F. Introduction // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

17. Furet F.et Richet D. La Révolution française. P.,1973.

18. Griffiths R. Le centre perdu : Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.

19. Griffiths R. Le monarchienisme et la monarchie limité// Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.

20. Maza S. Le tribunal de la Nation : Les memoires judiciaires et l` opinion publique à la fin de l'Ancien Régime// Annales.Ėconomies.Sociétés.Civilisations, 1987, №1.

Об авторе

Блуменау Семён Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich – Doctor of History, professor at the chair of world history, international relations and international law, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru

УДК 94:331.1(47+57)

Гильминтинов Р.Р., соискатель, Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет (Россия).

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТПРОФОВ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

В статье анализируются особенности формирования и функционирования Комиссий по истории профессионального движения (Истпрофов) в структуре советских профсоюзов 1920-х гг. Делается акцент на вариативности форм организации отдельных комиссий и их относительной независимости от центра. Создание центрального Истпрофа при ВЦСПС в 1921-1922 гг. было связано с определенными организационными и кадровыми трудностями. При этом в отдельных профсоюзах (например, в Союзе рабочих железнодорожного транспорта и в Союзе рабочих-сахарников) историческая работа была налажена уже в самом начале 1921 г. При Петроградском совете профсоюзов в 1921-1924 гг. вместо Истпрофа действовала Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, в которую входили такие известные историки «старой школы» как С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и А.Е. Пресняков. Истпроф при ВЦСПС не столько руководил работой различных исторических комиссий в структуре профсоюзов, сколько координировал ее. В отличие от партийной историографии, профсоюзные исторические комиссии представляли собой децентрализованную структуру.

Ключевые слова: Истпрофы, историография, советские профсоюзы, В.П. Гриневич, Ю.К. Милонов, Ученая комиссия по исследованию истории труда в России.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-28-36

Октябрьская революция принесла с собой глубокие перемены во все стороны политической, общественной и культурной жизни страны. Историческая наука не стала исключением. В течение первых послереволюционных десятилетий новая власть активно экспериментировала в этой области. С одной стороны, возникали новые исследовательские направления, которым почти не уделялось внимания в дореволюционной историографии. С другой стороны, изменилась сама организация исторической науки. Профессиональные историки из Академии наук и классических университетов потеряли монополию на производство знания о прошлом. В 1920-е гг. создаются крупные исторические центры за пределами академических институтов. Самые известные из них Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)), Истпрофы (Комиссии по истории профессионального движения), Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков. Эти центры взаимодействовали в разных формах с профессиональными историками, архивистами, археографами и библиографами, однако их штаты в основном состояли из рядовых партийцев, профсоюзных работников, комсомольцев.

По объективным причинам наибольшего внимания отечественных и зарубежных исследователей удостоился Истпарт. В литературе советского периода эта партийная комиссия хотя и подвергалась осторожной критике за непрофессионализм и «перегибы» [36], но рассматривалась как передовой центр, в котором складывалась новая марксистская историческая наука и велась борьба со старой «буржуазной» историографией [1, 2, 13, 28]. В зарубежной литературе, а также в отечественных работах постсоветского периода Истпарт снова оказывается в центре внимания из-за его важной роли в формировании идеологии Советского государства [12, 37, 38, 39, 40]. Истпрофы, в свою очередь, почти полностью обойдены вниманием исследователей. Есть лишь несколько статей, которые посвящены отдельным Истпрофам и отдельным направлениям их работы [14, 20, 29, 34, 35]. Профсоюзные комиссии действительно не имели такого большого влияния как Истпарт, а их подходы никогда открыто не шли вразрез с «линией партии». Однако почти за десять лет своего существования Истпрофы проделали большую работу по сбору, обработке и публикации архивных и мемуарных материалов, издали немало монографий, сборников и брошюр, а также активно участвовали в популяризации исторического знания среди членов профсоюзов. Более того, Истпрофы достойны пристального внимания исследователей, потому что

они представляли собой альтернативу жесткой централизации исторических исследований, к которой стремилось партийное руководство в 1920-е гг. Целью данной статьи является анализ институциональной структуры профсоюзных исторических комиссий.

В основе данной статьи лежат общенаучные методы анализа и синтеза, а также принцип объективности в работе с историческими источниками. Автором были также использованы сравнительный и типологический методы для исследования работы отдельных исторических комиссий и понимания общей картины профсоюзного историописания. Кроме того, системный подход позволил рассматривать Истпрофы в широком контексте политической и интеллектуальной истории Советского Союза 1920-х гг.

Пятая всероссийская конференция профсоюзов 3-7 ноября 1920 г. вошла в историю как отправная точка «дискуссии о профсоюзах», приведшей к глубокому партийному расколу. Перед самым закрытием конференции М.П. Томский выступил с коротким объявлением о том, что в рамках ВЦСПС создается Комиссия по изучению истории Российского профессионального движения, и призвал все профсоветы и ЦК союзов содействовать ее работе [22, С. 177–178].

Первое заседание комиссии, однако, состоялось значительно позднее — только 29 апреля 1921 г. В первый состав комиссии вошли такие крупные фигуры профсоюзного движения как С.А. Лозовский, Д.Б. Рязанов, писатель В.М. Бахметьев, который в начале 1920-х гг. работал в редакционно-издательском отделе ВЦСПС. Д.Б. Рязанов был назначен заведующим комиссией. На заседании было принято решение о штатах комиссии и положение. В качестве постоянного ответственного сотрудника было решено привлечь В.П. Гриневича [8, Л. 1.]. В.П. Гриневич был одной из ключевых фигур российского профдвижения с самых его истоков. В момент революционного подъема 1905 г. он был одним их организаторов Петербургских профсоюзов, возглавлял первое столичное межсоюзное объединение — Центральное бюро профсоюзов в 1905-1906 гг., и некоторое время в 1917 г. был председателем ВЦСПС. Будучи убежденным меньшевиком и близким другом Ю.О. Мартова, Гриневич последовательно отстаивал идею о независимости профсоюзов, выступал против насильственного захвата власти Советами, продолжая держаться своей линии вплоть до 1919 г., когда его окончательно оттеснили от профсоюзной работы [17, С. 94-116]. Ни у Д.Б. Рязанова, ни у В.М. Бахметьева, ни уж тем более С.А. Лозовского не было времени заниматься непосредственной разработкой исторических материалов, поэтому В.П. Гриневич работал почти только лишь со студентами-практикантами из профшкол, которые (как он впоследствии жаловался в отчете) были «молодыми людьми абсолютно без всякой подготовки и без какого бы то ни было профессионального стажа» и которые все время отвлекались на свои экзамены [8, Л. 5]. В.П. Гриневич практически в одиночку собирал и обрабатывал материал, занимался составлением планов, циркуляров для местных Истпрофов, однако для принятия принципиальных решений требовалось собрание всей комиссии, члены которой не могли найти на это времени [8, Л. 5 об.].

Почему большевистское руководство ВЦСПС фактически отдало на откуп историческую работу своему еще совсем недавнему политическому противнику? С одной стороны, можно предположить, что опального В.П. Гриневича в Истпроф привлек Д.Б. Рязанов, который был известен своей правозащитной деятельностью. В течение всех 1920-х гг. он оказывал протекцию попавшим под репрессии ЧК и ГПУ меньшевикам и эсерам [23, С. 367]. С другой стороны, в начале 1920-х гг. большевикам явно не хватало квалифицированных и лояльных кадров. Сыграл роль опыт В.П. Гриневича: он был не только активным деятелем профсоюзного движения, но и одним из первых его историков. По горячим следам революционных событий 1905-1907 гг. он опубликовал обстоятельный труд «Профессиональное движение рабочих в России», который трижды переиздавался уже в 1920-е гг. [9] и включался во все библиографии по профессиональному движению. Помимо этого, В.П. Гриневич был не только историком, но и своего рода «источником» для истории профессионального движения: в его личном архиве сохранились уникальные документы, например, материалы Третьей конференции профсоюзов (3-11

июля 1917 г.), которые он передал в архив Истпрофа и которые впоследствии были использованы в издании стенограммы конференции [7, Л. 5-7]. В ноябре 1921 г. В.П. Гриневич покинул Россию – он получил работу в советском торговом представительстве в Берлине. Возможно, сыграли роль усиливавшиеся преследования меньшевиков и эсеров со стороны ГПУ в это время, и В.П. Гриневич решил, что работать за границей ему будет безопаснее.

В заявлении, которое он оставил в президиуме ВЦСПС, В.П. Гриневич предлагал ряд мер для оживления работы Истпрофа. Среди прочего, он рекомендовал составить комиссию из активных работников, знакомых с профдвижением и «владеющих пером», а самое главное, свободных от других работ [7, Л. 4]. Хотя никто из предложенных В.П. Гриневичем товарищей во второй состав Истпрофа включен не был, сам принцип был воплощен: для исторических работ из профсоюзной среды были выделены люди, не занимавшие таких ответственных постов, как Д.Б. Рязанов или С.А. Лозовский. С начала 1922 г. и вплоть до упразднения комиссии в 1930 г. Истпрофом фактически руководит Юрий Константинович Милонов (1895-1980) – молодой, но уже со значительным партийным стажем большевик, переведенный в Москву из Самары. Он родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника, из-за службы которого семья часто переезжала. Начатое в Санкт-Петербурге гимназическое образование Ю.К. Милонов закончил в Самаре в 1915 г. В 1912 г. вступил в партию большевиков. После окончания гимназии Ю.К. Милонов поступил на юридический факультет Московского университета, но проучился там только один год, вернулся в Самару для продолжения партийной работы. Несколько раз подвергался недолгим арестам и ссылкам. После установления советской власти в Самаре занимал важные посты – комиссара труда, председателя губернского комитета партии, в 1919 г. возглавил Самарский губернский совет профсоюзов. В ходе партийной дискуссии о профсоюзах Ю.К. Милонов находился на позициях «рабочей оппозиции», но в Самаре, в отличие от других городов, эта платформа получила поддержку большинства партийцев в губкоме. Ю.К. Милонов был отозван в Москву для работы в ВЦСПС после принятия на X съезде ленинских резолюций «О роли и задачах профсоюзов» и «О единстве партии», что, вероятнее всего, было вызвано стремлением ЦК ослабить позиции «рабочей оппозиции» в Самаре. Другие члены нового состава комиссии Истпрофа при ВЦСПС были рядовыми профсоюзными работниками. А.С. Кац, С.Я. Рапопорт, М.Н. Заяц, Р.М. Якуб, Г.А. Либстер – мы почти ничего не знаем об этих людях.

Ю.К. Милонов в ходе дискуссии о профсоюзах был одним из сторонников «рабочей оппозиции», активно спорил с М.П. Томским и Д.Б. Рязановым на X съезде РКП(б) [10. С. 84-87], но он, в отличие от меньшевика Гриневича, был вне всяких сомнений «своим» для большевистского ВЦСПС. Поэтому, хотя Д.Б. Рязанов формально остался заведующим Истпрофом, все решения стали приниматься без его участия, что позволило активизировать работу комиссии.

В августе 1921 г. в Бюллетене ВЦСПС появился призыв к центральным комитетам и губернским советам профсоюзов уделить «серьезное и должное внимание изучению истории профдвижения и собиранию его материалов». Из шести пунктов, которым в этой деятельности профорганизации должны были следовать, четыре были посвящены не работе как таковой, а иерархии и соподчинению комиссий друг другу. Истпроф при ВЦСПС получал статус центрального и руководящего органа, который разрабатывает и утверждает программы работ, методы собирания материалов, инструкции по хранению; во избежание параллелизма в работе все профорганы обязаны были координировать свои действия с Истпрофом при ВЦСПС и присылать по 2 экземпляра всех своих печатных изданий [5. С. 20]. Такие формулировки призыва центрального Истпрофа показывают, что он не столько инициировал создание единой сети исторических комиссий, сколько пытался унифицировать уже существующие начинания.

В пользу такой интерпретации говорит также тот факт, что на фоне организационных трудностей Истпрофа при ВЦСПС, которые были описаны выше, некоторые другие

профорганизации развернули активную деятельность уже в 1921 г. К 1923 г., когда вышли самые первые издания Истпрофа при ВЦСПС (два выпуска систематического указателя литературы по профессиональному движению [24, 25]), уже были опубликованы сборники материалов Комиссии по истории профессионального движения на транспорте (Истпрофтран) [11] и Комиссии по изучению рабочего вопроса в сахарной промышленности [18]. Причем если сборник железнодорожников имел скорее «агитационное значение» [19, С. 3] (в нем было помещено лишь несколько кратких очерков и циркулярные письма от Истпрофтрана его местным уполномоченным), то сборник сахарников был значительным по объему и включал в себя статьи о истории союза, развитии сахарной промышленности и техники производства.

Однако Истпрофы, возникшие в позднейшее время, также были организованы не одинаково. В большинстве профсоюзных организаций для исторических работ выделяли людей из своих же штатов. Однако были и исключения. Например, Союз работников связи привлек для обработки своих исторических материалов молодого историка Константина Васильевича Базилевича (1892-1950 гг.). Потомственный военный, К.В. Базилевич закончил Михайловское артиллерийское училище в 1913 г., участвовал в Первой мировой войне, а в 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. В 1922 г. К.В. Базилевич закончил историческое отделение факультета общественных наук Московского университета и начал работать научным сотрудником в Историческом музее и Институте связи. Основные темы исследований, которые К.В. Базилевич развивал в 1920-1940-е гг. — это складывание русского централизованного государства, история общественных движений в XVII веке и военная история [3, 15, 16]. Видимо, работая в Институте связи, К.В. Базилевич познакомился с активистами профсоюза и получил приглашение сотрудничать с Истпрофом. При этом, К.В. Базилевич приглашался для так называемой «литературной» работы — то есть он не занимался сбором и обработкой материалов, а писал историю союза, опираясь на уже подготовленные Истпрофом источники. В Истпроф Союза связи входили представители действующего ЦК, а также активные деятели профессионального движения периода революции 1905-1907 гг. Коллектив за короткий срок сумел собрать большой объем воспоминаний и архивных материалов [4, С. 10-11]. Сам же К.В. Базилевич не входил в состав комиссии Истпрофа, а был внешним, хоть и очень важным сотрудником.

Особенно ярко вариативность форм инкорпорации историописания в структуру профсоюзов проявилась в Ленинградском губернском совете профсоюзов (ЛГСПС), где Истпроф не был единственной исторической комиссией: в 1921-1925 гг. при нем работала Ученая комиссия по исследованию истории труда в России, за этот короткий срок ставшая достаточно известной в научной среде. В состав комиссии входили такие известные историки как С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и А.Е. Пресняков, экономист И.М. Кулишер. При этом зависимость комиссии от своего руководства – Ленинградского совета профсоюзов – была очень условной, что заметно уже по самому набору сохранившихся в архиве документов. Единственное дело, полностью наполненное документами Комиссии по истории труда, достаточно объемное, но содержит только бухгалтерскую отчетность и относится только ко второму полугодию 1921 г. [33] Остальные материалы комиссии разбросаны по делам президиума, издательства и культотдела совета. Среди них нет отчетов о работе, никаких следов переписки между комиссией и ее профсоюзным руководством; единственное отразившееся в документах участие культотдела в работе комиссии заключалось в том, что в одном из ее заседаний принимал участие его представитель В.М. Черкасов, но и его появление было связано не с задачей контроля, а с тем, что он выразил желание «принять участие в архивных работах комиссии» [31, Л. 61]. О неформальном положении комиссии в структуре профсоюзов говорит и тот факт, что основной уставной документ, положение о ее работе, был принят только спустя полгода после начала ее занятий [31, Л. 67] и был опубликован только во втором номере журнала комиссии «Архив истории труда в России». Согласно этому документу, комиссия пользовалась большой автономией, планируя свои работы, вступая по своему усмотрению в контакт с другими

учреждениями, также она самостоятельно избирала из своей среды председателя и его заместителя (управляющего делами), членов редакционной коллегии журнала, а также назначала штатных, т.е. получающих оклад, и временных – оплачиваемых сдельно, сотрудников [21]. Перемены в личном составе комиссии должны были производиться по соглашению Петроградским советом профсоюзов, и соглашения вполне вероятно имели место, однако производились вне официального делопроизводства.

Комиссия по истории труда была основана в Петрограде в самом начале 1921 г., еще до того, как ВЦСПС начал рассылать по губерниям подробные циркуляры с инструкциями по организации Истпрофов. И хотя устройство Комиссии по истории труда разительно отличалось от того, что ожидали от местных комиссий в ВЦСПС, она первоначально воспринималась как вполне достойная замена Истпрофу. Лишь в январе 1923 г. в Петроград был направлен сотрудник Истпрофа при ВЦСПС Лившиц для установления контакта с Комиссией по истории труда. Лившиц докладывал: «С Комиссией по истории труда удалось установить контакт. Она занимается изучением истории труда и попутно лишь некоторыми сторонами профдвижения. Эта комиссия не может заменить несуществующего Истпрофа при Петроградском совете профсоюзов. Она занимается разработкой официальных архивов, а к союзным даже не прикасается, это объясняется тем, что она углубилась в древность, когда союзов не было» [6. Л. 1].

В Москве рассматривали профсоюзные исторические комиссии в том числе как способ выполнить очень важную в практическом отношении работу – разобрать хранившиеся в полном беспорядке союзные архивы. История труда была, конечно, идеологически близкой профсоюзам темой исследований, но практических задач она не решала. Поэтому члены Истпрофа при ВЦСПС приняли решение обратиться в Президиум Ленинградского совета профсоюзов с предложением выделить несколько ответственных работников для обработки архивов. Истпроф при ЛГСПС начинает работать спустя год, в январе 1924 г. [30, Л. 1] Документы Ленинградского Истпрофа собраны в отдельные описи и дела и отражают его глубокую включенность в структуру профсоюзов. Они намного более подробно описывают работу комиссии, включают большее разнообразие жанров делопроизводства. Истпроф включен в иерархию подразделений ЛГСПС, он существует не «при», а явным образом «в» культурно-просветительном отделе. Об этом свидетельствует то, что в своих докладах президиуму руководитель отдела отчитывается о работе Истпрофа так же, как и о подготовке работников и профпропаганде, клубной работе и физкультуре [32, Л. 32]. В отличие от Комиссии по истории труда, которая предлагала заказчикам своих услуг только эфемерные «руководящие нити для будущего» [26, С. 8], исследуя, например, крестьянский труд в XVII веке, Истпроф был вовлечен в повседневную работу ЛГСПС: упорядочивал архивы совета и отдельных союзов, занимался просвещением рабочих, организовывал музеи, писал об истории самих организаций.

В апреле 1930 г. сеть Истпрофов была ликвидирована, а материалы и часть сотрудников перешли в ведение Коммунистической академии и ее местных отделений. В ходе «разгрома» истпрофовской историографии профессионального движения, организованной Обществом историков-марксистов при Коммунистической академии и Высшей школой профдвижения ВЦСПС, истпрофработникам в вину ставилось, прежде всего «примиренческое отношение к меньшевистским работам» [27, С. 5-6].

Ликвидация Истпрофов была частью более широкого процесса против «правого уклона» в партии, одним из лидеров которой был на тот момент уже бывший руководитель ВЦСПС М.П. Томский. Е.А. Мильштейн в своем докладе «О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР» напрямую связывал «меньшевистствующую» деятельность Истпрофов с «правооппортунистическим уклоном» бывшего руководства профсоюзов. В изданиях Истпрофов публиковались меньшевики В.П. Гриневич, П.Н. Колокольников, сторонник независимости профсоюзов Ю.Б. Крезель, а в истпрофовских библиографических указателях меньшевистская литература рекомендовалась в качестве пособий по профессиональ-

ному движению. Мильштейн проводил параллели между ошибками М.П. Томского и истпрофовской литературой и приходил к выводу, что неправильная историография профессионального движения является прямым результатом политических ошибок руководства профсоюзов [27, С. 7].

Подводя итог можно заметить, что профсоюзная историография на раннем этапе советской истории развивалась по пути децентрализации. Истпрофы представляли собой альтернативу строгой иерархии формировавшегося в 1920-е гг. канона партийной историографии. Почти одновременно с закрытием Истпрофов был организован процесс против историков Академии наук, в результате которого этот институт потерял свою независимость от партии, а многие исследователи были репрессированы. Тогда же институты Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) были включены в структуру Коммунистической академии. Партийное руководство резко сужало диапазон допустимого в политике, науке и культуре.

Список литературы

1. Алаторцева А. И. Советская историческая периодика, 1917 - середина 1930-х годов. М.: Наука, 1989. 251 с.

2. Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.). М.: Наука, 1968. 300 с.

3. Базанов М.А. Дискуссия о процессе образования Русского централизованного государства (1946 г.): О рецепции дореволюционных исследовательских стратегий советской историографией // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 334-345.

4. Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи: 1905-1906. М.: ЦК Союза связи, 1925. 616 с.

5. Бюллетень ВЦСПС. 1921. № 22.

6. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 1. Д. 11.

7. ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 9.

8. ГАРФ. Ф. 6935. Оп. 1. Д. 2.

9. Гриневич В.П. Профессиональное движение рабочих в России. СПб.: кн. маг. "Наша жизнь", 1908. 287 с.

10. Десятый съезд РКП(б). (Март 1921 г.): Протоколы. М.: Парт. изд-во, 1933. 954 с.

11. Железнодорожники в 1905 г.: Очерки из истории Союза. М.: Лит.-изд. отд. ЦК Союза, 1922. 32 с.

12. Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП (б)-ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920е годы. Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. 538 с.

13. Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов 1917-1929). М.: Мысль, 1968. 197 с.

14. Игнатенко Т.А. Истпрофы и их роль в советской историографии профессионального рабочего движения // Исторические записки. 1979. Т. 104. С. 240-267.

15. Исторические работы К. В. Базилевича. // Вопросы истории. 1950. №7. С. 169-75.

16. К.В. Базилевич (Некролог) // Вопросы истории. 1950. №3. С. 156-157.

17. Носач В.И., Зверева Н.Д. Сталинизм и разгром авангарда профсоюзов. М.: Федерация Независимых Профсоюзов России, Акад. труда и социальных отношений, 2009. 746 с.

18. Очерки и материалы по истории рабочего вопроса в сахарной промышленности. Киев: Истпроф ЦК сахарников, 1922. 192 с.

19. Очерки из истории Союза. Сб.2: 1917 год. М.: ЦК Всерос. союза рабочих ж.-д. транспорта, 1924. 174 с.

20. Панфилова А.М. Советские профсоюзы в историографии 1917-1930 гг. // Очерки по истории советского общества. М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. С 238-263.

21. Положение об Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. // Архив истории труда в России. 1921. №2. С. 156-157.

22. Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3-7 ноября 1920 г.):

стенографический отчет. М.: Б. и., 1921. 179 с.

23. Рокитянский Я.Г. Глас вопиющего. Академик Д.Б. Рязанов против сталинизации РКП (б) // Вестник РАН. 1995. №4. С. 365-376.

24. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. Вып.1: Профессиональное движение до революции 1917 г. М.: ВЦСПС, 1923. 64 с.

25. Систематический указатель литературы по профессиональному движению в России. Вып.2: Профессиональное движение в годы революции 1917-1922 гг. М.: ВЦСПС, 1923. 184 с.

26. Тарле Е.В. История труда и его значение. // Архив истории труда в России. 1921. №1. С. 6-10.

27. Тезисы доклада Е. Мильштейна "О положении на фронте истории профдвижения в России и СССР", утвержденные Высшей школой профдвижения и бюро секции истории пролетариата Общества историков-марксистов. // За марксистско-ленинскую историю профдвижения. М.: изд-во и тип. Профиздата, 1932. С. 5-17.

28. Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965. 255 с.

29. Филимонов А.В. Псковский Истпроф // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. №43. С. 5-11.

30. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6276. Оп. 9. Д. 53.

31. ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 46. Д. 1.

32. ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 49. Д. 1.

33. ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 16. Д. 216.

34. Шумилов А.И. Издания Истпартов, Истпрофов и Истмолов Сибири в 1920-1930-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №3. С.46-50.

35. Шумилов А.И. Создание сибирских истпрофов и их деятельность по изучению профсоюзного движения в 1905- 1920 гг. // Омский научный вестник. 2006. №8 (45). С. 22-27.

36. Яренгина В.П. Роль истпартовской периодики в освоении ленинской концепции истории партии. // Проблемы историографии, источниковедения истории КПСС. Под ред. Зевелева А.И. и др. М.: МГИАИ, 1988. С. 125-135.

37. Corney, F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 320 p.

38. Enteen, G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // Slavic Review 35. 1976. №1. P. 91–110.

39. Frankel, J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920-1938) // Slavic Review 25. 1966. №4. P. 563–603.

40. Holmes, L.E.; Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo?: Soviet Party History in the 1920s. // Russian History 9. 1982. №1. P. 378–98.

THE INSTITUTIONALISATION OF ISTPROFS WITHIN THE STRUCTURE OF SOVIET TRADE UNIONS

The article analyses some features of the process of forming and functioning of the Commissions on the history of the professional movement (Istprofs) within the structure of Soviet trade unions in the 1920s. The author highlights wide range of different forms of commissions' organization and high level of their independence from the center. Foundation of the central Istprof of VTsSPS in 1921-1922 was connected with some organizational difficulties. At the same time, some other unions (for example, the Union of railroad workers and the Union of workers of the sugar industry) succeeded to start their historical research as early as in the beginning of 1921. In Petrograd, there was another historical institution in 1921-1924 within the structure of trade union council: the Commission on the history of labor in Russia, which consisted of well-known professional historians such as S.F. Platonov, E.V. Tarle, and A.E. Presniakov. The central Istprof coordinated the work of various historical commissions within the structure of the trade unions rather directly controlled it. Unlike the party historiography, trade union historical commissions were decentralized structure.

Keywords: Istprofs, historiography, Soviet trade unions, V.P. Grinevich, Yu.K. Milonov, the Commission on the history of labor in Russia.

References

1. Alatortseva A. I. Sovetskaya istoricheskaya periodika, 1917 - seredina 1930-kh godov. [Soviet historical periodical press of 1917 – middle of the 1930s] M.: Nauka, 1989. 251 s.

2. Alekseeva G.D. Oktyabr'skaya revolyutsiya i istoricheskaya nauka v Rossii (1917-1923 gg.). [The October Revolution and historical science in Russia (1917-1923)] M.: Nauka, 1968. 300 s.

3. Bazanov M.A. Diskussiya o protsesse obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (1946 g.): O retseptsii dorevolyutsionnykh issledovatel'skikh strategiy sovetskoy istoriografiey [The discussion about the process of forming of the Russian centralized state (1946)] // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 51. S. 334-345.

4. Bazilevich K.V. Ocherki po istorii professional'nogo dvizheniya rabotnikov svyazi: 1905-1906. [The essays on history of the professional movement of the communication workers] M.: TSK Soyuza svyazi, 1925. 616 s.

5. Byulleten' VTSSPS. [The bulletin of the VTsSPS] 1921. № 22.

6. Gosudarstvennyy Arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). [The State Archive of the Russian Federation] F. 6935. Op. 1. D. 11.

7. GARF. F. 6935. Op. 1. D. 9.

8. GARF. F. 6935. Op. 1. D. 2.

9. Grinevich V.P. Professional'noe dvizhenie rabochikh v Rossii. [The professional movement of workers in Russia] SPb.: kn. mag. "Nasha zhizn'", 1908. 287 s.

10. Desyatyy s"ezd RKP(b). (Mart 1921 g.): Protokoly. [The tenth congress of the RCP(b): Record] M.: Part. izd-vo, 1933. 954 s.

11. ZHeleznodorozhniki v 1905 g.: Ocherki iz istorii Soyuza. [The railroaders in 1905] M.: Lit.-izd. otd. TSK Soyuza, 1922. 32 s.

12. Zelenov M.V. Apparat TSK RKP (b)-VKP (b), tsenzura i istoricheskaya nauka v 1920e gody. [The apparatus of the TsK RCP(b), censorship and historical science] N. Novgorod: Nizhpoligraf, 2000. 538 s.

13. Ivanova L. V. U istokov sovetskoy istoricheskoy nauki (podgotovka kadrov istorikov-marksistov 1917-1929). [At the origins of Soviet historical science (training of cadres of Marxist historians 1917-1929] M.: Mysl', 1968. 197 s.

14. Ignatenko T.A. Istprofy i ikh rol' v sovetskoy istoriografii professional'nogo rabochego dvizheniya [The Istprofs and their role in the Soviet historiography of the professional workers' movement] // Istoricheskie zapiski. 1979. T. 104. S. 240-267.

15. Istoricheskie raboty K. V. Bazilevicha. [Historical works of K.V. Bazilevich] // Voprosy istorii. 1950. №7. S. 169-75.

16. K.V. Bazilevich (Nekrolog) [K.V. Bazilevich. The obituary] // Voprosy istorii. 1950. №3. S. 156-157.

17. Nosach V.I., Zvereva N.D. Stalinizm i razgrom avangarda profsoyuzov. [Stalinism and the defeat of the vanguard of trade unions] M.: Federatsiya Nezavisimykh Profsoyuzov Rossii, Akad. truda i sotsial'nykh otnosheniy, 2009. 746 s.

18. Ocherki i materialy po istorii rabochego voprosa v sakharnoy promyshlennosti. [Essays and materials on the history of the workers' question in the sugar industry] Kiev: Istprof TSK sakharnikov, 1922. 192 s.

19. Ocherki iz istorii Soyuza. Sb.2: 1917 god. [The essays on the history of the union. Vol.2 The 1917] M.: TSK Vseros. soyuza rabochikh zh.-d. transporta, 1924. 174 s.

20. Panfilova A.M. Sovetskie profsoyuzy v istoriografii 1917-1930 gg. [Soviet trade unions in the historiography of 1917-1930] // Ocherki po istorii sovetskogo obshchestva. M.: Izd. Mosk. un-ta, 1967. S 238-263.

21. Polozhenie ob Uchenoy komissii po issledovaniyu istorii truda v Rossii. [Regulations on the Scientific Commission for the Study of the History of Labor in Russia] // Arkhiv istorii truda v Rossii. 1921. №2. S. 156-157.

22. Pyataya Vserossiyskaya konferentsiya professional'nykh soyuzov (3-7 noyabrya 1920 g.): stenograficheskiy otchet. [The Fifth All-Russian Conference of Trade Unions (November 3-7, 1920):

verbatim report] M.: B. i., 1921. 179 s.

23. Rokityanskiy YA.G. Glas vopiyushchego. Akademik D.B. Ryazanov protiv stalinizatsii RKP (b) [The voice is crying. Academician D.B. Ryazanov against Stalinization of the RCP (b)] // Vestnik RAN. 1995. №4. S. 365-376.

24. Sistematicheskiy ukazatel' literatury po professional'nomu dvizheniyu v Rossii. Vyp.1: Professional'noe dvizhenie do revolyutsii 1917 g. [A systematic index of literature on professional movement in Russia. Issue 1: Professional Movement Before the Revolution of 1917] M.: VTSSPS, 1923. 64 s.

25. Sistematicheskiy ukazatel' literatury po professional'nomu dvizheniyu v Rossii. Vyp.2: Professional'noe dvizhenie v gody revolyutsii 1917-1922 gg. [A systematic index of literature on professional movement in Russia. Вып.2: Professional movement in the years of the revolution of 1917-1922.] M.: VTSSPS, 1923. 184 s.

26. Tarle E.V. Istoriya truda i ego znachenie. [The history of labor and its significance] // Arkhiv istorii truda v Rossii. 1921. №1. S. 6-10.

27. Tezisy doklada E. Mil'shteyna "O polozhenii na fronte istorii profdvizheniya v Rossii i SSSR", utverzhdennye Vysshey shkoloy profdvizheniya i byuro sektsii istorii proletariata Obshchestva istorikov-marksistov. [The theses of E. Milstein's report "On the situation at the front of the history of trade union movement in Russia and the USSR", approved by the Higher School of Trade Union Movement and the Bureau of the Proletariat History Section of the Society of Marxist Historians] // Za marksistsko-leninskuyu istoriyu profdvizheniya. M.: izd-vo i tip. Profizdata, 1932. S. 5-17.

28. Fedyukin S. A. Sovetskaya vlast' i burzhuaznye spetsialisty. [Soviet power and bourgeois specialists] M.: Mysl', 1965. 255 s.

29. Filimonov A.V. Pskovskiy Istprof [The Isprof of Pskov] // Pskov. Nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal. 2015. №43. S. 5-11.

30. TSentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TSGA SPb). [The Central State Archive of St.Petersburg] F. R-6276. Op. 9. D. 53.

31. TSGA SPb. F. R-6276. Op. 46. D. 1.

32. TSGA SPb. F. R-6276. Op. 49. D. 1.

33. TSGA SPb. F. R-6276. Op. 16. D. 216.

34. SHumilov A.I. Izdaniya Istpartov, Istprofov i Istmolov Sibiri v 1920-1930-e gody [The publications of Istparts, Istprofs, and Istmols of Siberia in the 1920-30s] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2008. №3. S.46-50.

35. SHumilov A.I. Sozdanie sibirskikh istprofov i ikh deyatel'nost' po izucheniyu profsoyuznogo dvizheniya v 1905- 1920 gg. [The creation of Siberian Istprofs and their activities to study the trade union movement in 1905-1920.] // Omskiy nauchnyy vestnik. 2006. №8 (45). S. 22-27.

36. YArengina V.P. Rol' istpartovskoy periodiki v osvoenii leninskoy kontseptsii istorii partii. [The Role of Istprofs' Periodicals in the Developing of the Leninist Concept of Party History] // Problemy istoriografii, istochnikovedeniya istorii KPSS. Pod red. Zeveleva A.I. i dr. M.: MGIAI, 1988. S. 125-135.

37. Corney, F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 320 p.

38. Enteen, G.M. Marxists versus Non-Marxists: Soviet Historiography in the 1920s // Slavic Review 35. 1976. №1. P. 91–110.

39. Frankel, J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920-1938) // Slavic Review 25. 1966. №4. P. 563–603.

40. Holmes, L.E.; Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo?: Soviet Party History in the 1920s. // Russian History 9. 1982. №1. P. 378–98.

Об авторе

Гильминтинов Роман Радиевич – соискатель, Национальный Исследовательский Томский Государственный Университет (Россия). E-mail: rg214@duke.edu

Gilmintinov Roman Radievich – aspirant, National Research Tomsk State University (Russia). E-mail: rg214@duke.edu

УДК 93

Грудина А.Д., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СИСТЕМА ВОЛОСТНЫХ И ЗЕМСКИХ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ В ДЕЛЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ НИЖНИХ ЧИНОВ, ПРИЗВАННЫХ НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Война не застала российскую власть врасплох в деле обеспечения семей нижних чинов, призванных на военную службу, поскольку еще 1 сентября 1913 г. вступил в силу новый закон, регламентировавший отношения государства с семьями тех, кто вынужден был жертвовать своей жизнью на фронтах Первой мировой войны. Однако в новых военных условиях необходимо было сделать еще очень многое для того, чтобы законодательные нормы нашли свое воплощение в реальной жизни, чтобы учесть многочисленные проблемы, которые возникали на пути реализации закона. Одной из важнейших структур, призванной разрешить эти проблемы, были волостные и земские попечительства, в срочном порядке созданные практически во всех губерниях и областях Российской империи в первые дни войны. Об истории их создания, о проблемах, с которыми они столкнулись в своей практической деятельности рассказано в данной статье.

Ключевые слова: Первая мировая война, закон 25 июня 1912 г. о социальной помощи семьям военнослужащих, паёк, волостные и уездные попечительства.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-37-46

Опыт военных конфликтов конца XIX – начала XX в., в которых приняла участие Российская империя, особенно это касалось русско-японской войны, заставил российское правительство приступить к разработке нового закона, касавшегося призрения семей нижних чинов. При его подготовке министром внутренних дел было дано специальное обоснование, в соответствии с которым определялось, что оказание поддержки семьям запасных выступает в качестве одной из тех мер, которые направлены на усиление дела государственной обороны.

В представлении министра от 3 января 1911 г. говорилось: «В видах поддержания духа армии важно вселить в нижних чинах, призванных на службу при мобилизации, сознание, что во время их отсутствия семьям их будет оказана <...> материальная поддержка <…> мужья и отцы, покидая своих жен и детей и жертвуя собой для защиты Отечества, могут не тревожиться за близких лишь при твердой уверенности, что оставшиеся хотя бы на время без их попечения семьи будут в должной мере обеспечены, и что отсутствие их самих не повлечет за собой разорение их хозяйств» [1, с. 2]. Исходя из этих положений, было принято решение перенести расходы по призрению семей нижних чинов на средства государственного казначейства.

До этого выдача пособий лежала на обязанности земских управ и производилась из земских средств. Такого рода расходы для земской кассы были обременительны и в различных местностях являлись неравномерными, т. е. зависели от доходности земств. Ко всему прочему земские управы не были приспособлены для сложной работы по ведению дела призрения. Будучи довольно удаленными от населения, они вынуждены были в своих действиях по обследованию и выдаче пособий семьям призванных прибегать к труду волостных правлений, которые также имели большое количество различных поручений от всевозможных учреждений [1, с. 1-2].

С изменением источника финансирования менялась вся система призрения семей воинов. Для этих целей 25 июня 1912 г. был принят Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» [2], который должен был упорядочить прежнюю систему обеспечения семей чинов запаса и ополчения, призванных на военную службу. Для целей призрения на местах предполагалось создать особый орган – волостные попечительства. Земства же, а точнее – земские управы, от решения этих вопросов были устранены.

Таким образом, в 1912 г., т. е. за два года до начала масштабных военных действий Первой мировой войны, была очевидной необходимость изменения законодательства в деле призрения семей военнослужащих, отправившихся на войну. Однако ни в то время,

ни в 1914 г. не были ясны объемы предполагаемой помощи. Достаточно сказать, что на основании проведенного обследования в Московской губернии было выяснено, что в русско-японскую войну на каждого запасного, взятого на службу, в среднем приходилось по 2,75 члена семьи. В 1914 г. это число достигло средней цифры в 3 человека [3].

При численности армии в 7 млн и при среднем пособии за одного призванного на его семью до 10 руб. получалась значительная сумма в 70 млн руб., ежемесячно проходившая через волостные попечительства. Отсюда совершенно была очевидна важность роли этих новых учреждений и значение состава их членов, проводивших обследование на местах состава всех семей находившихся на войне военнослужащих. При преобладающем числе нижних чинов, призванных из сельской местности, от деятельности волостных попечительств напрямую зависел моральный дух тех, кто находился в окопах и был спокоен/неспокоен относительно своей семьи, оставленной в тылу.

Как была организована деятельность волостных попечительств, с какими трудностями в деле призрения они столкнулись, и в какой степени их работа удовлетворяла породившие их российские власти – вопросы, на которые мы попытаемся ответить в рамках данной статьи.

Утвержденный 25 июня 1912 г. новый закон и приложенное к нему Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств, был введён в действие с 1 января 1913 г. Ввод новых правил распространялся не на всех нижних чинов и их семьи, а лишь на категории, указанные в самом законе. Для остальных сохранялись те нормы, которые действовали до его издания.

Согласно новому принятому документу, в число членов попечительства волостной сход должен был выбрать не менее 3-х лиц. Однако в действительности на многих сходах в состав волостных попечительств было избрано от 15 до 20 человек лиц обоего пола (не моложе 25 лет), постоянно проживавших в пределах волости и согласившихся добровольно и безвозмездно трудиться в деле призрения [1, с. 2]. Члены попечительства выбирали из своего состава председателя и делопроизводителя. Количество выбранных зависело от схода, но не должно было быть менее трех человек.

Впрочем, были волости, в которых попечительства состояли лишь из трёх лиц: волостного старшины, сельского старосты и волостного писаря (например, в Калужской губернии) [4, л. 41], а совсем в редких случаях волостные попечительства не были созданы вообще.

Такая ситуация, при которой волостное попечительство могло быть не избрано, предполагалась в статье 67 Положения, говорившей о том, что обследование возлагается «1) в сельских местностях – на избираемые для сей цели волостные (гминные, станичные, а в Закавказье – сельские) попечительства, а при ***не избрании по каким-либо причинам попечительств*** (выделено мной. – **Авт.**) – на волостных старшин (гминных войт, станичных атаманов, а в Закавказье – сельских старшин) [2]. Таким образом, в этом случае функции волостных попечительств переходили к волостным старшинам, т. е. к тем, на кого Министерство внутренних дел изначально эти обязанности возлагать не желало.

В законе прямо не говорилось о сословном составе создаваемых органов, но идея всесословности попечительства просматривалась в мотивировках к закону, поэтому на этом основании многие сходы выбрали попечителей из числа врачей, учителей, представителей кооперативов, священнослужителей и других лиц не из крестьянского сословия.

Все вопросы должны были решаться большинством голосов, а в случае их равенства голос председателя получал дополнительное преимущество. Члены волостного попечительства могли исключаться из его состава уездным съездом, по представлению земского участкового начальника или одного из членов уездного попечительства. Заседание попечительства в случае отсутствия подходящего помещения происходили в волостном правлении [1, с. 3].

Избранные на волостных сходах волостные попечительства, по мнению Министерства внутренних дел, должны были более успешно осуществлять свою деятельность по сравнению с земскими управами, поскольку в их состав должны были входить наиболее активные представители с мест, готовые при-

нять на себя сложные обязанности попечителей. Вместе с тем, было также очевидно, что эта новая структура требовала необходимого надзора со стороны специальных учреждений, которые не только контролировали бы ее деятельность, но и направляли ее работу. Однако вместо специально созданных для этого органов более высокой инстанции, Министерство внутренних дел возложило все функции надзора за волостными попечительствами на уже существовавшие органы крестьянского управления – земского начальника, уездный съезд и губернское присутствие.

На земского участкового начальника возлагалось непосредственное наблюдение за правильным исполнением волостными попечительствами лежащих на них обязанностей, которые включали в себя обследование состава всех семей призванных (ст. 66). По его итогам и определялись те, кто получал право на продовольственное пособие (статья 61): «1) жена и дети нижнего чина и 2) отец, мать, дед, бабка, братья и сестры означенного чина, если они содержались трудом последнего» [2].

Статья 64 определяла, что «трудоспособные сыновья и дочери призванных, достигшие семнадцатилетнего возраста, а равно дочери, вышедшие в замужество, утрачивают право на призрение», но если доказывалась их нетрудоспособность, за исключением замужних дочерей, то за ними сохранялось «право на призрение и по достижении указанного возраста» [2]. В дальнейшем попечительство обязано было отслеживать изменения, которые могли произойти в составе этих семей, присутствовать при выдаче пособий.

Особому попечению подлежали семьи нижних чинов, в которых имелись несовершеннолетние, особенно, если жёны этих призванных на войну по какой-то причине были не в состоянии заботиться о детях (статья 62) [2]. При отсутствии опекунов и попечителей малолетние помещались к родственникам или к посторонним, отличавшимся благонадежностью лицам, в местные приюты, в которых им должно было выдаваться причитавшееся на содержание продовольственное пособие (статья 62) [2]. Такие же действия предпринимались и в отношении малолетних и несовершеннолетних братьев и сестер нижнего чина, не имевших родителей и содержавшихся его трудом до призыва на войну.

О дне, с которого начиналась раздача продовольственного пособия, население оповещалось при помощи объявлений, вывешиваемых на зданиях присутственных мест, на площадях, рынках, на перекрестках улиц, на фабриках, заводах и в прочих многолюдных местах. Попечительства также должны были осуществлять раздачу частных пожертвований, поступавших на нужды призрения. Расходовались эти средства на семьи призванных, но по усмотрению попечительств. Пособие отсутствующим не выдавалось и не высылалось в другую местность, чтобы избежать двойных выплат.

Пособие выдавалось в волостных, станичных, гминных, сельских правлениях и в городских управах. В сельской местности это происходило четыре раза в год и на три месяца вперёд (в марте, июне, сентябре и декабре). В городах пособие выдавалось ежемесячно и на месяц вперёд.

В случае изменения членами семей, получавших пособие, места жительства, необходимо было удостовериться в том, что они перестали получать казенный паёк по месту прежнего жительства.

Выработанный Министерством внутренних дел проект нового закона о призрении семей нижних чинов поступил на рассмотрение Комиссии по государственной обороне Государственной думы, которая внесла одно весьма существенное положение, а именно: право на призрение жены и детей нижнего чина было признано безусловным, независимым от их материального состояния. Тем самым была устранена основная часть споров, возникших в процессе обсуждения проекта закона. Только призрение прочих родственников призванного, перечисленных в пункте 2 статьи 61 Положения: «2) отец, мать, дед, бабка, братья и сестры означенного чина, если они содержались трудом последнего» [2], была поставлена в зависимость от того, трудоспособны ли они и содержались ли они трудом призванного.

При обсуждении законопроекта о призрении семей нижних чинов в стенах Государственной думы третьего созыва, проходившего 30 февраля 1912 г., наибольшее внимание привлёк к себе вопрос об организации и условиях деятельности волостных попечи-

тельств. Так, член Думы от Воронежской губернии, будущий министр Временного правительства А. И. Шингарев отмечал положительные черты проекта закона, связанные с возможностью участия в волостных попечительствах представителей обоего пола, проживавших в волости. Более того, туда могло войти и духовенство, и землевладельцы, и другие лица, пользующиеся доверием населения. Однако при этом право выбора предоставлялось волостному сходу, к которому некоторые потенциальные члены попечительства не имели прямого отношения. Более того, бессословное волостное попечительство ставилось под непосредственное наблюдение со стороны земского начальника, управлявшего сословной крестьянской волостью, т. е. под его контроль ставились лица заведомо ему не подчиненные.

Такая структура, по мнению А. И. Шингарева, изначально содержала дефекты, которые неминуемо должны были проявиться в будущем. Он утверждал: «В результате, вы лишаете попечительства наиболее необходимых элементов; будут выбраны прислужники волостного схода или прислужники земского начальника, и тот орган, который должен беспристрастно и по справедливости отнестись, совершенно может извратить свою деятельность. Лицам, находящимся в одном положении, будут говорить одно и давать одни сведения, а в другом – будут давать другие сведения» [5, стлб. 1533-1534]. Однако мнение думского гласного в конечном варианте закона учтены не были, а обозначенные проблемы получили подтверждение в будущей практике волостных попечительств.

В развитие закона 25 июня 1912 г., а точнее, к его статьям 70 и 75 были изданы инструкции: о порядке образования и действий волостных попечительства и о порядке отпуска средств на пособия семьям нижних чинов.

Уже 21 июля 1914 г. в большинстве губерний от имени губернаторов последовали распоряжения о немедленном созыве волостных сходов для избрания членов волостных попечительств. Тогда же от уездных земских управ были затребованы данные о существующей расценке тех продуктов, которые входили в состав определенного законом пайка, т. е. о стоимости 1 пуда 28 фунтов муки (27,85 кг), 10 фунтов крупы (4,095 кг), 4 фунтов (1,64 кг) соли и 1 фунта постного масла (0,4095 кг). В зависимости от этих цен уже в конце июля 1914 г. губернские присутствия определили размер пайка [4, л. 15].

Несмотря на искреннее желание созданных волостных попечительств в короткий срок закончить обследование семей, нужные сведения чаще всего получить не удавалось из-за того, что мужское население многих территорий, числившееся проживавшим в сельской местности, в летние месяцы работало вне мест нахождения семьи. Более того, они и призывались на службу из пунктов, в которых их застало начало войны. Получилось так, что во многих случаях семье не было известно, когда был призван ее кормилец в ряды армии, а закон (статья 60) требовал назначения пособия со дня явки на сборный пункт. К тому же работа по призыву в армию шла очень интенсивно, и воинские присутствия, особенно крупных городов, вовремя не отвечали на запросы, поступавшие с мест.

Еще одним препятствием для окончательного определения размеров пособия на каждую семью явился вопрос о праве ее членов на получение пайка, поскольку закон не предусматривал учета многих из состоявших на иждивении призванных. Например, ничего не было сказано об неусыновленных приемышах, внебрачных детях, пасынках и падчерицах. В результате многочисленных обращений с мест последовала специальная телеграмма министра внутренних дел от 24 августа 1914 г. в адрес уездных съездов, в которой он разъяснил, что «эти члены семейства призванного права на призрение не имеют» [4, л. 15 об.]. Наконец, задержки с определением окончательного размера пособий повсеместно происходили и по причине призыва на военную службу самих работников волостных попечительств: волостных писарей и их помощников, не имевших права на отсрочку.

Однако вопрос о государственной поддержке семей не был закрыт, вызывая негативную реакцию и тех, кто находился на фронте, и тех, кто оставался в тылу. Первые эшелоны запасных отправились на театр военных действий в двадцатых числах июля, тогда как первая выдача пайков была произведена в конце августа и продолжалась уже в сентябре, поэтому многочисленные письма из

дома в армию, отправленные в августе и получавшиеся в армии в течение сентября, содержали жалобы на то, что пайка не выдают и что оставленные на родине семьи не обеспечены на основании закона 25 июня 1912 г.

Так, в одной из губерний нижний чин, получивший рану на войне, вернулся уже в свой уездный город на поправку, между тем семье его за это время казённое пособие еще не было выдано [4, л. 27]. В запасных батальонах были назначены в начале войны специальные офицеры, для принятия жалоб и заявлений нижних чинов относительно неполучения их семьями казенных пособий. Офицеры были снабжены соответствующими законами и инструкциями, с помощью которых могли сами разъяснять жалобщикам причины, по которым пособие не было получено их семьями или отправлять жалобы по принадлежности [4, л. 27].

Впрочем, первая задержка в выдаче пособия в сельской местности серьезных проблем не создала, поскольку деревня из-за ряда причин на тот момент находилась в довольно благополучном материальном состоянии. Во-первых, происходила заготовка хлеба, фуража и других продуктов для нужд армии, причём военное ведомство, расплачиваясь за покупаемые предметы наличными деньгами, устанавливало весьма высокие закупочные цены. Даже поставка в армию лошадей, сбруи и повозок не только не подорвала хозяйство крестьян, но, напротив, благодаря высокой расценке упряжного скота и предметов снаряжения, дала населению возможность с выгодой обменять то и другое [4, л. 17 об.]. Во-вторых, введенный на время призыва «сухой закон», принес ожидаемые сбережения в бюджете крестьянских семей. Признаком улучшения жизни в материальном отношении из-за запрета продажи алкогольных напитков современники считали появление самоваров в тех местах, где их никогда не было [4, л. 123].

До начала выдачи семьям призванных на военную службу казенного пайка в 1914 г. единовременное пособие в различных местностях России выдавали частные комитеты «по призрению семей призванных на войну запасных нижних чинов и ратников ополчения». Их деятельность была направлена на сбор средств в виде пожертвований. Комитеты осуществляли собственное обследование имущественного положения семей призванных на службу и оказывали помощь наиболее нуждавшимся из них.

Представители власти и благотворительных обществ отдавали себе отчет в том, что паёк мог удовлетворить только самые насущные потребности семьи призванного в продовольствии. Крестьянские условия жизни, безусловно, неминуемо должны были выдвинуть и другие потребности, связанные с ремонтом построек и хозяйственного инвентаря, нехваткой скота, одежды и многого из того, что предопределяло необходимость ведения хозяйства. Причем все эти затруднения, наряду с необходимостью уборки урожая и посевом озимых культур, совпавшие во многих губерниях со временем объявления мобилизации, проявились уже в самом начале войны. Уход на войну значительной части мужского населения из деревень создавал ситуацию, при которой нехватка рабочих рук грозила срывом заготовки продовольствия на следующий год. В ближайшей же перспективе были новые, с гораздо более сложной возможностью разрешения, проблемы оставшихся без кормильцев осиротелые семьи.

Как уже отмечалось, статья 61 закона 25 июня 1912 г. определяла, что жена, а также дети до 17 лет могли пользоваться пособием вне зависимости от их материального положения. Зато дед, бабка, отец, мать, братья, сёстры могли получать пособие только если они жили за счет труда призванного. Волостные попечительства обязаны были выяснять степень «зависимости» этих лиц от труда призванного на войну. Решение этой задачи являлось одной из самых сложных и спорных и оборачивалось многочисленными прошениями со стороны тех, кому было отказано в пособии.

Требовалось выяснить, могли ли члены семьи сами себя самостоятельно обеспечивать, обладали ли они для этого необходимым имуществом. Выяснялось также, не осталось ли в семьях трудоспособных работников, например, братьев призванных или, если такие имелись, то служили ли они поддержкой семье.

Иногда в расчет брались и совершенно необычные обстоятельства. Так, Суздальский уезд Владимирской губернии был знаменит тем, что не только взрослое мужское

население, но и подростки расходились оттуда по всей России с тем, чтобы наняться в качестве пастухов. Благодаря полученным уже в раннем детстве навыкам, четырнадцатилетние мальчики из этих мест зарабатывали за летний пастушеский сезон от 100 до 200 руб. В итоге, местное уездное попечительство считало, что юноши уже в раннем возрасте имели полную возможность прокормить себя собственным трудом и полагало, что в 14 лет сыновья призванных на войну, если они уходят на заработки, должны быть признаны не имевшими право на получение пайков [4, л. 38-39]. Только вмешательство представителей власти изменило эту практику, но все равно волостные попечительства лишь подробно рассматривали в каждом конкретном случае сумму полученного такими юношами заработка и выясняли куда расходовались заработанные ими деньги. Например, на необходимые хозяйственные нужды (на покупку лошади, коровы, постройку сарая и т. д.), а не на пропитание семьи. Забота о справедливости в данном случае шла вразрез с основным смыслом и целью закона о призрении, поддерживавшего семьи тех, кто жертвовал собой на войне.

Отчасти схожая ситуация наблюдалась в Смоленской губернии. Там лица, достигшие 16-летнего возраста, считались по местным условиям вполне трудоспособными и поэтому Смоленским губернским присутствием было разъяснено уездным попечительствам, что «братья и сестры призванного, имеющие 16 лет и не обучающиеся в учебных заведениях, безусловно, должны быть признаны, кроме исключительных случаев, не пользующимися правами на призрение со стороны казны» [4, л. 36].

Впрочем, обучение не всегда являлось основанием для исключений. Так прошение на имя Верховного главнокомандующего по поводу назначения просителю, его жене и дочери пайкового довольствия по случаю призыва сыновей его по мобилизации, было отклонено на основании того, что в семье остался трудоспособный сын семнадцати лет, которого отец отдал учеником в «шорно-седельную мастерскую», откуда в любой момент мог его забрать [6, л. 110].

Возможность отступления в исключительных случаях от буквального толкования закона, предусматривавшего право на призрение со стороны казны всех сыновей призванного, не достигших семнадцатилетнего возраста, порождала недовольство, выражавшееся в жалобах и прошениях в вышестоящие инстанции.

Следует отметить, что по мере очевидности того, что война не может в ближайшее время закончиться, что средств в казне становится все меньше, инструкции в адрес волостных попечительств нацеливали их на ужесточение подходов к обследованию семей призванных на войну. При определении степени материальной состоятельности семьи призванного предписывалось принимать в расчёт всё наличное имущество: размер земли и доходность от неё в годовом обороте, наличность хлеба в пудах, скота, размер получаемого жалованья, доходов от мельниц, маслобоен, садов, кустарных промыслов и т. д. Следовало выяснить, не состоял ли призванный на должности и не сохранено ли за ним содержание, где и в каком размере. Если в обследуемой семье состоит на службе несколько братьев, то необходимо было точно выяснить, когда и в каком порядке призван каждый и трудом кого из них содержались члены семьи.

Однако в специально подготовленной для волостных попечительств инструкции по обследованию ничего не говорилось о включении в списки семей лиц, также имевших право на пособие: из перечня выпали падчерицы, мачехи и отчимы, которые могли содержаться трудом призванного. Не было сказано и о необходимой помощи гражданским семьям нижних чинов, не оговаривались сложные ситуации, при которых лишь часть работников была призвана на службу, т. е. семьи с двумя-тремя женатыми братьями и их общими родителями.

Статья 71 закона 25 июня 1912 г. определяла, что «заключения лиц и учреждений, производивших обследование, с данными о личном составе семейств призванных, представляются в двухнедельный, со дня объявления мобилизации срок, в уездной съезд или соответствующее ему учреждение» [2]. В статье 72 этого же закона объявлялось, что уездный съезд «определяет и окончательно назначает размеры пособия каждой семье»

[2], руководствуясь полученными с мест заключениями обследований, и в двухнедельный срок данные о числе семей, подлежащих призрению и о сумме «ежемесячных по всему уезду выдач» сообщает губернскому присутствию, которое запрашивает необходимые кредиты в казенной палате.

Таким образом, на съезд возлагалась кропотливая работа установления числа пайков, которые надлежало выдать каждой семье на основании собранных на местах данных. Именно уездному съезду предстояло осуществить особое рассмотрение возможности включения в списки на получение пособия нетрудоспособных родственников призванного на службу.

Очевидно, что съезд не был в состоянии выполнить эту работу в своих коллегиальных заседаниях, она ложилась или на отдельных участников съезда, или на его канцелярию. Проверка списков, вычисление количества пайков и конкретных сумм, которые надлежало выдавать каждой семье, необходимо было рассмотреть и рассчитать также в двухнедельный срок. Между тем возможности канцелярии съезда были ограничены, уровень подготовленности был невысок, а число ее личного состава в большинстве случаев не позволяло быстро справиться с таким сложным заданием.

Недостатки, связанные с подсчетом пайков непосредственно на съездах отчасти были устранены Высочайшим указом 29 августа 1914 г., которым вся работа в уезде по проверке списков и начислению пособий семьям призванных была возложена вместо съездов на уездные попечительства и уездные земские управы. Уездные попечительства, под председательством предводителя дворянства, а в его отсутствие председателя управы, включали в свой состав всю управу и городскую и земскую, весь административный аппарат, представителя от духовенства, уездного воинского начальника и ряд других членов. В городской местности могли быть образованы с разрешения министра внутренних дел или губернатора особые городские попечительства, действовавшие на правах уездных. Таким образом, представители общественных учреждений стали играть в попечительствах если не ключевую, то очень заметную роль.

Авторы закона, которые считали неудовлетворительным прежний порядок выдачи пособий через уездные земские управы, не смогли избежать канцелярского подхода к делу «поддержания духа армии». Жалобы на неправильные действия лиц и учреждений при обследовании на местах состава семей нижних чинов направлялись через земского начальника в уездный съезд. На решения же съезда в месячный со дня объявления постановления срок можно было подать жалобу или прошение в губернское присутствие, которое при участии управляющих казенной и контрольной палатами, «рассматривало» и «проверяло» размеры необходимых по губернии средств, для удовлетворения нужд семей нижних чинов.

В существовавших тогда инструкциях не определялось, какую именно проверку должно было производить губернское присутствие: проверять ли сами списки, составленные попечительствами, или просто арифметически уточнять правильность умножения числа пайков на их величину. Однако практика показала, что дела о выдаче пайков менее всего задерживались в губернском присутствии.

В его состав, помимо управляющих казённой и контрольной палатами, чаще всего входили губернатор (председатель), вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, начальник управления земледелия и государственных имуществ, председатель губернской земской управы, прокурор или товарищ прокурора, несколько непременных членов из числа знатных граждан. Такой состав собрания не предполагал кропотливого рассмотрения многочисленных проблем, доставшихся ему от уездных съездов. Зато, судя по большому количеству прошений, направляемых в Верховный совет, возглавляемый императрицей, в штаб Верховного главнокомандующего, лично главнокомандующему и даже императору, губернские присутствия достаточно строго следовали циркуляру министра финансов от 26 августа 1914 г. за № 139, в котором он требовал от управляющих казенными палатами играть активную роль «в охранении казенного интереса при выдаче пайков семьям нижних чинов» [1, с. 11]. Впрочем, в этом была действительная необходимость, поскольку казна с большим

трудом справлялась со значительными расходами на призрение ежедневно растущего числа инвалидов, семей погибших и тех, кто продолжал сражаться на фронтах войны. Положение усугублялось ростом дороговизны, требовавшей увеличивать размеры выдаваемых денежных пособий в виде пайков.

Однако существовала и другая проблема, не менее, а даже более важная: «Для продолжения войны требовались не только дополнительные материальные ресурсы, но и более гибкая политика в формировании общественных настроений» [7, с. 75].

Насколько сложным было обследование семей призванных на войну можно судить по примерам, приведенным в отчете о командировке, предпринятой в конце сентября 1914 г. на основе Высочайшего повеления графом Ф.Ф. Сумароковым-Эльстоном «для выяснения на месте о постановке дела по выдаче пайков семьям запасенных нижних чинов» в ряде губерний центральной России.

Так, по его сведениям, из четверых, живших одной семьей братьев, двое были призваны на войну по мобилизации, третий по очередному набору, а четвертый перед войной умер, оставив после себя вдову и двух малолетних детей, всецело содержавшихся после его смерти трудом братьев покойного, а затем призванных на действительную военную службу. По закону 25 июня 1912 г. ни вдова, ни ее дети право на получение пайка не имели [4, л. 45-46].

В другом случае жена призванного на войну нижнего чина умерла, оставив после себя малолетних детей. Они находились на попечении сестры покойной, которая, кроме заботы о детях, взяла на себя и ведение хозяйства своего зятя. «По закону свояченице призванного паек выдан быть не может, между тем, если ей не будет обеспечено пропитание, и она уйдет из дома лишившегося жены зятя, то оставшиеся сироты должны будут быть помещены в приют, а беспризорное хозяйство призванного на войну будет обречено на постепенное расхищение его посторонними людьми и, в конце концов, на несомненное разорение» [4, л. 46].

Следующий пример касался попечения призванным нижним чином пятнадцатилетней больной девушки-инвалида. По заключенному договору, призванный проживал в доме воспитанницы и управлял принадлежащим ей хозяйством. Дом и всё остальное имущество, после смерти владелицы, должны были перейти в его собственность, но при том лишь условии, если он будет заботиться о ней и содержать ее. Однако с уходом на войну призванный уже не мог больше выполнять принятых на себя обязательств, а главное – согласно действующему закону, его воспитанница не получала право на получение пайка от казны, который мог бы обеспечить ее пропитание [4, л. 46].

В другом случае тетка призванного на войну в свое время переехала к нему на жительство вместе с оставшимся на ее руках сиротами – внучатами. За обязательство содержания ее и детей она передала своему племяннику все имевшиеся у неё сбережения. С уходом племянника на войну и тетка, и ее сироты-внуки лишились единственного своего кормильца, но по закону, они не имели права на получение продовольственных пайков [4, л. 47].

Наконец, из одной семьи были призваны на войну три брата. Все трое являлись вдовцами и оставили дома 9 малолетних детей, находившихся на попечении тетки призванных. Однако и в этом случае закон не предусматривал назначение ей казенного пайка [4, л. 47].

Существовали и обратные примеры, когда паек назначался на основе заведомо ложных сведений: скрывался действительный состав семьи, изменялся возраст, входивших в состав семей родителей и т. д. Наконец, волостные попечительства из-за своей халатности по результатам обследования предоставляли неверные сведения.

Попечительства проявили хорошую работоспособность только в тех местах, где они включали в свой состав деятельных представителей от крестьян, землевладельцев, священников, учителей. Там же, где состав попечительств основывался на обычных членах волостных сходов и волостных правлений, работа лишь в редких случаях отвечала поставленным задачам [1, с. 13]. Это отражалось на представленных уездным съездам списках, содержавшим многочисленные дефекты. Например, отсутствовало указание на возраст тех, кому полагался казённый паёк. «Некоторые попечительства, помимо посемейного со-

става призванного, обследовали также и имущественное положение, включая сюда имущество недвижимое, движимое (скот) и даже продовольственные запасы [1, с. 13].

Первая выдача пайков должна была быть произведена в сельской местности за время со дня явки призванных до конца четверти года. Неконкретность формулировки статьи 76 Положения привела к тому, что некоторые уездные съезды строили свои расчеты, исходя из даты выдачи не 1 сентября, а на 1 октября, что привело к переделыванию сделанных вычислений. Работы по подсчету обычно продолжались более назначенного в законе двухнедельного срока, а канцелярские силы съездов приходилось в ряде мест увеличивать для быстроты подсчета, прибегая к помощи земских служащих.

Военные события начала 1915 г., сопровождавшиеся огромными потерями, окончательно похоронили надежды на победоносную скоротечную войну, породив массу новых моральных и материальных проблем. Историк российской журналистики, штабс-капитан М.К. Лемке, служивший в годы войны в Ставке верховного главнокомандующего, отмечал обычную участь всех русских бюрократически созданных законов. Такой закон обречен «с одной стороны, на систематическое его игнорирование, с другой – на крайне произвольное толкование, опирающееся на нашу народную поговорку: закон, что дышло – куда повернешь, туда и вышло» [8, с. 41]. Закон 25 июня 1912 г. также не избежал этой участи.

Список литературы

1. Волостные и земские попечительства. Доклад комиссии, избранной Московским обществом сельского хозяйства в заседании 5 сентября 1914 г. для рассмотрения вопроса о задачах земства в деле призрения семейств нижних чинов, призванных на войну, в связи с Высочайшим указом 29 августа с. г. М., 1914.

2. Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 32 (1912): часть 1. № 37507.

3. Волостные попечительства // Пермская земская неделя. 1914. № 37. 11 сентября.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271.

5. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия V. Часть II. Заседания 42-83 (с 10 января по 3 марта 1912 г.). СПб., 1912.

6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 47.

7. Алферова И.В., Блохин В.Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63-84.

8. Блохин В.Ф., Алфёрова И.В. Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32-48.

THE SYSTEM OF THE VOYAL AND COUNTY GUARDIANSHIPS IN THE CASE OF UNDERSTANDING THE FAMILIES OF THE LOWER CITIZENS, CALLED FOR THE WORLD WAR I (INITIAL STAGE OF ACTIVITY)

The war did not catch Russian authorities unawares in the matter of providing families of lower ranks, called up for military service, because as early as September 1, 1913, a new law came into force that regulated the relations of the state with the families of those who had to sacrifice their lives on the fronts of the World War I. However, in the new military conditions, need to be done a lot of things to ensure that the legislative norms are embodied in real life in order to take into account the numerous problems that arose in the way of implementing the law. One of the most important structures designed to solve these problems was volost and county guardians, which were created urgently in all provinces and regions of the Russian Empire during the first days of the war. The history of their creation, the problems they encountered in their practical activities are described in this article.

Keywords: World war I, the law of June 25, 1912 about social assistance to families of servicemen, ration, volost and county guardianships.

References

1. Volostnye i zemskie popechitel'stva. Doklad komissii, izbrannoj Moskovskim obshchestvom sel'skogo hozyajstva v zasedanii 5 sentyabrya 1914 g. dlya rassmotreniya voprosa o zadachah zemstva v dele prizreniya semejstv nizhnih chinov, prizvannyh na vojnu, v svyazi s Vysochajshim ukazom 29 avgusta s. g. M., 1914.
2. Polozhenie o prizrenii nizhnih voinskih chinov i ih semejstv // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. 32 (1912): chast' 1. № 37507.
3. Volostnye popechitel'stva // Permskaya zemskaya nedelya. 1914. № 37. 11 sentyabrya.
4. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. F. 1253. Op. 1. D. 271.
5. Gosudarstvennaya duma. Tretij sozyv. Stenograficheskie otchety. 1912 g. Sessiya V. CHast' II. Zasedaniya 42-83 (s 10 yanvarya po 3 marta 1912 g.). SPb., 1912.
6. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 2005. Op. 1. D. 47.
7. Alferova I.V., Blohin V.F. «Gasil'nik narodnogo duha»: cenzurnye ogranicheniya v osveshchenii geroizma frontovikov vo vremya Pervoj mirovoj vojny // Novyj istoricheskij vestnik. 2017. № 3 (53). S. 63-84.
8. Blohin V.F., Alfyorova I.V. Predan'e administrativnoj stariny: «belye pyatna» na stranicah rossijskih gazet (vtoraya polovina XIX veka – 1917 god) [Legend of administrative old times: "white spots" on pages of the Russian newspapers (the second half of the 19th century – 1917)]. Novyj istoricheskij vestnik. 2016. № 3 (49). S. 32-48.

Об авторе

Грудина Алексей Дмитриевич – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: grudina81@yandex.ru

Grudina Alexey Dmitrievich – post-graduate student of the Chair of the National History, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: grudina81@yandex.ru

УДК 93/94

Дубровский А.М., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (Россия)
Кучурин В.В., кандидат исторических наук, Ленинградский областной институт развития образования (Россия)

ЛЕКЦИОННЫЕ КУРСЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С.М. СОЛОВЬЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1840-Х – 1850-е ГГ.[1]

Важной частью научного наследия великого российского историка С.М. Соловьева являются его лекционные курсы по истории России, которые он читал в различных учебных заведениях. Их изучение началось только в последнее время. Замечено, что в лекционных курсах Соловьев шире охватывал материал, чем в своем труде «История России», доводя его до конца XVIII или даже до начала XIX в. Кроме того, в лекциях четче сформулированы его концептуальные воззрения. В статье авторы вводят в научный оборот и анализируют обнаруженные в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга лекционные курсы Соловьева по истории России, которые он читал в Московском университете во второй половине 1840-х – 1850-е гг.
Ключевые слова: С.М. Соловьев, Московский университет, историческое образование, чтение лекций, научно-педагогическая деятельность.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-47-56

Выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев, известный преимущественно как автор многотомной «Истории России с древнейших времен», был не только блестящим ученым, но и замечательным преподавателем. В связи с этим важной частью творческого наследия Соловьева нужно признать многочисленные общие и специальные лекционные курсы, которые он читал в Московском университете и других учебных заведениях. Без изучения этой части наследия Соловьева невозможна полная и объективная характеристика его научной и педагогической деятельности.

До последнего времени, сосредоточив внимание на научных, общественно-политических и религиозных взглядах Соловьева, исследователи писали о его научно-преподавательской деятельности как о чем-то второстепенном и малозначительном, хотя на необходимость ее изучения указывали еще его младшие современники В.О. Ключевский и А.А. Танков [6; 32]. Позже лишь И.В. Волкова, автор обстоятельного диссертационного исследования «”Новый период” истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.)» [3]и подготовленного на его основе очерка жизни и творчества историка, с сожалением отмечала, что «многочисленные общие и специальные лекционные курсы С.М. Соловьева… оказались заслоненными томами его печатных трудов», что «они практически не введены в научный оборот» [4,с. 142]. При этом сама Волкова ограничилась только общими высказываниями об особенностях содержания и построения лекционных курсов Соловьева [4, с. 142].

После выхода в свет работ Волковой исследователи творчества Соловьева начали уделять внимание его лекционным курсам. И.И. Колесник впервые проанализировала конспект лекций Соловьева по русской историографии как важный источник для изучения прошлого исторической науки в России [7]. А.Н. Шаханов на основе большого количества по преимуществу новых и разнообразных источников, в том числе архивных материалов Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) и Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), рассмотрел педагогическую деятельность ученого, состав, структуру и содержание некоторых его лекционных курсов [34].В частности, Шаханов указал на то обстоятельство, что в курсах лекций «материал доведен до окончания царствования Екатерины II, реже – Александра I и даже середины XIX в.» [34, с. 100], т.е. в лекциях Соловьев осветил отечественное прошлое в более широких хронологических

[1]Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта 18-09-00014А «Неопубликованное научно-педагогическое наследие С.М. Соловьева»

рамках, чем в «Истории России». Кроме того, по справедливому мнению Шаханова, «в курсах лекций концепция ученого прослеживается предельно четко» [34, с. 108]. Эти обстоятельства повышают ценность лекционных курсов Соловьева как источников для изучения его научно-педагогических воззрений, истории исторической науки его времени.

Отметим и то, что в XXI книге «Сочинений» Соловьева опубликованы его лекции по русской истории, читавшиеся в 1873/74 уч. г. [31], что в совокупности с иными условиями создает предпосылки для дальнейшего и более глубокого изучения научно-педагогической деятельности Соловьева.

Таким образом, изучение этой важной части научно-педагогического наследия Соловьева началось. Однако до сих пор оно изучено недостаточно. Большинство его лекционных курсов не стало предметом специального историографического исследования, а некоторые еще не выявлены в архивах и не введены в научный оборот. Остается нерешенной и задача научного издания лекционных курсов Соловьева.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот, хронологическая атрибуция и описание обнаруженных в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга во многом забытых и специально не изучавшихся лекционных курсов Соловьева, которые он читал в Московском университете во второй половине 1840-х – 1850-е гг. – первые годы своей преподавательской работы.

Как известно, научно-педагогическая деятельность Соловьева началась в Московском университете в сентябре 1845 г. с двух пробных занятий, «заключавших в себе обзор всей русской истории», которые, по собственному свидетельству историка, «произвели благоприятное впечатление» на его коллег, среди которых «Грановский, пользовавшийся большим авторитетом, сказал: ″Мы все вступили на кафедры учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки″» [30, с. 292].

Следует заметить, что в это время отечественная история как учебная дисциплина еще находилась в стадии своего становления. Количество специальных исследований и учебных пособий по отечественной истории оставалось незначительным. Деятельность профессоров была направлена на решение ценностных, содержательных и научно-методических проблем университетского преподавания истории России, поскольку научно обоснованные подходы к объему и содержанию истории России как учебной дисциплины еще не сложились. [16, с. 9]. Как следствие, курсы по отечественной истории в российских университетах читались фрагментарно и не охватывали всех периодов. Исключением являлся полный курс лекций отечественной истории Н.Г. Устрялова в Петербургском университете, изданный в 1837-1841 гг. в 5-ти томах [33]. Это был первый учебник для студентов, в котором автор представил целостное и последовательное изложение исторического прошлого страны с древнейших времён до середины XIX века. Что касается Московского университета, то преподавание в нем отечественной истории оставалось по преимуществу фрагментарным. К примеру М.Т. Каченовский, способствовавший формированию истории России как самостоятельной учебной дисциплины, «полкурса посвящал … критическому обозрению трудов по русской истории; потом рассматривал древнейшие наши грамоты, начиная с договоров Олега и Игоря; в конце же года предлагал общий очерк важнейших событий, предоставляя подробное изучение событий, вполне достоверных, любопытству самих слушателей, и требовал, следственно, иного такого, о чем и не читал» [1, с. 4]. Другой профессор Московского университета М.П. Погодин, оказавший, между прочим, огромное влияние на становление истории России как учебной дисциплины и, отчасти, подготовивший почву для научно-преподавательской деятельности Соловьева, «сначала месяц, другой посвящал славянским древностям, которые читались буквально по Шафарику; потом переходил … к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варягов-Руси, т.е. прочитывались обе его диссертации», а «остальное время … проводил в том, что приносил Карамзина и читал из него разные места, не самые слабые и вместе значительные по предмету, требовавшие пояснений, дополнений», но «этого Погодин, кроме варяжского периода, сделать был не в состо-

янии, ибо все, что выходило по русской истории, драгоценные издания Археографической комиссии, для него не существовали; он выбирал из Карамзина места красивые, превращал класс русской истории в класс риторики» [30, с. 265-266].

Соловьев, продолжая и развивая традиции профессоров Московского университета, а также в соответствии со сложившимся в период европейского путешествия 1842-1844 гг. собственным общим представлением о педагогическом мастерстве университетского преподавателя, которое, по его мнению, проявляется в гармоничном соотношении в учебных лекциях мысли и чувства, доказательства и убеждения, т.е. научного содержания (*информативность, системность, полнота*), художественной (риторической) формы его представления (*наглядность, образность, эмоциональность*) и нравственного и гражданского воспитания на основе христианских ценностей (*назидательность*) [26], взялся за разработку авторского курса отечественной истории с древнейших времен до конца XVIII в.

При этом Соловьев вполне осознавал, что решить поставленную задачу будет не просто, поскольку «пособий не было», а «Карамзин устарел в глазах всех», поэтому, как он вскоре понял, «надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам» [30, с. 326]. Тем не менее, начинающий ученый, желая в силу сложившихся объективных обстоятельств как можно скорее утвердиться на кафедре, приступил к подготовке авторского общего курса русской истории, который он читал в первые несколько лет на 3-м курсе 1-го отделения философского факультета и 2-м курсе юридического факультета сначала 3, а затем 4 часа в неделю [10, с. 10; 11, с. 9; 12, с. 11-12]. Структура и содержание лекционного курса сложились не сразу, а определялись постепенно по мере освоения материала и апробации курса в педагогической практике [ср.: 34, с. 100].

В первый учебный год (1845/46) Соловьев «успел прочесть только до смерти Ивана Грозного» [30,с. 293]. «Лекции его, - по свидетельству А.Н. Афанасьева, студента второго курса юридического факультета в 1845/46 уч. г., - отличались и свежестью взгляда, и фактическою полнотою; он дал смысл всей этой безурядице княжеских распрей и, хотя уже не впервые, но с особенною наглядностью объяснил родственные (родовые) и вместе политические отношения княжеской фамилии» [8, с. 267]. Кроме того, Соловьев обращал «особенное внимание на отношение между Русью московской и Русью литовской и на *историю сословий*» [10, с. 10]. На основе этих лекций он составил и «на вакации 1846 года приготовил к печати» докторскую диссертацию «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» [30, с. 293; 8, с. 267].

В дальнейшем по мере подготовки новых лекций то, что читалось ранее, Соловьев излагал вкратце, а «с особенною подробностью читал историю последующего времени» [8, с. 267]: в 1846/47 уч. г. – период «междуцарствия» и Смутное время, в 1847/48 уч. г. – царствование первых государей из дома Романовых, а в 1848/49 уч. г. - преобразования Петра Великого. Центр внимания историка сдвигался от ранних периодов к более поздним.

Как видим, Соловьев не читал в течение одного учебного года весь материал общего курса русской истории, и поэтому на 4 курсе 1-го отделения философского факультета Соловьев предлагал студентам специальные курсы, которые он ежегодно менял по мере того, как продвигался дальше в изучении русской истории. Они «составляли обыкновенно продолжение общих и представляли подробное изложение того периода, на котором остановился курс общий» [2, с. 262].

В частности, в 1846/47 уч. г. «предметом специального курса … избрана история царствования трех первых государей из дома Романовых: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича» [11, с. 9], в 1847-1848 уч. г. «царствование императора Петра Великого» [12, с. 9], а в 1848-1849 уч. г. – послепетровский период вплоть до Екатерины II [13, с. 11]. Затем некоторые из этих специальных курсов были изданы в виде отдельных научных статей в периодических изданиях[27; 28; 29].

Общий и специальные курсы по русской истории Соловьев читал «по собственным запискам». В настоящее время эти записи лекций хранятся наряду с другими бу-

магами его личного архива в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1120 (Соловьевых).

Это четыре отдельных тетради авторских рукописей общего курса лекций русской истории, которые следует рассматривать как единый комплекс, образовавшийся в результате ряда лет непрерывного преподавания [19; 20; 21; 22]**.**По мере развития преподавательской деятельности Соловьева объем текста нарастал, как это и было заранее предусмотрено историком. В рассматриваемых тетрадях основной текст лекций Соловьев размещал в левой части листов, а для исправлений, дополнений, цитат из источников и ссылок использовал правую часть. В рукописи имеются зачеркивания и дополнения. Первая тетрадь включает 165 лекций, в которых охватывалось время с древнейших времен до начала Смутного времени, вторая - о царствовании Алексея Михайловича и Федора Алексеевича (лекции 26-90), третья содержит лекции о Петре I (лекции1-40) и Екатерине I (лекции 66-69), а четвертая –об истории XVIII столетия с Петра II до конца царствования Екатерины II (лекции 1-85). Тетрадь с авторской рукописью лекций о Смутном времени и царствовании Михаила Федоровича, на основе которых были подготовлены две статьи «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до восшествия на престол дома Романовых» и «Обзор царствования Михаила Федоровича Романова», напечатанные в журнале «Современник» в 1848-1849 и 1852 гг. соответственно [27; 29], отсутствует. Краткие сведения о ней имеются в описи, подготовленной Н.А. Поповым [9, л. 24об.].

В лекциях основное внимание Соловьев уделял событийной истории. Это был курс, ориентированный по преимуществу на изложение исторических фактов, которые рассматривались в контексте теории перехода родовых отношений в государственные, борьбы государственных начал с противогосударственными [34, с. 103]. В отличие от Устрялова, который начинал с теоретического введения об особенностях и значении истории как учебной дисциплины, далее структурировал материал по главам и параграфам, Соловьев не делил русскую историю на отдельные части, а дав в начале характеристику географических условий, затем последовательно и очень подробно излагал основные события по княжениям и царствованиям. Это дает основание утверждать, что новые идеи историк вкладывал в старую историческую схему. Такая структура, по-видимому, сложилась с самого начала преподавательской деятельности историка. При этом метод работы над курсом, отразившийся в рукописных тетрадях, не позволяет проследить эволюцию преподавательского труда Соловьева. Ориентиром и основой для этого служат иные источники.

Интенсивной научно-исследовательской и преподавательской деятельностью во второй половине 1840-х гг. Соловьев постепенно подготавливал почву для более серьезной и глубокой работы, о которой он начал думать еще до получения кафедры, и в 1848 г., одновременно с подготовкой общего курса русской истории и специальных курсов, он «начал заниматься “Историею России”» [30, с. 323]. Поначалу Соловьев считал, что это «будет обработанный университетский курс», который к лету 1848 г. довел уже до петровских времен [30, с. 202], но приступив к делу «нашел, что хороший курс может быть только следствием подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь» [30, с. 326].

Таким образом, с началом работы над многотомной «Историей России с древнейших времен», влияние научных интересов Соловьева на его научно-преподавательскую деятельность становится определяющим, что не могло не сказаться на лекционных курсах, которые он читал в конце 1840-х – 1850-е гг. Судить об этом можно по структуре и содержанию общего курса русской истории, который Соловьев читал на историко-филологическом и юридическом факультетах в1848/49 и 1849/50 уч. г.

По воспоминаниям К.Н. Бестужева-Рюмина, который в 1847-1851 гг. учился в Московском университете сначала на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете, этот лекционный курс начинался «понятием об истории, как народном самосознании; затем, охарактеризовав разные виды летописей краткими, но меткими чертами, профессор переходил к изложению историо-

графии», которое заканчивалось на Н.А. Полевом, после чего начиналось «изложение науки» «со всем известного … географического очерка русской территории, вошедшего в первый том «Истории России», далее «за географией страны следовало изложение дружинной теории происхождения варягов Руси», «прекрасная характеристика деятельности первых князей», «изложение удельного периода», представлявшее «сокращение его докторской диссертации», а «Смутное время было изложено по статьям, появившимся в "Современнике" и в завершение «в беглых очерках, в первом наброске будущей картины» было представлено «время первых Романовых и Петра» [2, с. 262-263].

Кроме того, до нас дошла рукописная копия программы курса лекций по русской истории, хранящаяся в НИОР РГБ (ф. 285. к.3. д.2), которая также датируется 1848/49 уч. г. [18]. Программа была расписана на небольших квадратных листочках, причем один из них был явно утерян, что можно определить по номерам лекций (лекция 17). Нет уверенности, что сохранились самые последние записи, - заключительная лекция (39) посвящалась патриарху Никону, а судя по цитированным выше воспоминаниям Бестужева-Рюмина, курс 1848/49 уч. г. завершался освещением деятельности Петра I.

В этой программе заметна большая зависимость содержания лекций от докторской диссертации Соловьева. Из 39 лекций только 12 посвящены событиям, последовавшим за смертью Ивана Грозного (именно этим событием завершалась диссертация ученого).

Обращает на себя внимание лекция 11. Она была посвящена «Состоянию Руси при первых князьях». Порядок изложения и само содержание предвосхищают соответствующий фрагмент из «Истории России с древнейших времен». И в программе лекций и в многотомном труде Соловьев рассматривал внутреннее состояние восточнославянского общества с древних времен до Ярослава Мудрого включительно. Аналогичная тема отмечена в лекции 18. Наряду с освещением монгольского нашествия в ней предусматривался рассказ о «внутреннем состоянии русского общества до половины XIII века и о монгольском влиянии».

Как видно, задолго до весны 1851 г., когда Соловев сдал в цензуру первый том «Истории России с древнейших времен», у него уже сложились отчетливые представления о членении и расположении материала в его будущем основном труде.

Следующий по времени источник, отразивший работу Соловьева-лектора, представляет собой конспект лекций общего курса русской истории 1849/50 уч. г., принадлежавший студентам юридического факультета Московского университета Дмитрию и Петру Самариным. Он состоит из 36 тетрадей. Первая тетрадь хранится в НИОР РГБ и «представляет собой обзор древнерусской исторической литературы до XVII в., обрывающийся на характеристике сочинений А.С. Матвеева» [17]. Остальные тетради с правками и исправлениями самого Соловьева обнаружила И.И. Колесник в коллекции И.Е. Забелина в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея г. Москвы [7, с. 202-203].

Содержание лекционных курсов 1850-х гг., которые Соловьев читал на 3-4-м курсах историко-филологического и 1-2-м курсах юридического факультетов «по собственным запискам, не придерживаясь никакого автора» [14, с. 11-12], раскрывают несколько источников, хранящихся в фондах РГИА и НИОР РГБ.

Во-первых, особый научный интерес представляет находящийся в РГИА в фонде 1120 (Соловьевых) рукописный автограф лекций историка по древней русской истории до первой четверти XIII века, который до сих пор не стал предметом специального научного анализа [23]. В отличие от подготовленного Соловьевым в 1845-1848 гг. общего курса русской истории, он состоит из отдельных глав («Взгляд на географию русской государственной области и влияние природы страны на ее историю», «Этнография», «Варяги, Русь», «Первые князья, Рюрик, Олег», «Игорь, Ольга» и др.), в которых определены ключевые вопросы или события, в подробностях рассматриваемые в отдельных лекциях. В частности, «географии русской государственной области и отношения ее к истории последней» Соловьев посвятил шесть лекций первой главы. Затем во второй главе под названием «Этнография» он сначала в трех

лекциях (лекции 7-9) дал характеристику народов, проживавших на территории России, а далее в подробностях описал раннюю историю, нравы, образ жизни и религию славянских племен (лекции 10-22). В следующей главе несколько лекций (лекция 23-25) он посвятил варягам и варяжскому вопросу. Далее в лекциях 26-28, которые составляют отдельную главу, Соловьев рассмотрел историю первых князей (Рюрика и Олега). После этого он последовательно рассматривал историю от княжения Игоря до начала политической раздробленности.

По мнению Н.А. Попова, это «отрывки из лекций первых лет профессорства» [9, л. 24об.]. На наш взгляд, это, скорее всего, часть общего или специального курса древней русской истории, который он читал в начале 1850-х гг., так как его структура отличается от структуры университетского курса 1848/49 и 1849/50 уч. г. и воспроизводит структуру первого тома «Истории России с древнейших времен».

О преподавательской деятельности Соловьева во второй половине 1850-х гг. можно судить по находящемуся в НИОР РГБ (ф. 70. к. 29. д. 19, 27) студенческому конспекту лекций четырехчасового лекционного курса по древней русской истории 1856/57 уч. г., принадлежавшему В.И. Герье [24; 25]. Конспект сохранился не полностью. Остались только 4 тетради со второй по пятую. Во второй тетради находятся конспекты 6 лекций по древней русской истории XIV- первой половины XVI вв. При этом конспекты 5 лекций имеют конкретную дату: 31октября, 2 ноября, 7 ноября (пропущена первая часть лекции), 9 ноября, 14 ноября, а конспект первой части шестой лекции не датирован, но указан порядковый номер в лекционном курсе – 35. Третья тетрадь начинается конспектом второй части лекции 35 посвященной царствованию Ивана Грозного. Кроме того, в ней имеются недатированные конспекты лекций 36-38 и, вероятно, лекции 41 о русской культуре и просвещении XVI столетия. В четвертой тетради находятся конспекты трех лекций (6 марта, 14 марта, 29 марта 1857 г.) о царствовании Михаила Федоровича Романова, а в пятой тетради – конспекты 5 лекций (6 февраля, 27 февраля, 1 марта, 6 марта, 8 марта 1857 г.) о Смутном времени.

Конспект лекционного курса 1856/57 уч. г. показывает, что Соловьев, который к этому времени довел «Историю России с древнейших времен» до XVI столетия, внес изменения в структуру лекционного курса, который он разработал во второй половине 1840-х гг., а также в содержание конкретных исторических сюжетов. Если в 1848/49 уч. г. он отводил 37 лекций на рассмотрение событий до царствования Михаила Федоровича Романова включительно, то в 1856/57 уч. г. уже 49 лекций. Соловьев, в частности, увеличил с 3 до 10 количество лекций на интересовавшую его в научном плане историю России XVI в., в первую очередь на царствование Ивана Грозного. Кроме того, он добавил в курс отдельную лекцию о русской культуре и просвещении XVI столетия. Эти изменения подтверждают мнение о том, что научная деятельность Соловьева, прежде всего работа над «Историей России с древнейших времен», которую к этому времени он довел до XVI в., оказывала непосредственное влияние на его преподавательскую деятельность [34, с. 103].

Однако, несмотря на эти изменения, общий характер лекционного курса Соловьева остался событийно-хронологическим. Историк, как и раньше, в подробностях рассматривал становление Российского государства в контексте теории перехода родовых отношений в государственные. Об этом свидетельствуют не только рассмотренные нами конспекты лекций курса по древней русской истории 1856/57 уч. г., принадлежавшие В.И. Герье, но и его воспоминания, в которых он писал: «Это был не только исторический курс в смысле простого повествования, но и в смысле исторического строительства. Из родового полукочевого быта и народа и князей на наших глазах строилось, сплачивалось русское государство, сначала разрозненное, с усобицами, но по мере того, как в нем создавалось, помимо идеи родства князей и более существенное понимание кровного родства самого народа, должна была изменяться форма и цель государства – из родовой вотчины оно должно стремиться установить свою власть над однородными частями. И слушая, как профессор научал нас понимать политику древних русских, мы заинтересовались ею…. Перед нами проходили один за

другим периоды русской истории с их разнообразными оттенками и характерными князьями, налагавшими свою печать на каждый из них: период Владимира Святого, создавшего христианскую Русь, общий удел князей-рюриковичей до Иоанна IV, открывшего русским татарский Восток, и до Петра Великого, растворившего настежь дверь в Европу, европейскую цивилизацию» [5, с. 425].

Таким образом, во второй половине 1840-х – 1850-е гг. Соловьев подготовил и читал в Московском университете оригинальный общий курс по истории России, в котором, делая основной упор на событийной истории, представил своим слушателям подробный обзор событий с древнейших времен до конца XVIII века. Характер и содержание разработанного Соловьевым общего курса истории России, его существенное отличие от лекционных курсов историка в 1860-1870-е гг., имевших по преимуществу проблемно-тематический, а не событийно-хронологический характер, дает основание рассматривать вторую половину 1840-х – 1850-е гг. в качестве отдельного периода в его научно-педагогической деятельности.

В настоящее время материалы лекционного курса второй половины 1840-1850-х гг. разбросаны по многочисленным архивным фондам и сохранились либо в авторской рукописи, либо в виде студенческих конспектов, которые представляют ценные источники для изучения как истории отечественной исторической науки, так и особенностей ее преподавания в качестве учебной дисциплины в российских университетах середины XIX столетия. В связи с этим необходимость специального научного исследования и издание лекционного курса Соловьева очевидна.

Список литературы

1. Александров А.В. Современные исторические труды в России. СПб., 1845.
2. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882.
3. Волкова И.В. «Новый период» истории России в трудах С.М. Соловьева (из истории общественной мысли середины XIX в.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1984.
4. Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // С.М. Соловьев. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 23-186.
5. Герье В.И. Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. М., 1990. С. 419-439.
6. Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 320-328.
7. Колесник И.И. Конспект лекций С.М. Соловьева по русской историографии // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989. С. 201-209.
8. Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.
9. О разделе имущества С.М. Соловьева //РГИА .Ф. 1120. Оп.1. Д. 17.
10. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1845/46 акад. и 1846 граждан. годы. М., б.г.
11. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1846/47 акад. и 1847 граждан. годы. М., б.г.
12. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1847/48 акад. и 1848 граждан. годы. М., б.г.
13. Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1848/49 акад. и 1849 граждан. годы. М., б.г.
14. Отчето состоянии и действиях имп. Московского университета за 1856-1857 акад. и 1857 граждан. годы. М., б.г.
15. Переписка С.М. Соловьева с К.С. Аксаковым (1847-1857) // Записки отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1987. Вып. 46. С. 177-208.
16. Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во второй половине XVIII – начале XX в. Дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
17. Соловьев С.М. Лекция 1-я курса лекций по древней истории, обзор русской исторической литературы // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Д. 1. Л. 1-18.

18. Соловьев С.М. Конспект курса лекций по русской истории 1848/49 уч. г. // НИОР РГБ. Ф. 285. К. 3. Д. 2. Л. 1-39.

19. Соловьев С.М. Лекции по истории России (кончая смутным временем) // РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-295 об.

20. Соловьев С.М. Лекции по истории России (Алексей Михайлович – Федор Алексеевич) // РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-137об.

21. Соловьев С.М. Лекции по истории России (Петр I – Екатерина I) // РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-65;

22. Соловьев С.М. Лекции по истории России (Петр II – Екатерина II) // РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 32. Л. 1-168.

23. Соловьев С.М. Отрывки из лекций по истории России /// РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 33. Л. 1-119 об.

24. Соловьев С.М. Лекции русской истории // НИОР РГБ. Ф. Герье. К. 29.Д. 19. Л. 1-43об.

25. Соловьев С.М. Лекции русской истории // НИОР РГБ. Ф. Герье К. 29. Д. 27. Л 1-47.

26. Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 4. №8. С. 478-494.

27. Соловьев С.М. Обзор событий русской истории, от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых // Современник. 1848. Т. 7. №1-2. С. 1-40, 59-88; 1849. Т.8. №3-4. С.1-28, 45-85; Т.13. №1. С. 1-36. №2. С. 65-106. №3. С.1-36. №11. С.31-37. №12. С.85-108; Т.14. №3-4. С.1-36; Т.18. №11-12. С.31-57, 85-108; Т.29. №9. С.1-48.

28. Соловьев С.М. Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу // Отечественные записки. 1848. Т.61. №11. С.1-34. №12. С.147-166; 1849. Т.62. №2. С.215-270.

29. Соловьев С.М. Обзор царствования Михаила Федоровича Романова // Современник. 1852. Т.31. №1. С.1-50. №2. С.79-122.

30. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.

31. Соловьев С.М. Лекции по русской истории (1873/1874 гг.) // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. М., 1998. С. 6-246.

32. Танков А.Л. С.М. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. № 8. С. 245-272.

33. Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1837-1841. Ч. 1-5.

34. Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки: историографический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 96-137.

LECTURE COURSES ON THE HISTORY OF RUSSIA IN THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY OF S.M. SOLOVYOV THE SECOND HALF OF THE 1840'S - 1850'S.

Texts of lecture courses on the history of Russia are important part of scientific heritage of S.M. Solovyov. They had become subject of investigation only in recent time. Now it is clear that Soloviev elucidated historical materials in his lectures more widely than in his “History of Russia” – till the end of XVIII or even the beginning of XIX century. In the article, the authors enter into the scientific circulation and analyze the lecture courses of Soloviev on the history of Russia, discovered in the archives of Moscow and St. Petersburg, which he gave at the Moscow University in the second half of the 1840s-1850s.
Keywords: S.M. Solovyov, Moscow university, historical education, delivering lectures, scientific-pedagogical activity

References

1. Aleksandrov A.V. Sovremennyye istoricheskiye trudy v Rossii. SPb., 1845.

2. Bestuzhev-Ryumin K.N. Biografii i kharakteristiki. SPb., 1882.

3. Volkova I.V. «Novyy period» istorii Rossii v trudakh S.M. Solov'yeva (iz istorii obshchestvennoy mysli serediny XIX v.). Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. M., 1984.

4. Volkova I.V. Sergey Mikhaylovich Solov'yev. Ocherk zhizni i tvorchestva // S.M. Solov'yev. Obshchedostupnyye chteniya o russkoy istorii. M., 1992. S. 23-186.

5. Ger'ye V.I. Detstvo. Ucheniye do polucheniya kafedry // Istoriya i istoriki. M., 1990. S. 419-439.

6. Klyuchevskiy V.O. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Sochineniya: V 9 t. M., 1989. T. 7.

S. 320-328.

7. Kolesnik I.I. Konspekt lektsiy S.M. Solov'yeva po russkoy istoriografii // Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1988 god. M., 1989. S. 201-209.

8. Moskovskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. M., 1989.

9. O razdele imushchestva S.M. Solov'yeva // RGIA .F. 1120. Op.1. D. 17.

10. Otchet o sostoyanii i ideystviyakh imp. Moskovskogo universiteta za 1845/46 akad. i 1846 grazhdan. gody. M., b.g.

11. Otchet o sostoyani i ideystviyakh imp. Moskovskogo universiteta za 1846/47 akad. i 1847 grazhdan. gody. M., b.g.

12. Otchet o sostoyanii i ideystviyakh imp. Moskovskogo universiteta za 1847/48 akad. i 1848 grazhdan. gody. M., b.g.

13. Otchet o sostoyanii i deystviyakh imp. Moskovskogo universiteta za 1848/49 akad. i 1849 grazhdan. gody. M., b.g.

14. Otchet o sostoyanii i deystviyakh imp. Moskovskogo universiteta za 1856-1857 akad. i 1857 grazhdan. gody. M., b.g.

15. Perepiska S.M. Solov'yeva s K.S. Aksakovym (1847-1857) // Zapiski otdela rukopisey Gos. Biblioteki SSSR im. V.I. Lenina. M., 1987. Vyp. 46. S. 177-208.

16. Perkovskaya G.A. Razvitiye istoricheskogo obrazovaniya v universitetakh Rossii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX v. Dis. … kand. ist. nauk. Stavropol', 2005.

17. Solov'yev S.M. Lektsiya 1-ya kursa lektsiy po drevney istorii, obzor russkoy istoricheskoy literatury // NIOR RGB. F. 285. K. 3. D. 1. L. 1-18.

18. Solov'yev S.M. Konspekt kursa lektsiy po russkoy istorii 1848/49 uch. g. // NIOR RGB. F. 285. K. 3. D. 2. L. 1-39.

19. Solov'yev S.M. Lektsii po istoriiRossii (konchaya smutnym vremenem) // RGIA. F. 1120. Op. 1. D. 29. L. 1-295 ob.

20. Solov'yev S.M. Lektsii po istorii Rossii (Aleksey Mikhaylovich – Fedor Alekseyevich) // RGIA. F. 1120. Op. 1. D. 30. L. 1-137ob.

21. Solov'yev S.M. Lektsii po istorii Rossii (Petr I – Yekaterina I) // RGIA. F. 1120. Op. 1. D. 31. L. 1-65;

22. Solov'yev S.M. Lektsii po istorii Rossii (Petr II – Yekaterina II) // RGIA. F. 1120. Op. 1. D. 32. L. 1-168.

23. Solov'yev S.M. Otryvki iz lektsiy po istorii Rossii /// RGIA. F. 1120. Op. 1. D. 33. L. 1-119 ob.

24. Solov'yev S.M. Lektsii russkoy istorii // NIOR RGB. F. Ger'ye. K. 29.D. 19. L. 1-43ob.

25. Solov'yev S.M. Lektsii russkoy istorii // NIOR RGB. F. Ger'ye K. 29. D. 27. L 1-47.

26. Solov'yev S.M. Parizhskiy universitet: Pis'mo iz Pragi ot 23 iyunya 1843 g. // Moskvityanin. 1843. CH. 4. №8. S. 478-494.

27. Solov'yev S.M. Obzor sobytiy russkoy istorii, ot konchiny tsarya Fedora Ioannovicha do vstupleniya na prestol doma Romanovykh // Sovremennik. 1848. T. 7. №1-2. S. 1-40, 59-88; 1849. T.8. №3-4. S.1-28, 45-85; T.13. №1. S. 1-36. №2. S. 65-106. №3. S.1-36. №11. S.31-37. №12. S.85-108; T.14. №3-4. S.1-36; T.18. №11-12. S.31-57, 85-108; T.29. №9. S.1-48.

28. Solov'yev S.M. Ocherk istorii Malorossii do podchineniya yeye tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu // Otechestvennyye zapiski. 1848. T.61. №11. S.1-34. №12. S.147-166; 1849. T.62. №2. S.215-270.

29. Solov'yev S.M. Obzor tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha Romanova // Sovremennik. 1852. T.31. №1. S.1-50. №2. S.79-122.

30. Solov'yev S.M. Izbrannyye trudy. Zapiski. M., 1983.

31. Solov'yev S.M. Lektsii po russkoy istorii (1873/1874 gg.) // Solov'yev S.M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. XXI. Dopolnitel'naya. Raboty raznykh let. M., 1998. S. 6-246.

32. Tankov A.L. S.M. Solov'yev kak professor // Kolos'ya. 1885. № 8. S. 245-272.

33. Ustryalov N.G. Russkaya istoriya. SPb., 1837-1841. CH. 1-5.

34. Shakhanov A.N. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Istoriyai i storiki: istoriograficheskiy yezhegodnik. 2002. M., 2002. S. 96-137.

Об авторах

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского госуниверситета, E-mail: alexdubr48@mail.ru

Кучурин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления ГАОУ ДПО «Ленинградский областной институт развития образования», E-mail: vkpostal@gmail.com

Dubrovski Aleksandr Mikhaylovich – phd, professor of department of Russian history, Bryansk state university, E-mail: alexdubr48@mail.ru

Kuchurin Vladimir Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Management of the Leningrad Regional Institute of Education Development, E-mail: vkpostal@gmail.com

УДК 327(569.4)

Ермаков А.А., кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Россия)
Рыжов И.В., доктор исторических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Россия)

РАЗВИТИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ И РАДИКАЛОВ СЕКТОРА ГАЗА: «ДОКТРИНА ЛИБЕРМАНА»

В 2018 г. вновь обострился палестино-израильский конфликт. Это не стало неожиданностью, т.к. противостояние между Тель-Авивом и радикалами сектора Газа после проведённой в 2014 г. операции «Нерушимая скала» вышло на новый уровень, а представленная министром обороны Авигдором Либерманом стратегическая доктрина подчеркнула решимость израильской стороны довести борьбу до логического завершения. Сегодня, как и в дни операции «Нерушимая скала», израильтяне прилагают усилия для разрушения ключевых элементов военной инфраструктуры радикалов. Кроме того, реализуются меры по предотвращению восстановления некоторых из них. Другой важный элемент имплементации стратегии – укрепление приграничной территории, в развитии которой сейчас наблюдается заметный дисбаланс – жители населённых пунктов на севере Израиля защищены хуже, чем на юге, что ослабляет позиции Тель-Авива в конфликте с действующими у израильских границ радикалами. Ситуацию осложняет неоднородность действующих в секторе Газа антиизраильских сил, успешно сотрудничающих друг с другом: помимо ХАМАС выделяется радикальное движение «Исламский джихад». Результатом успешной реализации Израилем пунктов стратегической доктрины может стать ослабление военной мощи радикалов, и, как следствие, уменьшение вероятности крупномасштабного конфликта. Однако, предпринимаемых израильской стороной мер недостаточно, чтобы нейтрализовать военную угрозу со стороны палестинского анклава. Демилитаризация сектора является важным этапом на пути к завершению противостояния между палестинцами и израильтянами, но её достижение в ближайшее время маловероятно и базирующиеся в Газе группировки останутся для Израиля одним из наиболее опасных противников.
Ключевые слова: Государство Израиль, Армия обороны Израиля, Авигдор Либерман, стратегическая доктрина, палестино-израильский конфликт, сектор Газа, ХАМАС, «Исламский джихад», «Хезболла», защита тыла.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-57-63

Сектор Газа является одной из арен противостояния между Государством Израиль и действующими у его границ радикалами. Восточная арена данного противоборства – территория Западного берега реки Иордан, а на севере израильтянам приходится иметь дело с радикальной ливанской организацией «Хезболла» («Партия Аллаха»). Сегодня, спустя несколько лет после завершения крупномасштабной операции «Нерушимая скала», проводившейся Тель-Авивом против боевиков Газы в 2014 г., происходящее в палестинском анклаве приковывает всё большее внимание, что в значительной мере связано с событиями на его границе, среди которых – столкновения 14 мая 2018 г., имевшие особо ожесточённый и кровопролитный характер [10].

Наряду с подобными проявлениями, развитие палестино-израильского конфликта сопровождается процессом, имеющим по отношению к ним глубинный характер. Это – рост военной угрозы со стороны радикалов сектора Газа, который не могли остановить нанесённые Армией обороны Израиля (АОИ или ЦАХАЛ) многочисленные удары. Указанное обстоятельство во многом обусловлено тем, что действующие на территории палестинского анклава антиизраильские силы сохраняют свободу действий для наращивания своей военной мощи. Однако, сейчас израильская сторона прилагает усилия, способные повлиять на этот процесс больше, чем проведённые ЦАХАЛ операции.

В январе 2018 г. министр обороны Израиля Авигдор Либерман огласил стратегическую доктрину, исходя из которой АОИ, её командование, а также министерство обороны Израиля действуют в отношении сектора Газа. Она состоит из следующих пунктов:

- решение вопроса пленных и пропавших без вести;
- ликвидация ведущих на израильскую территорию трансграничных тоннелей радикалов. По словам Авигдора Либермана, до конца 2018 г. эти подземные коммуникации будут уничтожены;
- завершение строительства подземного

заградительного сооружения на границе с палестинским анклавом, которое призвано решить проблему трансграничных тоннелей;

- подрыв стратегических возможностей движения ХАМАС, нанесение максимально эффективных и болезненных ударов по его стратегической инфраструктуре в ответ на проявления боевой активности радикалов в отношении Израиля;

- всемерное укрепление населённых пунктов приграничной сектору полосы;

- разоружение боевиков в обмен на восстановление Газы [6].

Следует признать, что разоружение действующих на территории анклава радикалов на сегодняшний день является маловероятным сценарием развития событий, а вопрос о пленных и пропавших без вести может быть решён ещё не скоро. Такое положение дел осложняет процесс палестино-израильского урегулирования, т.к. демилитаризация сектора является важным этапом на пути к завершению противостояния между палестинцами и израильтянами. В свою очередь, решение вопроса пленных и пропавших без вести может открыть путь деэскалации конфликта вокруг сектора Газа. «Сначала должна быть разрешена ситуация с нашими пленными и пропавшими без вести. Пока этот вопрос не решится, никаких гуманитарных и иных шагов по отношению к сектору сделано не будет», – заявил Авигдор Либерман [5].

Остальные пункты стратегической доктрины направлены на снижение военной угрозы со стороны радикалов, в первую очередь, за счёт разрушения ключевых элементов их военной инфраструктуры и реализации мер по предотвращению восстановления некоторых из них. Схожие шаги Тель-Авив предпринимал во время операции «Нерушимая скала». Тогда в ЦАХАЛ было заявлено следующее: «Мы ведём борьбу исключительно против инфраструктуры террора – уничтожаем склады оружия, мастерские по производству ракет, бункеры, лагеря подготовки террористов. Год назад мы поняли, к чему готовится ХАМАС, и решили «разложить» эту группировку на составляющие, что позволит нам более эффективно с ней бороться. Мы определили «карту боли», выявили болевые точки, удары по которым в случае войны будут особенно чувствительными, чтобы лишить ХАМАС атакующего потенциала и обречь на длительный и дорогостоящий процесс его восстановления» [1].

Важным обстоятельством является наличие и сегодня, и в 2014 г., в «банке целей» у израильтян трансграничных тоннелей боевиков. Как и тогда, от этих коммуникаций наряду с ракетным вооружением исходит наибольшая угроза израильской территории со стороны сектора Газа. Таким образом, обозначенные выше действия против военной инфраструктуры палестинцев в рамках реализации озвученной Авигдором Либерманом стратегической доктрины нужно рассматривать как продолжение шагов, предпринятых Тель-Авивом во время операции «Нерушимая скала».

Вкупе с этими действиями также необходимо рассматривать возведение многослойного морского заградительного сооружения в приграничном Газе районе, которое призвано не допустить инфильтрацию в прибрежной зоне на территорию Израиля. Завершение данных работ ожидается к концу 2018 г [4]. Подобно тому, как строительство «подземного забора» сопровождается ликвидацией трансграничных тоннелей, эффект от создания морского барьера усиливается ударами АОИ по военно-морской инфраструктуре антиизраильских сил [13].

Следующий пункт стратегической доктрины – всемерное укрепление населённых пунктов приграничной сектору полосы – не менее важен, чем борьба с военной инфраструктурой радикалов. Эти шаги являются вкладом в повышение стойкости тыла, от которой зависит готовность Израиля вести продолжительное вооружённое противостояние с действующими у его границ боевиками. В их числе выделяется создание т.н. «зелёного коридора» для фермеров, которые живут и работают в населённых пунктах близ сектора Газа. Он представляет собой механизм ускоренной и упрощенной финансовой компенсации в случае остановки работы при обострении ситуации. «Нередко им приходится прекращать работу из-за напряжённости в сфере безопасности», – отметил Авигдор Либерман [9]. Данные меры приобрели ещё большее значение ввиду ставших рутинными поджо-

гов, совершаемых палестинцами Газы на израильской территории при помощи воздушных змеев и шаров, оснащённых средствами инициирования возгорания.

Действия по укреплению приграничной сектору территории являются отражением динамики противостояния между Израилем и радикалами палестинского анклава, которая характеризуется тем, что масштабные и крупномасштабные боевые действия чередуются со вспышками напряжённости. Другое её проявление – создававшийся годами дисбаланс в защите севера и юга Израиля, обусловленный также состоянием конфликта между Тель-Авивом и «Хезболлой» после Второй ливанской войны.

«В прилегающих к сектору Газа районах, протяжённостью в 7 километров, занимающих площадь равную приблизительно 300 квадратных километров, проживают примерно 46.000 граждан Израиля. Государство вложило в их защиту приблизительно 37.000 шекелей на человека, и там очень высокий уровень готовности. На севере ситуация, к сожалению, обратная. Если мы говорим о территории, протяжённостью в 9 километров на севере, положение которой сопоставимо с югом в плане силы, дальности и количестве оружия, которое может быть на неё направлено, а вся площадь равна приблизительно 900 квадратным километрам, и на ней проживают около 244.000 человек, то вклад государства в их защиту равняется приблизительно 970 шекелям на человека. То есть в защиту севера мы вложили приблизительно в 37 раз меньше, чем в защиту юга. Для того, чтоб действительно защитить тыл на севере, необходимо разработать пятилетнюю программу, по которой будет ежегодно выделяться миллиард шекелей. Это тот минимум, который позволит уравнять состояние тыла севера с состоянием тыла юга», – констатировал Авигдор Либерман [8]. Хорошей иллюстрацией состояния защиты севера Израиля являются представленные Службой тыла данные, согласно которым, число домов без защищённых помещений на расстоянии 9 километров от северной границы – территории, которая в случае войны с «Хезболлой» может пострадать особенно сильно – более 16.000 [12].

Уровень защиты израильского севера ослабляет позиции Тель-Авива в противостоянии не только с «Хезболлой», но и с радикалами сектора Газа – при наличии у последних возможности обстреливать ракетами всю территорию своего противника. При этом «Хезболла» продолжает представлять для израильтян гораздо большую военную угрозу, чем действующие в Газе группировки. Однако, сегодня в Израиле прилагают усилия для исправления сложившейся ситуации в сфере защиты тыла. Уже разработана и представлена ориентированная на север страны широкомасштабная программа по защите тыла. Как отметил Авигдор Либерман, это произошло впервые после Второй ливанской войны. Данная программа, среди прочего, включает в себя модернизацию общественных бомбоубежищ на севере. В соответствии с ней, лишь в текущем году, должны быть модернизированы и стать пригодными для длительного пребывания более 300 таких защитных сооружений [7].

Претворение в жизнь пунктов стратегической доктрины, направленных на снижение военной угрозы со стороны радикалов, коррелируется с возможной реализацией сценария ведения боевых действий, о котором заявил Авигдор Либерман. «Следующий конфликт, если он разразится, будет совершенно иным. Наши враги постараются, в первую очередь, нанести удар по массовым скоплениям населения и по гражданской инфраструктуре. И именно поэтому у нас не будет возможности вести долгую войну – шаг вперед и два назад. Любой конфликт должен будет вестись с самого первого момента в самом интенсивном режиме, с применением всей мощи ЦАХАЛ», – отметил он [3].

Данный сценарий применим к противостоянию израильтян и с радикалами палестинского анклава, и с «Хезболлой». Эти противники Тель-Авива могут нанести массированные ракетные удары по территории Израиля. Трансграничные тоннели, о которых говорилось выше – одно из дополнений к ракетному вооружению антиизраильских сил Газы. О применимости этого сценария ведения боевых действий к конфликту Израиля с «Хезболлой» и группировками сектора Газа также свидетельствуют недавние широкомасштабные учения военно-воздушных сил (ВВС) АОИ. По сообщению армейской пресс-

службы, они были направлены на повышение готовности ВВС к одновременному решению боевых задач на севере и юге. В ходе них отрабатывалось «молниеносное» нанесение ударов по сотням целей на территории палестинского анклава за короткий промежуток времени [14].

При использовании военной силы против радикалов сектора Газа ключевой задачей для Тель-Авива является избежать скатывания к крупномасштабным боевым действиям. Вероятность такого сценария развития событий сегодня достаточно высока, т.к. за прошедшее после «Нерушимой скалы» время антиизраильские силы Газы смогли восполнить понесенные ими в 2014 г. потери. Об этом свидетельствует неоднократно вспыхивавшее в текущем году кратковременное масштабное вооружённое противостояние.

Фактором, осложняющим сохранение контроля над развитием событий, является неоднородность действующих в секторе антиизраильских сил. Среди них помимо ХАМАС выделяется радикальное движение «Исламский джихад». В военном плане эта организация по-прежнему слабее ХАМАС, что во многом определяет её положение в рамках противоборства с Тель-Авивом. Поэтому крайне важным является наличие тесного многоуровневого взаимодействия между этими группировками, которое необходимо учитывать, как при изучении конфликта между Израилем и палестинцами в целом, так и при обращении к деятельности каждой из них. Одно из его направлений – взаимовыгодное сотрудничество с ХАМАС в военной сфере – позволяет «Исламскому джихаду» частично компенсировать недостатки своей военной машины.

Проявление такого взаимодействия между двумя организациями связано с одной из вспышек кратковременного масштабного вооружённого противостояния, когда командование боевых структур ХАМАС и «Исламского джихада» – «Бригад Изаддина аль-Касама» и «Бригад Аль-Кудса» – выступило с совместным заявлением об ответственности за обстрелы Израиля [11]. Эти события не стали неожиданностью. Их предвестником явился рост напряжённости между Тель-Авивом и «Исламским джихадом», произошедший под конец 2017 г. и связанный с активностью противоборствующих сторон в районе границы сектора Газа. В ходе него израильтяне использовали цену эскалации конфликта для сдерживания вероятных действий своего противника.

«Почти две недели назад Израиль уничтожил туннель террора на нашей суверенной территории, – заявил тогда ныне экс-координатор действий израильского правительства на палестинских территориях Йоав Мордехай. – Нам хорошо известно о попытках «Исламского джихада» организовать теракт, и мы предупреждаем, что террористы играют с огнём, рискуя благополучием мирных жителей сектора, подрывая попытки внутрипалестинского урегулирования, и ставя под угрозу стабильность во всём регионе. Мы хотим, чтобы было ясно: на любое враждебное действие со стороны «Исламского джихада» последует жёсткий ответ Израиля, и он будет направлен не только в адрес этой организации, но и в адрес ХАМАС. Мы советуем руководству «Исламского джихада» держать ситуацию под контролем и обеспечить полное отсутствие агрессивных действий активистов организации» [2].

Таким образом, на кону стояли жизни боевиков не только «Исламского джихада», но и ХАМАС. Последний в это время пытался решить крайне важную задачу – усиление своего стратегического положения. Её выполнение зависело от развития внутрипалестинского примирения. Устранив издержки, связанные с контролем над территорией Газы, и сохранив военную мощь вкупе с возможностью её наращивания, ХАМАС улучшил бы свои позиции в противостоянии с Тель-Авивом. Поэтому он был заинтересован в сохранении режима тишины вокруг сектора. Однако, из-за неудач палестинцев в достижении примирения между собой, этот сдерживающий фактор значительно ослаб, что, среди прочего, и привело к новой эскалации конфликта вокруг сектора Газа.

В заключение обратимся к последствиям успешной реализации израильской стороной пунктов стратегической доктрины, направленных на снижение военной угрозы со стороны радикалов.

Во-первых, это уменьшение вероятно-

сти рецидива крупномасштабного вооружённого противостояния, т.к. ослабление военной мощи радикалов станет для них дополнительным сдерживающим фактором применения военной силы в отношении Израиля. Это особенно важно ввиду того, что с момента завершения операции «Нерушимая скала» прошло уже много времени, и вероятность такого рецидива сегодня гораздо выше, чем в предыдущие годы. Однако, данный сдерживающий фактор ещё не сформировался. Его становление происходит по мере реализации упомянутых выше пунктов стратегической доктрины. Наиболее важным событием этого процесса следует считать окончание строительства «подземного забора» на границе с Газой, что обусловлено значимостью для палестинцев трансграничных тоннелей как военного инструмента.

Во-вторых, это сокращение «банка целей», что снижает цену и упрощает проведение крупномасштабной военной операции против радикалов сектора Газа. Успешная реализация отмеченных выше пунктов стратегической доктрины по эффекту от воздействия на военную машину антиизраильских сил Газы будет сопоставима с такой операцией. Указанный результат достигается тем, что израильтяне прилагают усилия по нейтрализации угрозы атак из-под земли, а не просто ограничиваются уничтожением тоннелей. В дальнейшем, следует ожидать возрастания иных угроз для израильского тыла, т.к. палестинские радикалы продолжают совершенствование доступных им средств вооружённого противоборства. Среди них – уже упоминавшееся ракетное вооружение. Перспективным направлением в этой области является развитие беспилотной техники, которой также обладают действующие в секторе боевики. Но это – в будущем, а сегодня, Тель-Авив способен значительно снизить возможности палестинцев наносить болезненные удары по израильскому тылу. Однако, даже, если это произойдёт, они сохранят способность успешно вести боевые действия против сухопутных сил АОИ на территории анклава. Таким образом, базирующиеся в секторе Газа группировки останутся для Израиля одним из наиболее опасных противников.

Список литературы

1. Высокопоставленный армейский источник: ЦАХАЛ загнал ХАМАС в ловушку // NEWSru.co.il. 13.07.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/13jul2014/brifing_a207.html (дата обращения: 22.05.2018)

2. Генерал-майор Йоав Мордехай: «Исламский джихад» играет с огнем // NEWSru.co.il. 12.11.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/12nov2017/poli_701.html (дата обращения: 19.06.2018)

3. Либерман: Мы не будем вести затяжную войну // Партия «Наш дом Израиль». 03.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://ndi.org.il/liberman-31-2/ (дата обращения: 12.06.2018)

4. Либерман: Начато строительство подводной защитной стены на границе с Газой // Партия «Наш дом Израиль». 27.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://ndi.org.il/stena/ (дата обращения: 30.05.2018)

5. Либерман: никакой «худны» с ХАМАСом не будет // Партия «Наш дом Израиль». 05.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://ndi.org.il/hudna/ (дата обращения: 15.06.2018)

6. Либерман огласил стратегическую доктрину в отношении сектора Газы // Партия «Наш дом Израиль». 15.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://ndi.org.il/liberman-sector-gaza/ (дата обращения: 16.05.2018)

7. Либерман представил главам местных советов программу защиты тыла // Партия «Наш дом Израиль». 19.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://ndi.org.il/zaschita/ (дата обращения: 06.08.2018)

8. Либерман: «Север Израиля не защищен» // NEWSru.co.il. 25.03.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/25mar2018/liberman_710.html (дата обращения: 06.06.2018)

9. Либерман создаст «зеленый коридор» для фермеров из примыкающих к сектору Газа районов // Партия «Наш дом Израиль». 01.02.2018. [Электронный ресурс]. URL:

http://ndi.org.il/liberman-kkl/ (дата обращения: 06.06.2018)

10. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (14 — 20 мая 2018 года) // Институт Ближнего Востока. 21.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/?p=44485 (дата обращения: 31.05.2018)

11. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (27 мая – 3 июня 2018 года) // Институт Ближнего Востока. 04.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/?p=44848 (дата обращения: 17.06.2018)

12. Служба тыла: тысячи домов в Северном округе не защищены // NEWSru.co.il. 21.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/21may2018/migun_115z.html (дата обращения: 06.06.2018)

13. См., например: ЦАХАЛ опубликовал новые данные об ударах по целям в Газе // NEWSru.co.il. 31.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/31may2018/gaza_103.html (дата обращения: 31.05.2018)

14. Учения ВВС ЦАХАЛа: «молниеносное» нанесение ударов по сотням целей в секторе Газы. ВИДЕО // NEWSru.co.il. 07.06.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/07jun2018/idf_009.html (дата обращения: 12.06.2018)

EVOLUTION OF THE CONFRONTATION BETWEEN ISRAEL AND THE RADICALS OF THE GAZA STRIP: LIEBERMAN'S MILITARY DOCTRINE

Escalation of the Palestinian-Israeli conflict in 2018 was expected, since the confrontation between Tel Aviv and the radicals of the Gaza Strip after operation «Protective Edge» in 2014 was intense, and the military doctrine presented by Defense Minister Avigdor Lieberman showed the Israeli dedication to finishing the fight. Today, the same as in the time of 2014 Israel–Gaza conflict, the Israelis are making efforts to destroy the key elements of the military infrastructure of the radicals and prevent the restoration of them. Another important element in the implementation of the strategy is the strengthening of the border area, as its noticeable imbalance (settlements in the north of Israel are protected worse than in the southern ones) weakens Israeli position in the conflict with the radicals operating on borders. The situation is complicated by the heterogeneity of successfully cooperating with each other anti-Israeli forces operating in the Gaza Strip, along with Hamas, the radical movement «Islamic Jihad» stands out. The successful implementation of this doctrine may result in the weakening of the military power of the radicals and, as a consequence, in reducing the possibility of a large-scale conflict. However, the measures taken by the Israeli side are not sufficient enough to completely neutralize the military threat from the Palestinian enclave. The demilitarization of the sector is an important step towards the end of the confrontation, but its achievement is unlikely in the near future and the Gaza-based radicals will remain one of the most threatening enemies for Israel.

Keywords: the State of Israel, the Israel Defense Forces, Avigdor Lieberman, strategic doctrine, Palestinian-Israeli conflict, the Gaza Strip, Hamas, «Islamic Jihad», «Hezbollah», rearguard.

References

1. Vysokopostavlennyi armeiskii istochnik: TsAKhAL zagnal KhAMAS v lovushku [High-ranking army source: IDF hijacked Hamas]. NEWSru.co.il. 13.07.2014. Retrieved 22 May, 2018 from http://newsru.co.il.

2. General-maior Ioav Mordekhai: «Islamskii dzhikhad» igraet s ognem [Major-General Yoav Mordechai: "Islamic Jihad" plays with fire]. NEWSru.co.il. 12.11.2017. Retrieved 19 June, 2018 from http://newsru.co.il.

3. Liberman: My ne budem vesti zatiazhnuiu voinu [Lieberman: We will not lead a protracted war]. Partiia «Nash dom Izrail'». 03.10.2017. Retrieved 12 June, 2018 from http://ndi.org.il.

4. Liberman: Nachato stroitel'stvo podvodnoi zashchitnoi steny na granitse s Gazoi [Lieberman: the construction of an underwater containment wall on the border with Gaza started]. Partiia «Nash dom Izrail'». 27.05.2018. Retrieved 30 May, 2018 from http://ndi.org.il.

5. Liberman: nikakoi «khudny» s KhAMASom ne budet [Lieberman: no "truce" with Hamas will not be]. Partiia «Nash dom Izrail'». 05.06.2018. Retrieved 15 June, 2018 from http://ndi.org.il.

6. Liberman oglasil strategicheskuiu doktrinu v otnoshenii sektora Gazy [Lieberman announced a strategic doctrine regarding the Gaza Strip]. Partiia «Nash dom Izrail'». 15.01.2018. Retrieved 16 May, 2018 from http://ndi.org.il.

7. Liberman predstavil glavam mestnykh sovetov programmu zashchity tyla [Lieberman presented to the heads of local councils a program for the protection of the rear]. Partiia «Nash dom Izrail'». 19.07.2018. Retrieved 06 August, 2018 from http://ndi.org.il.

8. Liberman: «Sever Izrailia ne zashchishchen» [Lieberman: "The North of Israel is not protected"]. NEWSru.co.il. 25.03.2018. Retrieved 06 June, 2018 from http://newsru.co.il.

9. Liberman sozdast «zelenyi koridor» dlia fermerov iz primykaiushchikh k sektoru Gaza raionov [Lieberman will create a "green corridor" for farmers from the adjacent areas of the Gaza Strip]. Partiia «Nash dom Izrail'». 01.02.2018. Retrieved 06 June, 2018 from http://ndi.org.il.

10. Ob izmeneniiakh v voenno-politicheskoi obstanovke na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike (14 — 20 maia 2018 goda) [About the changes in the military-political situation in the Middle East and North Africa (May 14 - 20, 2018)]. Institut Blizhnego Vostoka. 21.05.2018. Retrieved 31 May, 2018 from http://www.iimes.ru.

11. Ob izmeneniiakh v voenno-politicheskoi obstanovke na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike (27 maia – 3 iiunia 2018 goda) [About the changes in the military-political situation in the Middle East and North Africa (May 27 - June 3, 2018)]. Institut Blizhnego Vostoka. 04.06.2018. Retrieved 17 June, 2018 from http://www.iimes.ru.

12. Sluzhba tyla: tysiachi domov v Severnom okruge ne zashchishcheny [Service of the rear: thousands of houses in the Northern District are not protected]. NEWSru.co.il. 21.05.2018. Retrieved 06 June, 2018 from http://newsru.co.il.

13. Sm., naprimer: TsAKhAL opublikoval novye dannye ob udarakh po tseliam v Gaze [The IDF published new data on attacks on targets in Gaza]. NEWSru.co.il. 31.05.2018. Retrieved 31 May, 2018 from http://newsru.co.il.

14. Ucheniia VVS TsAKhALa: «molnienosnoe» nanesenie udarov po sotniam tselei v sektore Gazy. VIDEO [The IDF Air Force drills: "lightning-fast" strikes against hundreds of targets in the Gaza Strip. VIDEO]. NEWSru.co.il. 07.06.2018. Retrieved 12 June, 2018 from http://newsru.co.il.

Об авторах

Ермаков Андрей Александрович – кандидат исторических наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: ermakov1989@mail.ru

Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия), E-mail: ivr@fmo.unn.ru

Ermakov Andrey Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia), E-mail: ermakov1989@mail.ru

Ryzhov Igor' Valer'evich – Doctor of history, Professor, Head of History and Politics of Russia chair, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia), E-mail: ivr@fmo.unn.ru

УДК 94(510)

Зародов И.А., соискатель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ КИТАЯ ЗА РУБЕЖОМ: РАСШИРЕНИЕ ФОРМАТОВ ПРИСУТСТВИЯ В XXI ВЕКЕ

По мере расширения зарубежных зон экономических интересов, появления активов и крупных инвестиций за рубежом, увеличения количества китайцев проживающих за рубежом, а также масштабирования политического влияния, понимание границ в сферах национальных интересов и национальной безопасности в китайском сознании претерпевало постепенные перемены. В Китае стали звучать мнения о целесообразности более активного использования вооруженных сил за пределами собственных национальных границ. Среди областей использования сил Народно-освободительной армии Китая (НОАК) за рубежом в настоящее время представляется возможным выделить: участие в операциях ООН по поддержанию мира, патрулирование в Аденском заливе, вхождение в состав ВМФ НОАК первого авианосца, защита собственных граждан за рубежом и эвакуация при возникновении серьезных угроз жизни и безопасности, международное военное сотрудничество, создание зарубежной военной базы. Формы военного присутствия, их мотивы и совокупный потенциал предлагается рассмотреть в данной статье.
Ключевые слова: Народно-освободительная армия Китая, НОАК, миротворческие операции, защита соотечественников за рубежом, патрулирование в Аденском заливе.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-64-71

Пять принципов мирного сосуществования со времен их провозглашения в 1953 г. всегда оставались и остаются по сей день краеугольным камнем китайской дипломатии. Однако на практике китайская внешняя и военная политика постепенно отходила от строгих трактовок принципов суверенитета и невмешательства, особенно этот процесс стал заметен с начала 2000-х гг. Хотя общая риторика остается прежней, расширение экономических и политических интересов и интересов безопасности заставляют Пекин все больше раздвигать рамки своего военно-политического присутствия за рубежом.

Актуальная **официальная позиция Пекина** по вопросам международной военной кооперации излагается в Белой книге Правительства КНР «Политика Китая в отношении Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в сфере безопасности»[2]. В документе говорится о двойной роли вооруженных сил Китая: во-первых, они обеспечивают безопасность и стратегическую поддержку для развития страны, а, во-вторых, вносят позитивный вклад в поддержание региональной стабильности и мира во всем мире. Пекин намеревается продолжить курс на интенсификацию военных обменов. Стратегической целью для развития страны провозглашается создание мощных сил национальной обороны и вооруженных сил, соизмеримых с международным положением Китая. При этом, традиционно делается акцент на гарантию мирного развития страны.

Среди причин расширения военного присутствия КНР за рубежом можно выделить новую цель дипломатии Китая: защита граждан за рубежом – сформировавшийся термин в китайском внешнеполитическом и военном предметном поле (кит. *haiwai gongmin baohu*), который отражает стремление и обязанность китайского правительства, представленного рядом соответствующих институтов и ведомств, осуществлять помощь и в случае необходимости проводить эвакуацию китайских граждан проживающих, работающих или временно находящихся за рубежом. Данное понятие сформировалось в качестве практической целенаправленной политики в начале 2000-х гг. после ряда инцидентов, требовавших защиты безопасности китайских граждан за рубежом и их эвакуации, трагичным поводом также послужила гибель китайских граждан в Афганистане и Пакистане в 2004 г. В том году, выступая на сессии ВСНП, Министр иностранных дел Ли Чжаосин заявил о намерении уделять пристальное внимание защите интересов граждан за пределами страны [7], в развитие чего Консульским департаментом МИД КНР был разработан особый механизм действий на случай чрезвычайных обстоятельств, связанных с защитой граждан за рубежом. Однако на тот момент речь пока не шла о привлечении сил

НОАК для проведения операций по эвакуации граждан из регионов, охваченных вооруженными столкновениями.

Со времени начала политики Дэн Сяопина, нацеленной на экономические преобразования и открытость внешнему миру, количество выехавших за рубеж китайских граждан возрастало стремительно. По мере расширения зарубежных обменов и сотрудничества становился все более насущным вопрос адекватной, быстрой и эффективной помощи китайцам, попавшим в затруднительные или угрожающие жизни и безопасности обстоятельства за границей. Например, в 2000-е гг. ежегодно возникало порядка 30 тыс. консульских случаев оказания помощи соотечественникам за рубежом [10]. МИД КНР основал Центр консульской защиты для обеспечения безопасности и законных прав и интересов китайских граждан и юридических лиц за рубежом.

Специфичным в случае Китая является и то, что свойством его международного бизнеса является более охотное вовлечение в страны с высокой степенью политической нестабильности и социально-экономической волатильности, что дает преимущества по доступности этих рынков с их столь необходимыми китайской экономике минеральными ресурсами и меньшей конкуренцией ввиду ограниченного вовлечения конкурентов из других развитых стран по причинам безопасности, коррупционного экономического климата, неразвитости инфраструктуры и др. Данная специфика особенно подчеркивает необходимость продуманной и проработанной стратегии на обеспечение безопасности граждан, а также проведения эвакуации, в том числе и с применением военных и военной техники. Помимо фактора защиты своих граждан, также важным является фактор обеспечения безопасности своих экономических интересов и, прежде всего, зарубежных активов и собственности.

Несмотря на формирование предпосылок и возникновения объективных угроз, китайское правительство участвовало в эпизодах, требовавших ***эвакуации собственных граждан***, через дипломатическое посредничество, порой без собственного прямого участия. Таким образом, непосредственная помощь китайским гражданам приходила от других государств, как, например, в 1997 г. китайские граждане были эвакуированы из Албании вооруженными силами Греции, также в операции эвакуации принимали участие военные и ВМФ Великобритании, Франции, Германии и США. В 1998 г. китайские граждане, в том числе сотрудники посольства, были эвакуированы из Эритреи по причине обострения Эфиопо-эритрейского конфликта. В 2000 г. эвакуация была организована с Соломоновых островов, где произошел военный переворот.

В период между 2006 и 2010 годами в общей сложности было эвакуировано порядка 6 000 китайских граждан из Чада, Гаити, Киргизии, Ливана, Соломоновых островов, Таиланда, Восточного Тимора, Тонга [9]. Наиболее крупные эвакуации были из Таиланда в 2008 г. (3346 чел.) и из Киргизии в 2010 г. (1321 чел.). Эвакуации проходили за счет работы посольств и консульств КНР на местах и организации специальных рейсов самолетов гражданской авиации, водного и автомобильного транспорта. Однако во всех этих операциях по эвакуации по-прежнему не упоминалось о применении сил НОАК.

Ситуация изменилась в 2011 г., когда силы ВМФ и ВВС НОАК были задействованы в эвакуации китайских граждан из Ливии, на территории которой, по заявлению китайского правительства, на тот момент функционировало 75 китайских компаний и работало более 30 тыс. китайских граждан. К операции был привлечен ракетный фрегат «Сюйчжоу» водоизмещением 4 тыс. тонн, в функции которого вошло конвоирование и защита гражданских судов. В операции также были задействованы четыре военных транспортных самолета Ил-76 китайских ВВС. Это была первая операция по эвакуации китайских граждан с участием сил НОАК, также-самая масштабная операция.

По мнению экспертов, операция в Ливии окончательно сформировала новый императив во внешней политике Китая – защита граждан за рубежом [15], всеми доступными средствами, в том числе, военными. Интересен также тот факт, что фрегат «Сюйчжоу» был переброшен в прибрежные воды Ливии из прибрежных вод Сомали, где он осуществлял патрулирование в рамках противодей-

ствия пиратству, что было отмечено в западных СМИ [11] и продемонстрировало возросшие возможности Китая по применению своих вооруженных сил вдали от собственных границ, в том числе с целью обеспечения безопасности своих граждан и бизнеса.

К ***патрулированию в Аденском заливе*** китайские силы ВМФ приступили с декабря 2008 г. в рамках операции ООН по противодействию пиратству. Для этих целей впервые были направлены три корабля – два эсминца («Хайкоу» и «Ухань») и корабль снабжения («Вэйшаньху») с боевыми вертолетами на борту. В дальнейшем Китай поддерживал численность своей флотилии в Аденском заливе – два боевых корабля и один корабль снабжения – со сроком командирования три-четыре месяца. 1 мая 2018 г. на свое дежурство заступила уже 29 по счету военно-морская эскортная группа.

Важно отметить факт, который зачастую упускается экспертами в отношении китайского эскортирования в Аденском заливе и водах Сомали – начиная с 2010 г. эскортная группа после завершения своего дежурства зачастую не возвращается напрямую в Китай, а продолжает посещать страны в Африке, Азии, Европе, Океании с дружественными визитами. Таким образом, практически в любой момент времени в регионе находятся две группы военных кораблей Китая, что предоставляет важное преимущество в случае возникновения экстренных ситуаций, как, например, срочная эвакуация.

В 2015 г. силы ВМФ КНР были задействованы при эвакуации из Йемена китайских граждан (порядка 600 человек) и граждан других государств (225 человек из 10 стран). На этот раз военная составляющая операции была расширена еще дальше: были переброшены три военных корабля – два ракетных фрегата и корабль снабжения, и в отличии от эпизода 2011 г. они приняли участие в операции не только как корабли сопровождения и охраны, но как перевозчики эвакуируемых гражданских лиц.

Одним из форматов китайского военного присутствия за рубежом в экспертном сообществе также называют ***вхождение в состав ВМФ НОАК первого авианосца*** в истории КНР. Авианосец «Ляонин» был торжественно принят в состав ВМФ в сентябре 2012г., на церемонии присутствовали Председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. «Ляонин» имеет советское прошлое: авианосец был заложен на верфи в городе Николаеве в 1985 г. и изначально носил название «Рига», которое в 1990 г. сменили на «Варяг». В 1992 г. проект авианосца был законсервирован при высокой степени готовности. В 1998 г. приобретен Китаем и отбуксирован на верфь в Далянь (прибыл в 2002 г.). История покупки и модернизации имела немного путаный сюжет: изначально китайской стороной при покупке говорилось о желании сделать из недостроенного авианосца плавучий развлекательный комплекс, затем появилась информация, что авианосец будет достроен по прямому военному назначению, но будет использоваться только для целей обучения и проведения тренировок, в результате авианосец был достроен и модернизирован до полной боевой готовности.

В 2013 г. на судостроительной верфи Далянь было начато строительство первого авианосца собственной разработки Китая – Проект 001А, в 2018 г. приступили к его ходовым испытаниям, а, как ожидается, к 2020 г. боевой корабль будет поставлен на вооружение ВМФ НОАК. Китай будет и дальше продвигаться по пути создания собственного флота авианосцев с использованием более продвинутых разработок.

Летом 2017 г. в Джибути открылась ***первая зарубежная военная база*** Китая. База рассчитана на 10 тыс. человек, однако там пока располагается порядка 2 тыс. человек. Изначально предложение о создании базы в Джибути было выдвинуто в 2013 г. Университетом национальной обороны НОАК, одним из основных исследовательских и аналитических центров Китая в области развития национальной системы обороны.

С точки зрения места расположения военной базы Джибути, с одной стороны, имеет стратегически важную географическую локацию – контроль над Аденским заливом и за входом в Красное море через пролив Баб-эль-Мандеб, а значит и за важными морскими транспортными путями нефти и других ресурсов, с другой стороны, уникальность геопозиции несколько теряется, если посмотреть сколько военных баз других государств там уже функционирует – французские базы там

остались в силу исторического колониального прошлого (независимость Джибути обрела в 1977 г.), американская база появилась в 2001 г., а после начала патрулирования Аденского залива и противодействия морскому пиратству в Джибути пришли сначала японцы в 2011 г., затем итальянцы в 2013 г. Тем не менее, для Китая это исторически важное событие, так как, во-первых, благодаря месторасположению база в Джибути служит важным собственным портом для китайских кораблей, патрулирующих Аденский залив, местом отдыха для несущих патруль моряков, упростила логистическую задачу доставки грузов на корабли; учитывая потребности китайской экономики во внешних ресурсах, морские пути данного региона имеют стратегическое значение; база может послужить плацдармом на случай возникновения необходимости эвакуации многочисленных китайских граждан проживающих и работающих в странах Аравийского полуострова и Африканского континента, прежде всего, его северо-восточной части. Во-вторых, это первая зарубежная военная база Китая, при чем находящаяся на довольно большом расстоянии, прецедент чего значим не только сам по себе, но и с точки зрения получения необходимого опыта для дальнейших шагов Китая по продвижению своей военной деятельности за пределами собственной территории.

Особым пунктом международной деятельности и зарубежного военного присутствия Китая стоит выделить **участие в миротворческой деятельности ООН**. Китай по совокупности факторов можно выделить как одного из ключевых участников данного вида международной деятельности. Хотя еще до 1990 г. КНР не принимала участие в миротворческих операциях, а говорить о существенном и стабильном военном включении Пекина в операции возможно только с начала 2000-х гг. За это время Китай достиг значительных результатов: начиная с 1990 г. Китай принял участие в 24 операции по поддержанию мира, направил для нужд операций более 37 тыс. миротворцев [5].

Китай, как постоянный член Совета Безопасности, несет особую ответственность по обеспечению мира и безопасности во всем мире. В настоящее время для участия в операциях ООН по поддержанию мира Китай командировал 2500 человек, из них 2418 военнослужащих, 36 штабных офицера, 28 военных экспертов, 18 полицейских [6]. Для сравнения общая численность миротворцев в системе ООН у остальных постоянных членов Совета Безопасности: Франция – 827, Великобритания – 740, Россия – 82, США – 71 [13]. Помимо значительного численного превосходства китайских миротворцев среди стран постоянных членов СБ, Китай по объему финансирования расходов миротворческих операций занимает второе место, уступая лишь США.

Для участия в миротворческих операциях командируются наиболее тренированные и профессионально подготовленные кадры НОАК, а также современная техника и подготовленный медицинский персонал и инженеры, этот факт говорит в пользу того, что в случае возникновения угрозы китайским гражданам, а также китайским экономическим активам в странах и близ лежащих территориях, где развернуты соответствующие операции, им может быть оказана самая оперативная и квалифицированная помощь, а также обеспечены условия для эвакуации. Вполне логичным в этой связи выглядит стремление Пекина к расширению своего миротворческого потенциала. В 2017 г. в Системе готовности миротворческого потенциала ООН был зарегистрирован контингент резервных миротворческих сил Китая численностью 8000 чел., о создании которого заявил Председатель Си Цзиньпин на миротворческом саммите ООН в 2015 г.

В след за процессом глобализации и региональной кооперации Китай активизировал взаимодействие и **сотрудничество с вооруженными силами других стран**. Вооруженные силы КНР регулярно участвуют в проводимых многосторонних военных учениях разной направленности. С точки зрения международного миротворчества примером может служить участие китайских военных в ежегодных многонациональных миротворческих военных учениях Khaan Quest в Монголии, которые были запущены в 2003 г. изначально как совместные учения Монголии и США и стали многонациональными начиная с 2006 г. В 2018 г. в учениях задействован военный персонал из 26 стран, включая Россию, США, Германию. Китайский военный

флот принимает участие в крупнейших совместных военно-морских учениях стран Азиатско-Тихоокеанского региона (RIMPAC) на Гавайях, проводимых с периодичностью раз в два года Тихоокеанским командованием ВС США, а также в Многосторонних военно-морских учениях Komodo, организуемых ВМС Индонезии также раз в два года с участием ВМС из 25 стран (в 2018 г.), включая Россию, США, Великобританию.

К отдельному виду сотрудничества можно отнести международную торговлю оружием. По оценке Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) Китай по объемам экспорта вооружений за период 2013-2017 гг. занимает пятое место в мире [3]. При этом большая часть экспорта приходилась на Пакистан, Бангладеш, Мьянму. Поставки также осуществлялись в 18 стран Африки.

Выводы. Относительно вопроса получения опыта национальными войсками в операциях на территории зарубежных стран интересно заключение, к которому приходит полковник армии США в отставке, преподаватель Уэслианского университета Роберт Кэссиди. По его мнению, в крупных демократических странах военные – многоцелевой инструмент под руководством гражданских. В период низкого уровня угроз национальным интересам безопасности на военных распространяется гражданский императив «необходимости деятельности» (быть занятым чем-то, чтобы не бездействовать), что заставляет военных действовать за пределами их прямых обязанностей [4, с. 238]. Этот тезис можно отнести и к многосторонним форматам военной кооперации – во время отсутствия прямых угроз национальной безопасности военным необходимо совершенствовать свои навыки, можно сказать «поддерживать себя в форме», и получать новый опыт. Проанализировав вышеперечисленные тенденции можно прийти к выводу, что Китай с начала 2000-х гг. постепенно перенимает подобный опыт, вовлекаясь во все новые форматы зарубежного военного присутствия.

Есть основания полагать, что по ряду направлений применения собственных вооруженных сил за пределами национальных границ Китай не будет останавливаться на достигнутом. Есть планы по строительству новых современных авианосцев, возможно, даже атомных. Существует мнение о возможности использования функционирующих и инвестируемых коммерческих инфраструктурных портов для военных целей, например, морского порта Гвадар в Пакистане, построенного Китаем и введенного в эксплуатацию в 2007 г. в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора с возможностью стать связующим звеном между проектами «Один пояс, один путь» и Морского шелкового пути; контейнерного порта Коломбо и глубоководного порта Хамбантота на Шри-Ланке, который в 2017 г. отошел Китаю в долгосрочную аренду на 99 лет; портового проекта iHavan на Мальдивских островах, который должен стать частью Морского шелкового пути; также портов Кьяукпью в Мьянме, контракт на сооружение которого в 2016 г. повторно взял консорциум китайских компаний, и Читтагонг в Бангладеш, строительство которого также профинансировано китайской стороной. Эти инфраструктурные объекты подходят для целей охраны китайских морских торговых путей и контроля в Индийском океане, их принято причислять к базовым пунктам в так называемой концепции китайской стратегии «нить жемчуга» [1; 12].

Если с 2006 по 2010 гг. Китаем в общей сложности было эвакуировано более 6 тыс. чел., о чем говорилось ранее, то уже с 2011 по 2014 гг. было эвакуировано порядка 53 тыс. чел. Помимо самой крупной операции по эвакуации из Ливии (35860 чел.), эвакуации также проводились из Египта (1800 чел.) и Японии (9300 чел.) в 2011 г., ЦАР (более 300 чел.) в 2012 г., Сирия в 2011 и 2013 гг. (2000 чел.), Вьетнам в 2014 г. (3553 чел.) [8, с. 46]. Подобная динамика масштабов проводимых Китаем эвакуаций дает основание сделать вывод, что в будущем случаи применения военно-морских и военно-воздушных сил КНР для защиты и эвакуации граждан своей страны будут сохраняться, а значит будут совершенствоваться технические возможности и материальная база для проведения таких операций. До настоящего времени операции Китая по эвакуации даже с использованием военной силы носили характер невмешательства во внутренние дела, однако в дальнейшем возможны ситуации появления у таких операций элементов интервенционизма, когда

потребуется использование силы для защиты жизни и безопасности собственных граждан.

Согласно экспертному мнению, опубликованному на официальном новостном интернет-ресурсе НОАК, ВМФ и ВВС Китая за прошедшее десятилетие удалось достичь существенного развития во многом благодаря зарубежным операциям. «Китайские военно-воздушные силы ранее называли «защитником аэродрома» из-за их «несовершенных возможностей». Китайские военно-морские силы ранее называли «флот коричневой воды» или «прибрежный крейсер», потому что основные сферы применения были ограничены береговой обороной из-за устаревших моделей кораблей.» [14] Благодаря участиям в миссиях в Аденском заливе, эвакуациям из Ливии в 2011 г., из Йемена в 2015 г. ВМС НОАК получили важный опыт, смогли опробовать новые типы военной техники и в итоге стать весомым фактором защиты интересов Китая за рубежом. В совокупности с новой военной базой и потенциалом (теоретическим) использования коммерческих портов в Индийском океане для военных нужд – это демонстрация возросших международных военно-политических возможностей Китая.

В Китае принято классифицировать миротворчество, военно-морское патрулирование и эскортирование, ликвидацию последствий катастроф, борьбу с терроризмом как «военные операции вне условий войны» (MOOTW) и рассматривают развитие навыков ведения подобных операций как на территории страны, так и за рубежом как одно из приоритетных направлений для развития собственных вооруженных сил.

Отставание в опыте, военно-техническом развитии и возможностях проведения зарубежных военных операций по сравнению с наиболее продвинутыми в этом вопросе странами Запада, в совокупности с наличием такого институционального и теоретического императива как основополагающий принцип невмешательства, заложенный в самой Конституции КНР 1982 г., служат ограничивающими факторами для Китая. Если в вопросах миротворчества ООН, эскортирования в Аденском заливе Китаем отрицается наличие признаков вмешательства в дела других стран по причине международного санкционированного характера этих миссий под эгидой ООН, то в вопросах степени военного вовлечения в случае эвакуации с суверенной территории другого государства, создания и использования зарубежных военных баз или использования коммерческих портов для военных нужд (например, дозаправка и обслуживание военных кораблей), все будет зависеть от того, насколько Китай будет готов пойти дальше в адаптации своей теории и практики внешней и военной политики под нужды военной гарантии укрепления международного экономического и политического влияния, отстаивания интересов национальной безопасности, защиты своих активов и граждан за рубежом.

Список литературы

1. Лю Цин «Чжэньчжулянь чжаньлюэ» чжи шо бяньси [Анализ концепции «стратегия нити жемчуга»] // Сяньдай гоцзи гуаньси [Современные международные отношения]. 2010. №3. С. 8-14.

2. Чжунго дэ ятхай аньцюань хэцзо чжэнцхэ [Белая книга Политика Китая в отношении Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в сфере безопасности] / Информационный офис Государственного совета КНР. Пекин. 2017. – режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1539907/1539907.htm>.

3. Asia and the Middle East lead rising trend in arms imports, US exports grow significantly, says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. March 12, 2018. – mode of access: <https://www.sipri.org/news/press-release/2018/asia-and-middle-east-lead-rising-trend-arms-imports-us-exports-grow-significantly-says-sipri>.

4. Cassidy Robert M. Peacekeeping in the Abyss: British and American Peacekeeping Doctrine and Practice after the Cold War. Westport, CT: Praeger, 2004. – 284 p.

5. Chinese military makes significant contributions to maintaining world peace // China Military Online. May 30, 2018. – mode of access: <http://english.chinamil.com.cn/view/2018-05/30/content_8044855.htm>.

6. Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post // United Nations peacekeeping website. April 30, 2018. – mode of access: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/1_summary_of_contributions_2.pdf>.

7. Ding Ying Close to the People – Overseas Chinese Nationals Get Better Support System // Beijing Review. August 26, 2004.

8. Duchâtel Mathieu, Bräuner Oliver, Zhou Hang Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non-interference / Stockholm International Peace Research Institute. Stockholm: 2014. – 59 p.

9. Duchâtel Mathieu, Gill Bates Overseas Citizen Protection: A Growing Challenge for China // Stockholm International Peace Research Institute. Feb. 24, 2012. – mode of access: <http://www.sipri.org/media/newsletter/essay/february12>.

10. Independence, Peace and Economic Growth // Beijing Review. Sep. 3, 2009. №35. Pp. 10-11.

11. Libyan Turmoil Prompts Chinese Naval Firsts // The Wall Street Journal. Feb. 25, 2011. – mode of access: <https://blogs.wsj.com/chinarealtime/2011/02/25/libyan-turmoil-prompts-chinese-naval-firsts/>.

12. Mukherjee Tuneer China's Maritime Quest in the Indian Ocean: New Delhi's Options // The Diplomat. April 24, 2018. – mode of access: <https://www.thediplomat.com/2018/04/chinas-maritime-quest-in-the-indian-ocean-new-delhis-options/>.

13. Summary of Troop Contributing Countries By Ranking / United Nations peacekeeping website. April 30, 2018. – mode of access: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2_country_ranking_0.pdf>.

14. Ten-year escort operations in Gulf of Aden reflect rise of Chinese Navy // China Military Online. June 22, 2018. – mode of access: <http://english.chinamil.com.cn/view/2018-06/22/content_8068611.htm>.

15. Zerba Shaio H. China's Libya Evacuation Operation: a new diplomatic imperative—overseas citizen protection // Journal of Contemporary China. 2014. Vol. 23. Issue 90. P. 1093-1112.

THE CHINESE PEOPLE'S LIBERATION ARMY ABROAD: EXPANDING PRESENCE IN THE 21ST CENTURY

As foreign zones of economic interests expanded, assets and large investments abroad appeared, the number of Chinese living abroad increased, as well as the scale of political influence broadened, the understanding of national interests' and national security's borders underwent gradual changes in the Chinese consciousness. The opinions that it is reasonable to more actively use the armed forces outside its own national borders have been expressed in China. Among the areas of overseas application for the People's Liberation Army (PLA) forces it is currently possible to identify the following: participation in UN peacekeeping operations (UNPKO), counter-piracy patrols in the Gulf of Aden, the PLA Navy's first aircraft carrier, protection of its own citizens abroad and evacuation in the event of serious threats to their lives and security, international military cooperation, overseas military base. The article considers the forms of military presence, its motives and combined potential.

Keywords: The Chinese People's Liberation Army, PLA, peacekeeping operations, UNPKO, emergency evacuations, counter-piracy patrols, the Gulf of Aden.

References

1. Liu Qing (2010). "Zhenzhulian zhanlue" zhishuo bianxi [The analysis of the "Pearl chain strategy" concept] // Xiandai goji guanxi [Contemporary International Relations],3,8-14.

2. Zhongguo de yatai anquan hezuo zhengce (2017) [China's Policies on Asia-Pacific Security Cooperation (White paper)] / China's State Council Information Office. Beijing. – mode of access: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1539907/1539907.htm>.

3. Asia and the Middle East lead rising trend in arms imports, US exports grow significantly, says SIPRI (2018) // Stockholm International Peace Research Institute, 12 March. – mode of access: <https://www.sipri.org/news/press-release/2018/asia-and-middle-east-lead-rising-trend-arms-imports-us-exports-grow-significantly-says-sipri>.

4. Cassidy, Robert M. (2004). Peacekeeping in the Abyss: British and American Peacekeeping Doctrine and Practice after the Cold War. Westport, CT: Praeger.

5. Chinese military makes significant contributions to maintaining world peace // China Military Online. May 30, 2018. – mode of access: <http://english.chinamil.com.cn/view/2018-05/30/content_8044855.htm>.

6. Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post // United Nations peacekeeping website. April 30, 2018. – mode of access: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/1_summary_of_contributions_2.pdf>.

7. Ding Ying (2004). Close to the People – Overseas Chinese Nationals Get Better Support System // Beijing Review, 26 August.

8. Duchâtel Mathieu, Bräuner Oliver, Zhou Hang (2014). Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non-interference / Stockholm International Peace Research Institute. Stockholm.

9. Duchâtel Mathieu, Gill Bates (2012). Overseas Citizen Protection: A Growing Challenge for China // Stockholm International Peace Research Institute. 24 February. – mode of access: <http://www.sipri.org/media/newsletter/essay/february12>.

10. Independence, Peace and Economic Growth (2009) // Beijing Review,35,10-11.

11. Libyan Turmoil Prompts Chinese Naval Firsts (2011) // The Wall Street Journal, 25 February. – mode of access: <https://blogs.wsj.com/chinarealtime/2011/02/25/libyan-turmoil-prompts-chinese-naval-firsts/>.

12. Mukherjee Tuneer (2018). China's Maritime Quest in the Indian Ocean: New Delhi's Options // The Diplomat, 24 April. – mode of access: <https://www.thediplomat.com/2018/04/chinas-maritime-quest-in-the-indian-ocean-new-delhis-options/>.

13. Summary of Troop Contributing Countries By Ranking / United Nations peacekeeping website. April 30, 2018. – mode of access: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2_country_ranking_0.pdf>.

14. Ten-year escort operations in Gulf of Aden reflect rise of Chinese Navy (2018) // China Military Online, 22 June. – mode of access: <http://english.chinamil.com.cn/view/2018-06/22/content_8068611.htm>.

15. Zerba Shaio H. (2014). China's Libya Evacuation Operation: a new diplomatic imperative—overseas citizen protection // Journal of Contemporary China,23,1093-1112.

Об авторе

Зародов Игорь Анатольевич – соискатель Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: mail.of.igor@gmail.com

Zarodov Igor Anatolyevich – postgraduate at the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: mail.of.igor@gmail.com

УДК 94(4)”375/1492”

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ДЖЕНТРИ: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЭПОХИ «ВОЙН РОЗ»

Представление о пространстве в современном историческом знании многозначно. Противопоставление «экстраординарного и повседневного», «частных казусов и обобщений», их границы формируют пространства, отличные по своему характеру и энергетике. Пространство осознаётся не только как синоним территории, это простейший случай, но и как помещённая в определённые рамки *социальная реальность*, «ансамбль невидимых связей». [2, с. 299]. Пространства не существуют вне границ. Однако они условны. Их относительность в том, что они одновременно разделяют и проницаемы, соединяют. Применительно к нашему сюжету, граница, в первую очередь, – край пространства власти, пространственные отношения реализуются в политике и практике повседневного. Это разные культурные практики. В современных отечественных исследованиях «затянувшееся немирье» эпохи «войн Роз» определяется, с одной стороны, ростом влияния магнатов, оказавшееся возможным бросить вызов правящей династии Ланкастеров. С другой стороны, основным источником напряжённости в графствах стали постоянные земельные тяжбы, которые вела практически каждая дворянская семья. Судебный процесс по поводу спорных земель в Англии того времени мог быть фактически бесконечным. Эти две волны, два социокультурного пространства – одно сверху, прежде всего, политического содержания, другое на местах, социального наполнения, и «накрыло» английское королевство в середине столетия. Отметим, что джентри принципиально не вникали в вопросы престолонаследия и всегда уважительно отзывались о королевских особах, что и заставило их назвать своё время «затянувшимся немирьем». Предлагается рассмотрение одной из основных проблем «войн Роз», роли сословия джентри, с позиций культурной истории социального, конструирования культурной практики джентри того времени. Практика поведения сословия того времени анализируется в рамках двух названных пространств. Социальная повседневность, определяемая культурной практикой времени, формирует новую социальную ткань общества переходного времени, помогает лучше понять человека того времени.

Ключевые слова: джентри, пространство повседневного, пространство сообщества джентри, границы повседневного, «войны Роз».

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-72-75

Современный уровень исторического знания открывает новые возможности понимания, прежде всего, характера социально-политического кризиса в Англии второй половины XV в. Новое понимание эпохи, в том числе через изучение пространства повседневного, как представляется, возможно на путях переориентации социокультурной истории в направлении культурной истории социального, или культурной истории общества. Такое направление предполагает конструирование социального бытия посредством культурной практики, возможности которой, в свою очередь, определяются и ограничиваются практикой повседневных отношений. Исследователь, который практикует социокультурный подход, стремится представить, как люди прошлого вели себя по отношению к друг другу, согласно собственным конвенциям, в реальных ситуациях непосредственного общения, в самых разных обстоятельствах широкого спектра – от нормальных к аномальным [4, с. 251].

Можно говорить о нескольких вариантах взаимодействия пространства повседневного. Споры о характере событий и повседневностей «войн Роз» находят вполне убедительное решение после выхода книги Е. Д. Браун [1, 2016]. В исследовании предлагается называть время Войн Роз как «затянувшееся немирье», редко встречающийся образ эпохи. Такое состояние общества определялось, с одной стороны, ростом влияния магнатов в первой половине столетия. Их могущество воплощалось вооружёнными свитами, ливреями, ultima ratio в спорах влиятельных лордов. Йоркисты не остановились перед тем, чтобы не бросить вооружённый вызов так называемой придворной партии. С другой стороны, основным источником напряжённости в графствах стали постоянные земельные тяжбы, которые вела практически каждая дворянская семья. В этих условиях функционирование местной судебно-административной системы подвергалась серьёзной коррозии. Судебный процесс по поводу спорных земель в Англии того времени мог быть фактически бесконечным. Недовольные его результатом, если они обладали достаточным влиянием, могли попросту удерживать си-

лой спорные земли, не считаясь с притязаниями законных наследников. Привлечённые эпистолярные комплексы, прежде всего, переписка семейства Пастонов, свидетельствуют, что соблюдение законов в эпоху Войн Роз являлось понятием весьма условным. Короли время от времени пытались навести в деятельности местной администрации порядок, но эти попытки ничего не меняли [1, с. 89-99].

Эти две «волны», два социокультурных пространства – одно сверху, другое на местах, и «накрыли» английское королевство с середины столетия. Борьба в верхних этажах власти, размывание привычных основ повседневной жизни шло одновременно с обострением конфликтов, прежде всего, земельных, в графствах. Переписка названного семейства полна подобными примерами. Поразительны случаи, когда джентри Норфолка привычно отправляются в церковь в сопровождении как минимум трёх вооружённых слуг. В обращении группы жителей графства Норфолк «к лордам», датируемом 1452 годом [6], речь идёт о нескольких разбойных нападениях. Некоторые из злодеев во время службы ворвались в храм в Бирлингхэме, священник не смог их остановить и сам поплатился. Пострадал от злодеев, накануне Пасхи, и Джон Пастон со своими слугами. У входа в кафедральный собор Норича, они схватили Джона, ударили слугу по голове, осквернив святое место. Тогда же, накануне Пасхи, десяток злоумышленников подстерегли и напали на дороге у Торпвуда на сквайра Филиппа Берни со слугой, убили под последним лошадь, сломали лук о голову Филиппа (?). Обвинив его в измене, бросили в темницу, держали в ней, затем повели его к епископу Норичскому. Похожему нападению подвергся и один из джентльменов.

Интересно, что на этом фоне сообщество джентри Норфолка восприняло битву при Сент-Олбансе как борьбу за придворные должности с оружием в руках. Однако такой способ борьбы плохо укладывался в сознании джентри, в одном из писем Пастонов, несмотря на его краткость, трижды повторяется мысль: «и какая власть у нас теперь будет, я понятия не имею» [1, с.105].

Если анализировать ситуацию с позиций джентри, «войны Роз» никак нельзя считать гражданскими войнами. Это были не войны, а скорее затянувшийся общественно-политический кризис. В десятилетия его истории не было ожесточения сторон, стремящихся воевать до последней капли крови. Не существовало чёткого разграничения на «партии» (магнаты нередко переходили из лагеря в лагерь, вместе с ними «партию» меняли и пользовавшие покровительством аристократии джентри). Наконец, не было серьёзных вспышек насилия. В самые неспокойные годы джентри могли заниматься грабежами, вымогательством, взятием заложников и т.п., но убийства дворян горячо осуждались и происходили крайне редко [1, с.134].

Налицо существование прямой зависимости между общенациональными столкновениями и эскалацией напряжённости на местах. Анализ привлечённых источников позволяет проследить характер этой взаимосвязи. Проблема теснейшим образом связана с вопросом о политических предпочтениях джентри. Армии Йорков и Ланкастеров, как и любые другие феодальные армии, формировались из отрядов, находящихся в непосредственном подчинении кого-либо из магнатов. Джентри составляли весомую часть этих отрядов. По-видимому, джентри (кроме Пастонов, Пламптоны, Стоноры и их корреспонденты) поддерживали не Йорков, Ланкастеров или Тюдоров, а главу собственной «локальной партии». Джентри не принимали решения, на чьей стороне им участвовать в битве, а присоединялись к отряду «своего лорда», то есть того, чьим покровительством они пользовались, иными словами, к отряду главы своей «партии». И уже глава «локальной партии» решал, на какой стороне он выступит в сражении. Эта гипотеза совпадает с выводами британских исследователей. Они отмечают, что исход сражений «войн Роз» во многом зависел от того, к какой «партии» присоединились те или иные лорды и их отряды [1, с.178]. Джентри не видели связи между отдельными эпизодами Войн Роз и даже к концу противостояния Йорков и Ланкастеров не считали происходящее единым конфликтом. Они принципиально не вникали в детали престолонаследия и всегда уважительно отзывались о коронованных особах. Бо́льшую часть вины за политические катаклизмы они возлагали на дурных советников короля. Для джентри «войны Роз» не были войной и тем более гражданской войной. Они

оценивали борьбу династий, повторюсь, как затянувшееся немирье.

Пространство повседневного прослеживается в контактах одного из Пастонов с властью. В прошении Джона Пастона I от 1450 года [6], на имя канцлера Англии, речь идёт о борьбе за манор Грешэм в графстве Норфолк, на него претендует лорд Молинз[1]. Анализ содержания некоторых пассажей документа рисует следующую картину поведения просителя. Джон Пастон демонстрирует, в реальности или нет, широкий диапазон своих коммуникаций, свою статусную самооценку. Помимо обращения к канцлеру, Пастон утверждает, что его соперник игнорирует распоряжения, исходящие от мировых судей короля в названном графстве, прибывших в манор исполнить законы королевства, касающиеся насильственных вторжений в чьи-то владения.

Пастон просит применить к нарушителю-злодею практику комиссии oyer and terminer. Она заключается в поручении судьям разбирать в королевском суде выездной сессии суда присяжных, случаи, как правило, серьёзных преступлений, ведущих к нарушению королевского мира.

Можно гадать, красочность деталей конфликта – преувеличение или привычка юриста к деталям. Однако, смыслы изложения отражают язык правоведа, знание механизма правовых процедур и практик, упование на рациональное восприятие нарушений. В то же время жалоба в Лондон представлена в терминах смиренности и покорности, «ваш проситель», но вместе с пострадавшими он королевский подданный, вассал (man). Возможно, мы наблюдаем переживание привычных ценностей законопослушания и демонстрацию «разумности эмоций», выражение обычной культурной практики. В целом, возникает вопрос - Пастон пытается передать власти тревогу за нарушение закона, от которого страдают подданные короны, или его юридическая подготовка демонстрирует законопослушность автора и стремление переложить на власть ответственность за произвол нарушителей порядка?

В вышеприведённом обращении группы жителей графства Норфолк, в том числе Джона Пастона I, «к лордам», лексика текста лишена каких-либо правовых понятий и определяется простым описанием совершённых злодеяний. Картина разбоя демонстрирует растерянность и потрясение авторов обращения, тот хаос, от которого никто не застрахован. Дискурс рассказа почти апокалиптичен, сообщается, в частности, об осквернения храма, присутствуют другие впечатляющие подробности, хотя не обошлось без преувеличений свидетельств, в тексте отсутствует правовая квалификация. Можно предположить, обращение к лордам (но не к авторитету государств, как выше), свидетельство того, что авторы обращения ищут ту реальность, которая сможет воздействовать на ситуацию.

Картины такого разбоя резко контрастируют со стилем писем жены Джона Пастона I Маргарет, написанных мужу в июне 1460 году[6] и находящемуся в Лондоне. В письмах упоминание большого числа имён, так или иначе связанных с хозяйственными и иными интересами Пастонов. Её обращение к мужу рассчитано, очевидно, на то, что супруг с помощью своих партнёров и связей имеет все возможности в неспокойной обстановке того времени обеспечить благополучие семьи [6].

Перечень имён, часто повторяющихся, в том числе кузенов, заверения в преданности друг другу ряда фигурантов писем, посредничество монахов-францисканцев свидетельствуют о плотной сети горизонтальных связей [см.: 3], включающих в себя и родственные, на которые опираются Пастоны. Сюда следует добавить неких «могущественных людей» (poer peryl) в парламенте, «которые окажут тебе, с божьей помощью, содействие», а также приязненное упоминание my lord of York и my lord Warwyk (письмо от 21 октября 1460 года)[6]. В том же письме - упоминание мэра, очевидно, Норича, который сказал, «что в Норфолке нет джентльмена, которому он сделал больше, чем он [мэр] сделал для тебя [Джона], насколько это в его власти»[6].

Как представляется, в парадигме современных методологических поисков, переписка

[1] Данные документы не являются письмами кого-то из Пастонов, но Д. Гайрднер и Н. Дэвис, в разные годы редакторы и издатели коллекции, посчитали необходимым включить их в коллекцию, поскольку они так или иначе связаны с этим именем [5, с. 200].

Пастонов открывает новые возможности в изучении английского общества XV века. Социальная повседневность, определяемая культурной практикой времени, рисует новую социальную ткань общества переходного времени, позволяет лучше понять человека той эпохи.

Список литературы

1. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб., 2016.
2. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
3. Золотов В.И. Горизонтальные связи социальных общностей в средневековой Англии / В.И. Золотов. //Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье: сб. науч. трудов /Арзамасский гос. пед. ин-т; отв. ред. Е.В. Кузнецов – Арзамас: АГПИ, 1999.
4. Репина. Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ЛКИ, 2009.
5. Kingsford C. L. The English Historical Literature in the Fifteenth Century / C.L. Kingsford. N.Y., 1963.
6. The Paston Letters and Papers of the Fifteenth Century / Ed. by N. Davis. Oxford, 1971.

GENTRY: POLITICS AND PRACTICE EVERYDAY ON «WARS OF ROSES» EPOCH

An idea of space on modern historical knowledge is varied, the diversity forms problem of episthemological analyse. Opposition of «extraordinary» and «every», «particular cases» and «generalizations», their borders make spaces, distinctive by their character and energy. The space is realized not only as synonym of territory, it is simplest case, but social reality placed in definite limits, according to P. Bourdieu, «ensemble of invisible contacts». The borders of such space are conventional, they divide, penetrated and unite simultaneously. According to present topic, borders, at first is space of authority edge, space realizing of politics and practice everyday. Modern home studies of English society defined «wars of Roses» epoch as «permanent unpeaceful time». The epoch are determinated by rise nobility power, challenging to House of Lancaster, one-side. At the same time county land conflicts became main source of straining. These land arguments had every noble and gentry family practically. Present waves, two social cultural spaces, over in the state and from below in counties, «covered» English society in middle century. At the same time gentry kept neutral relation to noble struggle and had maintained respect appreciations of royal persons. Gentry remaining indifferent concerning this struggle, sometime was involved to parties conflicts besides their will. Social daily, determinating by cultural practice of epoch, allows realize a man that time better.
Keywords: gentry, «wars of Roses», everyday space, borders of space, borders of everyday.

References

1. Braun, E.D. (2016). Voyni Roz: Istorija. Mifologija. Istoriografija [Wars of Roses: History. Mithology. Historiography]. Moskva; Sanct-Peterburgb.
2. Burd`jo, P. 1993. Sotsiologija politiki. [Sociology of Politics]. Moskva.
3. Zolotov, V.I. (1999).Gorizontal`nje svyazi sotsial`nikh obschnostey v srednevekovoj Anglii [Horizontal Ties of Social Communities on Medieval England]/ V.I. Zolotov //Problemi anglijskoj i vallijskoj istorii v pozdnee srednevekov`e: sb. nauch. trudov / [Problems on English and Wales History on Late Medieval Age]. Arzamas State Pedagogical. Institute; Ed. by E.V. Kuznetsov – Arzamas.
4. Repina, L.P. (2009). “Novaja istoricheskaya nauka” i sotsialnaja istoria [“Modern Historical Science” and Social History]. Moskva.
5. Kingsford, C. L. (1963). The English Historical Literature in the Fifteenth Century. New York [C.L. Kingsford. Anglijskaja Istoricheskaja Literatura Pjatnatzatogo Veka] N’ju Jork.
6. The Paston Letters and Papers of the Fifteenth Century. (1971) / Ed. by N. Davis. [Pis’ma i bumagi Pastonov Pjatnatzatogo Veka].Oxford.

Об авторе

Золотов Всеволод Иванович - доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет (Россия), E-mail: viz.volic@yandex.ru.

Zolotov Vsevolod Ivanovich - Doctor of History, Professor, Department of General History, International Relation and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, (Russia), E-mail: viz.volic@yandex.ru.

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ М.В. НЕЧКИНОЙ В 1917-1923 ГГ.

Ранняя биография М.В. Нечкиной изучена казанской исследовательницей А.Н. Гребенкиной. В ее диссертации (1992) освещена научная и педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 1920-х гг. В этот период решался ключевой вопрос в творческой судьбе М.В. Нечкиной – выбор профессии. Он отражен на страницах ее дневника, которым А.Н. Гребенкина не смогла воспользоваться – в то время, когда она писала диссертацию, доступ к личному фонду М.В. Нечкиной в архиве РАН был закрыт, а именно там хранится ее дневник. Поэтому вопрос о сомнениях и колебаниях М.В. Нечкиной в выборе профессии не был раскрыт исследовательницей. В 1917-1923 гг. М.В. Нечкина проявила глубокий исследовательский интерес не только к истории, но и к психологии. Стремление познать исторические законы через социологические учения было характерной чертой времени, и именно этим объясняется интерес молодой исследовательницы к психологии и психиатрии. В статье исследуются динамика научных интересов М.В. Нечкиной в 1917-1923 гг., причины ее увлечения психологией и естественными науками, их связь с историческим исследованием, а также условия и мотивы окончательного выбора профессии, который был сделан в 1923 г. В процессе выбора профессии совершалось становление научного мировоззрения начинающей исследовательницы. Оно складывалось под влиянием разных факторов: направления экономического материализма, научно-издательской политики новой власти, педагогической деятельности М.В. Нечкиной. Взаимовлияние этих факторов и роль психологии как одного из них анализируются автором статьи.

Ключевые слова: Казанский университет, выбор профессии, история, политэкономия, психология, психиатрия, гистология, естественные науки.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-76-85

Научные интересы М.В. Нечкиной в 1917–1923 гг. были разнообразны. Их круг весьма широк: политическая экономия, психология, историография. Многие отрасли гуманитарного знания волновали студентку М. Нечкину. Но «счастье научного творчества» она искала и находила также в естественных и точных науках. Физика и биология увлекали ее не меньше, чем история и психология. В период учебы в университете и последующие два года начинающая исследовательница колебалась в выборе профессии. История как специальность, избранная еще в гимназические годы, подвергалась Нечкиной сомнению. Ее научно-практические интересы выходили за рамки исторического знания. В исследованиях, посвященных М.В. Нечкиной, вопрос о ее колебаниях в выборе профессии, не затрагивался. Казанская исследовательница А.Н. Гребенкина в диссертации «Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 1920-х гг.» отметила, что М.В. Нечкина в студенческие годы «проявила себя личностью разносторонних интересов», увлекалась физикой, социологией, медициной, русской литературой, психологией. «Она целеустремленно искала свою отрасль избранной специальности, которая определилась к третьему курсу» [1, с. 7]. Однако, драматизм, напряженность и динамизм этих поисков не были раскрыты в диссертации. Исследовательница из Новосибирска Е.Ю. Черная посвятила свой труд историографическому наследию М.В. Нечкиной. Узкая область исследования не позволила ей раскрыть глубину и богатство ранних творческих исканий М.В. Нечкиной, широту ее научных интересов [2, с. 16, 20-21]. Проследим их становление и развитие и выясним основные мировоззренческие итоги, к которым пришла М.В. Нечкина к середине 1920-х гг.

Первые сомнения в правильности выбора профессии возникли у М.В. Нечкиной еще в самом начале большого творческого пути. В апреле 1917 г. кончающая гимназию М.В. Нечкина решила поступать в Казанский университет. «Моя цель определена, - пишет она в дневнике, - изучение социальных наук». Но выбор будущей специальности для 18-летней девушки был труден. «На какой факультет» поступать? Прежде я не колебалась, - замечает Милица, - исторический, но… теперь нет». «Я хочу истинной науки, а история не есть таковая». Нечкина перебирает варианты: «Филологический? Меня интересует языкознание, но не настолько, чтобы я отдала ему

четыре года. Я хочу серьезно изучать психологию – основу всех социальных наук. Юридический? Не могу примириться с отсутствием психологии, логики, философии. Естественный? Нет, слишком далеко от социальных наук». На раздумья ушли два полных месяца. В июне М.В. Нечкина определилась. 25 июня она подала прошение ректору университета и через месяц, 28 июля, получила квитанцию на имя «студента 1-го семестра Милицы Нечкиной». Так вчерашняя гимназистка стала вольнослушательницей историко-филологического факультета Казанского университета. История восторжествовала в ее творческих поисках, но только на время [3, с. 83].

Учеба в университете на первых курсах давалась Нечкиной нелегко. Ей не хватало фактических знаний, опыта самостоятельной работы. «Чувствуешь, что ты бесконечно мало знаешь», - признавалась студентка. Она неутомимо трудится, много читает, занимается английским языком, переводит с латыни и греческого. Ей уже знакомо «счастье мысли, счастье научного творчества», ее «неустанные занятия в познании мира» ширятся. «Я хочу очень серьезно работать… Я полна жажды работы… В голове всё время рождаются темы для разных исследований и размышлений», - замечает Милица в дневнике. Оценивая перспективы личностного роста, она с тревогой и робкой надеждой пишет: «В душе ужасное сознание того, что сделанного до смешного мало, а сделать предстоит такую бездну, перед которой замирает дыхание». Постепенно Нечкина освоила специфику университетского обучения и уже на первом курсе избрала тематику для исследования. В ноябре 1917 г. она подготовила свой первый научный доклад, посвященный одному из аспектов «Конституции» Н. Муравьева. Свою работа она оценила как «наиболее крупную» из всех других самостоятельных сочинений. Доклад о Конституции Н. Муравьева Нечкина прочла, вероятно, в декабре 1917 г., а в следующем семестре, весной 1918 г. она пишет уже другой доклад – о «Русской Правде» Пестеля. Таким образом, весь первый курс студентка целенаправленно занималась изучением программных документов декабристов – Конституции Н. Муравьева и «Русской Правды» Пестеля. В итоге, в июне 1919 г. Нечкина записала в дневнике, что знает о декабристах «больше того», что мог сообщить профессор П.Г. Архангельский, читавший курс русской историографии [4, с. 939, 949].

Второй курс университета внес существенные коррективы в занятия начинающей исследовательницы: ее творческий интерес сделал крутой поворот в сторону совсем другой науки – психологии. «Я хочу серьезно изучать психологию – основу всех социальных наук», - отметила Нечкина в дневнике еще в апреле 1917 г. Прошло два года, и в мае 1919 г. студентка слушала вступительную лекцию преподавателя К.И. Сотонина «о методах психологических исследований». Придя домой, она пометила в дневнике: «Очень интересно…». Через четыре дня, 16 мая, Нечкина «долго говорила с Сотониным о синестезии» - психологической способности человека к богатому и глубокому восприятию ощущений, на следующий день разговор зашел «об отличии субъективного от объективного и о методах истории и литературы», еще через день – «о музыке (отражение в ней темперамента)». 25 мая М.В. Нечкина прочла рукопись К.И. Сотонина «Темперамент и воспитание», и к этому сроку уже подготовила свой доклад о синестезии [5, с. 145-146]. Начиная с этого времени, интерес Нечкиной к проблемам психологии и психиатрии стал постоянным спутником ее духовной и интеллектуальной жизни.

Почва, на которой рождался этот интерес, была в начале 1920-х уже подготовлена. В России это было время неустанных поисков в области познания человеческой личности и ее психологии, а через нее – особенностей и закономерностей исторического процесса. Молодые ученые искали пути сближения психологии с науками о культуре и обществе. В Казани это были ученые-психологи А.Н. Васильев, К.И. Сотонин, А.Р. Лурия, П.И. Кругликов, врач-психиатр Г.Я. Трошин. Примечательно, что со всеми из них М.В. Нечкина поддерживала длительные деловые и дружеские отношения, часто обсуждала интересующие ее вопросы. Например, с П.И. Кругликовым М.В. Нечкина говорила в 1920 г. о «стихийности исторического процесса», «о марксизме, политической экономии, статистике, о том, как физионамистику сделать наукой… о чем только не говорили». С Г.Я.

Трошином – «о Болгарах, о музыке восточных народов, о психотехнике» и т.д. Для изучения психологии в Казани создавались научные общества и кружки. Один из них возглавил начинающий психолог А.Р. Лурия, который даже вступил в переписку с З. Фрейдом (в ответном письме Фрейд выразил удивление тем, что в далеком русском городе Казани интересуются его творчеством) [4, с. 962, 984, 997]. М.В. Нечкина знала о начинаниях А.Р. Лурия и поддерживала их. Она сама хотела постичь тайны психологии личности и объяснить с их помощью исторические и культурные явления.

В 1919–1923 гг. М.В. Нечкина не только читает психологическую литературу, но и посещает заседания Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете, регулярно бывает на лекциях невропатолога, психиатра и психолога Г.Я. Трошина, принимает активное участие в работе кружка по изучению З. Фрейда, «много просматривает» труды психолога и логика Г.И. Челпанова, посещает психоаналитический кружок по психологии одежды [6, 2004, № 11, с. 126; № 12, с. 116, 119; 2005, № 1, с. 119, 122, 129; № 2, с. 126]. Исследовательница проявляет интерес к таким проблемам психологии и психиатрии, как симптоматология истерии, психология памяти, внимания, творчества, неврастения, мания и меланхолия, паранойя, маниакально-депрессивный психоз и многие другие. М.В. Нечкина сама пишет и читает доклады на психологические темы, в особенности же ей интересна психология творчества и искусства [6, 2004, № 12, с. 118-120, 128-131; 2005, № 1, с. 113].

История и психология шли рука об руку и иногда близко соприкасались в творческих исканиях М.В. Нечкиной. В своем первом научном труде «Русская история в освещении экономического материализма» исследовательница поставила «вопрос о влиянии одного историка на другого и тесно связанный с ним вопрос о заимствовании». Этот вопрос, убеждена она, необходимо разрешить путем психологического изучения отдельного автора. «Вся историография, - пишет Нечкина, - русская или какая-либо иная – представляет собой сложную и непрерывную сеть влияний, заимствований, исправлений, новых изобретений, отрицательных влияний – прямых и косвенных и т.д., т.е. представляет собой ряд фактов психологического порядка». Поэтому писать историю исторической мысли правильнее «с психологической точки зрения, обрисовывая связь между отдельными историками такою, какою она действительно была, - получится очень сложная и очень интересная картина. Жаль только, - заключает Нечкина, - что сейчас эта работа прямо невозможна, потому что мы не имеем твердой научной почвы для изучения вопроса о влияниях» [7, с. 20, 22].

Другой пример сплетения интересов – это исследование Нечкиной о Ключевском. В 1922-1923 гг. она изучала биографию и труды знаменитого русского историка и для «выяснения вопроса об "идеях" в его миросозерцании» прочла «много психологической литературы»: книгу французского психолога и психопатолога Т. Рибо «Эволюция общих идей», изданную в Киеве в 1898 г., труд российского психолога и философа, представителя ассоциативной психологии М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (М., 1883), работу немецкого психолога и философа, одного из основоположников экспериментальной психологии и этнопсихологии В. Вундта «Лекции о душе человека и животных» (СПб., 1894). Исследовательница была убеждена, что вопрос о складывании научного мировоззрения В.О. Ключевского лежит на стыке двух наук – психологии и истории. Иногда соседство двух наук – психологии и истории – оказывалось неожиданным и для самой М.В. Нечкиной. Вот ее запись в дневнике от 15 февраля 1923 г.: «Прочла статью Б.Л. Модзалевского "Декабрист Батеньков. Новые данные для его биографии", прямо потрясающая статья о душевной болезни Г. Батенькова». Исследовательница намеревалась дать эту статью психиатру М.Н. Андрееву, своему знакомому, «для психиатрического анализа диагноза» [5, с. 248]. Она исполнила свое намерение, но об ответе психиатра мы ничего не знаем. Увлечение вопросами психологии и психиатрии у М.В. Нечкиной было сильным. По записям дневника можно судить, насколько серьезными были ее колебания в окончательном выборе профессии - об этом она неустанно думала и днем, и ночью. В итоге 29 января 1923 г. Нечкина записала в дневнике: «Ночью (на 29-

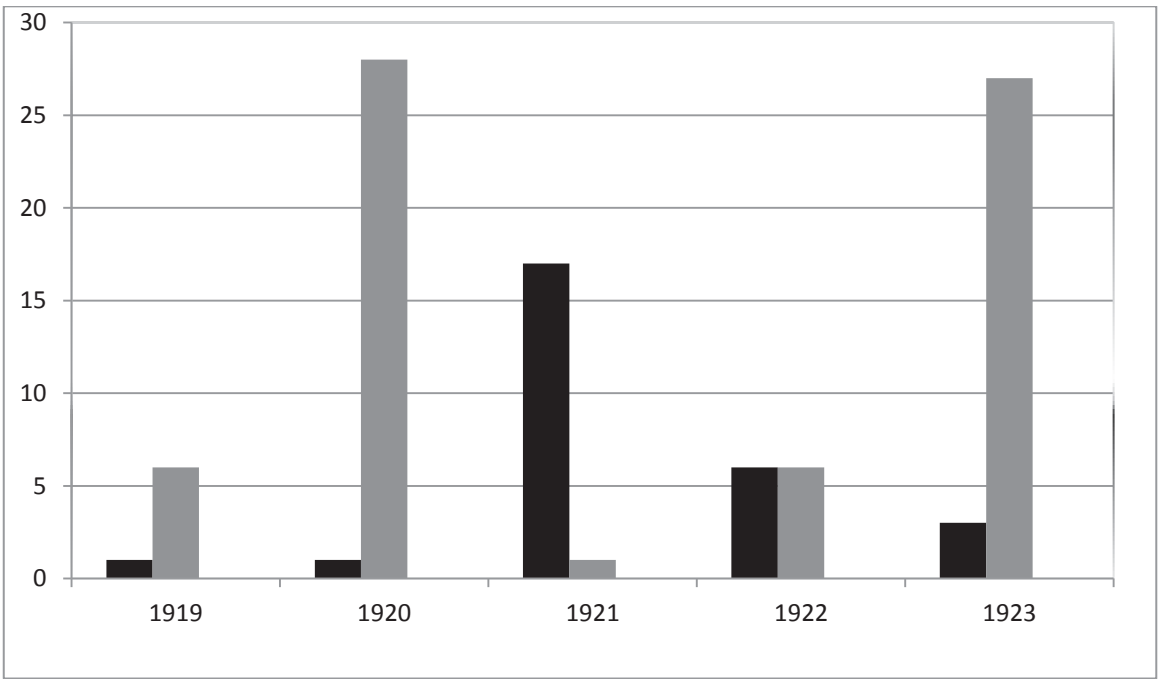
е) очень мучилась избранной специальностью, надо бы психологию» [6, 2005, № 2, с. 126].

Здесь надо остановиться и немного сказать об изменении интересов М.В. Нечкиной на протяжении 1919–1923 гг. На протяжении указанного пятилетия соотношение внимания, уделяемого Нечкиной психологии и политэкономии (истории), менялось. В 1919 году Нечкина только заинтересовалась психологией и начала читать учебник по психиатрии немецкого автора Крафта-Эбинга, а книг и статей по политэкономии в том же году она прочла, как минимум, шесть. В 1920 году соотношение было таким: 1 учебник по психиатрии и 28 книг и статей по политэкономии. В следующем 1921 году соотношение почти зеркально изменилось: 1 труд по политэкономии и 17 лекций и докладов по вопросам психологии и психиатрии, прослушанных М.В. Нечкиной. В 1922 году соотношение было 6 к 6. Следующий 1923 год стал переломным: Нечкиной было прочитано, как минимум, 27 книг и статей по политэкономии и истории и только дважды Милица Васильевна появилась на собраниях психоаналитического кружка и один раз на собрании Общества психиатров.

Падение интереса М.В. Нечкиной к психологии связано с высылкой из России в 1922 г. профессора Г.Я. Трошина, лекции которого она посещала регулярно. В 1922 г. Г.Я. Трошин был дважды арестован и в конце года выслан из России, а 17 февраля 1924 г. М.В. Нечкина сделала последнюю в своем дневнике запись, свидетельствующую об ее интересе к психологии. Нельзя сказать, чтобы интерес М.В. Нечкиной к психологии был связан исключительно с профессором Г.Я. Трошином, в которого девушка была влюблена [8, с. 92-93]. Нечкина стала интересоваться психологией в 1919 г., а посещать лекции Г.Я. Трошина – только в 1921 г. В 1922 г. Нечкина только дважды посетила лекции профессора Г.Я. Трошина, но зато прочла 6 книг по психологии и стала посещать психоаналитический кружок и кружок по изучению З. Фрейда [6, 2005, № 1, с. 113, 115, 119, 122, 124, 129]. Можно с уверенностью сказать, что с увлечением психологией у Нечкиной была связана не только «личная история» (любовь к Г. Трошину), но и зарождающийся научный интерес [8, с. 92].

Этот интерес не был обособлен от других ее научных интересов, наоборот, - крепко увязан с ними. Психология изучалась М.В. Нечкиной не для того, чтобы просто познать тайны человеческого сознания, она нужна была исследовательнице для проникновения вглубь исторического процесса. Изучая в 1920 г. русскую материалистическую историографию, Нечкина столкнулась с проблемой понять сам процесс мышления ученого – как он заимствует идеи, как понимает и развивает их. В итоге она пришла к выводу: «Духовная культура – наиболее сложное из исторических явлений, результат многочисленных и разнообразных влияний». Но как изучить эти влияния? «Человеческая психика слишком сложна и темна, для научных исследований о психологии влияния наука сделала пока очень мало», - таким неутешительным было заключение исследовательницы [7, с. 18]. Но Нечкина не отказалась от попыток научного понимания духовных или по-другому – психологических явлений. Об этом говорит красноречивый факт – наибольший интерес ее к психологии приходится на 1921 г. В 1920 г. Нечкина закончила свой историографический труд, а в следующем году, чтобы понять психологические основания научного творчества, она с головой ушла в изучение психологической литературы. Таким сильным было желание начинающей исследовательницы познать глубинные основы человеческой деятельности.

Итак, в 1920 – 1921 гг. можно было наблюдать метания М.В. Нечкиной между психологией и политэкономией, в 1922 году интересы будущего историка пришли в равновесие, а в 1923 году произошел решительный поворот в сторону политэкономии (истории). Нечкина сама признает, что летом и в начале осени 1923 года занималась «исключительно – различными вопросами марксизма» [6, 2005, № 2, с. 129].



На данной диаграмме показано изменение интересов М.В. Нечкиной за 1919-1923 гг., черный цвет – психология, серый – история. Естественно, у М.В. Нечкиной были и другие интересы, но здесь рассматриваются только психология-психиатрия и политэкономия-марксизм (история).

1923 год можно считать переломным в складывании научных интересов исследовательницы: круг ее интересов ограничивается почти исключительно вопросами политэкономии и марксизма. Нечкина продолжает интересоваться психологией, но этот интерес быстро сходит на нет. Последняя запись, свидетельствующая об ее интересе к психологии, сделана Нечкиной 17 февраля 1924 года. Таким образом, к февралю 1924 года М.В. Нечкина окончательно определилась с будущей профессией – ей стала история, а психология отошла в прошлое.

В 1920-1923 гг. Нечкина пишет и издает свой первый научный труд – «Русскую историю в освещении экономического материализма», начинает работу о Ключевском, а также посещает лекции зоолога Н. Ливанова, генетика Б.Н. Вишневского, гистолога А.Н. Миславского. Она глубоко и живо увлечена вопросами биологии и медицины. 18 января 1923 г. Нечкина была на докладе гистолога Б.И. Лаврентьева, посвященном 1-му съезду анатомов, гистологов и зоологов, проходившему в Петрограде в декабре 1922 г. «Прямо захватывающе интересно, - замечает она в дневнике. - Придя домой, записала то, что запомнилось из доклада. Начала читать (под влиянием доклада) книжку проф. Л.С. Берга "Борьба за существование и взаимная помощь"». Мы видим, насколько увлеченно Нечкина вникает в другие науки, далекие от истории. «Прямо не могу жить без естественных наук», - признается она [5, с. 244-245].

В январе 1923 г. Нечкина прочла книгу В.И. Вернадского «Начало и вечность жизни», изданную недавно – в 1922 г. в Петрограде. Труд известного ученого произвел на исследовательницу сильное впечатление: «Замечательная книга! Очень много дала. Многочисленный материал по психологии научного творчества, вполне согласующийся с моими мыслями о биологическом значении психики, об индивидуальной, творимой среде, среда есть психологическое понятие…» [5, с. 245, 609]. В этих строках молодого начинающего ученого нетрудно заметить стремление к синтезу научного знания – сближению гуманитарных и естественных наук. Нечкина искала пути этого сближения, размышляла «по поводу перенесения в наши (гуманитарные – авт.) науки метода естественных наук». Больше того – начинающая исследовательница напряженно думала о применении «психологического анализа» в познании исторических явлений. Эти поиски научного метода – совсем не случайное явление в ранней творческой биографии М.В. Нечкиной. С 1919 г. она

испытывала глубокие сомнения в истинности известных ей научных методов, критиковала их формализм. Исследовательница была убеждена, что старые методы «не доведут до истины». 6 ноября 1919 г. она записала в дневник: «Прямо тоска по методу поднимается в душе. И главное не по тому методу, который дается профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказывать противоположное. Я всё это еще очень смутно сознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого…» [4, с. 953]. Именно неудовлетворенность известными научно-историческими методами побуждала Нечкину проникновенно изучать другие науки – биологию и психологию, и в них искать истинно-научные методы, как она полагала.

М.В. Нечкина оставила в дневнике совсем немного высказываний оценочного характера. Ее дневник скуп в этом отношении. Те немногие оценочные высказывания исследовательницы, которые он содержит, отличаются краткостью и эмоциональностью. Проанализируем их. 22 декабря 1922 г. М.В. Нечкина прочла отдел о государстве в «Справочной книжке марксиста» и «вообще просмотрела всю книгу», автором которой был историк и архивист Е.И. Чернышев. После прочтения исследовательница сделала в дневнике запись: «Боже, до чего убого в науке всё то, что исходит от марксизма!». Через полтора месяца, вечером 5 февраля 1923 г. Нечкина прочла январский номер «Известий Социалистической академии» за 1923 г. «Очень тяжелое впечатление», - пометила она в дневнике. Спустя восемь дней, 13 февраля, Нечкина «читала за полночь» четвертый номер «Красной нови» - «толстого» научно-публицистического журнала. После прочтения она вновь обратилась к дневнику и в полуночном одиночестве писала: «Снова мои марксистские муки». Нетрудно заметить, что приведенные высказывания усердной и увлеченной читательницы все носят эмоциональный оттенок – Нечкина сама говорит о «*впечатлении*» от прочитанного. Тем не менее, движения ее пера ясно выразили мысль о неудовлетворенности исследовательницей марксистским методом. За очень короткий период – полтора месяца – Нечкина трижды повторила эту мысль.

Прошло семь месяцев, и 8 сентября 1923 г. Нечкина прочла часть «Введения к критике политической экономии» К. Маркса. «Особое внимание» она обратила «на теорию единства производства и потребления, и на страницы об искусстве». «Последние очень понравились», - признавалась Нечкина. Они вызвали в ней «много сомнений» и в них исследовательница нашла много своих мыслей. Дневниковая запись заканчивалась восклицанием, которое вновь напоминало об эмоциональном отношении Нечкиной к прочитанному. 19 сентября еще одна эмоциональная запись: «Я Ленина люблю…». 22 сентября Нечкина завершила чтение труда Ленина «Государство и революция», затем конспектировала его, «делала заметки». Конспект этот сохранился и в нем можно прочесть такие строки: «Очень нравится Ленин как ученый: из всех марксистских русских теоретиков люблю: Ленина, Покровского…» [6, 2005, № 1, с. 127; № 2, с. 126, 127, 135, 136, 147].

Суммируем высказывания М.В. Нечкиной и определим их значение. Первая группа высказываний относится к декабрю 1922 – февралю 1923 гг. и содержит отрицательные отзывы исследовательницы о «Справочной книжке марксиста» и о содержании советских журналов – «Известий Социалистической академии» и «Красной нови». Эти издания произвели на Нечкину «тяжелое впечатление», выявили свое научное «убожество» в ее глазах. Материал изданий, особенно «Справочной книжки марксиста», действительно представлял собой низкокачественный в научном и художественном отношении труд. Это были пропагандистские очерки, политизированные статьи, исследования, в которых применялся крайне упрощенный подход к историческим явлениям и процессам. Такой подход вызвал у Нечкиной решительный протест. Наоборот, фундаментальные и глубокомысленные сочинения классиков марксизма – Маркса, Ленина, Покровского, - которые Нечкина прочла всего семь месяцев спустя, в сентябре 1923 г., вызвали в ней чувства восхищения и «любви», но также сомнения – неизбежные в научном поиске, и «много мыслей». Марксистская теория в трудах Ленина и Покровского предстала перед исследовательницей в своем лучшем виде.

Теперь закономерно поставить вопрос о

причинах сделанного М.В. Нечкиной профессионального выбора между психологией и политэкономией (историей). Можно назвать три причины. Выбор был сделан в 1923 году. В этом году Нечкина много и регулярно читает советские литературно-художественные и научно-публицистические журналы: «Красная новь», «Печать и революция», «Под знаменем марксизма». Эти журналы она берет в библиотеке Коммунистического клуба. В том же Коммунистическом клубе начинающая исследовательница просматривает «много *новой партийной литературы»* [6, 2005, № 2, с. 136]. Помимо этого, с 1923 года М.В. Нечкина почти полностью погружается в чтение политэкономической литературы и сама читает лекции на политэкономические темы (на рабфаке Казанского университета). Начинающий ученый неоднократно перечитывает «Капитал» К. Маркса и «Коммунистический манифест». Какие взгляды могли сформироваться у исследователя после добросовестного ознакомления с таким внушительным объемом однотипной по содержанию литературы?

Итак, первая причина выбора, сделанного Нечкиной в 1923 г. - это обилие литературы политэкономического содержания, вышедшей в свет после 1917 года. Печатный станок страны Советов работал в 1917–1923 гг. без простоев: из 16 книг, прочтенных Нечкиной в 1923 году, как минимум, 7 были изданы после 1917 года, и только одна вышла в свет в 1912 г. Причем подавляющее большинство этой литературы увидело свет в 1922–1923 гг. и имело низкокачественный характер. Это были брошюры и очерки пропагандистского характера. Нечкина хорошо понимала низкую научную ценность этих произведений. В своем первом научном труде «Русская история в освещении экономического материализма», изданном в 1922 г., она отметила, что у «последователей теории экономического материализма очень много коротеньких брошюр, написанных иногда просто с просветительной, а чаще прямо с агитационной целью». «Материал этот, - уточняла Нечкина, - обоюдоострый: с одной стороны приходится учитывать упрощенность в изложении многих взглядов, несомненно их уродующую, а с другой стороны, можно встретить какое-либо яркое замечание, не входящее в обширные исследования» [7, с. 14].

На складывание мировоззрения молодой исследовательницы оказывает влияние не только выход в свет в конце 1910-х – начале 1920-х гг. большого количества литературы политэкономического содержания. С 1922 г. Агитпром и Главлит начинают запрещать ввоз в страну экономической литературы антимарксистского содержания, а также литературы по вопросам философии и социологии явно идеалистического направления. Под запрет попали книги Б.В. Станкевича о 1917 г., П.Н. Милюкова, Г.К. Гинса о Колчаке, немецкого экономиста Л. Брентано «Зачинщики мировой войны», воспоминания М.В. Родзянко. Были запрещены источники не только по российской истории, но и по истории европейских революций. Даже книги, отвечавшие материалистическому пониманию истории, выходили сокращенными (например, «История Западной Европы в средние века» Р.Ю. Виппера) [9, с. 22-24]. Из дневника М.В. Нечкиной можно узнать, в 1919–1923 гг. она читала таких авторов, как Виппер, Милюков, Брентано. Особенно много она читала Милюкова, а книгу Виппера «Очерки теории исторического познания» Нечкина назвала «великолепной вещью». Таким образом, цензурные запреты, начавшись в 1922 г., напрямую затронули сферу научных и литературных интересов начинающего историка.

Вторая причина профессионального выбора Нечкиной связана с первой: в начале 1920-х гг. в советской России выходило много марксистской литературы и почти не выпускалась литература по вопросам психологии и психиатрии. Из 8-и книг по психологии и психиатрии, проченных Нечкиной за 1919–1923 гг., только одна вышла в свет после 1917 года. В дневнике Нечкина выразила свою неудовлетворенность тогдашним состоянием отечественной психологии. Об одном из ее направлений, возглавляемом психологом и логиком Г.И. Челпановым, она отметила: «…челпановское направление не нравится – психология да еще экспериментальная без физиологии!» [6, 2005, № 2, с. 126]. Ознакомиться же с другими направлениями психологии Нечкина просто не могла. Она искала новые методы и новые подходы к изучению психологических явлений, ее как ученого не устраивала не только экспериментальная психология. В 1924 г., присутствуя

на конференции в Московском Психологическом институте и слушая доклад психолога П.П. Блонского «Метод самонаблюдения и психология поведения», Нечкина заметила: основная мысль Блонского – «критика метода самонаблюдения. Этот метод – формальное развитие психологии. Необходимо от него отказаться» [5, с. 617]. Исследовательница стремилась к синтезу знаний и опыта психологии и физиологии, человеческая психика, по ее мнению, имеет, прежде всего, «биологическое значение». Понятно, что уровень развития психологии и психиатрии, которого данная наука достигла в СССР к середине 1920-х гг., не мог подвигнуть молодого ученого на увлеченные и плодотворные творческие поиски.

Наконец, третья причина – это педагогическая деятельность Милицы Васильевны. С 1921 г. она преподавала в Художественных мастерских Казани, с 1923 г. – на рабфаке Казанского университета и в Политехническом институте. Нечкина читала курсы по социологии искусства, истории литературы, историческому материализму, политической экономии. Подготавливаясь к лекциям, она много и внимательно читает труды историков и экономистов, большинство из которых развивали политэкономические, точнее – марксистские и близкие к марксизму взгляды. Конечно, среди книг, оказавшихся на письменном столе молодого историка в 1923-1924 гг., были и такие, как например В.И. Вернадский «Начало и вечность жизни», или Г. Шпет «Очерк развития русской философии» и даже (!) А. Эйнштейн «О специальной и общей теории относительности». Но эти сочинения оказывались на обочине научных интересов исследовательницы, они появлялись в ее руках по разным причинам: по необходимости ознакомиться с работой для того, чтобы написать на нее рецензию (в случае с книгой философа Шпета), как проявление широты интересов молодого ученого (в случае с двумя другими трудами). Мировоззрение Нечкиной складывалось в 1922-1923 гг. на основе ее научно-педагогического опыта. Исследовательница писала работу о Ключевском и вела курсы политической экономии. И то, и другое мощным каждодневным потоком обрушивало на нее литературу известного содержания. Это были труды классиков и теоретиков марксизма, историков материалистического направления и экономистов умеренного и радикального марксистского толка.

Психология не стала жизненным призванием М.В. Нечкиной, но оставила глубокий след в ее научном наследии. Художественное восприятие и психологически тонкие наблюдения помогали исследовательнице создавать яркие портретные характеристики, точно передавать драматизм описываемого исторического события, глубоко осмысливать личностный аспект в биографиях своих героев. Психологические опыты способствовали складыванию художественного стиля научных произведений исследовательницы. Ведь Нечкина была убеждена, что «художественное изложение полностью соответствует глубоким психологическим законам» и поэтому изучать их необходимо [10, с. 33]. Историографические исследования также испытали на себе влияние «нечкинской психики» (выражение В.К. Яцунского): исследовательница считала, что «понять историка и его творчество можно при одном непременном условии: анализировать как объективные, так и субъективные моменты его биографии, вплоть до его чувств, личных привязанностей, особенностей его психологического склада» [11, с. 160-161]. Яркий пример психологически тонкого и красочно-художественного изложения в трудах М.В. Нечкиной – это ее монография о Ключевском. Описывая внешность и характер историка в студенческие годы, Нечкина отмечала: «По переписке с товарищами и сохранившимся фотографиям можно представить себе общий облик скромного студента с живыми, проницательными и даже "пронзительными" черными глазами… Сказалось непрерывное чтение и писание – с первого курса университета "на носу явились очки". <…> Как пишет сам, студентом он курил ("валялся на диване с папироской, созерцая темный потолок и помышляя о делах человеческих"). Уже в студенческие годы Ключевский - "охотник до красного словца" и замечает, что его "не даром считают хитрым". Но любит дружить с прямыми и открытыми натурами, "потому что сам чувствую в своей натуре большой недостаток этой прямоты душевной и бесцеремонности". Скептичен, насмешлив, считает, что в жизни нет трагедии без комедии…». Характер Ключевского в зрелые и поздние годы его жизни Нечкина наметила такими штрихами: «Давно мог бы он гордо нести свою

славу, чувствовать себя знаменитым, любимым, незаменимым, но нет и тени высокой самооценки в его поведении, даже напротив подчеркнутое игнорирование славы. От аплодисментов он "хмуро и досадливо отмахивался". Знаменитый профессор, давно уже не стесненный нехваткой денег, ходил в "старенькой, поношенной до предела шубе". "Что же шубы-то новой, Василий Осипович, себе не заведете? Вон потерлась вся", - замечали приятели. "По роже и шуба", - лаконично отвечал Ключевский. Он не любил обязательного синего вицмундира с золотыми пуговицами, в котором вынужден был всё же в иные университетские годы, согласно требованиям начальства, появляться на лекциях; он с пренебрежением относился к этому "форменному фраку", его тяготившему. Когда сослуживцы по-приятельски указывали ему на "пыльные пятна" на этом фраке, Ключевский стрелял в них изречением: "И на солнце не без пятен"» [12, с. 122-123, 317]. Психологизм исследования отражает особенности исторического источника, его богатство и многоликость.

Заключая, можно сказать, что к началу 1924 г. завершился первый этап складывания научного мировоззрения М.В. Нечкиной. Основной его итог – противоречие между материалистическим пониманием истории, крепко усвоенным Нечкиной, и упрощенным, однобоким марксистским подходом ко многим историческим явлениям и процессам, который уже выявил себя в отечественной исторической мысли и который вызвал явное неприятие исследовательницы.

Список литературы

1. Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период) / Автореф. канд. дисс. Казань. 1992.

2. Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки / Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 2014.

3. «Когда я буду "великим человеком"… очень пригодятся мои тетради…» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 1997, № 5.

4. «Заря жизни». Из казанских дневников М.В. Нечкиной (1917-1924 гг.) Публ., вступ. ст. и коммент. А.Н. Бикташевой/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011.

5. «…И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Е.Р. Курапова. М., 2013.

6. Дневники академика М.В. Нечкиной / вступ. ст. и коммент. Е.Р. Кураповой // Вопросы истории. 2004, № 11, 12; 2005, № 1, 2.

7. Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань: Госиздат, 1922.

8. «Очень много дел…» Из «деловых дневников» 1922–1923 гг. академика М.В. Нечкиной / Публ. подг. Е.Р. Курапова // Отечественные архивы. 2004. № 6.

9. Зеленов М.В. Главлит и историческая наука в 20 – 30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3.

10. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. Сб. работ. М., 1982.

11. Вандалковская М.Г. Высокое служение богине Истории. К столетию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник Российской академии наук, 2001. Том 71. № 2.

12. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

THE DIFFICULTY OF CHOOSING A PROFESSION: THE CREATIVE QUEST OF M.V. NECHKINA IN 1917-1923.

Early biography of M.V. Nechkina studied the Kazan scholar A.N. Grebenkina. Her dissertation (1992) highlights the scientific and pedagogical activities of M.V. Nechkina in the early 1920s. This period was decided the key issue in the creative fate of M. V. Nechkina, the choice of a profession. It is reflected in the pages of her diary, which A.N. Grebenkina could not use – at the time when she wrote her thesis, access to The personal Fund of M.V. Nechkina in the archive of the RAS was closed, and it is there that her diary is kept. Therefore, the question about doubt and oscillations M.V. Nechkina in the choice of profession was not disclosed by the researcher. In 1917-1923 M.V. Nechkina showed a deep research interest not only in history, but also in psychology. The desire to learn historical laws through sociological

teachings was a characteristic feature of the time, and this explains the interest of the young researcher in psychology and psychiatry. The article examines the dynamics of scientific interests of M.V. Nechkina in 1917-1923, the reasons for her passion for psychology and natural Sciences, as well as the conditions and motives of the final choice of profession, which was made in 1923. In the process of choosing a profession, the formation of the scientific Outlook of the beginning researcher was made. It was formed under the influence of various factors: directions of economic materialism, scientific-publishing policy of the new government, pedagogical activity of M.V. Nechkina. The author analyzes the mutual influence of these factors and the role of psychology as one of them.
Keywords: Kazan University, profession choice, history, political economy, psychology, psychiatry, histology, natural Sciences.

References

1. Grebenkina A.N. (1992) Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M.V. Nechkinoy v nachale 20-h godov (Kazanskiy period) [Scientific and pedagogical activity of M.V. Nechkina in the early 20s (Kazan period)] / Avtoreferat kand. diss. Kazan.

2. Chernaya E.Y. (2014) Milica Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoy istoricheskoy nauri [Milica Vasilevna Nechkina – historian of Russian historical science] / Avtoreferat kand. diss. Novosibirsk.

3. "Kogda ya budu "velikim chelovekom" ochen' prigodyatsya moi tetradi" (Iz lichnyh dnevnikov akademika M.V. Nechkinoy) ["If I be "a great man"... very useful for my notebooks..." (From personal diary of the academician M.V. Nechkina)] / Publ. podg. E.R. Kurapova / Otechestvennye arhivy [Native archives]. 1997, № 5.

4. «Zarya zhizni» Iz kazanskih dnevnikov M.V. Nechkinoy (1917-1924) [Dawn of life. Kazan diaries of M.V. Nechkina (1917-1924)], Publ. and comments. A.N. Biktasheva/ In the book.: History in man. Academician M.V. Nechkina / edited by E.L. Rudnitskaya, S.V. Mironenko. M., 2011.

5. «…I muchilas' i rabotala neveroyatno». Dnevniki M.V. Nechkinoy [«…And worry and work incredible». Diaries of M.V. Nechkina] / Pod red. E.R. Kurapovoy. M., 2013.

6. Dnevniki akademika M.V. Nechkinoy [Diary of the academician M.V. Nechkina]/ ed. by E.R. Kurapova // Voprosy istorii [Questions of history]. 2004, № 11, 12; 2005, № 1, 2.

7. Nechkina M.V. (1922) Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma [Russian history in the coverage of economic materialism]. Kazan.

8. «Ochen' mnogo del». Iz «delovyh dnevnikov» 1922-1923 godov akademika M.V. Nechkinoy ["A lot of cases...". From the "business diaries" 1922-1923 academician M.V. Nechkina] / Publ. prep. E. R. Kurapova / Otechestvennye arhivy [Native archives]. 2004. № 6.

9. Zelenov M.V. Glavlit i istoricheskaya nauka 20-30-h godov [Glavlit and historical science in the 20-30s] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1997. № 3.

10. Nechkina M.V. (1982) Funktsiya hudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse [Function of the artistic image in the historical process]. Moscow.

11. Vandalkovskaya M.G. (2001) Vysokoe sluzhenie bogine Istorii. K stoletiu so dnya rozhdeniya akademika M.V. Nechkinoy [High service to the goddess of History. To the centenary from the birth of academician M.V. Nechkina] // Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences] 2001. Volume 71. № 2.

12. Nechkina M.V. (1974) Vasiliy Osipovich Kluchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva [Vasily Kliuchevsky. The history of life and creativity]. Moscow.

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы – аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

УДК 93/94

Кирсанов Е.В., аспирант, Государственный гуманитарно-технологический университет (Россия)

ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ СО СТРАНАМИ КАВКАЗА, ЗАКАВКАЗЬЯ И ПРИКАСПИЯ ПО ДАННЫМ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В статье произведен анализ работ историков, посвященных исследованию отношений Древней Руси с государствами Кавказа и Прикаспия на основе описаний отдельных эпизодов этих взаимоотношений восточными авторами. В результате анализа было выявлено следующее направление эволюции взглядов историков. Историки конца XIX – начала XX в. полагали все кавказские и каспийские походы Древней Руси чисто грабительскими и приписывали их организацию, как правило, не руководству Древнерусского государства, а неким вольным формированиям – бродникам или их предшественникам, неким действующим от своего имени варяго-русским дружинам и т.п. Историки советского периода приходят к выводам о преследовании Древней Русью в регионе экономико-политических целей, а именно, задач укрепиться в регионе, создать некий форпост, освободить для себя и защитить торговые пути. При этом ряд исследователей, начиная примерно с пятидесятых годов XX в., приписывает Древней Руси действия в интересах Византии или Хазарии. Наконец, историки конца XX в. – начала XXI в. делают заключение, что Древняя Русь, ведя дальновидную и тонкую политическую игру в регионе, умело сталкивая разных игроков, преследует исключительно свои политические интересы, благодаря чему в течение всего исследуемого в настоящей работе периода, а именно с IX по XIII вв., в регионе влиятельна и успешна. При этом большинство каспийских походов имеет освободительный характер, направлено на помощь союзникам или восстановление порядка.

Ключевые слова: Древняя Русь, Южный Прикаспий, Бердаа, ал-арсия, Дербент, Грузия, царица Тамара, каспийские походы, торговые пути, Хазария.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-86-95

При изучении исторической географии Древней Руси (IX-XIII вв.) и в частности определении территорий, которые занимало Древнерусское государство, нельзя обойти вниманием вопрос взаимоотношений Древней Руси с сопредельными государствами. Этот вопрос важен и непосредственно для реконструкции эволюционных процессов в географии Древней Руси в течение всего изучаемого периода, и для выявления роли Древней Руси в мире соответствующего времени. Также частью вопроса о локализации территорий Древней Руси является вопрос о выявлении древнерусских эксклавов на территории других государств, Древнерусских экзархий и государств, находящихся под иной формой протектората Древней Руси, функционировании торговых путей, где в изучаемый период русские купцы имели доминирующее положение, а, следовательно, и торговые, а точнее военно-торговые, базы, расположенные вдоль этих путей вне территории Древней Руси, принадлежавшие, или используемые русскими купцами – они также имеют непосредственное отношение к исторической географии Древней Руси. В рамках описываемого вопроса одним из важнейших является вопрос о взаимоотношениях Древней Руси с государствами Кавказа, Закавказья и Южного Прикаспия. В изучении данного вопроса значение письменных источников трудно переоценить, особенно, если речь идет об источниках, созданных в изучаемый период – среди этих источников львиную долю составляют источники восточные. Применение восточных источников к изучению Древней Руси сравнительно молодо – его возраст составляет не более 200 лет. При этом большую часть этого периода составляет первичное накопление данных, так что осмысление информации восточных географов и получение первых результатов в освещаемом вопросе следует отнести не ранее, чем на вторую половину XX в.

Исследование выполнено в предметной области интеллектуальной истории.

В XIX - начале XX в. каспийских походов русов касались в своих трудах Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Д. И. Иловайский, М. С. Грушевский, Б.А. Дорн, В.В. Григорьев. Тогда же появился сборник сообщений восточных авторов о Руси А.Я. Гаркави [9]. Историки XIX - начала XX в. полагали, что русские походы носили исключительно грабительский характер, в этом свете рассматривался и восточный аспект внешней политики Древней Руси..

В советский период эта тема изучалась в трудах А.Ю. Якубовского [18, с. 87; 46, с.

463—465, 467, 469], В.В. Мавродина [32; 31], В.В. Бартольда [3, с. 827, 829], Б.А. Рыбакова [43, с. 7, 77; 41; 42], Б.Н. Заходера [16, с. 157-159, 160, 162; 17], М.В. Левченко [25, с. 149-150], Н.Я. Полового [36, с. 143-144; 38, с. 344, 346-347, 352-354; 37], Греков Б.Д. [34, с. 84], В.М. Бейлиса [6, с. 10], М.И. Артамонова [2, с. 233, 249, 251, 369-370], А.П. Новосельцева [26, с. 363-365, 367, 371, 392; 30, с. 99-103; 27], Т.М. Калининой [20, с. 21-28], А.Н. Сахарова [44] и др. Следует также отметить работы В.Ф. Минорского [33] – ученого русского зарубежья.

Позиции историков этого периода в целом сходны, а именно, все они в той или иной мере соглашаются с идеей, что каспийские походы Руси являлись следствием византийской политики Древней Руси. Русы действовали в союзе с Византией и оттягивали силы арабов во времена боевых действий Византии против арабов. А.П. Новосельцев подчеркивает освободительный характер ряда походов. По мнению Т.М. Калининой дербентские походы были предприняты для помощи византийскому отряду, посланному на Кавказ для борьбы с перешедшими на сторону Варды Фоки кавказскими феодалами. А.П. Новосельцев полагает, что поход на Бердаа [18] был организован в противодействие Византии. В вопросе взаимоотношений Древней Руси с Хазарией историки не так единодушны. Если В.В. Бартольд и Б.Д. Греков полагают каспийские походы чисто антихазарскими, то, например, Н.Я. Половой предполагает, что русы шли на Бердаа по хазарской территории, то есть, пользуясь содействием хазар, более того, исследователь говорит о формировании русско-хазаро-аланского союза против мусульманских государств Прикаспия. Похожих взглядов придерживается М.И. Артамонов. В вопросе организаторов походов единодушия также нет: Б.А. Рыбаков и М.И. Артамонов приписывают походы неуправляемым ватагам варяжских наемников, В.Ф. Минорский и В.М. Бейлис – некой русской вольнице, описанной ал-Масуди [1], как «нукарда», то есть, как полагает В.Ф. Минорский (а позже И.Г. Коновалова [22]), «новгородцы», ставшей, по мнению исследователя, предшественником бродников, а для поздних походов (кон. X - нач. XI в.) – смешанной массой скандинавов и славян. При этом, например, В.М. Бейлис подчеркивает ведущую роль в организации походов русских центров Тмутаракани и Саксина (по его мнению, созданного после завоеваний Святослава). Следует отметить также трактовку изгнания Юрия Боголюбского из Грузии [19; 21], принадлежащую А.П. Новосельцеву [29]. Юрий в Грузии представляет Новгородское княжество, и изгнание его из Грузии объясняется дипломатической победой Владимирской Руси. Дело в том, что Всеволод Юрьевич через свою осетинскую жену обладает существенным влиянием в аланской среде и продвигает свое влияние в Грузии через Давида Сослана (нового царя Грузии) – родственника жены Всеволода. В оценке характера взаимоотношений Руси и государств Южного Прикаспия в целом нельзя не учитывать позицию А.П. Новосельцева, полагавшего отношения преимущественно мирными и характеризующимися обильным взаимовыгодным ттоварообменом. Как отмечает исследователь [26], по данным ряда восточных авторов (Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих и др.), на период с VIII по X вв. приходится пик развития русской торговли на Каспии. Русские купцы проходили из Черного моря по Дону и Волге в Каспийское море, а затем достигали Южного Прикаспия (Рей, Абаскун, Гиркания и т.п.). В [28] А.П. Новосельцев подчеркивает, что в течение всего периода с X по XII вв. русские торговые суда преобладали в Волге и Каспии и торговые цели были преимущественными, если не единственными целями походов русов в Прикаспий. Также А.П. Новосельцев отмечал важную роль в движении русских торговых караванов волго-каспийского порта Саксина.

В современный период направление эволюционирования взглядов историков не изменилось.

О.М. Рапов [40], опираясь на ряд косвенных свидетельств и приводя похожее мнение В.В. Мавродина, предполагает, что «остров русов», описанный рядом восточных географов [26], расположен где-то в Каспийском море. Следует напомнить, что, по мнению В.В. Мавродина [31; 32], часть русов после похода 912-913 гг. [1] осталась где-то в Хазарии и приняла христианство, распространявшееся в это время в Хазарии, посчитав это наиболее выгодным, затем изменила свое

мнение и приняла ислам, после чего влилась в состав Хазарской гвардии. Именно об этих русах, по мнению исследователя, сообщают Ауфи и Марвази – о крещении и принятии ислама, а ал-Масуди – о службе в хазарской гвардии. Ряд восточных авторов действительно сообщает о базе русов на некоем острове, правда остров упоминается каждый раз новый: напротив Баку, напротив Дербента, Сиях-Кух (согласно, например, Т.М. Калининой, п-ов Мангышлак). По мнению О.М. Рапова, население острова, как и остальная Русь, языческое. Остров, располагаясь в самом центре средоточения исламских государств – врагов Византии, воспринимается Византией, как весьма перспективный в плане создания форпоста на Востоке в случае христианизации. Поэтому в результате предпринятых Византией усилий население острова принимает христианство в 912/13 гг., как об этом сообщают ал-Марвази и Ауфи. После этого случается поход русов на Каспий, после которого русское войско, по сведениям ал-Масуди было уничтожено жителями средней Волги. В результате этого события островные русы, по мнению О.М. Рапова, потеряли связь с континентальной Русью. Они осознали себя одинокими, окруженными враждебными исламскими странами, с которыми они только что рассорились после каспийского похода и сочли единственным выходом из этой ситуации принятие ислама. В результате исламизации островные русы, установив контакты с другими исламскими государствами Прикаспия, получили возможность дальнейшего развития и создали новое славянское государство. В качестве дополнительного свидетельства правильности своих выкладок, О.М. Рапов вслед за В.В.Мавродиным [32] привлекает сообщение Шабангария [7, стр. 32] о господстве русов-мусульман на море – ни на каком море, кроме Каспийского, русы-мусульмане господствовать не могли. О.М. Рапов также предполагает, что главой этого государства был некий Буладмир (Владимир), описанный ал-Марвази и Ауфи под началом X в.

И.Г. Коновалова [23] рассматривает политику Древней Руси в Прикаспии и на Кавказе под иным углом. По заключению исследователя в течение всего периода, предшествовавшего хазарской кампании Святослава Русь и Хазарию связывали тесные союзнические отношения. В частности, И.Г. Коновалова добавляет к корпусу известий о каспийской политике Древней Руси сообщение Хилаля ас-Саби [4, с. 788] о моле, существовавшем в Дербенте до середины X в. для защиты его от нападений хазар. Хазары морских набегов сами никогда не совершали, более того, у них даже не было флота, что означает, по предположению В.В. Бартольда [4], что на Дербент нападали не хазары, а русы, возможно, действующие в интересах хазар. Оба каспийских похода Древней Руси Коновалова также полагает совершенными в союзе с хазарами и с учетом обоюдных интересов в регионе. Хазария, терявшая монопольное положение в посреднической торговле по Великому волжскому пути, была заинтересована в ослаблении крупнейших торговых центров региона — Дербента и Берда'а, а также нуждалась в помощи военного флота Руси против враждебных ей стран Западного и Южного Прикаспия. Русь же нуждалась в поддержании функционирования торговых путей, в частности, с помощью освобождения от враждебных сил, например, союзников Багдадского халифата, своих традиционных перевалочных пунктов на этих путях. Следует заметить, что И.Г. Коновалова скептически воспринимала бытовавшее ранее мнение о союзе жителей Нижнего и Среднего Поволжья, сформировавшегося против Руси на религиозной почве. Если, как полагали в 1999 г., хазарская гвардия ал-арсия и была мусульманской, то ни булгары, ни буртасы, ни тем более описанные ал-Масуди христиане, мусульманами не были и за братьев с другого берега Каспия не переживали, а следовательно для «избиения» русов надо искать иные – не религиозные причины. И.Г. Коновалова предполагает, что буртасы и булгары напали на русов как раз именно потому, что те действовали в союзе с Хазарией, от влияния которой они как раз хотели избавиться. По вопросу вероисповедания ал-арсии следует сделать следующее замечание. Мнение о принадлежности ал-арсии к мусульманам было основано на неточном переводе ал-Масуди, принадлежащем А.Я. Гаркави [9] «Ларсия же и другие мусульмане из страны хазар…». Впоследствие появился более точный перевод Т.М. Калининой [11] «…ал-арсийа и

те, кто в их царстве из мусульман…». Кроме Т.М. Калининой, принадлежность ал-арсии к мусульманам отвергает и В.Н. Топоров [45] – по его мнению, ал-арсия – группа хорезмийцев, как раз бежавших от исламизации Хорезма и сохранивших свои языческие представления – именно благодаря их влиянию в пантеоне хазар, а вслед за ним и пантеоне русов появились иранские боги Симаргл и Хорс. И.Г. Коновалова также отмечает, что информацию об избиении русов Масуди получил от мусульман Южного Прикаспия, которые не просто не могли быть в курсе всех заморских коллизий, но и вообще могли большую часть событий, якобы произошедших на Средней Волге, выдумать просто из желания, чтобы свершилось отмщение. В контексте каспийского похода 912-913 гг. следует также отметить его описание, данное в Истории гази Бараджа [5]. Согласно источнику, поход был совершен Худом – сыном Аскольда – по инициативе хазар. Окончание похода несколько отличается от представленного ал-Масуди, а именно, русы оказались в Итиле как раз во время схватки хазар и напавших на них огузов, и в результате разбили и тех и других. Выше по Волге у города Болгар на русов, согласно источнику, напали другие русы под командованием «Вещего» Олега, часть кораблей потопив, экипаж других заставив выйти на берег, где русы приняли бой с местным населением. Что касается хазарского похода Святослава, И.Г. Коновалова полагает его причинами изменение политики Хазарии в отношении Руси, а именно, сближение ее с халифатом и попытки перекрыть для Руси путь в Каспий.

А.В.Гадло [8] подчеркивает плотные союзные отношения между Русью и Дербентом, имевшие место в течение всего периода с начала X до конца XII в. К данным Тарих ал-Баб [11], традиционно использующимся для описания отношений Руси и Дербента, А.В. Гадло добавляет ряд своих заключений и приводит еще ряд источников, данные которых подтверждают его идею. Например, по его мнению, Владимир, во время «поисков веры» (985 г.) обратившийся в обход Булгара в Хорезм, вероятнее всего, сделал это через Дербенд. В качестве причины восстания раисов в Дербенте 989 г. А.В. Гадло предлагает недовольство исламских стран религиозной реформой Владимира. Как известно, раисы требовали от эмира Дербенда либо немедленного обращения русов, составлявших его гвардию, в ислам, либо выдачи их на расправу толпе. Кроме того, исследователь обращает внимание исторической науки на еще один поход русов на Ширван, сравнительно мало изученный. Речь идет о вторжении русов в Ширван обычно датируемом 1173 или 1175 гг., описанном в оде персидского поэта Хакани [10, с. 526-527]. Как предполагает А.В. Гадло, причиной похода были действия ширваншаха Ахсартана, ранее захватившего Дербент. В этом сообщении Хакани А.В. Гадло также усмотрел подтверждение либо русской принадлежности Тмутаракани под концом XII в. либо существования в это время русского города Русия в Приазовье (Ахсартан потом, согласно Хакани, нанес удар по Дербенду и Росии, которую, А.В. Гадло отождествляет с Тмутараканским княжеством). Здесь же А.В. Гадло предлагает интересное объяснение похода Новгород-Северского Игоря 1185 г. Дело в том, что в 1184 г. Юрий Боголюбский, приехавший из города кипчакского царя Севенча, женившись на царице Тамар, взошел на престол Грузии. Город кипчакского царя А.В. Гадло отождествляет с Тмутараканью – по его мнению, северские Ольговичи, узнав от дружественных половцев, что стол в Тмутаракани освободился, решили его занять. Следует заметить, что в Истории гази Бараджа [5] действительно сообщается о княжении Юрия в Тмутаракани до его прибытия в Грузию. В целом относительно оценки сведений грузинских источников [19] А.В. Гадло согласен с А.П. Новосельцевым [29]. Он подчеркивает, что первым актом укрепления русско-грузинских отношений был брак грузинской царевны Русудан и киевского князя Изяслава Мстиславовича. Несмотря на недолговечность брака (Изяслав Мстиславович умер в этом же году) отношения сохранились довольно тесными, их в частности укрепляли общие контакты с половцами и аланами. А.В. Гадло полагает, что именно в первом браке Русудан – регента при Тамар – была причина выбора Юрия Боголюбского в качестве мужа Тамар. Брак этот имел чисто политическое значение и был создан для укрепления отношений Руси и Гру-

зии, а также для укрепления с помощью тмутараканской дружины грузинской армии. В качестве причины расстройства брака помимо предложенной А.П. Новосельцевым [29], заключавшейся в переходе влияния в Грузии от Новгородской Руси к Владимирской, которую представлял второй муж Тамар Давид Сослан - родственник Всеволода по жене, А.В. Гадло предлагает просто потерю влияния Юрия на Руси, а следовательно ослабление нужды в нем. Следует заметить, что предложенная Гадло причина вызывает сомнения хотя бы потому, что сам же А.В. Гадло предполагает, что Юрий вернулся в Грузию с еще одним тмутараканским войском (прежнее оставалось в Рустриси), то есть в Руси, по крайней мере, новгородской, Юрий влияния не потерял.

Интересная гипотеза относительно причин похода на Бердаа высказана в статье Я.М. Поливанова [35]. По предположению автора поход этот русы совершили под командованием Свенельда, направленного непосредственно Игорем. Причину же похода исследователь видит в поисках нефти, необходимой Древней Руси для создания «греческого огня», перспективного в борьбе с Византией. В своих построениях Я.М. Поливанов ссылается на похожую гипотезу Л.Р. Прозорова, высказанную в книге [39, с. 158-159].

В работах В.В. Дудина [15; 13; 14] и его кандидатской диссертации [12] произведен анализ историографии взаимоотношений Руси с Кавказом. В работе исследователь делает ряд выводов. Ранние походы русов в Южный Прикаспий выполнялись в целях усиления политического и экономического влияния Руси в регионе, этой же цели был посвящен поход на Бердаа. Поход Святослава на Хазарию преследовал цель установления контроля над важными торговыми путями. Новообразованное Тмутараканское княжество способствовало развитию экономических, политических и культурных связей между Древней Русью и народами Северо-Кавказского региона.

А.А. Кудрявцев [24] в результате анализа восточных и древнерусских источников о ранних (сер. IX - сер.X в.) каспийских походах русов делает вывод, что каспийские походы были частью княжеских походов на Византию. В этом заключении он главным образом опирается на сопоставление численности войска в византийских и каспийских походах с возможностями Древней Руси этого времени: войско такой численности и там и там могло быть выставлено только правителем Руси. В отношении похода, описанного ал-Масуди, исследователь делает предположение о возможности отождествления его с походом 2010 г., описанным в «Истории Табаристана» и с описанными выше основаниями предполагает непосредственное участие в походе «Вещего» Олега. Также исследователь ставит под сомнение сам факт нападения на русов жителей Поволжья.

В результате анализа взглядов историков на политику Древней Руси в Каспийско-Закавказском регионе за последнее столетие было выявлено следующее направление их эволюции. Историки конца XIX – начала XX в. полагали все кавказские и каспийские походы Древней Руси чисто грабительскими и приписывали их организацию, как правило, не руководству Древнерусского государства, а неким вольным формированиям – бродникам или их предшественникам, неким действующим от своего имени варяго-русским дружинам и т.п. Историки советского периода приходят к выводам о преследовании Древней Русью в регионе экономико-политических целей, а именно, задач укрепиться в регионе, создать некий форпост, освободить для себя и защитить торговые пути. При этом ряд исследователей, начиная примерно с пятидесятых годов XX в., приписывает Древней Руси действия в интересах Византии или Хазарии. Наконец, историки конца XX в. – начала XXI в. делают заключение, что Древняя Русь, ведя дальновидную и тонкую политическую игру в регионе, умело сталкивая разных игроков, преследует исключительно свои политические интересы, благодаря чему в течение всего исследуемого в настоящей работе периода, а именно с IX по XIII вв., в регионе влиятельна и успешна. При этом большинство каспийских походов имеет освободительный характер, направлено на помощь союзникам или восстановление порядка. Практически на протяжении всего периода, исследуемого в статье, Древнюю Русь со странами Южного Прикаспия связывали взаимовыгодные добрососедские отношения, в частности, выливавшиеся в регулярные торговые походы, и движение судов из

устья Волги в страны Южного Прикаспия имело также регулярный характер. Над государствами же Кавказа и Закавказья – Дербентом, Арраном, Ширваном, а с середины XII в. и Грузии Древняя Русь имела протекторат. Относительно отдельных событий историки к нашим дням делают ряд существенных открытий: опровергнута религиозная почва нападения на русов жителей Поволжья после похода 912-913 гг., чем и сам факт нападения поставлен под сомнение; сделано предположение о существенной роли южнорусских центров Тмутаракани и Саксина в координации внешней политики Древней Руси на Юго-Востоке – Кавказе и Прикаспии; пролит свет на жизнь Юрия Боголюбского в период между убийством Андрея Боголюбского и приглашением Юрия в Грузию, а именно, выявлено его пребывание в качестве князя в Тмутаракани, откуда он дважды приводит свою дружину; в отношении политики Древней Руси XII в. на Кавказе было сделано предположение относительно причин выдворения Юрия Боголюбского из Грузии, кроющихся в переходе влияния в регионе от новгородской Руси, которую представлял Юрий Боголюбский, к Руси владимирской, которую через общих родственников представлял Давид Сослан – новый муж царицы Тамары.

Список литературы

1. Абу-л-Хасан ал-Масуди Золотые копи и россыпи самоцветов. М.: Наталис. 2002. 803 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
3. Бартольд В.В. Арабские известия о руссах. М.: Наука, 1963. 1024 с.
4. Бартольд В.В. Новое известие о стенах Дербента. М.: Наука, 1963. 1024 с.
5. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Т. 1. Оренбург: Болгария, 1993. 400 с.
6. Бейлис В.М. О значении сведений средневековых арабских авторов для изучения внешней политики Древней Руси. // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 7-9.
7. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. С.-Пб.: ЖМНП. 1908.
8. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. С.-Пб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 364 с.
9. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. С.-Пб.: Тип-я императорской академии наук. 1870.
10. Дорн Б.А. Каспий. С.-Пб., 1875.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 2009. 264 с.
12. Дудин В.В. Взаимоотношения древнерусского государства с народами Северного Кавказа и Предкавказья во второй половине IX – XI вв. Ставрополь. 2013.
13. Дудин В.В. Взаимоотношения Древнерусского государства с Северо-Кавказским регионом в период правления на Руси Владимира Святославича// Вестник БГУ. 2013.
14. Дудин В.В. Древняя Русь и Дербент в VII - X веках. // Известия высших учебных заведений. 2012.
15. Дудин В.В. О военном походе русов на Абаскун (между 864 - 884 годами). // Известия высших учебных заведений. 2012.
16. Заходер Б.Н. Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. // Советское востоковедение. 1955. N 3. С. 108-118.
17. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М.: Наука, 1962. 213 с.
18. Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа. // Византийский временник, Том 24. 1926.
19. История и восхваление венценосцев. Тбилиси. АН ГрузССР. 1954. 110 с.
20. Калинина Т.М. Древняя Русь и страны Востока в X в. АКД. М. 1976.
21. Киракос Гандзакеци История Армении. М.: Наука, 1976. 359 с.
22. Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли. 2000. 272 с.
23. Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная

Европа в исторической ретроспективе. М., 1999.

24. Кудрявцев А.А. Древняя Русь в истории феодальных государств Южного Кавказа и Прикаспия в конце IX - первой половине x вв. //Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2016.

25. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: АН СССР, 1956. 556 с.

26. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

27. Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель.//Вопросы истории, №2-3. 1991.

28. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР, № 3, 1967.

29. Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа// Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука. 1968. С. 216-217.

30. Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа и Азии// Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука. 1968. С. 99-103.

31. Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Л.: ЛГУ. 1949. 152 с.

32. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: ЛГУ. 1945. 430 с.

33. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Восточная литература. 1963. 270 с.

34. Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв., ч. 1 М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 984 с.

35. Поливанов Я.М. Нефть: к истории передовых военных технологий (X век) //Вестник Казанского технологического университета. 2010. С. 178

36. Половой Н. Я. О дате второго похода Игоря на греков и походе русских на Бердаа. // Византийский временник. 1958. Т. 14. С. 138-147.

37. Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа.// Византийский временник, 1961, т. 20. С. 90-105.

38. Половой Н.Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х годах X в. // Записки Одесского археологического общества, т. I. Одесса, 1960.

39. Прозоров Л.Р. Иду на вы. Подвиги Святослава. М.: Яуза-пресс, 2010.

40. Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.

41. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.// Советская археология, 1953, № 8

42. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука. 1982. 599 с.

43. Рыбаков Б.А. Русь и Хазария.// Сб. Академику Б.Д. Грекову. М. 1952.

44. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М.: Мысль. 1980. 383 с.

45. Топоров В.Н. Святость и святые, в русской духовной культуре. Т. 1. М.: «Гнозис» - Языки русской культуры, 1995. 875 с.

46. Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР. Серия историческая. Т. III. М. 1946, № 5, с. 469.

HISTORIOGRAPHY OF THE RELATIONS OF ANCIENT RUSSIA WITH THE COUNTRIES OF THE CAUCASUS, TRANSCAUCASIA AND THE CASPIAN SEA REGIONS, ACCORDING TO EASTERN SOURCES

The article analyzed the works of historians dedicated to the study of the relations of Ancient Russia with the States of the Caucasus and the Caspian sea regions on the basis of descriptions of individual episodes of these relationships of the Eastern authors. The analysis revealed the following trends in the evolution of historians' views. Historians of the late XIX – early XX century thought all Caucasian and Caspian campaigns of the Ancient Russia purely predatory, and attributed their organization, as a rule, not to the leadership of the old Russian state, and some voluntary groups – brodniks or their predecessors, some acting on its behalf and Varangian-Russian warriors, etc. Historians of the Soviet period come to conclusions about the persecution of Ancient Rus in the region economic-political goals, namely task a foothold in the

region, to create a outpost, to make room for and protect trade routes. At the same time, a number of researchers, starting from about the fifties of the XX century, attributed to Ancient Russia actions in the interests of Byzantium or Khazaria. Finally, historians of the late twentieth century and early twenty – first century conclude that Ancient Russia, taking the far-sighted and subtle political game in the region, skillfully pushing different players, solely for their political interests, so that over the entire investigated in the present work period, namely, from IX to XIII centuries, in the region of influential and successful. The majority of the campaigns of the Caspian has liberation, sent to the aid of allies or restore order.
Keywords: Ancient Russia, South Caspian, Berdaa, al-arsiya, Derbent, Georgia, Queen Tamar, Caspian campaigns, trade routes, and the Khazars.

References

1. Abu-l-Hasan al-Masudi (2002). Zolotye kopi i rossypi samocvetov [Gold mines and placers of gems]. Moskva: Natalis.

2. Artamonov, M.I. (1962). Istoriya hazar [The history of khazars]. Leningrad: Gos. Ehrmitazh.

3. Bartol'd, V.V. (1963). Arabskie izvestiya o russah [Arab news about russes]. Moskva: Nauka.

4. Bartol'd, V.V. (1963). Novoe izvestie o stenah Derbenta [New news about walls of Derbent]. Moskva: Nauka.

5. Bahshi Iman. (1993). Dzhagfar Tarihy. Vol. 1. Orenburg: Bolgariya.

6. Bejlis, V.M. (1988). O znachenii svedenij srednevekovyh arabskih avtorov dlya izucheniya vneshnej politiki Drevnej Rusi [About the significance of the information of medieval arabian authors for the study of foreign policy of Ancient Russia]. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia]. Moskva.

7. Vestberg, F. (1908). K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope [To the analysis of eastern sources about Eastern Europe]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of public education]. Sankt-Peterburg.

8. Gadlo, A.V. (2004). Predystoriya Priazovskoj Rusi [Prehistory of Azov Russia]. Sankt-Peterburg: SPBGU.

9. Garkavi, A.Ya. (1870). Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Tales of Islamic writers about the slavs and russians]. Sankt-Peterburg: Tip-ya imperatorskoj akademii nauk.

10. Dorn, B.A. (1875). Kaspij [Caspian sea]. S.-Pb.

11. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Russia in the light of foreign sources]. Vol. 3 (2009). Moskva: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke.

12. Dudin, V.V. (2013) Vzaimootnosheniya drevnerusskogo gosudarstva s narodami Severnogo Kavkaza i Predkavkaz'ya vo vtoroj polovine IX – XI vv [Relations of the Ancient Russian state with the peoples of the North Caucasus and fore-Caucasus in the second half IX – XI centuries]. Stavropol'.

13. Dudin, V.V. (2013). Vzaimootnosheniya Drevnerusskogo gosudarstva s Severo-Kavkazskim regionom [Relations of the Ancient Russian state with the North Caucasus region].Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald].

14. Dudin, V.V. (2012). Drevnyaya Rus' i Derbent v VII - X vekah [Ancient Rus and the Derbent in the VII - X centuries]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij [News of higher educational institutions].

15. Dudin, V.V. (2012). O voennom pohode rusov na Abaskun [About the military campaign of the ruses to Abaskun]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. [News of higher educational institutions].

16. Zahoder, B.N. (1955). Iz istorii volzhsko-kaspijskih svyazej Drevnej Rusi [From the history of the volga-caspian relations of Ancient Russia]. Sovetskoe vostokovedenie [The Soviet Oriental studies]. № 3.

17. Zahoder, B.N. (1962). Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope [The caspian collection of information about Eastern Europe]. Moskva: Nauka.

18. Ibn-Miskavejh o pohode rusov v Berdaa [Ibn Miskawayh about the campaign of ruses to Berdaa] (1926). Vizantijskij vremennik [Byzantine annals]. Vol. 24.

19. Istoriya i voskhvalenie vencenoscev [History and glorification of the crowneds]. (1954).Tbilisi. AN GruzSSR.

20. Kalinina, T.M. (1976). Drevnyaya Rus' i strany Vostoka v X v. [Ancient Russia and the eastern countries in X century]. Moskva.

21. Kirakos Gandzakeci (1976). Istoriya Armenii [The History of Armenia]. Moskva: Nauka.

22. Konovalova, I.G., Perhavko V.B. (2000). Drevnyaya Rus' i Nizhnee Podunav'e [Ancient

Russia and the Lower Danube]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoj mysli.

23. Konovalova, I.G. (1999). Pohody rusov na Kaspij i russko-hazarskie otnosheniya [Russian trips to the Caspian sea and russian-khazar relations]. Vostochnaya Evropa v istoricheskoj retrospektive [Eastern Europe in historical retrospect]. Moskva.

24. Kudryavcev, A.A. (2016). Drevnyaya Rus' v istorii feodal'nyh gosudarstv Yuzhnogo Kavkaza i Prikaspiya v konce IX - pervoj polovine X vv. [Ancient Russia in the history of the feudal states of the South Caucasus and the Caspian sea in the late IX-first half of the X century]. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and law studies]. Stavropol'.

25. Levchenko, M.V. (1956). Ocherki po istorii russko-vizantijskih otnoshenij [Essays on the history of russian-byzantine relations]. Moskva: AN SSSR.

26. Novosel'cev, A.P. (1965). Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI—IX vv. [Eastern sources about eastern slavs and Russia of VI-IX centuries]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Ancient Russian state and its international value]. Moskva.

27. Novosel'cev, A.P. (1991). Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [The formation of the Ancient Russian state and its first governor].Voprosy istoriyi [The questions of history]. №2-3.

28. Novosel'cev, A.P., Pashuto V.T. (1967). Vneshnyaya torgovlya Drevnej Rusi [Foreign trade of Ancient Russia]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. № 3.

29. Novosel'cev, A.P. (1968). Rus' i gosudarstva Kavkaza [Russia and the states of the Caucasus]. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [The foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Nauka.

30. Novosel'cev, A.P. (1968). Rus' i gosudarstva Kavkaza i Azii [Russia and the states of the Caucasus and Asia]. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [The foreign policy of Ancient Russia]. Moskva: Nauka.

31. Mavrodin, V.V. (1949). Nachalo morekhodstva na Rusi [The beginning of navigation in Russia]. Leningrad: Leningradskiy universitet.

32. Mavrodin, V.V. (1945). Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Ancient Russian state]. Leningrad: Leningradskiy universitet.

33. Minorskij, V.F. (1963). Istoriya Shirvana i Derbenda X-XI vekov [The history of Shirvan and Derbend of X-XI centuries]. Moskva: Vostochnaya literatura.

34. Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. IX—XV vv. [Essays of the history of the USSR. The period of feudalism IX-XV cc.], pt. 1 (1953). Moskva: Akademiya Nauk SSSR.

35. Polivanov, Ya.M. (2010). Neft': k istorii peredovyh voennyh tekhnologij (X vek) [The oil: the history of advanced military technologies (X century)]. Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta [Herald of Kazan Technological University].

36. Polovoj, N. Ya. (1958). O date vtorogo pohoda Igorya na grekov i pohode russkih na Berdaa [About the date of the second campaign of Igor to the greeks and the russian campaign to Berdaa]. Vizantijskij vremennik [Byzantine annals]. Vol. 14.

37. Polovoj, N.Ya. (1961). O marshrute pohoda russkih na Berdaa [About the route of the russians to Berdaa]. Vizantijskij vremennik [Byzantine annals]. Vol. 20.

38. Polovoj, N.Ya. (1960). O russko-hazarskih otnosheniyah v 40-h godah X v. [About the russian-khazar relations in the 40-s years of the X century]. Zapiski Odesskogo arheologicheskogo obshchestva [The notes of the Odessa archeological society]. Vol. I. Odessa.

39. Prozorov, L.R. (2010). Idu na vy. Podvigi Svyatoslava [I am walking on you. The exploits of Svetoslav]. Moskva: Yauza-press.

40. Rapov, O.M. (1998). Russkaya cerkov' v IX — pervoj treti XII v. [The russian church in IX - first third XII century]. Moskva: Russkaya panorama.

41. Rybakov, B.A. (1953). K voprosu o roli Hazarskogo kaganata v istorii Rusi [To the question about the role of the Khazar Kaganate in the history of Russia]. Sovetskaya arheologiya [Soviet archaeology]. № 8.

42. Rybakov, B.A. (1982). Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII—XIII vv. [Kievan Rus and the russian principalities of XII—XIII centuries]. Moskva: Nauka.

43. Rybakov, B.A. (1952). Rus' i Hazariya [Rus' and Khazaria]. Sb. akademiku B.D. Grekovu

[Coll. to academician B.D. Grekov]. Moskva.

44. Saharov, A.N. (1980). Diplomatiya Drevnej Rusi [The diplomacy of Ancient Russia]. Moskva: Mysl'.

45. Toporov, V.N. (1995). Svyatost' i svyatye, v russkoj duhovnoj kul'ture [Holiness and saints in russian spiritual culture]. Vol. 1. Moskva: Gnozis - Yazyki russkoj kul'tury.

46. Yakubovskij, A.Yu. (1946). O russko-hazarskih i russko-kavkazskih otnosheniyah v IX-X vv. [About the russian-khazar and russian-caucasian relations in the IX-X centuries]. Izvestiya AN SSSR [The news of the Academy of sciences]. Vol. III. Moskva. № 5.

Об авторе

Кирсанов Евгений Викторович – аспирант кафедры истории Государственного гуманитарно-технологического университета, зам. директора Классического колледжа художественно-эстетического образования и дизайна (Россия), E-mail: designcollege@yandex.ru.

Kirsanov Evgeny Viktorovich – postgraduate student of the Department of history of "State humanitarian technology university", the place of employment – "Classical College of art and aesthetic education and design", Deputy Director (Russia), E-mail: designcollege@yandex.ru.

УДК 93/94

Кучурин В.В., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления, Ленинградский областной институт развития образования (Россия)

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С.М. СОЛОВЬЕВА[1]

В статье анализируется ранняя работа выдающегося русского историка С.М. Соловьева «Парижский университет», в которой наиболее полно декларирована и аргументирована его научно-педагогическая и религиозно-просветительская позиция. Основное внимание уделяется изучению взглядов С.М. Соловьева на роль университетов и университетского образования в общественной жизни, в подробностях рассматриваются представления историка о характере и особенностях преподавательской деятельности университетского профессора.
Ключевые слова: С.М. Соловьев, университет, университетское образование, лекционная деятельность, научно-педагогическая деятельность, религиозно-просветительская деятельность, идеал профессора, педагогическое мастерство
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-96-101

В мае 1843 г., во время европейского путешествия, начинающий историк С.М. Соловьев написал небольшую, но содержательную статью о Парижском университете. В мемуарных «Моих записках для детей моих, а если возможно, и для других» Соловьев писал о подготовке этой статьи следующее: «В Мюнхене ждал меня окладной дождь; вследствие этой неприятности я решился весь первый день просидеть дома, и чтоб провести время с пользою, написал статью о парижском университете, которую потом переписал в Праге и отправил к Погодину, для напечатания в “Москвитянине”, что и было исполнено» [12, с. 280]. В сопроводительном письме он сообщал о своих текущих научных исследованиях и планах на будущее, выражая надежду, что Погодин «при всех своих занятиях не забудет человека занимающегося» [14, с. 103-104]. Статья, написанная в славянофильском духе, Погодину очень понравилась, и он незамедлительно опубликовал ее в журнале «Москвитянин» [11], а в письме к С.П. Шевыреву написал: «Соловьев обещает нам прекрасного в нашем духе исследователя»[2, с. 340]. Как следствие, между Соловьевым и Погодиным началась переписка [14, с. 103-108; 10].

Исследователям данная статья хорошо известна. Как правило, они изучали ее в контексте общественно-политических споров славянофилов и западников и видели в авторе единомышленника Погодина и возможного союзника славянофилов [4; 18; 19]. Однако в ней содержится нечто большее, чем обычная восторженность пылкого юноши, воодушевленного патриотическими, славянофильскими настроениями. Это программная статья, в которой наиболее полно декларирована и аргументирована научно-педагогическая и религиозно-просветительская позиция Соловьева, разобравшись в которой, мы сможем не только лучше понять идейные искания историка в первой половине 1840-х гг., когда он, будучи в Западной Европе, серьезно размышлял о профессорской карьере в Московском университете, но также добавим новые штрихи в реконструкцию процесса формирования в России профессиональной идентичности университетского профессора.

Начинается статья Соловьева с рассмотрения вопроса о значении университета в народной жизни и особенностях университетского образования. По его мнению, университет обязан дать человеку «форму гражданскую, образовать гражданина в настоящем, полном значении этого слова» [15, с. 11]. Следовательно, делал логичный вывод Соловьев, «если так важно значение университета при настоящем состоянии европейской цивилизации; если университет есть самое верное отражение общественного организма: то ясно, что изучить университет в известном государстве, значит изучить не только настоящее состояние общества, но и будущее его направление, потому что из уни-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта 18-09-00014А «Неопубликованное научно-педагогическое наследие С.М. Соловьева»

верситетских аудиторий выйдут будущие общественные деятели» [15, с. 11].

Этим он объяснял свое внимание к Парижскому университету и цель подготовленной им статьи, в которой, не касаясь его истории и «настоящей организации, дарованной ему правительством», хотел «сообщить только впечатление, произведенное» на него «способом преподавания», а также «показать, как профессора понимают свое назначение и какие средства выбирают для достижения своих целей» [15, с. 11].

Исходной позицией Соловьева, которую он противопоставлял многим «из людей мыслящих и чувствующих», пораженных «настоящим состоянием европейского общества, этим резким разделением между головой и сердцем, между мыслью и чувством, между философией и религией» и утверждавших, что «эти два элемента человеческой сущности никогда не могут быть соединены», была романтическая идея о единстве мысли и чувства, философии и религии [15, с. 11].

Данную идею Соловьев воспринял еще в студенческие годы, когда заинтересовался философией Гегеля с твердым намерением укрепить авторитет религии, христианства. Намерение это нашло отражение в его студенческой работе «Феософический взгляд на историю России» (1841 г.). В ней начинающий историк предлагал собственный вариант христианской историософии, христоцентрическое понимание исторического развития [5; 6, с. 34-45; 9, с. 15-16; 19, с. 158-176].

В рассматриваемой статье продолжавший верить в возможность и необходимость взаимодействия философии и религии Соловьев считал подтверждением этой идеи «существование университета, в котором соединение обоих по-видимому враждебных элементов – мысли и чувства – происходит самым очевидным и разительным образом» [15, с. 12]. Отсюда, он делал вывод, что «если университет, какой бы то ни было, считает себя представителем только народного мышления, полагает своим назначением исключительное развитие этой способности в своих питомцах, такой университет грубо ошибается, показывает совершенное незнание своего высокого назначения» [15, с. 12].

Именно поэтому Соловьев, исходя из национальной обусловленности университетского образования и рассматривая его как форму народной жизни, вырастающую из глубин народа и соответствующую его характеру, считал, что идея единства мысли и чувства, философии и религии должна определять своеобразие российской «национальной модели» университета. В связи с этим он писал: «…Я принадлежу к семье того великого народа, высокой природе которого суждено представить совершенство природы человеческой: я разумею гармоническое сочетание ума и чувства. Вот почему не по нас сухое преподавание немецкое, вот почему не может удовлетворить нас одна восторженная импровизация французов: для нас здесь не существует выбор; оба направления, взятые порознь, нам чужды, противны естеству, ненародны» [15, с. 24].

Для обоснования своей позиции Соловьев представил «беглый взгляд на историю народного просвещения». По его мнению, «все народы сохраняют предание, что в начале их истории являлись существа, от которых получили они оглашение в вере, истории и мудрости гражданской, которые сообщили им народное самопознание, уяснили их цель и стремление; от таких существ народы обыкновенно ведут свое происхождение» [15, с. 12]. Затем, утверждал Соловьев, «по исчезновении огласителей с исторической сцены, народы оглашенные записывают их учение и составляют таким образом кодексы законов религиозных, гражданских и т.п.» [15, с. 12]. Однако, это «записанное учение» Соловьев объявлял «недействительным, мертвым, если первоначальные огласители не оставили по себе преемников, мужей сильных словом и делом, которые истолковывают прежнее оглашение, дополняют его и таким образом ведут народ вперед на пути исторического развития», но, развивал он дальше свою мысль, «если ряд огласителей прекращается, то, несмотря на все превосходство государственного устройства и мудрость законов, народ истлевает в гражданском разврате», так как «слово, со всей верностью записанное, теряет силу, каковую имело оно в устах оратора», поскольку «сохраняет одну мысль без чувства» [15, с. 12]. Между тем, утверждал Соловьев, «в устах человека, …

при устном его произнесении обнаруживается тот пламень любви, рождающей слово, который наподобие электричества сообщается слушателям, согревает, растворяет их сердца и образует из них землю добрую для принятия семени и произращения плода обильного» [15, с. 13].

В связи с этим Соловьев, исходя из отличия и преимуществ произносимого слова от слова записанного, высказывал очень важный для понимания его научно-педагогической позиции тезис о том, что университетское образование должно иметь «характер огласительный», то есть проповеднический, назидательный, воспитательный, опирающийся на единство философии и религии и предполагающий «гармоническое развитие мысли и чувства» у студентов, так как цель университета – «образование гражданина», а «доблести гражданские имеют источник в сердце человека и требуют преимущественно прямого развития чувства» [15, с. 13].

При этом Соловьев, возможно, руководствуясь святоотеческим пониманием «служения мирян в Церкви», согласно которому «каждый христианин священник постольку, поскольку он свят, и это священство есть подлинное пастырство Христово» [18, с. 384], считал, что в условиях падения авторитета религии и неспособности духовенства «воспитывать юношество» возрастает общественная роль университетских профессоров, которая определяется не только научно-исследовательской, но также «огласительной», то есть религиозно-просветительской, проповеднической деятельностью, направленной на примирение христианских ценностей с достижениями современной культуры [ср. 13, с. 184].

Для этого университетский профессор «должен быть человеком мысли и человеком чувства, ученым и оратором вместе, высказывать истину и заставлять любить ее, показывать что хорошо, и вместе сообщать своим слушателям способность ко всему хорошему, одним словом, профессор должен владеть двумя орудиями в равной степени: доказательством и убеждением» [15, с. 13-14].

Этот во многом идеальный образ университетского профессора Соловьев конкретизировал посредством описания «общего характера преподавания в парижском университете» [15, с. 14-15] и лекционных занятий отдельных парижских профессоров [15, с. 15-24].

Описание это представляет для исследователя жизни и творчества Соловьева особый интерес, так как содержит характеристики, на основе которых можно не только реконструировать представления начинающего историка о специфике научно-педагогической, в первую очередь, лекционной деятельности в университете, которую он рассматривал как основную форму трансляции знаний и культуры от просвещенного профессора к непросвещенным студентам, но также проследить формирование его собственной манеры преподавания в процессе критического анализа университетских лекций парижских профессоров.

При этом общее мнение о преподавателях Парижского университета Соловьев составлял исходя из нескольких основных критериев.

В первую очередь он обращал внимание на «ученую часть» учебной лекции, в которой с особенной силой проявлялся профессионализм профессора. Соловьев считал, что хорошую лекцию отличает научность и систематичность содержания, и поэтому университетский профессор должен демонстрировать «глубокую ученость» [15, с. 16], «обилие содержания» [15, с. 17], «знание положительное и твердое, какого нельзя приобресть без труда постоянного» [15, с. 21]. В качестве примера он указывал на французского писателя и литературоведа Сен-Марка Жирардена, лекция которого «всегда носит на себе печать труда глубокого, отчетливого и вместе вдохновенного» [15, с. 16], историка Эдгара Кине, никогда не унижавшего «своего достоинства мерами противузаконными на кафедре», так как «лекция его всегда обилует содержанием» [15, с. 17], филологов Патена, сумевшего оживить перед своими слушателями эпоху Теренция с ее нравами и обычаями [15, с. 21], и Рауль-Рошета, показывавшего «знание положительное и твердое, какого нельзя приобресть без труда постоянного» [15, с. 21].

Зато он крайне отрицательно относился к тем университетским преподавателям, которые подобно «щеголеватому наружностью и речью» французскому историку литературы Филарету Шалю или «преемнику Гизо по кафедре новой истории» Шарлю Ленорману демонстрируют «пренебрежение приготовле-

нием» к лекции [15, с. 22], «не заботятся о содержании» [15, с. 14], стараются «разжидить как можно более содержание, опуская подробности» [15, с. 15], «пренебрегают системой» и пытаются скрыть отсутствие научного содержания «восторженной импровизацией» [15, с. 22, 24], «блестящими фразами», «длинными отступлениями» и «приделанными патетическими частями» [15, с. 17], чтобы не утомить внимание слушателей, так как «цель науки научать, а не забавлять» [15, с. 15].

Не менее важной, по мнению Соловьева, является художественная (риторическая) часть учебной лекции, демонстрирующая лекторский талант преподавателя и его способность передать свои знания студентам. Из описания французских профессоров явствует, что к признакам ораторского мастерства он относил доступность «изложения для каждого слушателя» и «ясность речи» [15, с. 14], способность одушевляться «только там, где сам предмет вдохновлен» [15, с. 17], умение находить «способы объяснения один другого легче» [15, с. 14], а также «свободу, отчетливость, ясность изложения» [15, с. 21].

Наконец, особый акцент Соловьев делал на нравственно-назидательном, воспитательном значении, как личности университетского профессора, так и его преподавательской деятельности. Он исходил из того, что преподавание и воспитание взаимосвязаны, что преподавательская деятельность должна быть направлена на решение нравственных задач. При этом Соловьев был абсолютно уверен в недопустимости подменять нравственное воспитание (назидание) забавой [15, с. 24].

Итак, подводя общие итоги, можно сделать несколько выводов относительно научно-педагогической позиции Соловьева в первой половине 1840-х гг.

Во-первых, Соловьеву был совершенно чужд утилитарный подход к университетскому образованию, поскольку он высоко ценил общественное значение университета как «нациообразующего» начала, в котором готовят граждан к служению высшим целям народа и государства, а не узких специалистов. Вместе с тем, он едва ли был последовательным сторонником классической модели университета как «“универсума наук”, единство которых достигается благодаря общим методологическим основам, формирующим научную картину мира» [1, с. 159], поскольку был уверен, что философия и наука не являются высшим авторитетом, что образование гражданина только философией или наукой без опоры на нравственные ценности христианской религии, без развития нравственного чувства невозможно.

Во-вторых, подчеркивая огласительный, то есть проповеднический, назидательный, воспитательный характер университетского образования, Соловьев считал основной его формой учебную лекцию, к подготовке и проведению которой предъявлял очень серьезные требования. По его мнению, педагогическое мастерство преподавателя проявляется в гармоничном соотношении в учебной лекции научного содержания (*информативность, системность, полнота*), художественной (риторической) формы его представления (*наглядность, образность, эмоциональность*) и нравственного и гражданского воспитания в соответствии с христианскими ценностями (*назидательность*). При этом важно, что в дальнейшем идеи ученого о педагогическом мастерстве преподавателя получили практическое приложение в его многолетней профессорско-преподавательской деятельности в Московском университете [3; 8; 16; 20].

В-третьих, Соловьев отводил исключительно важную роль в историческом ряду «огласителей» (родоначальники народов, церковь и духовенство) университетским профессорам, значение которых в «образовании гражданина», по его мнению, определяется не только научно-исследовательской, но также общественно-просветительской деятельностью. Такая позиция была обычной для русского образованного общества. Однако в понятие «просвещение» его представители вкладывали разное содержание. Одни отождествляли просвещение с наукой. Другие же считали его основой христианскую религию. Что касается Соловьева, то он принадлежал к той части русской интеллигенции, которая стремилась примирить христианские ценности с научными достижениями современной культуры, и поэтому его взгляды представляют один из вариантов «просвещенного христианства».

Список литературы

1. Андреев А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 1) // Высшее образование в России. 2005. №1. С. 156-169.
2. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т.7. СПб., 1893.
3. Волкова И.В. Педагогическая деятельность историка С.М. Соловьева // Экономическая и общественная жизнь России нового времени: Первые Дружининские чтения. М., 1992. С. 215-221.
4. Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 23-186.
5. Дубровский А.М., Кучурин В.В. «Феософия» С.М.Соловьева // Теоретическая культурология и проблемы истории отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 98–107.
6. Ерыгин А.Н. Восток–Запад–Россия (Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях). Ростов-на-Дону, 1993.
7. Из письма ординарного профессора Московского университета Погодина к г. министру народного просвещения из Германии // Журнал министерства народного просвещения. 1836. №1. С. 218-225; №7. С. 203-207, 671-675.
8. Ключевский В.О. С.М. Соловьев как преподаватель // Издания Исторического общества при имп. Московском университете: Рефераты, читанные в 1895 году. М., 1896. С. 185-194.
9. Кучурин В.В. С.М. Соловьев: христианин и ученый. СПб., 2001.
10. Погодин М.П. Письма к С.М. Соловьеву (21 декабря 1843 г., 21 августа 1844 г.) // НИОР РГБ. Ф. 285. Карт. 1. Д. 34.
11. Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 6. №12. С. 511-517.
12. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
13. Соловьев С.М. Письма из Европы // Отечественная культура и историческая наука XVIII-XX веков. Брянск, 1996. С. 160-193.
14. Соловьев С.М. Письма на родину 1842-1844 гг. // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 65-108.
15. Соловьев С.М. Парижский университет // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XXIII. М., 2000. С. 11-24.
16. Танков А.А. Соловьев как профессор // Колосья. 1885. №8. С. 245-272.
17. Хомяков А.С. Сочинения. Т.2. Работы по богословию. М., 1994.
18. Цимбаев Н.И. С.М. Соловьев и его научное наследие // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 353-380.
19. Шаханов А.Н. Становление ученого // Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. С. 137-216.
20. Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. М., 2002. С. 95-136.

BEGINNING OF FORMATION SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL SURVEYS S.M. SOLOVYOVA

In the article the author analyzes the early work of the Russian historian S. M. Solovyov «Paris University», in which he presented his scientific and pedagogical position. The author focuses on the study of Solovyov's views on the role of universities and University education in public life, on the nature and peculiarities of the teaching activity of the university professor.
Keywords: S.M. Soloviev, university, university education, lecture activity, scientific and pedagogical activity, religious and educational activity, the ideal of the professor, pedagogical skills/

References

1. Andreyev A. «Natsional'naya model'» universitetskogo obrazovaniya: voz-niknoveniye i razvitiye (Chast' 1) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2005. №1. S. 156-169.
2. Barsukov N.P. Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. T.7. SPb., 1893.
3. Volkova I.V. Pedagogicheskaya deyatel'nost' istorika S.M. Solov'yeva // Ekonomicheskaya i obshchestvennaya zhizn' Rossii novogo vremeni: Pervyye Druzhininskiye chteniya. M., 1992. S.

215-221.

4. Volkova I.V. Sergey Mikhaylovich Solov'yev. Ocherk zhizni i tvorchestva // Solov'yev S.M. Obshchedostupnyye chteniya o russkoy istorii. M., 1992. S. 23-186.

5. Dubrovskiy A.M., Kuchurin V.V.«Feosofiya» S.M. Solov'yeva // Teoretiche-skaya kul'turologiya i problemy istorii otechestvennoy kul'tury. Bryansk, 1992. S. 98–107.

6. Yerygin A.N. Vostok–Zapad–Rossiya (Stanovleniye tsivilizatsionnogo podkhoda v istoricheskikh issledovaniyakh). Rostov-na-Donu, 1993.

7. Iz pis'ma ordinarnogo professora Moskovskogo universiteta Pogodina k g. ministru narodnogo prosveshcheniya iz Germanii // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1836. №1. S. 218-225; №7. S. 203-207, 671-675.

8. Klyuchevskiy V.O. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Izdaniya Istoricheskogo obshchestva pri imp. Moskovskom universitete: Referaty, chitannyye v 1895 godu. M., 1896. S. 185-194.

9. Kuchurin V.V. S.M. Solov'yev: khristianin i uchenyy. SPb., 2001.

10. Pogodin M.P. Pis'ma k S.M. Solov'yevu (21 dekabrya 1843 g., 21 avgusta 1844 g.) // NIOR RGB. F. 285. Kart. 1. D. 34.

11. Solov'yev S.M. Parizhskiy universitet: Pis'mo iz Pragi ot 23 iyunya 1843 g. // Moskvityanin. 1843. CH. 6. №12. S. 511-517.

12. Solov'yev S.M. Izbrannyye trudy. Zapiski. M., 1983.

13. Solov'yev S.M. Pis'ma iz Yevropy // Otechestvennaya kul'tura i istori-cheskaya nauka XVIII-XX vekov. Bryansk, 1996. S. 160-193.

14. Solov'yev S.M. Pis'ma na rodinu 1842-1844 gg. // Solov'yev S.M. Pervyye nauchnyye trudy. Pis'ma. M., 1996. S. 65-108.

15. Solov'yev S.M. Parizhskiy universitet // Solov'yev S.M. Sochineniya. Kn. XXIII. M., 2000. S. 11-24.

16. Tankov A.A. Solov'yev kak professor // Kolos'ya. 1885. №8. S. 245-272.

17. Khomyakov A.S. Sochineniya. T.2. Raboty po bogosloviyu. M., 1994.

18. Tsimbayev N.I. S.M. Solov'yev i yego nauchnoye naslediye // Solov'yev S.M. Iz-brannyye trudy. Zapiski. M., 1983. S. 353-380.

19. Shakhanov A.N. Stanovleniye uchenogo // Solov'yev S.M. Pervyye nauchnyye trudy. Pis'ma. S. 137-216.

20. Shakhanov A.N. S.M. Solov'yev kak prepodavatel' // Istoriya i istoriki. M., 2002. S. 95-136.

Об авторе

Кучурин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой управления Ленинградский областной институт развития образования, E-mail: vkpostal@gmail.com

Kuchurin Vladimir Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Management of the Leningrad Regional Institute of Education Development, E-mail: vkpostal@gmail.com

УДК 94 (438)+94(6)

Лошкарёв И.Д., преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия).

ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье проанализированы истоки и современное состояние политики Республики Польша в отношении стран Африки южнее Сахары. Хотя отдельные контакты Польши и поляков с африканскими народами имеют давнюю историю, собственная политика Варшавы в регионе начала складываться недавно. Характерные особенности данной политики заключаются в игнорировании проблематики безопасности и упоре на экономическую дипломатию в странах-потенциальных партнерах. Хотя пока количество стран-партнеров Польши в Африке невелико, существуют основания предполагать, что в среднесрочной перспективе Варшава расширит свое присутствие в Южной и Восточной Африке. Сдерживающим фактором для развития польско-африканских отношений остается формирование политической повестки дня для совместного сотрудничества.
Ключевые слова: Польша, Африка, «польское присутствие», экономическая дипломатия.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-102-107

Традиционными игроками на Африканском континенте остаются европейские государства, которые ранее участвовали в колониальном разделе континента – Великобритания, Франция, Германия. Однако существуют достаточно крупные государства, которые в силу различного рода обстоятельств только в настоящее время открывают для себя Африку. Одной из таких стран является Польша. У Варшавы большие амбиции на международной арене: одна внешнеполитическая парадигма видит в Польше державу, равновеликую традиционным европейским лидерам (этим объясняется возникновение формата «Веймарского треугольника» с участием ФРГ и Франции); другая – регионального лидера в Восточной Европе (отсюда недавний проект «Трехморья» - объединения стран от Балтики до Адриатики и Черного моря). Подобные запросы (региональный лидер, общеевропейский лидер) подразумевают наличие существенных контактов с удаленными регионами, обращение к межрегиональным и глобальным проблемам [11]. Отношения со странами Африки южнее Сахары, вероятно, остаются своеобразным тестом для амбициозных государств, которые стремятся заявить о своих претензиях на авторитет и влиятельность в Европе и других частях света (кроме самой Африки).

История отношений Африки и Польши, как ни парадоксально, прослеживается с XVII века. В 1651 году представители герцогства Курляндского, вассала польской короны, высадились на острове, которые они назвали островом Святого Андрея, и построили Форт Якоб. Сейчас это остров Джеймс в составе Гамбии. Не менее увлекательна история авантюриста Маурициия Бенёвского, который при поддержке Франции в 1774 году высадился на о. Мадагаскар с отрядом из 200 с небольшим моряков, завоевал большую часть острова и в 1776 году был провозглашен правителем (королем) Мадагаскара. Бенёвский пытался перейти под покровительство империи Габсбургов, Великобритании и США, но, в конце концов, был убит карательным отрядом французов в построенной им столице Мадагаскара [1]. В 1882 году этнограф Стефан Шольц-Рогожинский купил у местного вождя небольшой остров Мондолех у побережья современного Камеруна. Известна даже цена покупки: 10 кусков материи, 6 металлических брусков, 3 бутылки джина, 4 ружья, черные кисточки, 1 цилиндр, 3 шляпы и 12 красных фуражек, 60 банок краски для волос, 12 браслетов и 4 шелковых носовых платка. Хотя С. Шольц-Рогожинский вскоре вынужден был продать остров Великобритании, он успел исследовать побережье Камеруна, нанести на карту озера и горные местности, что внесло важный вклад в исследование западной части континента.

Наконец, в период между двумя Мировыми войнами в Польше всерьез обсуждались «колонизационные акции», то есть претензии на некоторые территории в Африке и Латинской Америке. Подтверждать эти претензии должны были польские колонисты, переселение которых считалось началом процесса «присвоения» колонии. Для этого в стране были учреждены Колониальная и

Морская лиги, которые оказывали поддержку переселенцам. Две эти организации насчитывали несколько миллионов членов и пользовались поддержкой правительства. Это позволило направить волны польских мигрантов в Либерию и Анголу, где в скором времени выходцы из Польши заняли заметное место в сельскохозяйственном бизнесе. Однако деятельность Колониальной и Морской лиг не была в полной мере системной, что привело к неэффективности колонизационной программы. Кроме того, местные колониальные администрации негативно отнеслись к претензиям Польши: например, Португалия ввела ограничения на переселения в свои португальские колонии для граждан из третьих стран [6].

Еще одна малоизвестная страница польско-африканских отношений связана со Второй Мировой войной. В 1940-1944 году в порту Кайес, в колонии Французский Судан, хранился золотой запас Польского Банка, вывезенный через Турцию и Сирию из занятой Германией Польши. По курс того времени золотой запас крупнейшего польского государственного банка оценивался в 60 миллионов долларов, сегодня это порядка 700 миллионов долларов [8, с. 192].

«Польское присутствие» в Африке усилилось в период холодной войны, когда специалисты из Польши направлялись для помощи странам социалистической ориентации на континенте. Многие из них остались потом на новом месте проживания. К началу XXI столетия на Африканском континенте проживало до 17.000 лиц польского происхождения и поляков. Свыше 90% жителей Африки из данной категории имеют высшее образование, многие также получили ученые степени. Преимущественно, речь идет о специалистах в инженерных и гуманитарных дисциплинах [4, с. 115-118]. Также немалую долю составляют католические миссионеры-поляки – преимущественно в Западной Африке [8].

На современном этапе страны Африки южнее Сахары интересуют Польшу преимущественно с экономической точки зрения. Долгое время Варшава в принципе не выказывала интереса в развитии отношений со странами Африки южнее Сахары. В Стратегии в отношении неевропейских развивающихся государств (2004) подчеркивалось, что отношения нужно развивать преимущественно со странами Северной Африки. Из остальных стран континента как потенциальные партнеры были названы Нигерия, Кот д'Ивуар, Мозамбик, ДРК, Малави, Намибия, Ангола, Гана и Кения [15]. В недавно вышедшей Стратегии внешней политики (2017-2021) Африка упоминается 10 раз – либо как сосредоточие нестабильности и опасных изменений, либо как пространство для экспорта польских товаров и взаимовыгодного сотрудничества. Интересно, что документ одновременно подчеркивает важность единства позиции государств-членов Евросоюза и необходимость самостоятельного продвижения на рынки удаленных государств с целью продажи польских товаров и получения доступа к редким ресурсам. Противоречие с общеевропейской позицией еще более заметно при сравнении Стратегии внешней политики с совместной Стратегией ЕС-Африка, принятой в 2007 году. Первым приоритетом в общеевропейских документах относительно Африки стоит «мир и безопасность», в то время как польские внешнеполитические документы делают акцент на демократизации, совершенствовании государственного управления и обеспечении прав человека [3]. Стратегия внешней политики Польши подчеркивает важность обеспечения безопасности партнеров Польши, в том числе «южных соседей» ЕС. И единственный доступный Польше способ укрепления безопасности в Африке – это экономическое сотрудничество, надежда на то, что вслед за экономическим ростом придет политическая стабильность на континенте [14].

В то же время, страны Африки южнее Сахары не являются крупными экономическими партнерами Польши. По данным за 2016 год, объем торговли африканских государств (без учета северной части континента) с Польшей составил 1,94 млрд. долларов, наиболее значительным показатель объема взаимной торговли товарами и услугами был у ЮАР (867 миллионов долларов). Также существенную сумму составила торговля Польши с Либерией (380 млн.), Кот д'Ивуаром (180 млн.), Нигерией (132 млн.), Ганой (71 млн.), Кенией (67 млн.) и Эфиопией (55 млн.) [12, с. 121-122].

Кроме того, у потенциальных инвесторов из Польши существуют опасения по поводу рискованности вложений в экономики африканских стран. 40 из 48 стран Африки Южнее Сахары, согласно рейтингу "Doing business" входят в 100 стран с наихудшими показателями по комфортности ведения бизнеса. Все же, несмотря на постоянную угрозу политической нестабильности и влиятельность неформальных институтов (а не, например, норм и правил, защищающих инвесторов), Африка по-прежнему привлекает отдельные компании и предприятия. В основном, инвестиции приходят в добывающую промышленность (газовую и нефтяную), но также отмечается бум в строительной отрасли и сфере услуг (например, мобильная связь). В частности, компания «Кульчик инвестментс» получила лицензии на добычу и геологоразведку нефти в Нигерии, инвестиционная группа «Крезус» в Гвинее занимается добычей бокситов. Группа "Exalo Drilling" ведет разведку небольших месторождений нефти в Гане, Мозамбике, Кении, Уганде и Эфиопии.

Один из крупнейших польских инвесторов в Африке, химический концерн «Группа Азоты» приобрел несколько месторождений титанистого железняка и фосфатов в Сенегале с целью в дальнейшем выстроить производственную цепочку по производству удобрений. Также в Африке присутствуют несколько фирм, специализирующихся на строительстве электростанций – «Цегельски-Познань», «Консус Карбон инжиниринг»[13].

Что касается сферы услуг, то необходимо отметить крупнейшую польскую IT-компанию «Asseco», которая приобрела контрольный пакет в португальской компании «Exictos SGPS», благодаря чему стала одним из лидеров по предоставлению телекоммуникационных и банковских транзакционных услуг в Мозамбике, Анголе и Кабо-Верде [2]. Также компания предоставляет услуги банковским и страховым предприятиям в Эфиопии и Нигерии.

Дальнейшее расширение инвестиционного и торгового присутствия Польши в Африке южнее Сахары напрямую связано с несколькими факторами. Во-первых, речь идет о социально-экономической и политической стабильности в государствах-партнерах, поскольку европейские инвесторы традиционно неодобрительно относятся к рискованным вложениям. Во-вторых, для польского бизнеса преимущественно интересны страны, богатые ресурсами, что сужает возможный круг поиска. Наконец, в-третьих, для польских предпринимателей имеет значение «польское присутствие», то есть наличие небольших общин поляков в стране. С этой точки зрения, перспективными можно назвать Анголу, Нигерию, Гану, Габон, Руанду, Намибию и Мозамбик [13].

Важным элементом продвижения Польши на Африканском континенте остается официальная помощь развитию. Традиционно, большая часть помощи перечисляется через многосторонние институты, в частности, бюджет ЕС и Европейский фонд развития. Однако в последнее время Польша наращивает собственную программу помощи развитию, которая распределяется через различные министерства и координируется МИДом страны. Многолетняя программа в области сотрудничества по вопросам развития на 2012-2015 гг. выделяла 8 африканских стран в качестве приоритетных – Бурунди, Кению, Руанду, Сомали, Танзанию, Уганду, Южный Судан и Эфиопию. Заметно, что речь шла только Восточной Африке, что отражает имевшийся тогда интерес к расширению сотрудничества с вышеперечисленными странами. Объем перечисленных средств достигал 1,2 миллиона евро ежегодно [5]. В 2015 году к власти пришло правительство, представляющее консервативную партию «Право и Справедливость», – которое заметно сократило список приоритетных стран. Согласно Многолетней программе сотрудничества по вопросам развития на 2016-2020 гг. главными получателями польской помощи развитию стали только 4 страны Африки южнее Сахары: Эфиопия, Кения, Сенегал и Танзания[16].

Вслед за экономическими контактами набирает обороты и установление политических связей. В Африке южнее Сахары открыто 5 дипломатических миссий Польши (ЮАР, Эфиопия, Кения, Нигерия и Ангола). В 2016 году в ходе выступления в сейме министр иностранных дел В. Ващиковский отметил, что МИД Польши намерен в ближайшее время открыть дипломатические миссии в Сенегале и Танзании, а в более отдаленной перспективе – в Замбии [7]. Помимо расширения сети зарубежных представительств польская дипломатия также обратила внимание на контакты на

высшем и высоком уровнях. В 2016 году в Варшаве побывали с визитами президент Сенегала Маки Салл, председатель Комиссии Африканского Союза Нкосазана Дламини-Зума. В 2013 году, впервые после окончания холодной войны, польский премьер-министр Д. Туск совершил африканское турне, посетив Нигерию, ЮАР и Замбию. В мае 2017 года президент А. Дуда совершил трехдневный визит в Эфиопию, где провел переговоры не только с руководителями органов исполнительной власти, но и с функционерами Афросоюза [10]. В августе того же года заместитель главы МИД Польши И. Вронецка посетила Гану и Нигерию[17].

Помимо этого, важным механизмом сотрудничества и согласования совместных проектов стала площадка экономического Форума «Африка-Центральная Европа», созданного в 2013 году. После проведения трех ежегодных форумов Варшава решила перевести диалог на двусторонний уровень: в 2016 году был проведен Польско-африканский экономический форум [9]. Основной смысл данных мероприятий заключался в установлении контактов африканского и польского бизнеса, определении существующих проблем инвестиционного климата и возможностей для совместных проектов – в рамках специальной правительственной программы «Go Africa», запущенной в 2013 году. Долгое время проблема для польской стороны заключалась в том, что в значительной мере отсутствовала содержательная повестка экономического межгосударственного сотрудничества – даже при готовности польской стороны выделять финансовые средства. Однако проведение крупных мероприятий позволило польской стороне сформулировать для себя существующие ограничения, а также определенные индикаторы, которые помогли бы в дальнейшем оценивать прогресс в одобренных проектах (например, создания учреждений среднего профессионального образования в Анголе и Эфиопии).

Таким образом, политические контакты Польши со странами Африки южнее Сахары пока строятся на идее сопровождения национального бизнеса (то, что нередко называют экономической дипломатией). Собственно политические проблемы континента Польшу волнуют в значительно меньшей степени, нежели вопросы доступа к ресурсам и рынкам сбыта. Такой сдержанный подход предопределяет то, что Варшава заинтересована в контактах не со всеми, а только с некоторыми африканскими государствами. Объем товарооборота и география контактов на высшем уровне позволяют определить в качестве приоритетных стран ЮАР, Нигерию, Гану, Сенегал и Эфиопию. Также польская сторона имеет в виду расширение сотрудничества со странами Восточной и Южной Африки – Кенией, Танзанией, Замбией, Анголой, Мозамбиком. Необходимо подчеркнуть, что Польша относительно недавно вернулась к идее выстраивания отношений со странами Африки южнее Сахары, так что пока польско-африканские отношения находятся в состоянии «сборки».

С учетом этого, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, определенно расширяется география польско-африканского сотрудничества. Если ранее Польша уделяла внимание, в основном, экономически состоятельным государствам Западной Африки, то сейчас в поле зрения польской дипломатии (в том числе, экономической) попали страны Южной и Восточной Африки. Во-вторых, Польша пока недостаточно использует конфессиональный ресурс дипломатии, хотя в других регионах Варшава традиционно использует возможности костела (Римско-католической церкви). Основные контакты Варшавы происходят с бывшими британскими колониями, в то время как отношения с бывшими французскими колониями, где существуют серьезные католические общины, – пока не налажены. Несколько лучше ситуация с бывшими португальскими колониями (Ангола, Мозамбик). Наконец, в-третьих, существуют проблемы в наполнении повестки дня политического диалога Польши и стран. В польском видении отношений со странами континента практически отсутствуют вопросы миротворчества и постконфликтного урегулирования, в то время как универсальные (в плане тематического наполнения контактов с третьими государствами) для любой европейской страны проблемы укрепления демократии и защиты прав человека в меньшей степени интересны государствам Африки южнее Сахары.

Список литературы

1. Керов В.Л. Деятельность графа М.-А. Бенёвского по созданию поселения на Мадагаскаре (по материалам его мемуаров) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 38-45.

2. Asseco Poland enters new markets in Africa and invests in Portugal. URL: https://asseco.com/en/press-room/asseco-poland-enters-new-markets-in-africa-and-invests-in-portugal-32/

3. Joint Africa–EU Strategy. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/regions/africa/continental-cooperation/joint-africa-eu-strategy_en

4. Knopek J. Afrykańskie elity polskie i polonijne w drugiej połowie XX wieku. Studium politologiczne // Studia Polonijne. № 34. S.109-120.

5. Kugiel P. Poland's Development Cooperation in Africa: Limits and Opportunities. URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=12231

6. Michalik Ł. Tego nie ma w podręcznikach: sny o polskim imperium kolonialnym. URL: https://gadzetomania.pl/3735,tego-nie-ma-w-podrecznikach-sny-o-polskim-imperium-kolonialnym

7. Minister Witold Waszczykowski o priorytetach polskiej dyplomacji. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/minister_witold_waszczykowski_o_priorytetach_polskiej_dyplomacji

8. Ndiaye B. Stosunki polsko-senegalskie. Stan obecny i perspektywy // Forum Politologiczne. 2006. №3. S. 189-212

9. Polsko-Afrykańskie Forum Ekonomiczne w Warszawie. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/polsko_afrykanskie_forum_ekonomiczne_w_warszawie

10. Prezydent: Trzeba zwiększyć wymianę handlową między Polską i Etiopią. URL: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wizyty-zagraniczne/art,164,prezydent-zwiekszyc-wymiane-handlowa-miedzy-polska-i-etiopia.html

11. Przybylska-Maszner B. Od strategii Unii Europejskiej na rzecz Afryki do strategicznego partnerstwa z Afryką–dylematy o realnej wizji współpracy // Przegląd Strategiczny. 2011. №1. pp. 183-197.

12. Rocznik Statystyczny Handlu Zagranicznego 2017. Warszawa: Zakład wydawnictw statystycznych, 2017.URL:http://stat.gov.pl/download/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5515/9/11/1/rocznik_statystyczny_handlu_zagranicznego_2017.pdf

13. Rostowska M. Investment in Sub-Saharan Africa: Opportunities for Polish Companies. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/166071/PISM%20Strategic%20File%20no%204%20(31).pdf

14. Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej, 2017-2021. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/978285e3-5684-4fcb-8d7e-d0a8bfdb0fdb:JCR

15. Strategia RP w odniesieniu do pozaeuropejskich krajów rozwijających się. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/aaf21c98-4082-45c9-996c-a6f6c6a40a7b:JCR

16. Wieloletni program współpracy rozwojowej na lata 2016-2020. URL: https://www.polskapomoc.gov.pl/download/files/Dokumenty_i_Publikacje/Program_wieloletni_2016-2020/Program_2016-2020.pdf

17. Wizyta wiceminister Joanny Wroneckiej w Ghanie. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/wizyta_wiceminister_joanny_wroneckiej_w_ghanie

POLAND'S POLICY TOWARDS SUB-SAHARAN AFRICA AT THE PRESENT STAGE

The article analyzes the origins and current state of the policy of the Republic of Poland towards sub-Saharan Africa. Although the separate contacts between Poland and the Poles with the African peoples have a long history, Warsaw's own policy in the region began to develop recently. The characteristic features of this policy are the ignoring of the problems of security and the emphasis on economic diplomacy with the potential partners. With the number of partner countries of Poland in Africa being small so far, there are reasons to believe that in the medium term, Warsaw will expand its presence in South and East Africa. Constraining factor for the development of Polish-African relations is the formation of a political agenda for the joint cooperation.

Keywords: Poland, Africa, "the Polish presence", economic diplomacy.

References

1. Kerov V.L. Dejatel'nost' grafa M.-A. Benjovskogo po sozdaniju poselenija na Madagaskare (po materialam ego memuarov). Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Vseobshhaja istorija. 2010. № 1. S. 38-45.

2. Asseco Poland enters new markets in Africa and invests in Portugal. URL: https://asseco.com/en/press-room/asseco-poland-enters-new-markets-in-africa-and-invests-in-portugal-32/

3. Joint Africa–EU Strategy. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/regions/africa/continental-cooperation/joint-africa-eu-strategy_en

4. Knopek J. Afrykańskie elity polskie i polonijne w drugiej połowie XX wieku. Studium politologiczne // Studia Polonijne. № 34. S.109-120.

5. Kugiel P. Poland's Development Cooperation in Africa: Limits and Opportunities. URL: http://www.pism.pl/files/?id_plik=12231

6. Michalik Ł. Tego nie ma w podręcznikach: sny o polskim imperium kolonialnym. URL: https://gadzetomania.pl/3735,tego-nie-ma-w-podrecznikach-sny-o-polskim-imperium-kolonialnym

7. Minister Witold Waszczykowski o priorytetach polskiej dyplomacji. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/minister_witold_waszczykowski_o_priorytetach_polskiej_dyplomacji

8. Ndiaye B. Stosunki polsko-senegalskie. Stan obecny i perspektywy // Forum Politologiczne. 2006. №3. S. 189-212

9. Polsko-Afrykańskie Forum Ekonomiczne w Warszawie. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/polsko_afrykanskie_forum_ekonomiczne_w_warszawie

10. Prezydent: Trzeba zwiększyć wymianę handlową między Polską i Etiopią. URL: http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wizyty-zagraniczne/art,164,prezydent-zwiekszyc-wymiane-handlowa-miedzy-polska-i-etiopia.html

11. Przybylska-Maszner B. Od strategii Unii Europejskiej na rzecz Afryki do strategicznego partnerstwa z Afryką–dylematy o realnej wizji współpracy // Przegląd Strategiczny. 2011. №1. pp. 183-197.

12. Rocznik Statystyczny Handlu Zagranicznego 2017. Warszawa: Zakład wydawnictw statystycznych, 2017. URL:http://stat.gov.pl/download/gfx/portalinformacyjny/pl/defaultaktualnosci/5515/9/11/1/rocznik_statystyczny_handlu_zagranicznego_2017.pdf

13. Rostowska M. Investment in Sub-Saharan Africa: Opportunities for Polish Companies. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/166071/PISM%20Strategic%20File%20no%204%20(31).pdf

14. Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej, 2017-2021. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/978285e3-5684-4fcb-8d7e-d0a8bfdb0fdb:JCR

15. Strategia RP w odniesieniu do pozaeuropejskich krajów rozwijających się. URL: http://www.msz.gov.pl/resource/aaf21c98-4082-45c9-996c-a6f6c6a40a7b:JCR

16. Wieloletni program współpracy rozwojowej na lata 2016-2020. URL: https://www.polskapomoc.gov.pl/download/files/Dokumenty_i_Publikacje/Program_wieloletni_2016-2020/Program_2016-2020.pdf

17. Wizyta wiceminister Joanny Wroneckiej w Ghanie. URL: http://www.msz.gov.pl/pl/p/msz_pl/aktualnosci/wiadomosci/wizyta_wiceminister_joanny_wroneckiej_w_ghanie

Об авторе

Лошкарёв Иван Дмитриевич – преподаватель кафедры политической теории, Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Loshkariov Ivan Dmitrievich - Lecturer at the Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

УДК 94 (47).084.3

Никитина И.В., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя (Россия)

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В Г. СЕВАСТОПОЛЕ В 1920 –1930 ГГ.

В статье рассмотрены основные административно-территориальные преобразования в г. Севастополе в 1920 – 1930 гг. В указанный период на территории современного города существовало несколько различных территориальных образований, их смена была вызвана поиском наиболее оптимального территориального управления землями в его окрестностях. На протяжении 1920-х гг. город был центром Севастопольского уезда, Севастопольского округа, Севастопольского района. В 1921 – 1922 гг. в его подчинении находились также земли современного Бахчисарайского района Республики Крым. Завершились данные преобразования выделением осенью 1930 г. города в отдельную административно-территориальную единицу, большая часть Севастопольского района была преобразована в Балаклавский район Крымской АССР. Впоследствии административно-территориальные преобразования в городе продолжились. Что касается внутренних административных изменений на севастопольской земле в 1920-е г., то оно выражалось в становлении системы местного самоуправления, которое выразилось в постоянном изменении числа сельских советов на территории района. Анализ всех изученных фактов показал, что к концу 1920-х гг. административно-территориальное деление на территории современного Севастополя было близко к оптимальному, дальнейшие преобразования, проведенные в 1930 г. имели политический аспект.

Ключевые слова: административно-территориальные преобразования, район, подрайон, Севастопольский округ, городской совет, райисполком, население, уезд.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-108-114

В середине ноября 1920 г. после установления в Крыму Советской власти на территории современного Севастополя стали формироваться новые органы управления. Вплоть до июля 1921 г. (первых выборов в местные советы) власть в регионе, как и по всему Крыму, была сосредоточена в руках революционных комитетов. С июля 1921 г. основные управленческие функции в регионе сосредоточились в руках исполкомов сельских, городских, уездного (затем окружного и районного) советов.

На данные органы управления и было возложено руководство преобразованиями всех сторон жизни Севастополя в рамках построения советского государства. Архивные документы 1920-х гг. раскрывают все такие преобразования, которые включали в себя: регистрации разных слоев населения, мобилизации трудовых резервов, национализации имущества, новых налогах и пр. Данный период в истории города вместил в себя также: восстановление Черноморского флота, формирование новых предприятий в сельском хозяйстве (кооперативы, совхозы), постепенное обобществление рыбной отрасли, развитие транспортной системы, начало модернизации промышленных предприятий и т.д. В целом же, 1920-е гг. в регионе, как и по всей стране, стали временем решительных реформ. Не менее решительно осуществлялась в Крыму и административно-территориальные преобразования.

Документы архива г. Севастополя, справочная литература, позволяют на данный момент проследить основной ход таких преобразований.

Актуальность обращения к этим сведениям выражается в необходимости уяснения характера территории современного г. Севастополя на период 1920-х гг., с целью понятия целостности административно-территориальных изменений того времени. Значительная часть представленных материалов впервые вводится в научный оборот.

На момент окончания гражданской войны в Крыму в ноябре 1920 г. административно-территориальное деление г. Севастополя выглядело следующим образом: вплоть до осени 1920 г. формально существовало учрежденное в 1873 г. Севастопольское градоначальство, границы которого распространялись на сам Севастополь (площадь которого была примерно в 4 раза меньше современной), г. Балаклава с пригородными поселками (ныне центр Балаклавского муниципального округа Балаклавского района, статуса отдельного населенного пункта не имеет

с 1957 г.), деревни Кадыковка (срослась с Балаклавой), Карань (с. Флотское Балаклавского муниципального округа), Комары (с. Оборонное), Алсу (Морозовка). На Северной стороне г. Севастополя в его подчинении были пос. Бартеньевка (в городской черте) и Любимовка. В южной части города располагались в частности пригородные поселки: Омега, хут. Бермана, хут. Кальфа, Пятницкий и т.д. Вне юрисдикции города были населенные пункты Байдарской и Варнутской долины, которые входили в состав Ялтинского уезда, пгт. Кача, с. Мамашай (Орловка), Верхнесадовое (Дуванкой), подчинявшиеся Симферопольскому уезду, и др. (К сведению: на 2017 г. – г. Севастополь является городом федерального значения, разделен на 4 района: Балаклавский, Гагаринский, Ленинский, Нахимовский и 10 муниципальных округов, входящих в районы: Андреевский, Балаклавский, Верхнесадовский, Гагаринский, Инкерманский, Качинский, Ленинский, Нахимовский, Орлиновский, Терновский.)

К административно-территориальным преобразованиям на территории Крыма советская власть приступила уже в декабре 1920 г. Так, Севастопольский ревком направил ходатайство в Крымский ревком о необходимости создания Севастопольского уезда (укрупненного района), в который должны были войти волости (подрайоны) Каралезская, Колыктавская (ныне Бахчисарайский район), Байдарская и Булганакская [7, л. 5]. 15 декабря 1920 г. Крымревком инициировал создание такого уезда.

20-22 декабря 1920 г. в деревнях Байдарской волости (Байдарская и Варнутская долины): в т.ч. д. Узунджа (Колхозное), Саватка (Россошанка), Сахтик (Павловка) прошли сборы граждан. На сборах было принято решение поддержать «оставление» Байдарской волости в составе Ялтинского уезда, направить соответствующее ходатайство в Крымревком [9, л. 90-92]. Однако данное решение не нашло поддержку у Крымских властей.

2 января 1921 г. приказом Крымревкома № 206 было утверждено вхождение в создаваемый Севастопольский уезд города Балаклава. 10 января Балаклавский ревком ходатайствовал перед Севастопольским ревкомом об утверждении «действия» административных границ Балаклавского ревкома в границах бывшего 6-го полицейского участка Севастопольского градоначальства (Балаклава, Новый городок, Левадки, Китровка, Кадыковка, Карань (Флотское), Комары (Оборонное) [5, л. 10, 22, 23]. Одновременно Крымревком упразднил деление уездов на волости, но в 7 из них утверждалось деление на районы (по два района). Что и обусловило первые преобразования территории нынешнего г. Севастополя.

21 января 1921 г. на территории Севастопольского уезда было проведено совещание волостных ревкомов, результатом которого стала инициатива разделения уезда на 2 района: Балаклавский и Бахчисарайский. 23 января 1921 г. на заседании Севастопольского уездного ревкома данное решение было утверждено, создана специальная комиссия по установлению границ обоих районов. В состав Бахчисарайского района по состоянию на январь 1921 г. входили, в частности, такие населенные пункты: Кордон, Орта-Кисек (не существует), Аджи-Булат (Угловое Бахчисарайского района), хут. Маргопуло, Кара-Мамашай (Мамашай (Орловка) Качинский муниципальный округ г. Севастополя), Аранчи (Суворово Бахчисарайского района), Эски-Эли (Вишневое Качинский муниципальный округ г. Севастополя), Эфендикой (Айвовое Бахчисарайского района), Отаркой (Биюк-Отаркой (Фронтовое Верхнесадовский муниципальный округ г. Севастополя)), Зеленкой (Холмовка Бахчисарайского района) , Дуванкой (Верхнесадовое (г. Севастополь)), Адым-Чокрак (не существует), Юхара-Каралез (Залесное Бахчисарайского района) Ашага-Каралез (Биюк-Каралез (Красный мак Бахчисарайского района)), Саланчик (Староселье (Бахчисарай)), мон. Успения (Успенский), Эски-Юрт (ныне район г. Бахчисарая) и др. [4, л. 67].

Список населенных пунктов, вошедших в состав Балаклавского района, на 23 января 1921 г. выглядел так: Бельбек (Фруктовое), хутор Манухина, деревни Кокораки, Камышлы, Шулуя (Шули (Терновка)), Ай-Тодор (ныне не существует), Уну (Уппа (Родное)), Чоргун (Карловка) (Черноречье), Чамлы-Езенбашик (не существует), Алсу (Морозовка), хутор Носова, деревни Бага

(Новобобровка), Саванская (Саватка (Россошанка), Узунджа (Колхозное), экономия Мордвинова, Календо (Подгорное), Сахтик (Павловка), Байдары (Орлиное), Биюк-Мускомья (Широкое), Варнутка (Гончарное), станция Укрепление, деревни Кадыкой (Кадыковка (ныне часть Балаклавы), Камары (Оборонное), Балаклава, Карань (Флотское) [13, л. 67]. По сведениям на 27 января 1921 г. указано, что в состав Балаклавского района включен Байдарский подрайон в границах прежней Байдарской волости [13, л. 4].

30 январь 1921 г. Балаклавский ревком объявил полный список вошедших в состав района населенных пунктов: Камары, Чоргунь (Чернорречье), Карань, Кадыковка, Байдары, Кайту (Хайто) (Тыловое), Варнаутка (Варнутка) (Гончарное), Сахтик, Кучук-Мускомья (Резервное), Уркуста (Передовое), Бага (Вага) (Новобобровка), Саватка, Узунджа, Скели (Родниковое), Календе (Подгорное), Уау (Уппа) (Родное), Кучки, Николаевка (хут. Ново-Николаевка), хутора Ново-Земельские и Сапун-горские, Бельбек (Фруктовое), Кокораки, Камышлы, Шули, Ай-Тодор, Хаджи-Сала, Кнуту, Чамлы-Эзенбашик, Алсу [6, л. 132]. Таким образом, на карте Крыма появилось достаточно крупное территориальное образование, включившие в себя наиболее важные пункты юго-западной части полуострова. Однако очень скоро начался процесс дробления данной территории. Причины этого в исследованных документах пока не раскрываются, вопрос требует уточнения. Наиболее вероятной причиной таких изменений может выступить экономическое «тяготение» к той или иной части крымских регионов, а также сложившиеся социально-экономические связи.

К 12 июля 1921 г. в Севастополе прошли выборы в городской совет (Севастопольский городской Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов), исполком которого 12 июля 1921 г. издал постановление, по которому г. Балаклава с деревнями Кадыковка, Комары, Карань, Золотая балка были выделены в особую административную единицу с городским управлением. Одновременно было принято решение об отделении от Балаклавы Байдайдарской и Варнутской долины с образованием нового Байдарского района [10, л. 132]. Однако, Балаклавский район просуществовал еще вплоть до марта 1922 г. Выборы в советы в сельской местности Севастопольского уезда прошли во второй половине июля 1921 г. Одновременно должны были пройти и выборы в уездный совет, но материалы по данному вопросу пока не выявлены.

Так, 22-25 июля 1921 г. в Балаклавском районе в ходе выборных собраний было избрано 13 сельсоветов: Кадыковский, Караньский, Чоргунський, Камышловский, Уппинский, Шульский, Биюк-Мускомский, Варнтуский (Варнаутский), Скельский, Уркустинский, Байдарский, Ай-Тодорский, Багинский [2, л. 13 (13а)]. Есть сведения о более поздних сроках проведения таких собраний в районе – вплоть до начала августа 1921 г.

7-8 августа 1921 г. состоялся районный съезд Советов Балаклавского района. Присутствовало 73 делегата съезда и представители исполкомов Севастопольского городского и уездного Советов. На съезде были обсуждены: доклад о внешнем и внутреннем положении; доклад о деятельности Балаклавского районного ревкома, который сдавал дела районному Совету; доклад о деятельности рабоче-крестьянской инспекции; доклад о деятельности райземотдела; о новом курсе экономической политики Советской власти. Были проведены также выборы районного исполкома и делегатов на уездный съезд Советов. Обсуждался и вопрос о помощи голодающим Поволжья [9, л. 7]. Подробнее начало работы Советов на территории современного Севастополя рассматривать мы не будем, так как этот вопрос не является целью данной статьи.

Следующие изменения в административно-территориальном делении Севастопольского региона связаны с процессом формирования в Крыму Крымской Автономной Советской социалистической республики (первоначально Крымская Автономная социалистическая Советская республика). С ее созданием в октябре 1921 г. территория Крыма была разделена на 7 округов, Севастопольский уезд был преобразован в Севастопольский округ.

В марте 1922 г. произошло уточнение его границ и состава. 23 марта 1922 г. состоялось заседание председателей исполкомов советов Балаклавского района, где было принято

окончательное решение о выделении Байдарского района как отдельного административного образования, в документе решение прописано «о перенесении центра района в д. Байдары». [11, л. 115]. Таким образом в составе Севастопольского округа был создан новый район, получивший наименование Байдарский. На этом же заседании было предложено обратиться к Крымисполкому разрешить в срочном порядке «перевести район в Байдары», («основание Байдарского района позволило объединить татарское население численностью 9456 чел.»), а также организовать 2 новых подрайона Балаклавский (Балаклава, Кадыковка, Карань, Золотая балка, хутора) – 5031 чел.; Чоргуньский 5376 чел. с подчинением каждой единицы Севастопольскому окружному исполкому[11, л. 115].

К этому же времени КрымЦИК издал Постановление «О новых границах Севастопольского округа», в связи с чем большая часть Бахчисарайского района отошла к Симферополю как «естественно тяготеющая к нему» (перечень отошедших населенных пунктов не уточняется) [11, л. 115].

В 1923 г. Севастопольский округ на районы не делился. Что же касается наличия такой административно-территориальной единицы как подрайон, то относительно этого года он обычно не фигурирует, что не исключает наличия таких подрайонов, но и не подтверждает. Советов местного уровня на 1923 г. в Севастопольском округе насчитывалось 10, в т.ч. Балаклавский городской. В ноябре 1923 г. Постановлением ВЦИК СССР (текст не выявлен) были упразднены округа в Крыму с заменой на 14 районов (по другим данным на 15) с делением на сельсоветы [13, с. 20].

Это привело к преобразованию Севастопольского округа в Севастопольский район, количество сельских советов в нем постоянно менялось [1, с. 11]. Они концентрировались вокруг 4-х более крупных административных образований: подрайонов – Балаклавского, Байдарского, Чоргунского, Бельбекского (Любимовского). Балаклавский подрайон кроме Балаклавы и окрестностей, включал в себя также территорию Ново-Земельского сельского совета, куда в 1920-е гг. входили все поселки, примыкавшие к Севастополю (п. Новая Земля (район 5-го км. Балаклавского шоссе), хут. Максимов (Максимова дача), Омега (ныне микрорайон города), хут. Георгиевский монастырь и др.). В настоящее время большая часть территории данного сельского совета вошла в городскую черту Севастополя. Байдарский подрайон включал в себя населенные пункты Байдарской и Варнутской долины, его территория почти полностью совпадает с территорией современного Орлиновского муниципального округа. Чоргуньский подрайон вобрал в себя населенные пункты: Чоргунь (Черноречье), Камары (Оборонное), Алсу (Морозовка), Новые Шули (Штурмовое) и ряд более мелких хуторов. Бельбекский и Любимовский подрайон – д. Бартеньевка, Любимовка, территорию бывшего имения Алькадар, Бельбек (Фруктовое).

В документах Севастопольского райисполкома середины 1920-х гг. выявлена общая характеристика района по состоянию на 1926 г. Так, указано, что Севастопольский район занимал территорию, равную 723 кв. десятинам или 78390 дес. «Лесной покров» района составил 60 %. В районе насчитывалось 2 города – Севастополь и Балаклава; и 33 сельских населенных пункта (не считая более мелких хуторов, с которыми численность населенных пунктов доходила почти до 200): Камышлы, Бельбек (Фруктовое), Любимовка, Мекензиевы горы, Учкуевка (ныне в черте города), Бартеньевка (в черте города), Новая Земля (ныне район 5-го км. Балаклавского шоссе), Карань (Флотское), Золотая балка (поселки 10-го и 11-го км. Балаклавского шоссе), Кадыковка (в составе Балаклавы), Комары (Оборонное), Алсу (Морозовка), Инкерман (ныне имеет городской статус в составе Севастополя), Чоргунь (Черенoречье), Шули (Терновка), Уппа (Родное), Узенбашик (не существует), Ай-Тодор (не существует), Кучки (не существует), Кара-Куба (или Кара-Коба, территория объект Министерства обороны), Кучук-Мускомья (Резевное), Варнаутка (Варнутка (Гончарное)), Биюк-Мускомья (Широкое), Хайто (Тыловое), Уркуста (Передовое), Узунджа, Саватка, Сахтик, Скели, Байдары (Орлиное), Бага, Календо, Ново-Николаевка (не существует). На территории района насчитывался 21 сельский совет: Камышловский, Бельбекский, Бартеньевский, Новоземельский, Караньский, Кадыковский, Комарский,

Инкерманский, Чоргуньский, Инкерманский, Чоргуньский, Шульский, Ай-Тодорский, Уппинский, Байдарский, Багинский, Уркустинский, Узунджский, Саватский, Биюк-Мускомский, Варнутский (Варнаутский). А также Севастопольский городской, районный и Балаклавский городской советы. Общая численность населения составила в г. Севастополе – 64961 чел., в районе (включая Балаклаву – 18965 чел. По национальному составу населения распределилось таким образом: г. Севастополь – русских 49421 чел., татар 1369 чел., греков 2258 чел., евреев 7308 чел., прочих 4605 чел.; Севастопольский район (включая Балаклаву) – русских 5893 чел., татар 10971 чел., греков 1970 чел., прочих 131 чел. [3, л. 5].

Приведенная характеристика показывает, что к 1926 г. состав территорий, подчиненных Севастополю, большей частью совпадал с той территорией, которая находится ныне под его юрисдикцией. Анализ хозяйственной деятельности района во второй половине 1920-х гг. показал, что данное административно-территориальное деление на тот момент оказалось оптимальным. Одновременно продолжался процесс переформатирования сельских советов.

Так, в августе 1929 г. Севастопольский Райисполком своим решением ликвидировал Багинский сельсовет (он слился с Уркустинским), Сахтикский сельсовет включил в состав Байдарского. Планировалось ликвидировать также Новоземельский сельсовет и Ай-Тодорский сельсовет [15].

В 1930 г. в СССР развернулась масштабная административно-территориальная реформа по «разукрупнению территориальных образований». В Крыму данный процесс совпал с активной фазой политики коренизации. Исходя из данной политики и руководствуясь положением о «приближении местных властей к нуждам трудящихся» в октябре 1930 г. было и проведено коренные изменения в административно-территориальном делении Крымской АССР. 2 октября 1930 г. в составе Крыма было созданы следующие районы: Ак-Мечетский, Евпаторийский, Фрайндорфорский, Ишуньский, Джанкойский, Биюк-Онларский, Сейтлерский, Феодосийский, Ленинский, Симферопольский, Бахчисарайский, Карасубазарский, Балаклавский, Ялтинский, Алуштинский и Судакский. Часть районов оформлялись как национальные. Города: Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия и Ялта были выделены в самостоятельные административно-территориальные единицы.

Балаклавский район согласно данных изменений был создан «путем перенесения центра Севастопольского района из г. Севастополя в г. Балаклаву» с подчинением ЦИК Крымской АССР [14, с. 39]. г. Севастополь стал городом республиканского подчинения (подчинение ЦИК Крымской АССР).

Создание нового Балаклавского района в данном случае с попыткой формирования национального района в окрестностях Севастополя. Так, в сельской местности в упраздненном Севастопольском районе в 1930 г. процент татарского (преимущественно крымско-татарского) населения составлял 56,6 %, в г. Севастополе же доля этой этнической группы не превышала 5 % (общая численность населения г. Севастополя на 1930 г. составила 75 тыс. чел. с преобладанием русского населения). Оставление сельской местности в подчинении Севастополя также давало бы более меньший процент татарского населения и создание национального татарского района было бы вряд ли возможно. В связи с чем и произошло разделение территории Севастопольского района на две административно-территориальные единицы. В подчинении г. Севастополя, кроме городской черты остались также населенные пункты бывшего Ново-Земельского сельского совета, бывшего Любимовского подрайона и пос. Инкерман с близлежащими хуторами. В состав нового Балаклавского района вошли: Балаклава с окрестностями, Камышловский сельсовет, Бельбекский сельсовет, д. Ай-Тодор, Шули, Узенбаш, Новые Шули, Чоргунь, населенные пункты Байдарской и Варнутской долины, часть южнобережных поселков, в т.ч. Форос. (Для справки население Балаклавского района на 2 октября 1930 г. – 21,1 тыс. человек, г. Балаклава – 2,5 тыс. человек, в сельской местности 18,6 тыс. чел. [14, с. 41-49].) Экономической целесообразности такие территориальные изменения не имели, так хозяйства нового района по-прежнему чаще ориентировались на Севастополь, так, например через его порт грузы по-прежнему от-

правлялись из района, севастопольское предприятие обслуживало и трамвайную линию «Севастополь – Балаклава». В течение 1930-х гг. на территории Балаклавского района стали появляться также и предприятия и организации центрального (крымского и общесоюзного подчинения), в т.ч. объекты Черноморского флота. Коренизация в районе выразилась в увеличении доли представителей татарского населения в органах районной власти и выходом районной газеты «Сталинский путь» на двух языках: русском и крымско-татарском.

Административно-территориальное деление в районе Севастополя, введенное осенью 1930 г., сохранилось до 1957 г.

В целом, рассмотрев основные административно-территориальные преобразования на территории современного Севастополя в 1920-е гг., необходимо сделать такой вывод: в ходе таких преобразований к концу 1920-х гг. удалось сформировать достаточно мощный регион в юго-западном Крыму. Территориальные изменения октября 1930 г. стали попыткой расширения так называемого «национального» строительства, одновременно и результатом общесоюзной реформы по выработке наиболее сбалансированных методов территориального управления с целью приближение органов такого управления к местному населению. В случае с Севастополем такое управление оказалось несколько искусственным и не очень удачным для сельской зоны, примыкавшей к городу.

Список литературы

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783 – 1998 гг. / Справочник. / под ред. Л.В. Гурбовой. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
2. Архив г. Севастополя (АГС). Ф Р-79.Оп.1.Д. 22.
3. АГС Ф Р-79. Оп.1. Д.182.
4. АГС. Ф.Р-427. Оп.1. Д 1.
5. АГС. Ф Р-427.Оп 1.Д.2
6. АГС. Ф.Р-427. Оп.1. Д. 4.
7. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 10.
8. АГС. Ф.Р-427. Оп.1. Д. 16
9. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 22.
10. АГС. Ф Р-427.Оп.1. Д. 23.
11. АГС. Ф. Р-427. Оп. 1. Д. 25.
12. АГС. Ф Р-427.Оп.1. Д.98
13. Ден Н.В. Крым. – М.-Л.: ГИЗ, 1930 – Т. 1. – 105с.
14. Софийский П. Новое административно-территориальное деление Крыма // Экономика и культура Крыма – 1930 – № 2 – с 39-49
15. Укрупнение сельсоветов // Маяк Коммуны – 1929 – 8 августа – с.4.

SPATIAL REORGANIZATION IN THE CITY OF SEVASTOPOL IN 1920 -1930 HS.

The article describes the main administrative-territorial transformations in the city of Sevastopol in the 1920s and 1930s. During this period in territory of modern city, there were several different territorial units, their shift was caused by the search of the optimal territorial the Board lands in its vicinity. During the 1920s the city was the center of Sevastopol County, district of Sevastopol, the Sevastopol district. In 1921 – 1922, under his command were also the lands of modern Bakhchisaray district of the Republic of Crimea. Ended conversion data allocation in the autumn of 1930 the city in a separate administrative-territorial unit, a large part of the Sevastopol district has been transformed in the Balaklava district of the Crimean Autonomous Republic. Subsequently, the administrative-territorial transformations in the city continued. With regard to internal administrative changes at the Sebastopol earth in the 1920s, it was expressed first of all in formation of system of local self-government, which has resulted in constant change in the number of village councils in the district. Analysis of the proven facts showed that by the end of the 1920s, the administrative-territorial division the territory of modern Sevastopol was close to optimal, such transformations 1930 had a political aspect.

Keywords: administrative-territorial transformation, district, subdistrict, district Sebastopol, city Council, Executive Committee, population, County.

References

1. Administrativno-territorialnyye preobrazovaniya v Krymu. 1783 – 1998 gg.[Administrative-territorial conversion in the Crimea in 1783-1998.] (1999). Spravochnik / pod red. L.V. Gurbovoy. Simferopol: Tavriya-Plyus.
2. Arkhiv g. Sevastopolya (AGS) [Archive of the city of Sevastopol (ACS)]. F R-79. Op.1. D. 22.
3. AGS (ACS). F R-79. Op 1. D. 182
4. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D.1
5. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 2
6. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 4
7. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 10
8. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 16
9. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 22
10. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 23
11. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D. 25
12. AGS (ACS). F R-427. Op.1.D.98
13. Den N.V. Kryim [Crimea].(1930) – M.-L.: GIZ – T. 1.
14. Sofiyskiy P. Novoe administrativno-territorialnoe delenie Kryima[The new administrative-territorial division of the Crimea]. *Ekonomika i kultura Kryima [Economy and culture of the Crimea]*, 2, 39-49
15. Ukrupnenie selsovetov [The consolidation of the lighthouse village](1929). Mayak Kommunyi [Council of the Commune], 8 avgusta [August], 4.

Об авторе

Никитина Ирина Витальевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы, Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя (Россия), Email: IrinaNikita@yandex.ru

Nikitina Irina Vitalevna – Candidate of History, researcher of Department of scientific-research work, State Museum of Heroic defense and liberation of Sevastopol (Russia), Email: IrinaNikita@yandex.ru

УДК 94 (476) + 323.15 (476)

Пушкин И.А., кандидат исторических наук, доцент, Могилёвский государственный университет продовольствия (Республика Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БССР В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ (1920-1930)

В статье на основании документального материала из архивов Беларуси, Литовской Республики и Российской Федерации раскрывается и анализируется формирование национальной политики БССР в 1920–1930 гг. Сформулированы особенности и основные направления деятельности государственных органов управления по регулированию процессов общественного и культурного развития национальных общностей. Охарактеризованы три этапа в национальной политике советской Беларусии в межвоенный период. В рассматриваемый период в БССР представители национальных меньшинств составляли подавляющее большинство в руководящих органах различных уровней. Возрождение или закрепление традиционных устоев национальных меньшинств не было целью органов власти. Основной задачей национальной политики являлось их советизация для достижения конечной цели – построения коммунистического общества. Наиболее удачной в сфере национального строительства в БССР в 1920-е гг. стала политика “белорусизации”. Власти БССР стремились обеспечить равенство белорусского, русского, польского и еврейского языков и возможностей для представителей всех национальных общностей. В 1920-е гг. на территории БССР создавались национальные местные советы, действовали на языках национальных меньшинств школы и отделения при среднеспециальных и высших учебных заведениях, культурно-просветительные учреждения, печатались периодические издания и литература. Значительную роль сыграли представители национальных меньшинств в становлении научных и высших учебных заведений БССР. В результате был накоплен положительный опыт государственного управления в сфере межнациональных отношений и политической деятельности национальными общностями. Национальная политика советской власти в БССР прошла путь от предоставления национально-культурной автономии национальным меньшинствам в 1920-е годы до проведения против них широкомасштабных репрессий в следующее десятилетие.
Ключевые слова: БССР, национальная политика, национальные меньшинства, межнациональные отношения
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-115-124

Актуальность статьи обусловлена национальным и религиозным разнообразием современной Беларуси, восточная часть которой в первой половине 1920-х гг. входила в состав РСФСР (Витебщина и Могилевщина до 1924, Гомельщина до 1926 г.). Без анализа политико-правовых основ и участия национальных общностей в общественной и культурной жизни Беларуси, отношения официальных властей к ним, определения роли национальных организаций в обществе, невозможно выработать глубоко продуманную, соответствующую интересам страны, национально-государственную политику. В этом смысле обращение к опыту 1920-х гг., когда шёл процесс становления советской государственности, является крайне необходимым.

Национальную политику большевиков в межвоенный период рассматривали в своих публикациях ряд отечественных и зарубежных учёных: А. Глаговская [27], С. Казиев [6], М. Костюк [24], Е. Кочеткова [7], А. Лейзеров [8], И. Пушкин [25], И. Романова [19], М. Терри [21] и др. В то же время особенности её формирования и деятельность специальных органов управления, которые занимались реализацией основных направлений национально-государственной политики на практике, исследованы не в полном объёме. В статье использованы материалы из государственных архивов Беларуси, Литвы и Российской Федерации.

Можно выделить три периода в межвоенной политике советского руководства в отношении национальных меньшинств.

1) 1920–1928 гг. – период решительного расширения прав всех без исключения национальных общностей, наиболее благоприятный для развития национальных меньшинств в Беларуси. Главной опасностью в это время считался великорусский шовинизм и с ним коммунистическая партия вела решительную борьбу.

2) 1929–1935 гг. – период значительного ограничения прав меньшинств, когда руководство коммунистической партии (большевиков) (КП(б)) отказалось от сотрудничества с представителями меньшинств, которые не являлись сторонниками идей классовой борьбы и пролетарской идеологии. Наступило время борьбы с «местным национализмом».

3) 1936–1939 гг. – период господства центристских тенденций в национальной политике. Это – период усиления репрессий в отношении всех социальных слоев и групп национальных меньшинств.

Важным актом на пути провозглашения межнационального равенства явилась «Декларация прав народов России», принятая 2(15).11.1917 г. Конкретные положения нацио-

нальной политики большевиков были сформулированы на X (1921) и XII (1923) съездах КП(б). Предусматривались следующие важнейшие мероприятия в области межнациональных отношений: ликвидация экономической отсталости ранее угнетаемых народов, ускоренное развитие их культуры и языка, создание на национальных языках издательств, средств массовой информации, школ, изб-читален, выдвижение на ответственную работу представителей местного коренного населения, перевод на национальный язык делопроизводства и т.п.

В 1920-е гг. концепцию многонационального и централизованного государства КП(б) реализовывала не с помощью принудительного сохранения целостности бывшей империи, а через установление в национальных районах формально независимой власти местных коммунистов на принципах сохранения всей полноты контроля над ситуацией в руках советской власти. Значительное внимание уделялось развитию культур не только представителей титульных наций республик СССР, но и национальных меньшинств. Для них также предусматривалась широкая национальная и культурная автономия под руководством коммунистической партии. По сравнению с той политикой, которую проводили власти Российской империи, действия большевиков носили прогрессивный характер [21].

Необходимо отметить, что часть представителей национальных общностей советской страны исключалась из общественно-политической жизни. Она лишалась избирательных или иных прав из-за своего социального происхождения (бывшие торговцы, священники и т.д.), но оказывала значительное влияние на население в силу своего личного авторитета.

Раскрывая направления и особенности национальной политики в Беларуси, следует отметить, несколько важных моментов.

Определенная часть населения, преимущественно интеллигенции, принимала участие в создании Белорусской Народной Республики, большинство же высказалось за Советскую Социалистическую республику Беларусь (ССРБ, впоследствии – БССР). В программных документах обеих республик гарантировалось равенство всех народов, живших на территории Беларуси [2, л. 1]. БССР с 1922 г. входила в состав СССР, соучредителем которого она являлась. Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии (КП(б)Б) являлась составной частью РКП(б)–ВКП(б) и функционировала на правах её областной организации. Все постановления, решения, которые принимались ЦК ВКП(б), Политбюро, оргбюро и т.д., являлись обязательными для руководства и партийных организаций БССР. Таким образом политика руководства БССР в отношении национальных общностей формировалась не в Белоруссии, за исключением отдельных самостоятельных действий в середине 1920-х гг.

На национальную политику партийно-государственного руководства значительно повлияли территориальные изменения границ БССР и внешнеполитические факторы. Советская Белоруссия находилась на границе между двумя «враждебными системами» – социалистической и капиталистической. Параллельно с общими, так называемыми социалистическими преобразованиями, здесь реализовывался комплекс мероприятий по обеспечению надёжности западных рубежей СССР. В 1923 г. была официально утверждена специальная административная территория – пограничный регион. Он должен был стать витриной социализма и использоваться для расширения влияния на Запад. Поэтому в пограничном регионе проводилась специальная политика в отношении национальных меньшинств. С одной стороны, требовалось создание большого количества национальных школ, территориальных образований, СМИ на родных для этнических групп языках, проведение решительной борьбы с российским шовинизмом [21, с. 315–316]. С другой стороны, ожидая враждебных действий со стороны капиталистических стран и не доверяя части представителей национальных меньшинств, большевики проводили «чистку от неблагонадежного элемента» ряда учреждений и предприятий пограничного региона – «от всякого подозрительного элемента и агентов польской, латвийской, литовской, румынской и финской национальностей» [26, с. 73]. На отношение властей БССР к национальным меньшинствам накладывала определенный отпечаток и политика Польши в отношении последних.

Наиболее удачной в сфере национального строительства в БССР стала политика белорусизации, поспособствовавшая культурному расцвету всех национальных общностей. Наибольшую пользу от её реализации получили евреи, латыши, литовцы, поляки и русские.

Руководство БССР, действовавшее во исполнение постановлений и резолюций центральных органов власти, с первых дней сво-

его существования в соответствующих постановлениях съездов КП(Б)Б и советов, решениях исполнительных органов власти республики декларировали равенство белорусского, русского, польского и еврейского (идиш) языков. Обеспечение свободного экономического и культурного развития, равноправие и повышение благосостояния трудящихся всех национальностей, создание национальных советов, равенство языков были закреплены в Конституции БССР, принятой 11.04.1927 г. VIII Всебелорусским съездом советов.

22–25.11.1920 г. состоялся III съезд КП(б)Б где было решено, что в состав государственных учреждений и органов власти республики входят представители всех национальностей, проживавших на её территории. Съезд высказался за создание органов управления по делам национальных меньшинств в виде национальных бюро при Центральном Бюро (ЦБ), а позднее ЦК КП(б)Б. По примеру РСФСР был образован Народный комиссариат по делам национальностей БССР, который просуществовал недолго и решением ЦБ КП(б)Б от 13.01.1922 г. был ликвидирован. Впоследствии в Советской Белоруссии руководили работой среди национальных меньшинств национальные бюро при ЦК КП(б)Б, Национальная комиссия при Президиуме ЦИК БССР, а с 1934 г. отдел национальностей.

КП(б) держала под жёстким контролем все руководящие должности по работе с национальными меньшинствами, утверждая все более-менее значимые посты. 20.03.1922 г. на заседании ЦК КП(б)Б было утверждено главное бюро еврейской секции при ЦК КП(б)Б, в 1925 г. – латышское бюро, во 2-й половине 1920-х гг. создано литовское бюро ЦК КП(б)Б. В восточной части Белоруссии, которая на то время входила в состав РСФСР, подобные структуры существовали как на республиканском, так и региональных уровнях РКП(б). На бюро ЦК КП(б)Б 15.12.1925 г. приняли единые названия для местных секций: «евбюро», «латбюро», «польбюро», которые образовывались при окружных комитетах (ОК) компартии Белоруссии [18, л. 38-41; 10, л. 3–3об., 4–5, 10–14; 9, л. 38]. В региональных документах того времени по отношению к данным структурам параллельно встречаются два названия – «бюро» и «секция», имевших одно значение.

Национальные бюро при ЦК КП(б)Б выполняли следующие основные задачи: ведение агитации и пропаганды среди рабочих и бедноты соответствующей национальности, политическое воспитание членов партии из числа национального меньшинства, борьба против влияния буржуазии и мелкобуржуазных групп и т.п. Также они руководили деятельностью латышских, литовских, польских, еврейских секций (бюро) при местных организациях КП(б)Б, контролировали деятельность Народного комиссариата просвещения (НКО) в сфере деятельности национальных школ и подготовки учителей. Издавали свои периодические издания: на польском языке – газеты «Młot» («Молот») и «Orka» («Пахота»), на литовской «Raudonasis Artojas» («Красный пахарь»).

В 1920-е гг. польские бюро (секции) существовали при Бобруйском, Борисовском, Витебском, Калининском и Минском, латышские при Полоцком, Витебском, Борисовском, Могилёвском, Калининском и Бобруйском, литовские при Витебском и Оршанском ОК КП(б)Б. Среди городской и деревенской молодёжи работали латышское и польское бюро при ЦК комсомола, а также специальные штатные работники в некоторых округах [18, л. 42–44; 10, л. 50–72].

Большую роль в проведении национально-государственной политики БССР сыграли решения VII съезда КП(б)Б (20–26.03.1923). В докладе «Национальные моменты в советском и партийном строительстве» были поставлены задачи расширения территории БССР, концентрации руководства всей национально-культурной работой в руках КП(б)Б, проведение советизации белорусских масс при помощи их родного языка. Стали активно проводиться следующие практические мероприятия по проведению национальной политики: выявление национального состава детей и организация школ с обучением на родном языке, обслуживание населения в полит-просветительских учреждениях и обеспечение литературой на родных языках. Следует подчеркнуть, что во второй половине 1920-х гг. организационная работа советского и партийного аппаратов, в основном велась по-белорусски и на языках национальных меньшинств в местах их компактного проживания.

Большое внимание уделялось кадровой политике. Проводилась так называемая «коренизация» – выдвижение на ответственные должности в государственном и партийном аппарате национальных территорий представителей преобладающей этнической группы. В середине 1920-х гг. в аппарате ЦК и ЦКК КП(б)Б

среди ответственных работников (секретари, заведующие отделами и другие) было: евреев – 46,2%, белорусов – 22,4%, русских – 14,5%, поляков – 12,1%, других – 4,8%. Из членов ОК КП(б)Б было русских – 29%, белорусов – 28,5%, евреев – 27%, поляков – 5,5%, других национальностей – 10%. В руководящих структурах представительной и исполнительной власти: среди членов и кандидатов Центрального исполнительного комитета (ЦИК) БССР белорусов – 42,7%, евреев – 22,6%, русских – 12%, поляков – 8%, других национальностей – 14,7%; в Совете народных комиссаров (СНК) БССР (наркомы и их заместители) 33,3% белорусов, 33,3% русских, 14,8% евреев, 7,5% поляков, 11,1% других; среди ответственных работников наркоматов и центральных советских учреждений белорусов – 42,6%, евреев – 31,7%, русских – 16,2%, поляков – 4,2%, других – 5,3%. В 1927 г. среди ответственных руководителей наркомата труда БССР представители национальных меньшинств составляли 75%, в Верховном суде – 40%, наркомате рабоче-крестьянской инспекции – 60%, наркомате торговли – 66%, Госплане – 77%, наркомате земледелия – около 45%, НКВД – 55 %, наркомате финансов – около 55%, наркомате здравоохранения – 90%, наркомате просвещения – 58%, наркомате юстиции – 77%, ЦСУ – 58% [25, с. 58, 151].

Одним из важных направлений национальной политики было создание в местах компактного проживания представителей этнических общностей национальных советов – сельских и местечковых, в соответствии с постановлением третьего Всесоюзного съезда советов «О советском строительстве» (1925). В Советской Белоруссии это имело широкую поддержку со стороны национальных меньшинств. Наблюдалось стремление объединяться именно в свои национальные административные единицы. В 1920–1930-е гг. в БССР побывали в качестве национальных 74 сельских совета (37 польскими, 15 русскими, 8 еврейскими, 6 украинскими, 5 латышскими, 2 немецкими, 1 литовским) и 17 в качестве еврейских местечковых советов [1, с. 155]. Являясь органом советской власти в деревне, национальные сельские советы выполняли все необходимые функции в административной, хозяйственной и культурной сферах.

В 1920-е гг. на территории БССР создавались и действовали на языках национальных меньшинств школы, отделения при средних специальных и высших учебных заведениях, культурно-просветительные учреждения, печатались периодические издания и литература. При этом в сфере образования прослеживались две тенденции. С одной стороны, наблюдалось стремление населения к увеличению количества национальных школ. В 1926/27 учебном году в республике было 439 русских школ из них 32 семилетних, 200 еврейских (53 семилетних), 136 польских (11 семилетних), 32 других национальностей (1 семилетняя); 1927/28 учебном году: 209 еврейских (61 семилетняя), 145 польских (2 семилетних), 136 русских (18 семилетних), 43 других национальностей (1 семилетняя) [27, s. 140]. С другой стороны, несмотря на то, что существовал план увеличения количества национальных школ, происходил процесс постепенного сокращения вышеупомянутых школ (русских, польских). В 1926 г. по постановлению СНК НКО БССР разослал секретный циркуляр о порядке перевода школ с польского языка преподавания на белорусский, а весной 1929 г. бюро ЦК КП(б)Б постановило окончательно ликвидировать преподавание польского языка как предмета в белорусских школах [22, л. 55]. В Советской Белоруссии только татары не имели возможности реализовать свои потребности в сфере образования. Первая и единственная в БССР школа на цыганском языке стала работать в начале 1930-х гг. в Витебске.

С целью подготовки учительских кадров для национальных школ открывались специальные педагогические техникумы: польский (Минск), три еврейских (Минск, Витебск, Гомель), при них работали двухлетние педагогические курсы. Для подготовки учителей для латышских школ НКО ежегодно посылал в Ленинградский педтехникум по 10 стипендиатов. Однако открытие национальных школ в БССР требовало значительно большего количества педагогических кадров.

Значительную роль сыграли представители национальных меньшинств в становлении научных и высших учебных заведений БССР. В 1922 г. был образован Институт белорусской культуры (Инбелкульт), который впоследствии был реорганизован в Белорусскую академию наук (1928). Для изучения языка, литературы, истории и археологии национальных меньшинств предусматривалось создание соответствующих секций и комиссий. В 1925 г. появились еврейский и польский секторы, в 1926 г. – кафедра истории Литвы, в 1927 г. – комиссия по изучению латышей. В 1927 г. в Инбелкульте из 76 действи-

тельных членов было 67% белорусов, 18% евреев, 10% поляков, 5% русских [23, с. 17]. В составе Центрального совета секции научных работников БССР, кроме белорусов были представлены русские, евреи, немцы. При педагогическом факультете Белорусского государственного университета (БГУ) работали еврейская (с 1922 г.) и польская секции (отделения). Постановлением НКО Беларуси (1926) было разрешено в БГУ проводить вступительные экзамены на еврейском языке для абитуриентов, изъявивших желание учиться на еврейском отделении. У выпускников еврейских семилетних или четырёхлетних школ при поступлении в профессиональные школы, при их желании, принимали экзамены на еврейском языке.

Большое внимание уделялось изданию литературы на национальных языках. С 1924 по 1929 гг. Белгосиздатом на еврейском языке было издано 460 тысяч экземпляров книг, на польском – 185 000, на латышском и литовском языках – 9 000, на русском – 198 000 экз. Издавались газеты и журналы. В 1927 г. из 11 республиканских газет 4 были на русском, 3 на белорусском, по 2 на польском и еврейском языках; из 11 журналов – 4 на белорусском, 3 на русском, 2 на белорусском и русском языках, 2 на еврейском. Через два года в БССР из 16 газет на белорусском языке – 8, на еврейском – 2, по 1 на русском, польском и литовском языках, на русско-белорусском – 3; издавалось 20 журналов: 13 на белорусском языке, 1 на еврейском, 6 на русском и белорусском одновременно [5, л. 41].

Существовали литературные группы поляков, русских, евреев, создававших свои произведения на родных языках. Большое влияние на общество оказывали постановки еврейского государственного театра (Минск), польского передвижного театра, русского театра в Бобруйске. Значительную работу среди населения проводил еврейский отдел Белорусского государственного музея (БГМ), в котором были широко представлены быт и искусство евреев. В БГМ с 8 по 28.11.1927 г. работала сельскохозяйственная выставка достижений национальных меньшинств. В ней приняли участие евреи, поляки, латыши и литовцы.

В практике работы властных структур отмечался тщательный надзор за творческой и научной интеллигенцией, так как многие её представители активно участвовали в общественно-политической и культурной жизни. С целью ликвидации антисоветских настроений большевики стремились дифференцировать и расколоть национальную интеллигенцию. Особенностью советского периода белорусской истории является противостояние партийного руководства и творческой интеллигенции. Последней приходилось действовать в условиях тотальной слежки, контролировалось не только участие – изучались даже намерения. В связи с этим можно определить динамику отношений руководства БССР к этнической интеллигенции.

В середине 1920-х гг. ЦК КП(б)Б считал, что значительная часть интеллигенции русифицирована, она как и большинство великорусской интеллигенции республики, занимая позиции великодержавного шовинизма, менее активна в происходивших общественно-политических процессах, среди неё отмечались значительные антибелорусские настроения и непонимание национальной политики руководства Советской Белоруссии. Во второй половине 1920-х гг., когда представители интеллигенции национальных меньшинств активно включились в культурные и общественные процессы, их творческая деятельность быстро стала рассматриваться как проявления враждебного национализма. Особенно то, что не соответствовало официальному курсу КП(б)Б, её доктрине [13, с. 63; 16].

Особо необходимо выделить отношение к национальным партиям и общественным объединениям, которые в то время существовали в среде национальных меньшинств. Их можно условно разделить на две группы. К первой относились те, которые поддерживали или проявляли лояльность в отношении советской власти и существовавшего государственного строя, были основаны и работали под руководством коммунистической партии (большевиков): еврейская коммунистическая партия (ЕКП), партия «Поалей Цион», Бунд, еврейский коммунистический союз молодёжи (евкомол), профессиональные союзы, пионерская организация, общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ), объединения ремесленников, «воинствующих безбожников», МОПР, Авиохим, Красный Крест и т.п. Ко второй причислялись те, чья деятельность находилась в «оппозиции» к существующей власти: «Алгемейне-Сионисты», «Еврейская рабочая партия Циарей Цион», ЦСП (Ционистско-Социалистическая партия) с её молодёжными филиалами: ЦСЮФ (Ционисцкий Социалистический Югенд Фербанд) и ЕССМ (Еврейская Сионистско-социалистическая молодёжь), ОСМ (организация сионистской молодёжи), «Гехалуц», «Комитет защиты поляков», «Бикур Хейлым», «Гимплас-

Хасед», религиозные объединения «терциариев», «ружанца», «Св. Викентия из Пауля», «Св. Сердца Иисуса и Марии», «Непорочного зачатия Св. Девы Марии» и т.п. [25, с. 47–57].

Руководство БССР содействовало активизации представителей нацменьшинств в общественно-политической и культурной жизни только в деле поддержки любых действий КП(б). Все другие партии и общественные организации национальных меньшинств постепенно запрещались и были ликвидированы. В 1928 г. ЦК ВКП(б) принял решение о роспуске еврейской коммунистической партии «Поалей Цион» (Минская организация партии перестала существовать на год раньше) [4, л. 3–4, 8–12]. В СССР была ликвидирована не просто еврейская партия, а, последняя легальная партия в стране. В конце 1920-х гг. все «оппозиционные» национальные общественные объединения были официально ликвидированы, большинство их активных членов обвинены в контрреволюционной деятельности и депортированы (высланы) за пределы БССР. Отдельные глубоко законспирированные группы просуществовали до середины 1930-х гг.

Реализация национальной политики затронула и экономическую жизнь этнических общностей. Это прежде всего касалось решения экономических проблем еврейского населения и увеличения товарности сельского хозяйства путём создания колхозов.

Экономические проблемы еврейского населения БССР неоднократно являлись предметом обсуждения на заседаниях бюро ЦК КП(б)Б. Большое внимание уделялось землеустройству евреев. Этим занимались Общество распространения ремесленнической и земледельческой работы среди евреев, Белорусская комиссия еврейского общественного комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны, погромов и стихийных бедствий (Евобщеком) и Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ).

Всесоюзное общество по землеустройству трудящихся евреев в СССР было создано в декабре 1924 г. В БССР оно называлось – Белкомзет. В 1926 г. его ячейки имелись во всех окружных городах и в большинстве местечек [12]. Деятельность общества охватывала не только социально-экономическую, но и общественную и культурную жизнь евреев. Часть еврейского населения через Белкомзет наделялась землей на территории Советской Белоруссии. Другая – переселялась, добровольно-принудительно, на свободные земли в Крым и Дальний Восток.

Стоит особо подчеркнуть, что проводя в 1920-е гг. переселение евреев в Крым и на Дальний Восток, одновременно партийно-государственное руководство категорически выступало против переселения евреев в Палестину и другие буржуазные страны. Таким образом власти стремились доказать мировому сообществу о решении «еврейского вопроса» как в экономической, так и общественной сферах именно в советской стране.

В конце 1920-х гг. в СССР началась политика форсированного обобщения крестьянских хозяйств. Она предусматривала создание коллективных хозяйств (колхозов) и затронула интересы и судьбы всего крестьянства. На совещаниях партийных работников представителей разных национальностей политике коллективизации придавалось важное значение, причём зачастую принималось решение о том, что темпы коллективизации среди национальных меньшинств должны быть выше, чем в белорусской деревне.

Первыми на территории БССР создавали колхозы евреи. В 1924 г. в республике был 31 еврейский колхоз. Долгое время в Советской Белоруссии колхозы были почти исключительно еврейскими, при этом для проведения сельскохозяйственных работ евреи-колхозники нанимали до 20–50% окружающего населения. В 1926 г. появляется первый польский колхоз, в следующем году их было – 13. В 1928 г. организовался первый литовский колхоз. К началу сплошной коллективизации в 1929 г. в республике было 277 национальных колхозов, из них еврейских – 249, польских – 22, латышских – 4 (через год – 19), литовских – 1, китайских – 1 [11, л. 9]. Крестьяне из числа национальных меньшинств неоднозначно, по-разному, воспринимали переход к коллективным формам хозяйствования. Насильственные методы и раскулачивание вызывали акции протеста со стороны крестьян разных национальностей, особенно латышского, немецкого и польского населения.

В Советской Белоруссии работали национальные участки народных судов. Они были в округах, где компактно проживали группы лиц определенной национальности. Например, в Витебском округе были еврейский и латышский участки, в Могилёвском округе – еврейский и польский. Участки национальных судов пользовались уважением и авторитетом у населения. В

1929 г. было 10 национальных участков народных судов: 6 еврейских, 3 польских и 1 латышский [3, л. 61].

Наряду с достижениями, были проблемы и сложности в реализации национальной политики. В конце 1920-х гг. партийное руководство БССР было вынуждено признать определенную безрезультатность своей работы среди отдельных групп национальных меньшинств. Это нашло своё отражение в резолюциях бюро ЦК КП(б)Б. Отмечалось, что наиболее трудно проводить работу среди латышского населения, так как оно в своём большинстве равнодушно или даже недоброжелательно, в том числе бедняки и середняки, относилось к советскому строительству, вело уединённый образ жизни (на хуторах – «колониях»). Не давала необходимых результатов работа среди немецкого населения в местах их компактного проживания в Наровлянском и Королинском районах. Подчёркивалась высокая религиозность поляков. Преобладало мнение, что все поляки – это «шляхта» и ей нет места в БССР. Значительная часть польского населения рассматривалась как «шпионы» и потенциальная «пятая колонна». В апреле 1929 г. секретариат ЦК КП(б)Б потребовал выселения всех «пособников буржуазной Польши» из границ БССР с конфискацией их имущества. В результате, только из Могилёвщины в 1929 г. были выселены 5 больших групп поляков [14, л. 25–26]. Не удалось разрушить национальное единство этнических общностей путём ненасильственного социального (классового) расслоения населения. Это стало возможным только в результате массовых репрессий.

На рубеже 1920–1930-х гг. произошли изменения в социально-экономическом положении национальных меньшинств. Секретариат ЦК КП(б)Б 11.02.1930 г. внёс изменения в организацию и проведение работы среди них. Так, с 15.02.1930 г. ликвидировались национальные бюро при ЦК КП(б)Б и нацсекции при окружных комитетах КП(б)Б [17, л. 608]. При ЦК сохранялся только один инструктор по работе среди нацменьшинств, при окружкомах отдельные работники не выделялись. Одновременно, сохранялся количественный состав нацкомиссий при ЦИК и ОИК, инспекторский состав по линии народного просвещения. Все это ознаменовало начало нового этапа в национальной работе. На практике это проявилось в стремлении к «упрощению» этнонациональной и языковой структуры страны, свертыванию применения национальных языков. Ставка делалась на интернационализм путем административных мер. Изменения в нацработе и насильственное проведение коллективизации привели в 1930 г. к многочисленным фактам демонстративного ухода «на Родину» со всем своим имуществом латышей, поляков, отдельных семей немцев [20, л. 92].

Во второй половине 1930-х гг. произошёл поворот в национальной политике страны. Из Конституции СССР 1936 г. и вслед за ней из Конституции БССР (1937) были изъяты все упоминания о национальных меньшинствах. Оргбюро ЦК ВКП(б) 24.01.1938 г. приняло два постановления «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах», которые официально закрепили позицию советского государства в решении национального вопроса.

Анализ особенностей формирования национальной политики БССР в 1920-е гг. и основных направлений деятельности органов партийно-государственной власти позволяет констатировать, что содержание, формы и направленность работы в среде национальных общностей с самого начала брались под строгий контроль КП(б). В рассматриваемый период в БССР представители национальных меньшинств составляли подавляющее большинство в руководящих органах различных уровней. В тоже время отмечается негативное отношение партийного и советского руководства к полякам, литовцам, латышам, немцам, которое являлось результатом: внешнеполитических обстоятельств, недоверея к ним в связи со статусом БССР как пограничной республики, высокого чувства национального единства, что затрудняло и делало менее результативным воздействие на них.

В 1920-е гг. были созданы и действовали специальные органы (национальные бюро) по контролю и управлению процессами этно-культурного развития национальных меньшинств. В результате был накоплен положительный опыт государственного управления и деятельности в сфере межнациональных отношений.

Национальная политика партийно-государственного руководства БССР формировалась не в Белоруссии, за исключением отдельных, самостоятельных действий в середине 1920-х гг., когда отмечаются тенденции на предоставление национально-культурной автономии национальным меньшинствам. Национальная политика носила в большинстве своём

несистемный характер, несмотря на определенные успехи в обеспечении граждан учреждениями, работавшими на родном языке населения. Официальные власти не ставили перед собой цель возрождения или укрепления традиционного уклада жизни этнических групп. Основной задачей национальной политики являлось их советизация. Руководство БССР использовало потенциал национальных общностей только для достижения конечной цели – построения коммунистического общества. В конце 1920-х гг. ЦК КП(б)Б был вынужден признать определенную безрезультатность своей работы среди отдельных групп нацменьшинств. В то же время проведение индустриализации, повышение образовательного уровня населения существенно изменили социально-экономическое положение национальных меньшинств БССР.

Список литературы

1. Административно-территориальное устройство БССР: Справочник. В 2-х т. Т. 1 (1917–1941 гг.) / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР. Минск: Беларусь, 1985. 390 с.

2. Доклад министра по делам национальных меньшинств БНР. Хроника для газет // Литовский центральный государственный архив (LCVA). – Фонд 582. Оп. 1. Д. 1, 26.

3. Доклад нацкомиссии о состоянии национальной работы // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 701. Оп. 1. Д. 91.

4. Документы руководителя Минской организации ЕКРП Н. Фишера. Март 1926 – ноябрь 1927 гг. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 272. Оп. 1. Д. 303.

5. Информация ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 4715.

6. Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 51–56.

7. Кочеткова Е.А. Национальная политика в Советском государстве в 1920-х – 1930-х гг.: случай финнов-иммигрантов в Карелии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. Т. 4. С. 48–62.

8. Лейзеров А. Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920–1939) // Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1. Мінск: Водолей, 2002. С. 104–109.

9. Отчёт о работе бюро ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 3637.

10.Отчёт польбюро при ЦК КП(б)Б по уездам за 1921 г. // РГАСПИ. – Фонд 63. Оп. 1. Д. 253.

11. Отчёты национальных советов // НАРБ. – Фонд 701. Оп. 1. Д. 92.

12. Отчёты о работе республиканских и областных отделов ОЗЕТ // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р-9498. Оп. 1. Д. 71, 315.

13. Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / Авт.-сост.: Р.П. Платонов и др. Под ред. Р.П. Платонова. Минск: БелНИИДАД, 2001. 312 с.

14. Письмо секретариата ЦК КП(б)Б № 42/сс, 1929 г. // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАООМог). – Фонд 6577. Оп. 1. Д. 862.

15. Постановления ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 8.

16. Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Ч. 2: Работа среди нац. меншинств в БССР. Минск: Изд. Нацкам. ЦВК БССР, 1928. 159 с.

17.Протокол № 50 секретариата ЦК КП(б)Б от 11.02.1930 г. // НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 4769.

18. Протоколы заседания литовской секции при Гомельском губкоме РКП(б) и Минском губкоме КП(б)Б // РГАСПИ. – Фонд 17. Оп. 63. Д. 30.

19.Романова И. Политика большевиков в отношении национальных меньшинств в Беларуси в межвоенный период // Ethnic Culture: Traditions and Innovations. Kaunas, 2004. С. 340–347.

20. Сообщения войск ОГПУ БССР // НАРБ. – Фонд 4 п. Оп. 1. Д. 5575.

21. Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 666 с.

22. Циркуляр НКП БССР // ГАООМог. – Фонд 6577. Оп. 1. Д. 266.

23. Інстытут беларускай культуры / М.П. Касцюк, П.Ц. Петрыкаў, М.У. Токараў і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 255 с.

24. Касцюк М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: ВП Экаперспектыва, 2000. 308 с.

25. Пушкін І. Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным і культурным жыцці (20-я гады XX ст.): манаграфія. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. 168 с.

26. Раманава І. Жыццё ва ўмовах савецкага пагранічча. Беларускае пагранічча па савецкі бок дзяржаўнай мяжы ў 1930-я гг. // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej – Памежжы Беларусі ў міждысцыплінарнай перспектыве. Warszawa, 2007. С. 73–101.

27. Głogowska Helena. Białorus 1914–1929. Kultura pod presja polityki. Białystok, 1996. 238 s.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE POLICY OF THE BSSR IN RESPECT OF NATIONAL COMMUNITIES (1920-1930)

The paper analyzes formation of the national policy of the BSSR in the 1920–1930s relying on the documentary materials from the archives of Belarus, the Republic of Lithuania and the Russian Federation. Peculiarities and main trends of the activities of state governing bodies in regulation of the process of social and cultural development of ethnic minorities are formulated. Tree stages of the national policy of Soviet Belarus in the interwar period are described. In the period under review representatives of ethnic minorities formed the overwhelming majority in the governing bodies of different levels. Neither revival nor strengthening of national minorities traditional values was the aim of the authorities. The main objective of the national policy was their sovietization to achieve the ultimate goal – building a communist society. The policy of "belarusization" was the most successful policy in the national development of the BSSR in the 1920s. Authorities of the BSSR sought to ensure equality of the Byelorussian, Russian, Polish and Jewish languages as well as opportunities for representatives of all national communities. In the 1920s national local Soviets were established in the territory of the BSSR. There were schools and departments at vocational schools and higher educational establishments as well as cultural and educational institutions that functioned using minority languages. Periodicals and literature were published. Representatives of national minorities played an important part in the development of scientific and higher educational institutions of the BSSR. As a result national communities accumulated positive experience in public administration in the sphere of interethnic relations and political activities. The national policy of the Soviet government in the BSSR worked its way up from giving cultural autonomy to national minorities in the 1920 s to subjecting them to large-scale repressions in the next decade.
Keywords: BSSR, national policy, national minorities, interethnic relations

References

1. 1.Administrativno-territorial`noe ustroi`stvo BSSR[Administrative and territorial unit of the BSSR]: Spravochnik. V 2-kh t. T. 1 (1917-1941 gg.) / Gl. arkh. upr. pri Sovete Ministrov BSSR, In-t filosofii i prava AN BSSR. Minsk: Belarus`, 1985. 390 s.

2. Doclad ministra po delam natcional`ny`kh men`shinstv BNR. KHronika dlia gazet[Report of the Minister of National Minorities of BNR. Chronicle for newspapers] // Leetov-skii` central`ny`i` gosudarstvenny`i` arhiv (LCVA). - Fond 582. Op. 1. D. 1, 26.

3. Doclad natckomissii o sostoianii natcional`noi` raboty`[Report of the National Commission on the state of national work] // Natcional`ny`i` arhiv Respubliki Bel-arus` (NARB). - Fond 701. Op. 1. D. 91.

4. Dokumenty` rukovoditelia Minskoi` organizatcii EKRP N. Fishera.[Documents of the Head of the Minsk Organization of EKRP N. Fisher.] Mart 1926 - noiabr` 1927 gg. // Rossii`skii` gosudarstvenny`i` arhiv sotcial`no-politicheskoi` istorii (RGASPI). - Fond 272. Op. 1. D. 303.

5. Informatciia TCK KP(b)B [Information of the CC CP (b) B]// NARB. - Fond 4 p. Op. 1. D. 4715.

6. Kaziev S.Sh. Osnovny`e napravleniia natcional`noi` politiki Sovetskogo gosudar-stva v Ka-zakhstane (1920-1929 gg.)[The main directions of the national policy of the Soviet state in Kazakhstan (1920–1929)] // Vestneyk Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Isto-riia. 2014. № 5 (31). S. 51-56.

7. Kochetkova E.A. Natcional`naia politika v Sovetskom gosudarstve v 1920-kh - 1930-kh gg.: slu-chai` finnov-immigrantov v Karelii [National policy in the Soviet state in the 1920s - 1930s: the case of Finnish immigrants in Karelia]// Vestneyk LGU im. A.S. Pushkina. 2011. № 1. T. 4. S. 48-62.

8. Lei`zerov A. Natcional`naia politika v Belarusi v pervy`e gody` sovetskoi` vlasti (1920-1939)[National policy in Belarus in the early years of Soviet power (1920–1939)] // Belarus` u KHKH stagoddzi. Vy`p. 1. Minsk: Vodolei`, 2002. S. 104-109.

9. Otchyot o rabote biuro TCK KP(b)B[Report on the work of the Bureau of the Central Com-mittee of the Communist Party (B) B] // NARB. - Fond 4 p. Op. 1. D. 3637.

10. Otchyot pol`biuro pri TCK KP(b)B po uezdam za 1921 g.[Report of the polling bureau under the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Bolsheviks in 1921] // RGASPI. - Fond 63. Op. 1. D. 253.

11. Otchyoty` natcional`ny`kh sovetov[Reports of national councils] // NARB. - Fond 701. Op. 1. D. 92.

12. Otchyoty` o rabote respublikanskikh i oblastny`kh otdelov OZET [Reports on the work of the republican and regional departments of OZET]// Gosudarstvenny`i` arhiv Rossii`skoi` Federatcii (GARF). - Fond R-9498. Op. 1. D. 71, 315.

13. Pered kruty`m povorotom: Tendentcii v politicheskoi` i duhovnoi` zhizni Belarusi (1925-1928 gg.)[ Before a sharp turn: Trends in the political and spiritual life of Belarus (1925–1928)]: Otrazhenie vremeni v arhivny`kh dokumentakh / Avt.-sost.: R.P. Platonov i dr. Pod red. R.P. Platonova. Minsk: BelNIIDAD, 2001. 312 s.

14. Pis`mo sekretariata TCK KP(b)B № 42/ss, 1929 g.[ Letter from the Secretariat of the CC KP (b) B] // Gosudarstvenny`i` arhiv obshchestven-ny`kh ob``edinenii` Mogilyovskoi` oblasti (GAOOMog). - Fond 6577. Op. 1. D. 862.

15. Postanovleniia TCK KP(b)B[Resolutions of the CC KP (b) B] // NARB. - Fond 4 p. Op. 1. D. 8.

16. Prakticheskoe razreshenie natcional`nogo voprosa v BSSR.[Practical resolution of the national question in the BSSR.] Ch. 2: Rabota sredi natc. men-shinstv v BSSR. Minsk: Izd. Natckam. TCVK BSSR, 1928. 159 s.

17. Protokol № 50 sekretariata TCK KP(b)B ot 11.02.1930 g.[Protocol No. 50 of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of 11.02.1930.] // NARB. - Fond 4 p. Op. 1. D. 4769.

18. Protokoly` zasedaniia litovskoi` sektcii pri Gomel`skom gubkome RKP(b) i Minskom gubkome KP(b)B [Minutes of the meeting of the Lithuanian section at the Gomel provincial committee of the RCP (b) and the Minsk provincial committee of the KP (b) B]// RGASPI. - Fond 17. Op. 63. D. 30.

19. Romanova I. Politika bol`shevikov v otnoshenii natcional`ny`kh men`shinstv v Belarusi v mezhvoenny`i` period [The policy of the Bolsheviks in relation to national minorities in Belarus in the interwar period]// Etneyc Culture: Traditions and Innovations. Kaunas, 2004. S. 340-347.

20. Soobshcheniia voi`sk OGPU BSSR[Reports of troops OGPU BSSR] // NARB. - Fond 4 p. Op. 1. D. 5575.

21. Terri Martin. Imperiia "polozhitel`noi` deiatel`nosti". Natcii i natcionalizm v SSSR, 1923-1939. M. [The empire of "positive activity." Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939.]: Rossii`skaia politicheskaia e`ntciclopediia (ROSSPE`N), Fond "Prezidentskii` centr B.N. El`tcina", 2011. 666 s.

22. Tcirkuliar NKP BSSR [Circular NKP BSSR]// GAOOMog. - Fond 6577. Op. 1. D. 266.

23. Institut belorusskoi` kul`tury`[Institute of Belarusian culture] / N.P. Kostiuk, P. TC. Petrikov, M. V. Tokarev i dr. Minsk: Nauka i tekhnika, 1993. 255 s.

24. Kostiuk N.P. Bol`shevistskaia sistema vlasti v Belarusi[Bolshevik system of power in Belarus]. Minsk: VP m. greko, 2000. 308 s.

25. Pushkin I. Natcional`ny`e men`shinstva BSSR v obshchestvenno-politicheskoi` i kul`turnoi` zhizni [National minorities of the BSSR in social, political and cultural life](20-e gody` KHKH v.): monografiia. Mogilev: MGU imeni A..A. Kuleshova, 2004. 168 s.

26. Romanova Iiu Zhizn` v usloviiakh sovetskogo pagranichchaiu Belorusskoe pagranichcha po sovetskuiu storonu gosudarstvennoi` granitcy` v 1930-e ggiu .[Life in the Soviet piranha. Belarusian piranha on the Soviet side of the frontier in the 1930s]. Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej – Памежжы Беларусі ў міждысцыплінарнай перспектыве. Warszawa 007iu Siu 73-101iu

27.Glogowska Helena. Bialorus 1914-1929. Kultura pod presja polityki. Bialystok, 1996. 238 s.

Об авторе

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Могилёвского государственного университета продовольствия (Республика Беларусь), докторант Института истории НАН Беларуси, E-mail: ihar.pushkin.st@gmail.com

Pushkin Igor Alexandrovich - PhD in History, Mogilev State University of Food Technologies (Belarus), Associate Professor of the Humanities Department, E-mail: ihar.pushkin.st@gmail.com

УДК 9; 94(47)

Рудковская М.М., Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РУССКО-ТУЛОНСКОЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

В настоящей статье изучается история русско-французского военно-морского союза второй половины XIX - начала XX века, документальное оформление которого получило свое выражение только в 1912 году, на примере взаимодействия российского Морского министерства и Военно-морского штаба с военной базой французского флота в г.Тулон. Рассматриваются такие практические аспекты двустороннего сотрудничества между двумя странами, как реализация судостроительной программы России в Тулоне, визиты эскадр 1891 и 1893 годов, аренда русскими моряками военно-морской базы в Бизерте и участие в военных маневрах французского флота. Делается вывод о том, что имевшие место различные формы русско-французского партнерства имели важное значение для развития и укрепления межгосударственных связей в экономической и военно-технической сфере.

Ключевые слова: военно-морской союз, Тулон, военно-морской флот, военно-морское сотрудничество, Россия, Франция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-125-134

Различные аспекты русско-французских отношений в сфере военно-морского сотрудничества становились предметом исследований как военных историков, так и специалистов в сфере международных отношений. Первые исследования данного сюжета - статьи А.М.Зайончковского [5] и А.Андерса [2] - посвящены военно-политическим основам русско-французского союза в контексте интересов России. В исследованиях П.Ренувена [9,24,25] обосновывается французская трактовка проблемы формирования русско-французского военного альянса. Большой вклад в разработку темы внесли монографии А.З. Манфреда [7], Э.М.Розенталя [10] и В.И.Бовыкина [4]. Актуальные исследования, основанные на обширном круге русских и французских дипломатических источников, обращены к решению широкого круга научных вопросов. Военный историк Ю.М.Коробов исследует проблему сотрудничества Генеральных штабов России и Франции и предлагает собственную периодизацию его основных этапов [6]. В статье О.Е.Алпеева и Д.Ю.Козлова рассматривается история формирования коалиционной стратегии стран Антанты накануне Первой мировой войны, показывается влияние военной конвенции 1892 г. и военно-морской конвенции 1912 г. на развитие русского стратегического планирования [2].

Очень важное место в историографии обозначенной проблематики занимают работы И. С. Рыбачёнок [11,12,13], посвященные подробному анализу военного и военно-морского сотрудничества России и Франции на рубеже XIX-XX вв. в контексте меняющейся системы международных отношений. Исследовательница предлагает подробную классификацию практических форм сотрудничества двух стран, отражающую специфику указанного периода.

Автор настоящей статьи поставила задачу показать как практически развивалось военно-морское сотрудничество России и Франции с конца 1850 до середины 1910 гг. на примере взаимодействия русских государственных и военно-морских структур с крупнейшей базой французского флота в г.Тулон.

Русско-французские отношения в военно-морской сфере начались с катастрофы: верхняя площадка Королевской башни в Тулоне хранит следы первого пребывания в городе русских моряков. Две русские чугунные пушки взяты с обломков военного корабля «Слава России» под командованием капитана Ивана Баскакова, который 11 ноября 1780 года в результате лоцманской ошибки врезался в один из мысов Левантского острова, позже названного «Русским мысом» [29]. Спасенные офицеры и матросы, 457 членов экипажа, впоследствии вернулись в Россию. Подводные раскопки, проведенные по инициативе частных французских инвесторов, на глубине 40 метров в 1957 году, а затем в 1980-1981 годах, позволили найти большое количество различных предметов (пушки и пушечные ядра, бронзовые иконы, складки, посуду, монеты) [19,20,21]; ежегодно на островах Поркероль в

окрестностях Тулона проводятся выставки, посвященные истории этого корабля.

На протяжении XIX столетия во взаимоотношених России и Франции этапы боевых действий сменялись дружественными визитами. Военно-морской альянс между двумя странами формировался постепенно, начавшись с партнерства в экономической сфере, так как Российская империя строила и ремонтировала десятки военных судов на верфях в Ля Сейн-сюр-Мер рядом с Тулоном, затем получил развитие с соответствующими визитами эскадр в 1891 и 1893 годах. В начале XX в. союз укрепилсяся через двустороннее сотрудничество Военно-морских штабов, конечным результатом которого стала военно-морская конвенция 1912 года.

В ходе Крымской войны 1853-1856 гг. Тулон являлся главным портом высадки войск, погрузки оружия и продовольствия для военно-морского флота и армии [24]. В 1856 году после заключения мирного договора российские военнопленные работали в городе над строительством казарм в квартале Мурильон. Двустороннее экономическое сотрудничество между двумя странами началось практически сразу после окончания военных действий. Военно-морские силы Российской империи были практически уничтожены. Черноморский флот уже не существовал, Балтийский флот сильно пострадал, сохранив в своем составе несколько устаревших парусных судов. Великий князь Константин, ставший во главе военно-морского флота, обратил своё внимание на европейские судостроительные программы, прежде всего, британские и французские. Однако для строительства кораблей нового типа требовалась промышленность и ресурсы, которыми Россия не обладала. Великий князь обратился к практике размещения военных заказов за границей.

Компания «Форж и Шантье де ля Медитерранэ» [17,33] созданная специальным указом императора 21 мая 1856 года с самого начала своей деятельности вышла на международный уровень: в 1857 году Россия разместила здесь свои первые заказы. В январе 1857 года Тулон посетили фрегат «Полкан» и бриг «Филоктет», подготовившие официальный визит великого князя. Через три месяца небольшая эскадра кораблей Балтийского флота под командованием Его Императорского Высочества великого князя Константина, младшего брата царя Александра II, бросила якорь на тулонском рейде.

На следующий день, 21 апреля, великий князь посетил тулонский Арсенал, 26 апреля он отправился на судостроительные верфи в Ля Сейн, самые большие в Европе того времени, там трудилось более двух тысяч рабочих. Константин Павлович принимал участие в закладке киля парохода, предназначенного для новой российской судоходной и торговой компании в Средиземном и Чёрном морях. Год спустя он также присутствовал при спуске судна, названного «Кириналь»: «*Ля Сейн-это живописный городок, расположенный на пляже к западу от Тулона, ... Именно здесь компания «Форж и Шантье де ля Медитерранэ» создала один из самых активных строительных центров и, скажем, один из самых известных по величию и красоте кораблей, которые находятся в её доках. Великий князь Константин пожелал посетить этот городок ... Главное событие дня - спуск на воду нового судна «Кириналь», принадлежащего российской императорской курьерской компании. Увы ! как было отмечено единодушным голосом толпы, это было не только освящение «Кириналя», это было всеобщее водолитие. ...Тем не менее, церемония завершилась благополучно, г-н настоятель Макро, капеллан флота, смешал люстральную воду с потоками ливня! Великий князь присутствовал в течение всей религиозной церемонии притом с непокрытой головой! Великолепный, элегантный корабль триумфально вознесся над волнами» (Пер. с фр. - М.Р.)* [25, p. 42].

Тем не менее, политика государственных заказов военных и торговых судов за рубежом не продлилась долго. Император Александр II в 1866 году объявил о прекращении всех зарубежных покупок, посчитав, что все необходимые работы должны проводиться внутри страны под контролем военного ведомства, а также Министерства внутренних дел. Заказы за рубежом, однако, возобновились во время правления царей Александра III и, прежде всего, Николая II. Будучи обеспокоена растущим развитием немецких и японских морских сил, Россия в конце XIX века предпринимала значительные усилия по модернизации своего флота. Российская промышленность, хотя и в

полной мере развивающая свои возможности, была не в состоянии удовлетворить все необходимые требования. Санкт-Петербург вынужден вновь обратиться к иностранным судостроителям. Российско-сейнское партнерство возобновилось в начале 1880-х годов со строительством нескольких военных судов для различных структур флота.

Таблица 1

Список военных судов российского флота, построенных на верфях в Ля-Сейн-сюр-Мер с 1857 году в 1905 гг. [30].

№	Название	Тип	Год (начало строительства)	Флот (прохождение службы)
1.	Кириналь	колесный пароход	1856	Императорская курьерская компания
2.	Эльбрус	пароход	1857	Российская судоходная и торговая компания
3.	Керчь	пароход	1857	Российская судоходная и торговая компания
4.	Великий князь Константин	пароход	1857	Российская судоходная и торговая компания
5.	Колхида	пароход	1857	Российская судоходная и торговая компания
6.	Ярославль	крейсер	1880	Черноморский флот
7.	Ботик Ведетта	крейсер	1886	Черноморский флот
8.	Светлана	крейсер	1895	Балтийсий флот, Тихоокеанский флот
9.	Геленджик	миноносец	1882	Черноморский флот
10.	Осётр	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот
11.	Властный	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот, Балтийский флот, Сибирская флотилия
12.	Грозный	эскадренный миноносец	1898	Тихоокеанский флот, Балтийский флот, Сибирская флотилия
13.	Искусный	эскадренный миноносец	1904	Балтийский флот
14.	Исполнительный	эскадренный миноносец	1904	Балтийский флот
15.	Крепкий	миноносец	1904	Балтийский флот
16.	Лейтенант Бураков	миноносец	1904	Балтийский флот
17.	Меткий	миноносец	1904	Балтийский флот
18.	Молодецкий	миноносец	1904	Балтийский флот
19.	Мощный	миноносец	1904	Балтийский флот
20.	Цесаревич	эскадренный броненосец	1895	Тихоокеанский, Балтийский флот
21.	Баян	броненосный крейсер	1898	Балтийский флот
22.	Адмирал Макаров	броненосный крейсер	1905	Балтийский флот

Кроме того, многие суда военно-морского флота России прибывали в Ля Сейн для выполнения необходимых ремонтных работ, отдыха и стоянки. Российское Императорское консульство функционировало в Тулоне для решения вопросов административного характера. Благодаря документам, хранящимся в Военно-историческом архиве Министерства обороны, мы можем рассмотреть один из примеров такого плодотворного сотрудничества: в октябре 1910 года в порт вошёл российский дивизион, состоящий из крейсеров «Рюрик», «Богатырь» и «Цесаревич». Командир, контр-адмирал Николай Степанович Маньковский, хотел бы запастись водой и провести небольшой технический ремонт. Российкий консул в

Тулоне Марциал Дражон обратился к Морскому префекту: *«11 октября 1911 года ... Российский дивизион находящийся на стоянке на малом рейде, отплывает в четверг утром, я обращаюсь к Вам от имени г-на контр-адмирала Маньковского, попросить Вас о последней услуге: добросердечно предоставить трем крейсерам ... средства снабжения пресной водой для обеспечения их нужд до прибытия в де Виго»* (*Пер с фр. - М.Р.*) [31].

Таблица 2

Военные корабли российского флота в Тулоне, 1908-1916 гг. [31].

№	Название	Тип	Год (пребывание в Тулоне)	Виды работ
1.	Полтава	линкор	1908	заправка углём (250 тонн)
2.	Слава	линкор	1910	ремонт (котлы, гидравлические работы)
3.	Аскольд	линкор	1911	заправка пресной водой (250 тонн)
4.	Слава	линкор	1911	заправка пресной водой (250 тонн)
5.	Адмирал Макаров	линкор	1911	заправка углём, ремонт котлов и подсобных помещений
6.	Дивизион: Рюрик, Богатырь, Цесаревич	крейсеры	1911	стоянка, общий ремонт, заправка пресной водой, ремонт подсобных помещений
7.	Россия	крейсер	1914	стоянка, общий ремонт, ремонт подсобных помещений, доставка и погрузка товаров
8.	Олег	крейсер	1914	стоянка, доставка и погрузка товаров
9.	Аскольд	крейсер	1916	замена артиллерийских орудий, установка миномётов, снабжение боеприпасами, покупка и доставка спасательных плотов
10.	Ярославна	сторожевое судно	1916	Общий ремонт, переоборудование в посыльное судно военного времени, установка вооружения, испытательные стрельбы

После начала Первой мировой войны российские корабли продолжали заходить в порт Тулона. Партнерство приняло характер военного времени: установка артиллерийского и минометного вооружения, ремонт пушек, организация маневров и артиллерийских стрельб .

Экономическое сотрудничество, а также актуальная политическая обстановка в Европе повлияли на процесс заключения двустороннего договора между двумя странами. После окончания Крымской войны императорская Россия, в основном, была заинтересована в сбалансированной ситуации на Западе европейского континента, Франция, стремившаяся поддерживать существующий баланс сил и сохранить свои колонии, казалась перспективным союзником. Франко-прусская война 1870-1871 годов существенно изменила распределение сил в Европе и ускорила процесс официального оформления русско-французского партнёрства[7,8,23,28].

1 августа 1892 года в Санкт-Петербург прибыл заместитель начальника Генерального штаба Франции генерал-майор Рауль де Буаддеффр. Начались переговоры по военной конвенции, проект которой был подписан 17 августа 1892 года и представлен императору России и президенту Франции [24]. Конвенция была ратифицирована Александром III 27 декабря 1893 года; правительство Франции ратифицировало её через несколько дней, 4 января 1894 года, предварительно предприняв попытку договориться о дополнительном военно-морском соглашении, но безуспешно. Подобный документ был оформлен только в 1910-х годах XX века, в процессе реформирования Россией флота, основательно пострадавшего в годы русско-японской войны 1904-1905 годов [18].

Переговоры, проведенные Обручевым, позволили организовать взаимные визиты французской и российской эскадр. Летом 1891 года эскадра французского военно-морского флота под командованием контр-адмирала Альфреда Жервэ посетила с официальным визитом Кронштадт. Через два года, русская эскадра отправилась во Францию с ответным визитом. В качестве главного военного порта, город Тулон играл важную роль в

международных отношениях, и именно он с 13 по 23 октября 1893 года приветствовал российскую эскадру под флагом адмирала Федора Карловича Авеллана. Появление на тулонском рейде броненосных крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Память Азова», крейсера «Рында» и канонерской лодки «Терец» ознаменовало исторический момент появления у Франции союзника в Средиземномном море. Пребывание русских моряков «оставляет незабываемые воспоминания в коллективной памяти тулонцев» [15]. Популярность России и царя оставалась значительной. После смерти Александра III в 1894 году Тулон и Париж скорбили вместе. В 1895 году город с радостью приветствовал дар адмирала Авеллана и офицеров русской эскадры: статую русского моряка в знак признания и увековечивания памяти о тёплом приёме. 22 октября 1895 года набережная тулонского порта стала называться Кронштадской [26, p. 22].

В первые годы XX столетия, русско-французские связи в военно-морской сфере выходят на новый уровень. Ещё накануне русско-японской войны 1904-1905 годов, имело место использование русскими моряками французских портов, как мест для проведения маневров и небольших учений. В ноябре-декабре 1903 года колониальный порт Бизерта принимает специальную эскадру русских военных кораблей под командованием Андрея Андреевича Вирениуса, который затем отправился в Тихий океан. Один из крейсеров эскадры, «Дон», первый из российских кораблей вошёл во внутреннее бизертинское озеро для того, чтобы осуществить серию торпедных выстрелов [14, с. 56]. Долгосрочная парковка в Бизерте оказалась фатальной: отряд не успел добраться до Дальнего Востока, чтобы напасть на Японию и укрепить силы Тихоокеанской эскадры. 20 декабря 1906 года в Бизерту прибыл Отдельный гардемаринский отряд под командованием контр-адмирала Ивана Федоровича Бострема. Корабли находились на озере в течение 40 дней. Отряд выполнял рейдовые упражнения, организовал гребные и парусные гонки, провёл серию торпедных выстрелов, а также упражнения против ночной атаки торпеды на внешнем рейде. 1 февраля 1907 года эскадра направилась в Тулон для ремонта, а затем вернулась в Балтийское море. В период с 10 по 30 ноября 1907 года, гардемаринский отряд вновь посетил Бизерту: проводились учения по артиллерийской стрельбе.

Вспоминая о великолепном и громком приёме, сделанном жителями Тулона для своих русских гостей в 1893 году, российское правительство стремилось укрепить свой союз с Францией. Весной 1902 года вице-адмирал Алексей Алексеевич Бирилёв сформулировал идею заключения русско-французской военно-морской конвенции. Изучив ситуацию в Средиземном море в период своего командования специальным отрядом кораблей, 13 апреля 1902 года, Бирилёв подал записку на имя императора, По мнению вице-адмирала, России необходим более тесный союз с Францией, так как не имея собственных баз в Средиземном море, она могла бы получить их в Тулоне и Бизерте. При этом Россия имела бы возможность контролировать транспортные коммуникации всех своих потенциальных противников в Средиземном море. Однако рассуждения Бирилева не были приняты во внимание в связи с отсутствием какого-либо интереса со стороны Франции по данному вопросу. Идея военно-морского соглашения была отложена.

Тем не менее, Адмиралтейство не желало останавливаться только на Бизерте, которая считалась удобным местом для обучения молодых моряков в зимний период. Идея русско-французской военно-морской конвенции была переосмыслена. Реализация большой судостроительной программы в рамках общей реформы военно-морских сил, побудила Морское министерство империи начать переговоры с Францией. В июле 1912 года в Париже состоялись переговоры между главами военно-морских штабов двух стран. Конвенция была подписана 6 июля 1912 года [18, p. 12]. Стороны рассмотрели несколько вариантов стратегических совместных действий в случае начала войны. Ситуация во внешней политике была неясна, некоторые события зависели от того, вступят или не вступят в возможную войну Италия и Турция против Австрии-Венгрии. Предполагалось, что порт Бизерта является лучшим местом для базирования французского флота, Россия подтвердила свою готовность использовать его в качестве тренировочной базы. Кроме того, российская сторона дала обещание

своим союзникам направить на помощь в Средиземное море бригаду мощных линкоров типа «Измаил», ввод которых в эксплуатацию был запланирован на 1915 год.

Французское общественное мнение пристально следило за развитием событий и ответило серией публикаций, превозносящих русско-французское соглашение : *«Париж, 2 августа – как мы телеграфировали вам вчера вечером, информация ... относительно русско-французского военно-морского соглашения была неофициально подтверждена. В последние годы стала очевидной важность того, чтобы две страны пришли к согласию в сфере военно-морского сотрудничества. Подобное значительное усиление русско-французского альянса - это лучший ответ, который можно было бы сделать на комментарии со стороны Германии по поводу ненужности российского Балтийского порта. Учитывая напряженность наших отношений с Англией, очевидно, что правительство Лондона было проинформировано о переговорах и проектах двух штабов»* (*Пер. с фр. - М.Р.*) [22].

В рамках развиия военно-морского альянса глава Генерального штаба Военно-Морского флота адмирал Александр Иванович Русин вместе со своими помощниками находился в Тулоне с 24 по 27 июня 1914 года с целью обсудить некоторые вопросы сотрудничества флотов в случае войны с Тройственным союзом. В переписке Морского префекта Тулона уточняется состав российской делегации [32]: адмирал Русин, капитан 1 ранга Пилкин, капитан 2 ранга Дмитриев, капитан 2 ранга Смирнов, капитан 2 рага Мищенко, капитан 2 ранга Егорьев, старший лейтенант Апрелев.

Русских офицеров пригласили принять участие в маневрах французского военно-морского флота, им продемонстрировали множество различных секретных приборов. Один из членов делегации, старший лейтенант Борис Апрелев, вспоминал об этом визите « *... я упомяну только, что вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны не имелось; нас взаимно интересовали, главным образом, тактически-организационные принципы наших флотов и их технические особенности. Мы имели богатый опыт русско-японской войны, у французов была прекрасная техника. ... Адмирал А.И.Русин ... предложил адмиралу Пивэ обсудить вопрос о том, не будет ли для Франции желательным, чтобы наша бригада строящихся линейных крейсеров типа «Бородино» ... была бы по готовности переведена в Средиземное море»* [3, с.39-40]. Это предложение вызвало живую поддержку и интерес среди членов французского штаба. Практические результаты подобного сотрудничества были очевидны: Франция выиграла бы, используя в ходе своих учений лучшие из русских военных судов, а Россия имела бы возможность постоянно присутствовать в средиземноморском регионе и парализовать деятельность немецкого флота. Вице-адмирал Пивэ, глава французского штаба, взял на себя обязательство построить в Тулоне специализированную базу для размещения русского морского дивизиона, который должен был стать частью 1-й Военно-морской бригады. После переговоров в Тулоне, вице-адмирал Русин встретился в Париже с президентом Франции Ф. Пуанкаре, проявившем глубокий интерес к срокам строительства и некоторым элементам вооружения и оснащения новых российских судов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что военно-морское сотрудничество России с базой французского флота в г. Тулон в указанный период претерпело различные периоды не только активного взаимодействия, но и спада в зависимости от меняющейся внешнеполитической и экономической ситуации. Особенно эффективным оно было в сфере военного кораблестроения и использования Россией французских военно-морских баз в Средиземном море для обучения гардемарин, стоянки и ремонт русских кораблей. В начале XX века с подписанием военно-морской конвенции 1912 г. альянс получил документальное оформление и новые перспективы сотрудничества, о чем свидетельствует визит российской делегации офицеров Генерального штаба Военно-Морского флота в Тулон в июне 1914 г. Однако, наметившаяся программа полноценного сотрудничества на уровне военно-морских штабов двух стран не была реализована в связи с началом Первой мировой войны.

Список литературы

1. Алпеев О. Е., Козлов Д. Ю. Зарождение коалиционной стратегии в военном планировании стран Антанты перед Первой мировой войной// Великая война: сто лет / под ред. Мягкова М. Ю., Пахалюка К. А., М. Спб.: Нестор-Иллюзия, 2014. С. 23-38.

2. Андерс А. Взаимоотношения России и Франции: довоенный период // Кто должник?: сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией и Францией и другими странами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции, М., 1926. С. 65-77.

3. Апрелев Б. О «Гебене» в Великую войну 1914-1918 гг.//Зарубежный морской сборник, 1930, №°9. С.39-40.

4. Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912-1914 гг., М., 1961. 208 с.

5. Зайончковский А. М. Франко-русские отношения до войны 1914 года // Кто должник?: сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией и Францией и другими странами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции, М., 1926. С. 11-50.

6. Коробов Ю. М. Опыт сотрудничества Генеральных штабов России и Франции в 1906-1914 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (Институт военной истории), М., 1997. 28 с.

7. Манфред А. З. Образование русско-французского союза, М.: Наука, 1975. 324 с.

8. Павленко А. П. Разработка и реализация новых оснований морской политики России в начале XX века//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, Владивосток, 2010, №4. С.60.

9. Ренувен П. Новое в ориентации франко-русского союза// Французский ежегодник, 1966, М., 1967. С. 312-319.

10. Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века, М., 1960. 272 с.

11. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века, М.: АН СССР Институт истории СССР, 1993. 351 с.

12. Рыбаченок И. С. Русско-французский союз: сто лет изучения//Россия и Франция. XVIII-XX века, Вып. 1, М., 1995, С. 128-151.

13. Рыбаченок И. С. Военное и военно-морское сотрудничество России и Франции на рубеже XIX-XX вв. // Россия и Франция. XVIII-XX века. Институт всеобщей истории РАН / отв.ред. Черкасов П. П., вып.8, М.: Наука, 2008. С.205-236.

14. Русская эскадра. Прощание с Императорским флотом, М.: Арт Волхонка, 2015. С. 59.

15. Archives municipales de Toulon. Délibération du Conseil municipal du 23 octobre 1893.

16. Archives municipales de Toulon. Délibération du conseil municipal du 25 septembre 1901.

17. Badoin L. Histoire de la Seyne, annexe III Histoire maritime, Société des Amis de la Seyne ancienne et moderne, 1965. 582 p.

18. Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe : Origines de l'alliance, 1890-1893 ; Convention militaire, 1892-1899 et Convention navale ; 1912, Paris, Imprimerie nationale, 1918. 462 p.

19. Dumas A. Trente siècle sous la mer, Paris, 1972. 318 p.

20. Guerout M. Les icônes de la « Slava Rossii », contexte historique et archéologique, // Parc National de Port-Cros, n°15, 1993. pp. 28-54.

21. Joncherey A. et J.-P. 100 épaves en Côte d'Azur de la Ciotat à Saint-Tropez, Gap, Challes des Eaux, 2007. 202 p.

22. Journal de Roubaix, samedi 3 août, 1912.

23. Korobov Yu. Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise, Revue historique des armées [En ligne], 245 | 2006, mis en ligne le 25 novembre 2008, consulté le 30 septembre 2016. URL : http://rha.revues.org/5612

24. Maushart E. 1891-1893, L'alliance franco-russe. L'escadre russe à Toulon, Bandol, Ollioules, Hyères, Saint-Tropez, Toulon, Editions Mnemosis, 2016. 158 p.

25. Mongin L. Toulon, sa rade, son port, son arsenal, Marseille, Laffitte Reprints, 1904. P.42.

26. Néptunia. Cadeaux des Tsars. La diplomatie navale dans l'alliance franco-russe 1891-1914, Musée National de la Marine, Les Amis du Musée national de la Marine, Numéro Hors-série «Patrimoine, histoire et culture maritimes», Paris, 2010. 82 p.

27. Renouvin P. Les engagements de l'aliance franco-russe: Leur évolution de 1891 à 1914// Revue d'histoire de la Guerre mondiale, 1934, n°4, Oct. P.297-310.

28. Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du XIXe siècle et au début du XXe siècle [Bilan des recherches], Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 1, n°1. Mai 1959, pp.128-147.

29. Service Historique de la Défense de Toulon. Série 1A, Sous-série 1, carton 125, Correspondance Préfet Maritime, 1780.

30. Service Historique de la Défense de Toulon. série 2A, sous-série 6, carton 273-274. Correspondance du Préfet Maritime, 1908-1916.

31. Service Historique de la Défense de Toulon. Série 2D, sous-série 10, carton 21, Correspondance. Major Général, 1910.

32. Service Historique de la Défense de Toulon. Série 2A, sous-série 1, carton 1825, Correspondance. Ministre de la Marine. État-major général, 1914.

33. Vasseur L.-M. Les principaux chantiers de construction navale sur les côtes de la Méditerranée française [La Seyne-Sur-Mer — La Ciotat — Port De Bouc], Méditerranée, 2e année, n°3, 1961, doi: 10.3406/medit.1961.1008, http://www.persee.fr/doc/medit_0025-8296_1961_num_2_3_1008.

RUSSIAN-TOULON NAVAL COOPERATION IN THE SECOND HALF OF XIXth – BEGINNING OF XXth CENTURY

The article studies the history of the Russian-French naval Union of the second half of XIXth - beginning of XXth century on the example of interaction of the Russian Maritime Ministry and the Naval staff with the military base of the French fleet in Toulon. Howerer the documentary registration of this partnership was expressed only in 1912. Such practical aspects of bilateral cooperation between the two countries as the implementation of the shipbuilding program of Russia in Toulon, visits of the squadrons of 1891 and 1893, the lease of the Russian sailors of the naval base in Bizerte and participation in the military maneuvers of the French fleet are considered. It is concluded that the various forms of Russian-French partnership were important for the development and strengthening of inter-state relations in the economic and military-technical sphere.

Keywords: naval alliance, Toulon, naval fleet, naval cooperation, Russia, France.

References

1. Alpeev, O.E., Kozlov, D.Yu. (2014). Zarozhdenie koalitsionnoy strategii v voennom planirovanii stran Antanty pered Pervoy mirovoy voynoy [The origin of coalition strategy in the military planning of the Entente's countries before the First World War]// Velikaya voyna: sto let [the Great war: one hundred years]/pod red. Miagkov, M.Yu., Pakhaliuk, K.A.. Moskva, Sankt-Peterburg.: Nestor-Illiuziya. 23-38.

2. Anders, A. (1926). Vzaimootnoshenia Rossii I Frantsii: dovoenny period [Relations between Russia and France: pre-war period]// Kto dolzhnik?: sbornik dokumentirovannyh statey po voprosu ob otnosheniyah mezhdu Rossiey i Frantsiey I drugimi stranami Antanty do voyny 1914 goda, vo vremia voyny i v period interventsii [Who is the debtor?: collection of documented articles on the relations between Russia, France and other Entente's countries before the war of 1914, during the war and the intervention], Moskva, 65-77.

3. Aprelev, B. (1930). O «Guebene» v Velikuyu voynu 1914-1918 godov [About "Gueben" in the Great war of 1914-1918]. *Zarubezhny morskoy sbornik [Foreign marine collection]*,9,39-40.

4. Bovykin, V.I. (1961). Iz istorii vozniknovenia Pervoy mirovoy voyny. Otnoshenia Rossii i Frantsii v 1912-1914 godah [From the history of the First World war. Relations between Russia and France in 1912-1914 years]. Moskva. 208 s.

5. Zayonchkovsky, A.M. (1926). Franco-russkie otnoshenia do voyny 1914 goda [Franco-Russian relations before the war of 1914 year]// Kto dolzhnik?: sbornik dokumentirovannyh statey po voprosu ob otnosheniyah mezhdu Rossiey i Frantsiey I drugimi stranami Antanty do voyny 1914 goda, vo vremia voyny i v period interventsii [Who is the debtor?: collection of documented articles on the relations between Russia, France and other Entente's countries before the war of 1914, during

the war and the intervention], Moskva,11-50.

6. Korobov, Yu.M. (1997). Opyt sotrudnichestva Generalhykh shtabov Rossii i Frantsii v 1906-1914 godah. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskih nauk (Institut voennoy istorii). Moskva. 28 s.

7. Manfred, A.Z. (1975). Obrazovanie russko-frantsuzskogo soiuza [Formation of the Russian-French alliance], Moskva: Наука. 324 s.

8. Pavlenko, A.P. (2010). Razrabotka i realizatsia novykh osnovaniy morskoy politiki Rossii v nachale XX veka [Development and implementation of new foundations of Russian Maritime policy in the early XXth century]. *Gumanitarnye issledovania v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East]*, Vladivostok, 4,60.

9. Renuven, P. (1967). Novoe v orientatsii franko-russkogo soiuza [New in the orientation of the Franco-Russian alliance]. *Frantsuzsky ezhegodnik,1966 [French yearbook,1966]*, Moskva, 312-319.

10. Rozental, E.M. (1960). Diplomaticheskaya istoria russko-frantsuzskogo soiuza v nachale XX veka [Diplomatic history of the Russo-French alliance in the beginning of XXth century]. Moskva. 272 c.

11.Rybachenok, I.S. (1993). Soiuz s Frantsiey vo vneshney politike Rossii v kontse XIX veka [The Alliance with France in foreign policy of Russia in the late of XIXth century]. Moskva, Akademia Nauk SSSR, Institut istorii SSSR, 351 s.

12.Rybachenok, I.S. (1995). Russko-frantsuzsky soiuz: sto let izuchenia [Rossia i Frantsia. XVIII-XX veka]. 1,128-151.

13.Rybachenok, I.S. (2008). Voennoe i voenno-morskoe sotrudnichestvo Rossii i Frantsii na rubezhe XIX-XX vekov [Rossia i Frantsia. XVIII-XX veka. Institut vesobsjey istorii RAN/otv.red. Tcherkasov P.P.]. Moskva:Nauka, 8,205-236.

14.Russkaya eskadra. Proschanie s imperatorskim flotom. (2015) [Russian squadron. Farewell to the imperial fleet]. Moskva:Art Volkhonka, 59.

15.Archives municipales de Toulon. Délibération du Conseil municipal du 23 octobre 1893.

16.Archives municipales de Toulon. Délibération du conseil municipal du 25 septembre 1901.

17.Badoin, L. (1965). Histoire de la Seyne, annexe III Histoire maritime, Société des Amis de la Seyne ancienne et moderne. 582 p.

18.Documents diplomatiques. L'alliance franco-russe : Origines de l'alliance, 1890-1893; Convention militaire, 1892-1899 et Convention navale; 1912. (1918). Paris, Imprimerie nationale, 462 p.

19.Dumas, A. Trente siècle sous la mer. (1972). Paris, 318 p.

20.Guerout, M. (1993). Les icônes de la « Slava Rossii », contexte historique et archéologique. *[Parc National de Port-Cros]*,15,28-54.

21.Joncherey, A. et J.-P. (2007). 100 épaves en Côte d'Azur de la Ciotat à Saint-Tropez,Gap. Challes des Eaux. 202 p.

22. Journal de Roubaix. (1912). samedi 3 août.

23.Korobov, Yu. (2006). Les relations militaires franco-russes de 1870 au lendemain de la guerre russo-japonaise, *[Revue historique des armées]*, [En ligne], 245 |, mis en ligne le 25 novembre 2008, consulté le 30 septembre 2016. URL : http://rha.revues.org/5612

24.Maushart, E. (2016). 1891-1893, L'alliance franco-russe. L'escadre russe à Toulon, Bandol, Ollioules, Hyères, Saint-Tropez. Toulon, Editions Mnemosis. 158 p.

25.Mongin, L. (1904). Toulon, sa rade, son port, son arsenal. Marseille, Laffitte Reprints. 42.

26.Néptunia. Cadeaux des Tsars. La diplomatie navale dans l'alliance franco-russe 1891-1914. (2010). Musée National de la Marine, Les Amis du Musée national de la Marine, Numéro Hors-série «Patrimoine, histoire et culture maritimes». Paris. 82 p.

27.Renouvin, P. (1934). Les engagements de l'aliance franco-russe: Leur évolution de 1891 à 1914. *[Revue d'histoire de la Guerre mondiale]*,4,Oct.,297-310.

28.Renouvin, P. (1959). Les relations franco-russes à la fin du XIXe siècle et au début du XXe siècle [Bilan des recherches]. *[Cahiers du monde russe et soviétique]*,1,1, Mai,128-147.

29.Service Historique de la Défense de Toulon. (1780). Série 1A, Sous-série 1, carton 125, Correspondance Préfet Maritime.

30.Service Historique de la Défense de Toulon. (1908-1916). Série 2A, Sous-série 6, carton 273-274, Correspondance du Préfet Maritime.

31.Service Historique de la Défense de Toulon. (1910). Série 2D, sous-série 10, carton 21, Correspondance. Major Général.

32.Service Historique de la Défense de Toulon. (1914). Série 2A, sous-série 1, carton 1825, Correspondance. Ministre de la Marine. État-major général.

33.Vasseur, L.M. (1961). Les principaux chantiers de construction navale sur les côtes de la Méditerranée française [La Seyne-Sur-Mer — La Ciotat — Port De Bouc], Méditerranée, 2e année, n°3, 1961, doi: 10.3406/medit.1961.1008, http://www.persee.fr/doc/medit_0025-8296_1961_num_2_3_1008.

Об авторе

Рудковская Маргарита Михайловна – соискатель кафедры отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

Rudkovskaya Margarita Mikhailovna – postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: margarita.thimrud@gmail.com

УДК 902/904

Рябчевский Н.Г., старший лаборант научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).
Шинаков Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).
Лобанов Г.В., кандидат географических наук, Заведующий кафедрой географии, экологии и землеустройства, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ТОПОГРАФИЯ И ХОЗЯЙСТВО ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ДЕСНИНСКОГО ВАРИАНТА КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ. (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)[1]

В статье поднимаются проблемы истории взаимоотношения общества и природы в эпоху зарождения в Брянском Подесенье производящего хозяйства. По материалам археологии видно, что выбор мест для поселений киевской археологической культуры конца II–конца Vвеков н.э. зависели от условия хозяйства. Поселения располагаются на низких террасах р. Десна и ее притоках и всхолмлениях в поймах рек. Это обусловлено наличием пойменного земледелия, при котором использовались целиком деревянные полозные рала. Несколько их экземпляров были обнаружены в торфяниках на юге Брянской и севере Черниговской областей. Радиокарбонный анализ позволяет датировать по крайней мере некоторые из них III – IVвеками н.э., т.е. именно периодом киевской культуры. Пойменное земледелие дополнялось подсечно-огневым на более возвышенных участках, а также скотоводством, в первую очередь разведением крупного рогатого скота, для чего поймы были наиболее благоприятны.
Ключевые слова: киевская культура, колочинская культура, Среднее Подесенье, топография, хозяйство, земледелие, предметы с выемчатыми эмалями, материальная культура.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-135-149

Материальное производство, важнейшей составной частью которого в «археологическую эпоху» является сельское хозяйство, является базовой, является базовой частью триады, производными элементами которой является социальное производство и «духовное производство» [Щапова, 2011, с. 197]. Изучая материальную культуру, наиболее полно представленную археологическими источниками, можно реконструировать культуру социальную и духовную (естественно, при условии применения междисциплинарного подхода). В этом аспекте термин «история материальной культуры» в раннесоветские времена был синонимом всего понятия «археология», да и сейчас отражен в названии ИИМК РАН.

В этой связи цель данной статьи – впервые попытаться реконструировать основу сельского хозяйства, частично и всего материального производства поселений северо-восточной части Деснинского варианта киевской культуры – представляется весьма актуальной. Поскольку киевская культура в настоящее время большинством исследователей контаминируется с прабалто-славянами («венедами» Тацита и других римских и византийских авторов – предками «склавинов» и «антов»: «От истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами» [Иордан, 2003, С. 67], данная тема также связана с проблемой заселения Подесенья славянами. О хозяйстве киевской культуры имеется ряд работ: С.А. Горбаненко, Г.О. Пашкевич [2010]; Терпиловський Р.В., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А.[2005], но они основаны на материалах либо не Деснинского варианта, либо [Терпиловский, 1984] – только его южной, чернигово-сумской части, либо посвящена стадиально более поздней, хотя и генетически родственной колочинской культуре.

В брянской части Деснинского варианта на данный момент изучения известно более 30 поселений киевской культуры или многослойных памятников с «киевскими» горизонтами, однако, многие из них требуют уточнения

[1] Статья выполнена на средства гранта РФФИ №18-45-320001

(раскопки проводились только на 17-ти из них), плюс 39 обычно контаминируемых с ней кладов и местонахождений «вещей с выемчатыми эмалями» [Шинаков, 2008, с. 109 – 115; 2016, с. 165-172; Шинаков, Чубур, Пискунов, 2013, с. 70 – 75; Ахмедов и др., 2012; 2015а; 2015б; Хуткин, Пискунов, 2016; Шинаков, Чубур, 2016, с. 215 – 226;Обломский и др. Брянский клад.. (в печати)]. Полномасштабными раскопками изучено всего 9поселений [Обломский, 2014; 2015; Воронятов, 2012; 2015; 2016; 2017; Шинаков,2006; 2011]. Лишь на 6 поселениях предметы круга выемчатых эмалей были найдены при раскопках.

С точки зрения макроландшафтной «привязки» северо-восточный «ярус» Деснинского варианта киевской культуры проходит по границе Большого ландшафтного рубежа Русской равнины – между подзоной лесостепи и зоной леса. Он включает северо-западные отроги лесостепи в районе Севска и ополье-полесский пояс лесной зоны от Трубчевска до Брянска.

Восточная, относительно возвышенная часть территории (современные Севский, Комаричский районы Брянской области), находится на западном макросклоне Среднерусской возвышенности, северной периферии лесостепи. Преобладают участки эрозионных ландшафтов (Севский, Доброводский) плосковолнистые междуречья, покрыты несильно преобразованными сельскохозяйственной обработкой серыми, светло-серыми, местами тёмно-серыми лесными почвами. Возвышенные участки разделены понижениями, которые современные речные долины унаследовали от эпохи высокой водности. Здесь выделяются специфические ландшафты: Стенега-Севский долинный – преимущественно безлесные слабоволнистые, дренированные поверхности высоких надпойменных террас с дерново-слабоподзолистыми и среднеподзолистыми почвами и Хинельский, с выраженными полесскими чертами – участок слабодренированной пологоволнистой, покрытой лесами равнины на месте древней долины стока.

Склон Среднерусской возвышенности переходит в Днепровско-Деснинскую низменность, основные черты природы которой, создаются ландшафтами полесского и предполесского типа на аллювиально-зандровых и зандровых равнинах. Здесь, в северо-восточной части низменности ландшафтная структура территории задаётся долиной Десны и её крупных левобережных притоков – Неруссы, Навли. Высокие надпойменные террасы, примыкающие к Среднерусской возвышенности, заняты ландшафтами полесского (Холмечкий, Кокоревский), и предполесского (Суземский) типа. Полесские ландшафты занимают слабодренированные, предполесские – хорошо дренированные междуречья левых притоков Десны. Значительная часть территории покрыта сосновыми борами и сосново-еловыми лесами с примесью мелколиственных и широколиственных пород, распахиваются отдельные, наиболее возвышенные участки. В широких долинах Десны и притоков хорошо выражены ландшафты надпойменных террас и пойм. Большая ширина долины обусловлена пересечением рекой тектонического понижения. Надпойменные террасы покрыты сосновыми борами и сосново-еловыми лесами с примесью мелколиственных и широколиственных пород. Поймы, преимущественно луговые, частично покрыты кустарником, со многими озёрами-старицами и болотами – местамигнездования птиц. В настоящее время покрытые лесами террасы и междуречья – один из наименее преобразованных хозяйственной деятельностью фрагментов Брянского лесного массива, отличающихся высоким биологическим разнообразием высокими потенциальными охотничьими ресурсами в прошлом.

Центральную часть территории средневекового княжества занимает Трубчевское ополье в границах одноимённой локальной возвышенности и Вара-Судостьское ополье (часть Новгород-Северской пологоувалистой возвышенной равнины), разделённые широким понижением рельефа с ландшафтами полесского и долинного типа. В рельефе Трубчевского ополья чередуются плоско волнистые дренированные и всхолмленные узкие сильно расчлененные междуречья, а также еще более расчлененные краевые поверхности плато, примыкающие к долине р. Десны. Преобладают агроландшафты (пахотные земли) на сильно эродированных светло-серых и серых лесных почвах. Сильная смытость почв оценивается как показатель давнего, интенсивного сельскохозяйственного освоения территории. Вара-

Судостьское ополье отличается меньшей расчленённостью рельефа и поражённостью почв эрозией. Ландшафты полесского и предполесского типа занимают междуречье Десны и нижнего течения Судости. Северная часть междуречья, Рамасухское полесье участок слабоволнистой равнины, сложенной мощной толщей песков и супесей, с дерново-подзолистыми почвами. Территория покрыта еловососновыми и сосновыми лесами, с примесью мелколиственных и широколиственных пород. Южная часть междуречья лучше дренирована и почти целиком распахана. Юго-восточная часть междуречья – Магорское (Могорское) предополье – слабоволнистая, полого-наклонная равнина, сложенная среднемощными и маломощными, покровными суглинками и супесями сдерново-среднеподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами. Юго-западная часть междуречья – Романовское предполесье – наклонная равнина, сложенная песками и суглинками с дерново-подзолистыми почвами, с редкими участками леса. В долине р. Судость (Нижнесудостьский ландшафт) преобладают безлесные слабоволнистые поверхности надпойменных террас, сложенных мощными и среднемощными покровными суглинками, и супесями, которые подстилаются песками. Преобладают дерново-слабо- и среднеподзолистые легкосуглинистые почвы.

Западную часть территории занимает фрагмент Стародубского ополья, расположенного на одноимённой возвышенности и северная часть Холмско-Убедьской моренно-водноледниковой равнины с чередованием предполесских (в понижениях) и предопольских (на возвышениях) ландшафтов. Стародубское ополье представлено плоско-волнистыми дренированными равнинами, местами, сильно расчленёнными эрозией, покрытыми светлосерыми и серыми лесными почвами. Территория практически безлесна. Широкое распространение эрозионного рельефа и смытых почв также,как и для Трубчевского ополья, указывает на давнюю историю хозяйственного использования.Впрочем, поскольку Стародубское ополье лишь эпизодически входило в состав Новгород-Северского княжества, а в плане взаимодействия физико-географических и археолого-хозяйственно-демографических характеристик неоднократно исследовалось ранее, оно не является предметом более подробного исследования.

Тарасовское предополье (наиболее приподнятая, северная часть Холмско-Убедьской равнины) занимает междуречье Судости и Снова. В рельефе преобладают слабоволнистые дренированные равнины, сложенные моренными суглинками, покрытые светло-серыми лесными и дерново-слабоподзолистыми легкосуглинистыми почвами, занятыми под пашню. К северу от Тарасовского предополья, в междуречье Судости и Вабли расположено Гриневское предполесье – наклонная, хорошо дренированная равнина с песчаными и легкосуглинистыми дерново-подзолистыми почвами.[Шинаков, Лобанов, 2016, с. 174-175].

Севернее основного массива поселений киевской культуры, простирающегося от Гриневского предполесья на западе до отрогов лесостепи в бассейнах верховьев Неруссы и Сева, лишь единичные памятники или их «гнезда» обнаружены в Присудостьском (Дмитрово) и Брянском опольях (Хотылево) и Брянско-Жиздринских долинно-зандровых лесах (Касилово на р. Ветьма).

Впрочем, в каком бы физико-географическом микрорегионе не находились эти поселения, топографически они привязаны к долинам или даже пойменным ландшафтам внутри них. Располагаются поселения на останцах в поймах, низких краях первых надпойменных террас, на пойменных гривах между современным руслом и старицей. Единственное достоверное исключение – поселение над стоянкой Хотылево-2 (селище-7), находящееся на уступе тыловой части второй надпойменной террасы надпойменной террасе правого берега р. Десны, переходящем в коренной берег на относительных высотах 18 – 22 м над межевым уровнем реки [Чубур А.А., Гаврилов К.Н., Чеплянская Е.А., 2002, с. 74]. Однако, в сборнике «Раннеславянский мир» выпуск 18 «Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.)», А.М. Обломский объединяет несколько селищ в одно – это селище-7, селище-13 и селище-11. Хотя на карте расположения памятников с. Хотылево [Шинаков, 2004, Карта 1] эти селища разделены, но возможно это единое селище.

Очевидно, что такое расположение поселений связано с особенностями материального, прежде всего – сельскохозяйственного, производства. Если сравнить топографию «киевских» поселений с предшествующими («почепскими» I – IIвв. н.э.) и последующими («колочинскими» конца V – VII вв. н.э.), то выявляется следующая картина. Сходство с «почепскими» поселениями выражается в пойменном или на низких береговых террасах расположении тех и других, но «почепские» в целом отличаются большими размерами. Размеры колочинских селищ практически не отличаются от «киевских» (тем более, что многие из них вообще территориально совпадают), тем более, если взять тот факт, что по сути, колочинская культура образовалась при участии киевской, зато некоторые из них находятся на высоких берегах рек, занимая кроме вторых и третьих надпойменных террас даже плато; встречаются и мысовые, и останцовые колочинские городища-убежища.

Вероятнее всего, долинное и даже пойменное расположение «киевских» поселений конца II–конца Vвв. н.э. объясняется особенностями их хозяйстваи земледелия в первую очередь.

Земледельцы того времени «предпочитали песчаные ландшафты полесского типа», которые складывались в долинах рек, и в этой связи особенно важно, что обработка огнем полесского ландшафта оказывалось более эффективной, чем даже черноземного [Давыдчук, Фролов, 1976, с. 14]. Черноземоподобные же по консистенции и степени плодородия темно-серые суглинки ополий под воздействием огня часто спекаются, образуя корку, снижавшую возможности землеобработки, в итоге урожай на черноземах и темносерых почвах при подсечном земледелии был ниже, чем на подзолистых. Подсечное поле в долине Десны достоверно зафиксировано методами споро-пыльцевого анализа для непосредственно предшествовавшего киевской культуре позднепочепского периода [Величко, Падин, Федорова, 1960, с. 245]. Интересно при этом наличие на прилегающих к Арельскому поселению участках поймы пыльцы ржи, которая только в лесной зоне стала культувироваться как пищевое растение, а на юге, в т.ч. на своей родине в Передней Азии является сорняком на полях культурных растений. Возможно, потомки «зарубинцев», переселившись в Среднее Подесенье из более южных районов и основавшие почепскую культуру вIв. н.э., стали культивировать рожь только здесь, одновременно вынужденные «вернуться» от переложного пашенного к подсечно-огневому земледелию [Шмидт, Шинаков, 1991, с. 20].

Кроме ржи, население Брянского Подесенья в середине Iтысячелетия н.э. знало просо и пшеницу, о чем говорят отпечатки из зерен на сосудах киевской культуры на селище-7 на многослойном памятнике Хотылево-2 [Арещенко, Рябчевский, 2013, с. 9] и колочинской культуры с Поселения Посудичи и обгорелые зерна злаков в Кветуни [Горюнов, 1981, с. 34]. Только к роменскому времени относятся и первые известные в Брянском Подесенье металлические наконечники орудий для обработки почвы, однако также орудия все же были и в период киевской и, вероятно, колочинской культур. Это – целиком деревянные кривогядельные рала. В Среднем Подесенье и Посеймье этот тип обработки почвы найден в значительном количестве в торфяниках. Одно рало найдено в Сергеевском торфянике Стародубского района Брянской области [Шрамко, 1964], в Заульском торфянике под Севском (минимум 4 экземпляра), в с. Жабчичи (Жабичи) (Полесье) Черниговской области и торфяника в с. Токари под Сумами [Шинаков, Зайцев 1990, с. 33-34].

До недавнего времени единственным «прямым» обоснованием датировок[1] этого типа рал была аналогия из Даберготца (западная Польша, земли балтийских славян [Грингмут-Дальмер, 1975, с. 85, 86]), радиокарбонный анализ которой дал дату 733 ± 80 лет н.э. [Benitzen, 1968, с. 50-55]. Но если даже принять эту дату для аналогичных пахотных орудий с другого, юго-восточного края славянского мира, то она будет означать, скорее, их верхний предел бытования, ибо на нескольких, практически одновременных, волынцево-роменских

[1] На основании же расположения торфяника с находкой рала датировки могли иметь значительные (свыше 1500 лет) расхождения. Так, рало из Сергеевского торфяникав Стародубском районе датируется либо скифской эпохой [Шрамко, 1964], либо древнерусским периодом [Довженок, 1961, с. 68-69].

поселениях Среднего Подесенья, Посеймья и верхнего Поочья (Юдиново, Случевск, Волынцево, Лебедка) были найдены железные наральники для полозных рал, сменивших целиком деревянные кривогрядельные.

Для целей нашей статьи особое значение имел радиокарбонный анализ, проведенный в лаборатории ИИМК РАН (аналитик А.В. Семенцов) при посредстве Л.И. Белинской и О.А. Щегловой для рала из Токаревского торфяника, найденного в 1921 г. (хранится в Сумском краеведческом музее). Анализ «показал» дату – 1710 ± 100 лет назад, т.е. III – IVвв. н.э. [Щеглова, 2008, с. 192], – период как раз киевской культуры.

С учетом того, что кроме рала из Сергеевского торфяника, в Брянском Подесенье (Заульский торфяник под Севском) было найдено еще 4 таких же рала, причем лучшей сохранности (2 хранятся в Брянском, 2 – в Севском краеведческих музеях), вопрос о земледелии Деснинского варианта киевской культуры может предстать в новом свете.

Этот факт наилучшим образом объясняет расположение многих «киевских» поселений или на краю пойм, или даже в самих поймах – они были главными территориями материального производства. Конечно, легкие лессовые их почвы можно обрабатывать и вручную, однако использование рала резко повышало производительность труда. «Земледелец получал хорошие результаты при минимальных затратах труда для обработки почвы, поскольку такие участки намного легче возделывать, чем площади на плато» [Горбаненко, 2016, с. 121]. Кроме того, пойменные земли не требуют «отдыха» и комплекса мероприятий по восстановлению плодородия [Краснов, 1967, с. 20].

Кстати, в настоящее время на более южных территориях киевской культуры стали известны и железные узколезвийные наральники для бесполозных рал (предшественников сохи) [Максимов, Терпиловский, 1979, рис. 4:35; Обломский, 1991, рис. 32: 17; Шишкін, 1996, рис. 63: 3; Горбаненко, Пашкевич, 2010, рис. 4.2], что делает возможным не только пашенно-пойменное земледелие, но и лесной перелог. Впрочем, в Среднем Подесенье железных наральников пока не обнаружено не только на поселениях киевской, но и колочинской культур.

Судя по материалам Р.В. Терпиловского, аналогичная картина расположения поселений киевской культуры в контаминации в основном с почвами речных долин наблюдается и в украинской части Подесенья [Терпиловский, 1984, рис. 27]. Однако этот исследователь явно допустил ошибку при характеристике основных особенностей материального производства в Деснинском регионе киевской культуры, назвав в качестве его основы такую «форму землепользования», как «перелоговая система» [Терпиловский, 1984, с. 60]. Однако еще Е.А. Горюнов указывал, что при отсутствии орудий обработки почвы с металлическими наральниками единственно возможной формой земледелия в лесном Подесенье может быть «подсека» [Горюнов, 1981, с. 34]. В работе же Р.В. Терпиловского ни одного такого наральника не приводится. Возможно, из-за того, что на то время не было более подробно изучено проявление материального производства и не сопоставлено с условиями расположения памятников в киевской культуре в целом, а также уделено мало внимая анализу свойств почв того или иного типа.

Пойменное же земледелие, при котором лесные почвы обрабатываются вручную или с помощью целиком деревянных рал без металлических наконечников, Р.В. Терпиловский не упоминает. Но они могли прекрасно использоваться не только для земледелия, но и нужд животноводства. С.А. Горбатенко считает их преимуществом перед иными участками местности не только возможность «устраивать несколько сенокосов за сезон», но и «существование определенных границ пастбища и близкое расположение к воде (для водопоя)» [Горбаненко, 2016, с. 121].

Конечно, состав стада северо-восточной части Деснинского варианта киевской культуры определить пока сложно из-за недостатка малого колличества исследований именно на однослойных поселениях, однако кости свиньи и крупного рогатого скота все же фиксируются, да и трудно предположить использование кривогрядельных полозных рал без применения тягловой силы животных. Для южной же (украинской) части Деснинского варианта киевской культуры такой остеологический анализ был проведен. Во-первых, со-

отношение количества диких и домашних животных (18,3 % против 81,7 %) характерно именно для земледельческих поселений, во-вторых, в составе стада присутствуют все основные виды домашнего скота: лошади, мелкий рогатый скот, при безусловном преобладании свиней и крупного рогатого скота (в сумме – 68%) [Терпиловский, 1984, Рис. 28].

Добавим, что именно в поймах могла также добываться болотная руда, например, неподалеку от селища Новоямское 3А, видны ее выбросы [Обломский, 2015, б/н], а это основной источник сырья для производства железа в лесной зоне.

Конечно, на останцах, береговых гривах поймы и краях низких первых террас располагались поселения не только киевской культуры.В Подесенье такие типы поселений имеются и в предшествующей почепской культуре (и здесь они даже преобладают), но они есть и в более поздних колочинской, сахновской, волынцево-роменской и даже древнерусской культур.

Для генетически преемственной киевской колочинской культуре, однако, такое расположение поселений сочетается с селищами и даже городищами на высоких вторых и третьих надпойменных террасах, причем не только на их краях и мысах, но и плато (например, Хотылево-14; 24 [Шинаков, 2004, с. 88 – 95]. Это говорит о наличии трех видов земледелия: пойменного, подсечно-огневого (в лесах) и переложного (на уже ранее освобожденных от леса участках).

С продвижением на северо-восток новой волны славянского («сахновского») населения, имевшего орудия обработки почвы в лесной зоне железными наральниками и навыки их использования, количество поселений в поймах еще более сокращается. В волынцево-роменский и древнерусский периоды и там, где это возможно, все земледельческие поселения и предгородские центры перемещаются на возвышенные участки местности (в Среднем Подесенье – в ополья, предополья и аналоги – «степки» [Шинаков, 1995, с. 37]). В поймах остаются только социализированные неземледельческие поселения – охотничьи заимки промысловиков – «бродников» [Маслов, Антипина, Мусатова, 1988; Антипина, Маслов, 1990, с. 118 – 119] или «ловища» князей [Шинаков, 1988; 2006, С. 67], а также места добычи и переработки болотных руд [Григорьев, 1990, с. 28; Шинаков, 1996, с. 52]. Последнее поселение – у с. Волотырь на окраине Трубчевского ополья – особенно интересно, ибо является однослойным и железоделательное производство здесь существовало исключительно в «колочинское» время (конец V – VIIвв. н.э.) [Шинаков, 1996, с. 52], что не исключает и его раннего начала.

Данный факт является важным также и потому, что сельское хозяйство является хоть и важнейшей (особенно для тех времен), но все же только составной частью материального производства. Без наличия железа, в частности, было практически невозможно расширение распашки за пределы пойм: для подсеки необходимы топоры, для перелога – железные наконечники рал, позднее – сохи. Но кроме металлургии и других видов ремесла, в состав материального производства входит и обмен товарами, торговля; иногда «дешевле» и проще что-то получать у «соседей», чем производить самим.

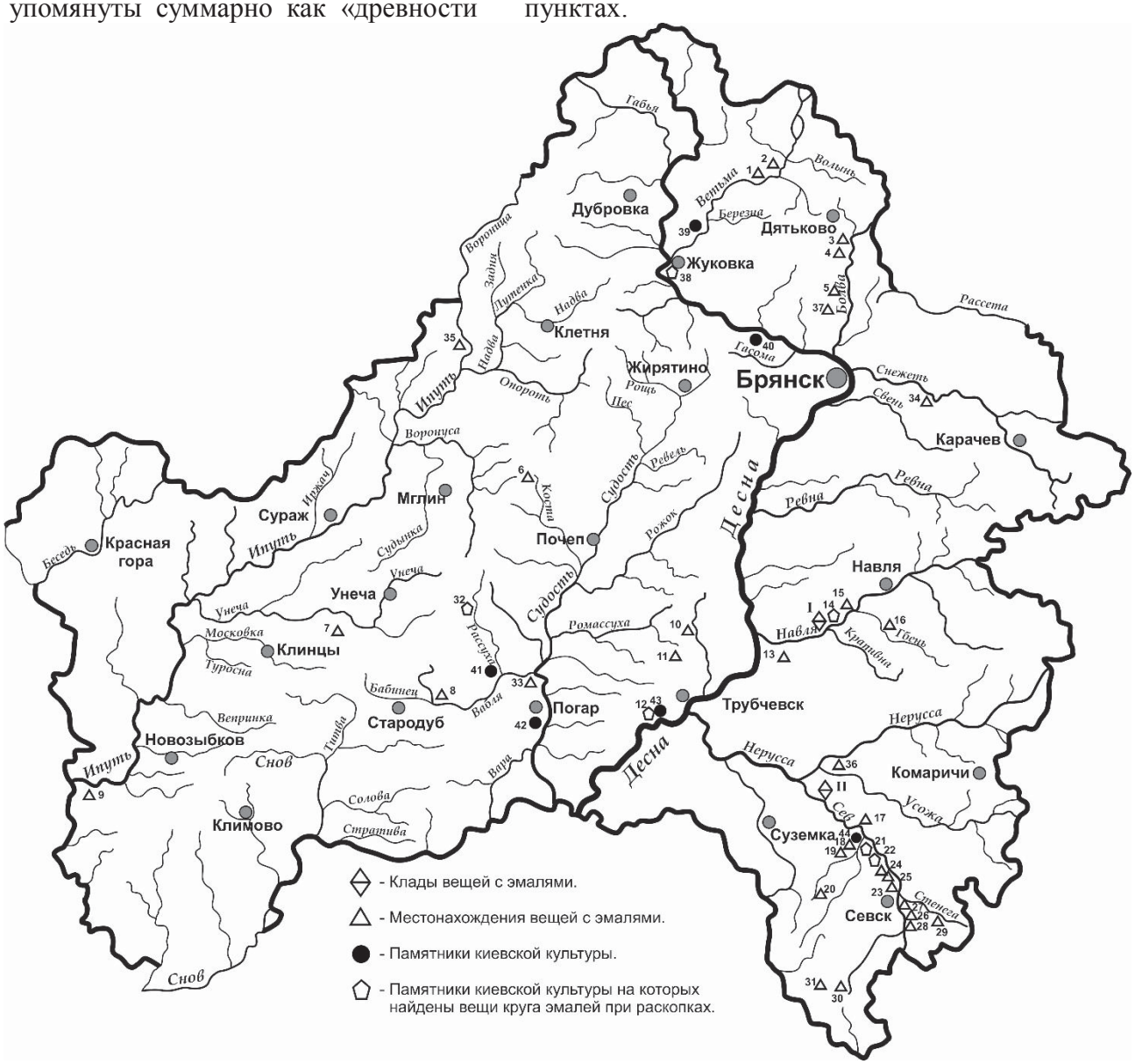
Возможно, именно последним фактором объясняется «нетрадиционная» для киевской культуры топография поселений в Хотылево (селища-7; 11; 13; 14; 20А; 24) [Шинаков, Рябчевский, 2016, с. 399 – 404] и в урочище Лука в Трубчевском ополье [Падин, 2004], возвышающихся на несколько десятков метров над поймой Десны. Возможно, в данных случаях расположение поселений диктовалось не местными хозяйственными потребностями, а необходимостью обеспечивать ключевые места на путях сообщения. А поскольку первых террас здесь у Десны нет, а поймы узкие или без подходящих всхолмлений, приходилось «строиться» на высоких мысах второй или третьей надпойменных террас.

В Хотылево, в принципе, более подходящие с хозяйственной точки зрения места (края первых террас и высокие поймы) имеются в ближайших окрестностях селища-7: буквально напротив него на другом берегу Десны (селище-12) и в нескольких километрах к востоку, в устье Гасомы. В «почепское» время эти участки местности были заселены [Шинаков, 2004, Карта 1; Заверняев, 1974, с. 126 - 131], население киевской культуры их почему-то не использовало.

Возможна, впрочем, меньшая плотность

населения в период существования этой культуры на ее «дальней» северо-восточной окраине. Новый рост населения и, соответственно, количества поселений в «колочинский» период мог быть связан как с естественным приростом населения, так и притоком новых переселенцев с юга, «сдвинутых» сахновско-волынцевским подвижением.

Впрочем, остается вероятность и чисто истоковедческих проблем: «киевские» древности часто не отделены в работах не очень «узких» специалистов от колочинских, будучи упомянуты суммарно как «древности середины Ітысячелетия н.э.». Возможно, что некоторые «киевские» поселения еще просто не найдены. Об этом может свидетельствовать, в частности, расположение кладов и местонахождений «круга вещей с выемчатыми эмалями» (Карта 1), которое лишь в шести случаях совпадает с достоверными (проверенными раскопками) поселениями киевской культуры, хотя в Среднем Подесенье «вещи с выемчатыми эмалями», традиционно для данного региона контаминируемые именно с киевской культурой, обнаружены в 39-ти пунктах.



Карта 1. Карта расположения памятников киевской культуры и местонахождения кладов и вещей с выемчатыми эмалями. Составитель –Н.Г. Рябчевский. Клады: *I – Глажево; II – Усух-1.*Местонахождения и памятники: *1.Бацкино;2. Ивановичи;3. Любышь;4. Лыкино (Лычкино);5. Фокино;6. Верховья р. Коста;7. Урочище Ропчик на р. Романа; 8. Левенка; 9. Вышков; 10. Козловка; 11. Голевск; 12. Кветунь 2; 13. Среднее течение р. Колом(и)на; 14. Глажево;15. Салтановка. Парня-3; 16. Борщево; 17. Семеновск; 18. Добрунь; 19. Заулье; 20. Бересток (урочище Ивник); 21. Новоямское 3А;22. Новоямское 3;23. Заречный;24. Новоямское*

2;25. Новоямское 1;26. Севск-2;27. Севск-1;28. Юрасов Хутор;29. Гапонова (Гапоново);30. Ясное Солнце;31.Лемешовка;32. Рассуха;33. Посудичи;34. Красные Дворики;35. Хрыстовая;36. Нерусские дворики;37. Демидовка;38. Жуковка;39. Касилово; 40. Хотылево (селища-7; 11; 13; 14; 20А; 24); 41. Синин – 8; 42; Курово – 6; 43. Кветунь; 44. Уль.

Список литературы

Источники:

1. Воронятов С.В. Отчет о проведении археологических разведок на территории Навлинского района Брянской области в 2015 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 49135;
2. Воронятов С.В. Отчет о проведении археологических раскопок на селище Глажево Навлинского района Брянской области в 2016 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 53085;
3. Воронятов С.В. Отчет о проведении археологических раскопок на селище Глажево Навлинского района Брянской области в 2017 г. // Архив ИА РАН, № временно б/н;
4. Воронятов С.В. Отчет о проведении археологических раскопок на территории Погарского района Брянской области в 2012 году // Архив ИА РАН, № 34176;
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. // Вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. - 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2001. - 506 с.;
6. Обломский А. М. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2014 г. в Брянской обл. // Архив ИА РАН. № временно б/н;
7. Обломский А.М. Отчет о раскопках, проведенных Раннеславянской экспедиции в 2015 г. в Севском р-не Брянской обл. // Архив ИА РАН, № Р-1 №48849;
8. Шинаков Е.А. Отчет об археологических разведках на участке строительства ВОЛС «Новозыбков – Стародуб – Трубчевск» в Новозыбковском, Злынковском, Климовском, Клинцовском, Стародубском, Погарском и Трубчевском районах Брянской области и на территории с.Хотылёво в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37367;
9. Шинаков Е.А. Отчет об охранных раскопках поселений Курово-6 и Курово-7 в Погарском районе Брянской области в 2006 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 33553;
10. Шинаков Е.А. Работа в с. Хотылево Брянского района Брянской области в 2001 году. // Архив ИА РАН. № временно б/н.

Литература:

11. BenitzenU. DerHackenvonDabergotz // ToolsandTillage. Copenhagen, 1968. I, 1.
12. Антипина Е.Е., Маслов С.П. К вопросу об организации охоты в Древней Руси. // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.» (15 – 18 мая 1990 г.). – Чернигов, 1990. – С. 116 – 119.
13. Арещенко А.М., Рябчевский Н.Г. Керамика из вымостки в верхнем слое стоянки Хотылево 2 // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: МатеріалиXII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції / Інститут археології НАН України, Центр археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя імені Д. Я. Самоквасова. – Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, 2013, – 196 с. С. 9 – 10.
14. Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями. // Российская Археология, № 2 М., 2015а. - С. 146 - 166;
15. Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Исследование на месте находки клада украшений с выемчатыми эмалями в Суземском районе Брянской области. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2013 г. - Брянск: РИО БГУ, 2015б. - С. 8 - 17;
16. Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Клад из Суземского района Брянской области. // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2012 г. - Гомель, 2013. - С. 99 – 108;
17. Величко А.А., Падин В.А., Федорова Р.В. О комплексном изучении Арельского поселения на Десне // СА. - 1960 - №2, С. 241 – 246;
18. Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. 2010. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до

н. е. — I тис. н. е.). Київ: Академперіодика. – 316 с.;

19.Горбатенко С.А. Сельское хозяйство населения колочинской культуры // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V – VII вв.) – Раннеславянский мир. Выпуск 17. Отв. ред. Обломский А.М., Исланова И.В. – М.: ИА РАН, 2016 – С. 114 – 135;

20. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л., 1981. – 139 с.;

21. Григорьев А.В. Поселение X в. в пойме р. Тускарь. // Тезисы докладов и сообщений первой Сумской областной научной историко-краеведческой конференции (5 – 6 апреля 1990 г.). Отв. ред. А.И. Журко. – Сумы, 1990. С. 26 – 28;

22. Грингмут-Дальмер Э. Развитие культурного ландшафта в западно-славянских областях: проблемы, методы и результаты исследования // СА. № 2. 1975;

23. Давыдчук В.С., Фролов И. К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н. э. // КСИА. Вып. 146. - М.: Издательство «Наука», 1976. - С. 11 – 17;

24. Довженок В.И. Землеробство древньоі Руси до середины XIII ст. Київ, 1961;

25. Заверняев Ф.М. Селище в устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. – Ленинград: Издательство: Л. Наука. – 1974. С. 126 – 131;

26. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М.: «Наука». – 1987. – 236 с.;

27. Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне // Славяне и Русь. Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка. – 1979. – С. 21 – 48;

28. Маслов С.П., Антипина Е.Е., Мусатова С.И. Остеологический материал и особенности хозяйственного уклада населения поселения Борки III. // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции. Брянск – 1988. С. 64 – 65;

29. Обломский А.М.(Отв. ред.) Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) – Раннеславянский мир. Выпуск 18. – М.: ИА РАН (в печати).;

30. Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I – V вв. н.э. – М.-Сумы. – 1991;

31. Падин В.А. Поселение киевской культуры и волынцевский курган в Трубчевском районе. // Деснинские древности. Выпуск 3. – Брянск: Издательство Клинцовской городской типографии. 2004. – С. 111 – 114;

32. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III – V вв. – Киев «Наукова Думка», 1984 – 125 с.;

33. Терпиловський Р.В., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. 2005. Землеробство мешканців ранньослов"янський поселень Роїще та Олександрівка 1 //Археологічний літопис Лівобережної України. 1-2. Полтава. С. 50 – 60;

34. Хуткин И.Н., Пискунов В.О. Находки фибул первой пол. I тыс. н.э. на территории Дятьковского района Брянской области. // "Дятьковский район. Страницы истории", выпуск VI, Дятьково 2016 г.;

35. Чубур А.А., Гаврилов К.Н., Чеплянская Е.А. Верхние слои многослойного поселения Хотылево 2 на Десне (эпоха бронзы, железный век) // Деснинские древности (вып. 2). – Брянск, 2002. - С. 74 – 84;

36. Шинаков Е.А. «Мост» между среднем Поднепровьем и Поочьем в позднеримское время. // Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск: РИО БГУ – 2016. С. 165 – 172;

37. Шинаков Е.А. Влияние процесса «государственного освоения» на экосистемы Среднего Подесенья. // Экологический опыт человечества: прошлое в настоящем и будущем. Тезисы докладов. Отв. ред. А.Г. Ганжа. – М.: Отделение эколого-информационных систем МАИ. – 1995. – С. 36 – 38;

38. Шинаков Е.А. До питання про "ловища" княгині Ольги в Чернігівській землі // II Чернігівска обласна наукова конференція з історичного краезнавства. Тези доповідей Вип.II. Чернігів - Ніжин, 1988;

39. Шинаков Е.А. Многослойное поселение Борки III под Погаром (Публикация материалов) // Русский сборник. Труды Кафедры Отечественной истории древности и средневековья

Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. Брянск, 2006;

40. Шинаков Е.А. Находки предметов с эмалями позднеримской эпохи в Подесенье и вопросы их происхождения и атрибуции. // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. Отв. ред. Савинов Д.Г. – Санкт-Петербург – 16 – 19 декабря 2008 г. С. 109 – 115;

41. Шинаков Е.А. Об особом типе поселений Древней Руси в Среднем Подесенье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М., Брянск, 1996;

42. Шинаков Е.А. Хотылевская агломерация памятников и проблемы ее музеефикации. // Проблемы сохранения исторических городов и объектов историко-культурного наследия Брянской области: Материалы научно-практической конференции «Исторический город». – Брянск: Издательство БГУ, 2004. – 132 с.;

43. Шинаков Е.А., Зайцев В.В. Древние орудия пашенного земледелия из Сумской области. // Тезисы докладов и сообщений первой Сумской областной научной историко-краеведческой конференции (5 – 6 апреля 1990 г.). Сумы – 1990. С. 33 – 34;

44.Шинаков Е.А., Лобанов Г.В. Физико-географические регионы и характер размещения населения на северо-западе Новгород-Северских земель в IX–XII вв. // Русский сборник. Выпуск 8, том 1. Брянск: РИО БГУ – 2016. С. 173 – 179;

45. Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г. Памятники I тысячелетия н.э. на территории с. Хотылево» // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года / отв. ред. к.и.н. А.М. Скоробогатов. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. С. 399 – 404;

46. Шинаков Е.А., Чубур А.А. Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в Среднедеснинском регионе // Германия-Сарматия / Germania-Sarmatia Том III. – М., 2016. С. 215 – 226;

47. Шинаков Е.А., Чубур А.А., Пискунов В.О. К вопросу о деснянской лакуне в ареале выемчатых эмалей // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию С.П. Щавелева. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2013. С.70 – 75;

48. Шишкін Р.Г. Господарство та екологія населення середнього Подніпров`я кінця I - V ст. н.е.: Дис. канд. Іст. Наук. Київ. – 1996. // Архив ИА НАНУ;

49. Шмидт Е.А., Шинаков Е.А. История крестьянства Западного региона РСФСР. Период феодализма. Воронеж, 1991. С. 9 – 26;

50. Шрамко Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника (В связи с проблемой возникновения пашенного земледелия в Восточной Европе) // СА. - 1964 - №4, С. 84 – 100;

51. Щапова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. – СПб.: Алетейа, 2011. – 236 с.;

52. Щеглова О.А. Еще раз о дате и культурной атрибуции рала из Токаревского торфяника // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции. Отв. ред. Савинов Д.Г. – Санкт-Петербург – 16 – 19 декабря 2008 г. С. 189 – 192.

TOPOGRAPHY AND LAND MANAGEMENT IN KIEV CULTURE SETTLEMENTS THE NORTH-EAST OF THE DESNA RIVER REGION (PROBLEM STATEMENT)

In this article the problems of interrelation between the nature and society at the epoch of appearance of agriculture in the Middle Desna region. Under the archaeological sources it became clear that the choosing of places for settlements of “Kiev culture” of the end of the 2th –the end of the 5th centuries A.C. depended on the economy’s conditions. The settlements are located on the low terraces of Desna –river and it’s tributaries and on the elevations in the flood -plains.
This fact was determinate by the flood –plain’s tillage with the employment of the wooden on the whole plough (“ralo”).Several examples of such a type of plough were discovered in the former marshes on the south of Bryansk and the north of Chernigov regions. With the help of radio –carbon method some of the finds were dated as the 3th – 4th centuries A. C. –the period of “Kiev culture”. The flood – plain’s tillage was accomplished by the “fire –cutting” agriculture in higher parts of landscape and the cattle-breeding – very suitable for the flood –plains type of economy.
Keywords: Kiev culture, Kolochin culture, the Middle Desna region, topography, enamel artifacts, the material culture

References

1. Voronyatov S.V. Otchet o provedenii arheologicheskih razvedok na territorii Navlinskogo rayona Bryanskoy oblasti v 2015 g. // Arhiv IA RAN. [Report on the archaeological excavations in Navlinsky District of Bryansk Oblast in 2015. // IA RAS Archive], R-1, no. 49135;

2. Voronyatov S.V. Otchet o provedenii arheologicheskih raskopok na selische Glazhevo Navlinskogo rayona Bryanskoy oblasti v 2016 g. // Arhiv IA RAN. [Report on the archaeological excavations in the settlement of Glazhevo in Navlinsky District of Bryansk Oblast in 2016. // IA RAS Archive], R-1, no. 53085;

3. Voronyatov S.V. Otchet o provedenii arheologicheskih raskopok na selische Glazhevo Navlinskogo rayona Bryanskoy oblasti v 2017 g. // Arhiv IA RAN. [Report on the archaeological excavations in the settlement of Glazhevo in Navlinsky District of Bryansk Oblast in 2017. // IA RAS Archive], temporarily unnumbered;

4. Voronyatov S.V. Otchet o provedenii arheologicheskih raskopok na territorii Pogarskogo rayona Bryanskoy oblasti v 2012 godu. // Arhiv IA RAN. [Report on the archaeological excavations in Pogarsky District of Bryansk Oblast in 2012. // IA RAS Archive], no. 34176;

5. Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov. // Vstup. stat'ya, per., komment. E. Ch. Skrzhinskaya. [Origin and Activities of the Gets]. – 2-e izd., ispr. i dop. Saint-Petersburg: Aletejya, 2001. – 506 p.;

6. Oblomskiy A.M. Otchet o razvedkah, provedennyh Ranneslavyanskoy ekspeditsiey v 2014 g. v Bryanskoy obl. // Arhiv IA RAN. [Report on the exploration conducted by the Early Slavic expedition in Bryansk Oblast in 2014. // IA RAS Archive]. Temporarily unnumbered;

7. Oblomskiy A.M. Otchet o raskopkah, provedennyh Ranneslavyanskoy ekspeditsii v 2015 g. v Sevskom r-ne Bryanskoy obl. // Arhiv IA RAN. [Report on the exploration conducted by the Early Slavic expedition in Sevsky District of Bryansk Oblast in 2015. // IA RAS Archive], no. R-1 no. 48849;

8. Shinakov E.A. Otchet ob arheologicheskih razvedkah na uchastke stroitel'stva VOLS «Novozybkov – Starodub – Trubchevsk» v Novozybkovskom, Zlynkovskom, Klimovskom, Klintsovskom, Starodubskom, Pogarskom i Trubchevskom rayonah Bryanskoy oblasti i na territorii s. Hotylevo v 2011 g. // Arhiv IA RAN. [Report on archaeological exploration at the Novozybkov-Starodub-Trubchevsk Optical Fibre Cables construction site in Novozybkovsky, Zlynkovsky, Klimovsky, Klintsovsky, Starodubsky, Pogarsky and Trubchevsky Districts of Bryansk Oblast and in the area of the village of Khotylevo in 2011. // IA RAS Archive]. R-1. No. 37367;

9. Shinakov E.A. Otchet ob ohrannyh raskopkah poseleniy Kurovo-6 i Kurovo-7 v Pogarskom rayone Bryanskoy oblasti v 2006 godu // Arhiv IA RAN. [Report on the protected excavations of Kurovo-6 and Kurovo-7 settlements in Pogarsky District of Bryansk Oblast in 2006. // IA RAS Archive]. R-1. No. 33553;

10. Shinakov E.A. Rabota v s. Hotylevo Bryanskogo rayona Bryanskoy oblasti v 2001 godu. // Arhiv IA RAN. [Work in the village of Khotylevo, Bryansk District, Bryansk Oblast in 2001. // IA RAS Archive]. Temporarily unnumbered;

11. Benitzen U. Der Hackenvon Dabergotz. Tools and Tillage. Copenhagen. 1968. I, 1;

12. Antipina E.E., Maslov S.P. K voprosu ob organizatsii ohoty v Drevney Rusi. // Tezisy istoriko-arheologicheskogo seminara «Chernigov i ego okruga v IX – XIII vv.» (15 – 18 maya 1990 g.). [Hunting in Ancient Russ. // Theses of the historical and archaeological seminar "Chernigov and its districts in the IX – XIII centuries" (May 15 – 18, 1990)]. – Chernigov. 1990. – 116 p. – 11;

13. Areschenko A.M., Ryabchevskiy N.G. Keramika iz vymostki v verhnem sloe stoyanki Hotylevo 2. // Srednevekovye drevnosti Tsentral'no-Vostochnoy Evropy: Materialy XII Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy arheologicheskoy konferentsii. [Ceramics in the upper layer of the settlement site Hotylyevo 2]. / Institut arheologii NAN Ukrainy, Tsentr arheologii i drevney Istorii Severnogo Levoberezh'ya imeni D.Ya. Samokvasova. – Chernigov: Chernigovskiy natsional'nyy pedagogicheskiy universitet imeni T.G. Shevchenko, 2013, – 196 p. – pp. 9–10;

14. Ahmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A. Bryanskiy klad veschey s vyemchatymi emalyami. //Rossiyskaya Arheologiya [Bryansk buried treasure of artifacts with champlevé enamel. // Russian Archeology]. No. 2. M., 2015a. – pp. 146–166;

15. Ahmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A. Issledovanie na meste nahodki klada ukrasheniy s vyemchatymi emalyami v Suzemskom rayone Bryanskoy oblasti. // Arheologicheskie issledovaniya v evroregione «Dnepr» v 2013 g. [Research on the site of the buried treasure trove of champlevé enamel jewelry in Suzemsky District of Bryansk Oblast. // Archaeological research in the euroregion "Dnieper" in 2013]. – Bryansk: RIO BGY [Editorial and Publishing Unit of Bryansk State University (BSU)], 2015b. – pp. 8–17;

16. Ahmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A. Klad iz Suzemskogo rayona Bryanskoy oblasti. // Arheologicheskie issledovaniya v evroregione «Dnepr» v 2012 g. [A buried treasure trove from Suzemsky district of Bryansk region. // Archaeological research in the euroregion "Dnieper" in 2012]. – Gomel, 2013. – pp. 99–108;

17. Velichko A.A., Padin V.A., Fyodorova R.V. O kompleksnom izuchenii Arel'skogo poseleniya na Desne. [The comprehensive study of the Arelian settlement on the Desna]. // CA. – 1960 – No. 2, pp. 241–246;

18. Gorbatenko S.A., Pashkevich G.O. 2010. Zemlerobstvo davnih slovyan (kinets I tis. do n. e. – I tis. n. e.). [Agriculture of ancient Slavs (the end of the I millennium BC – the I millennium AD)]. Kiev: Akademperiodika. – 316 p.;

19. Gorbatenko S.A. Sel'skoe hozyaystvo naseleniya kolochinskoy kul'tury // Rannesrednevekovye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V – VII vv.) [Agriculture in Kolochinsk culture // Early medieval ancientries in the forest zone of Eastern Europe (VI – VII centuries)]. – In Oblomsky A.M., Islanova I.V. (ed.) Ranneslavyanskiy mir. Vyip. 17. [Early Slavic world]. – M.: IA RAN, 2016 – pp. 114– 135;

20. Goryunov E.A. Rannie etapyi istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezhya [Early Stages of History of the Slavs on the Left Bank of Dnieper]. – L., 1981. – 139 p.;

21. Grigoryev A.V. Poselenie X v. v poyme r. Tuskar. // Tezisyi dokladov i soobscheniy pervoy Symskoy oblastnoy naychnoy istoriko-kraevedcheskoy conferentsii (5 – 6 aprelya 1990 g.). [The river Tuskar settlement of the X century. // Theses of the reports of the first Sumyi regional scientific local-history conference (April 5 – 6, 1990)]. A.I. Zhyrko (ed.). – Symyi, 1990. pp. 26–28;

22. Gringmyt-Dalmer E. Razvitie kyltyrnogo landschafta v zapadno-slavyanskih oblastyah: problemyi, metodyi i resultatyi issledovaniya [Development of the cultural landscape in the Western Slavic areas: problems, methods and research findings]. // SA. No. 2. 1975;

23. Davydchuk V.S., Frolov I.K. K istorii zaselenia orlovskogo techenia Oki v tysiachiletii n.e. // KSIA (1976) [The history of settlement of the Orel area on the Oka River in the first millennium C.E. // SBIA]. Pub. 146. – M.: Pp. 11–17;

24. Dovzhenok V.I. Zemlerobstvo drevnoi Rusi do serediny XVIII st. [Agriculture in ancient Russ before the middle of the XVIII ml.]. Kiev, 1961;

25. Zaverniaev F.M. Selishe v yster. Gasomy // Rannesrednevekovye vostochnoslavianskie drevnosti. [Settlement in the Gassoma estuary. Early middle-age eastern slavic ancientris]. – Leningrad: Izdatelstvo: L.Nauka. – 1974. Pp. 126–131;

26. Krasnov U.A. Drevnie I srednevekovye pahotnye orudiia Vostochnoi Evropy. [Ancient and middle-age plow instruments of the Eastern Europe]. M.: “Nauka”. – 1987. – 236 p.;

27. Maksimov E.V., Terpilovskii R.V. Poselenie kievskogo tipa u c.Ylianovka na Desne // Slaviane I Rus. [Kiev-type settlement near the village of Ulyanovka on the Desna River] // Slavs and Rus. Editor V.D. Baran. Kiev: Naukova Dumka – 1979. – Pp. 21–48;

28. Maslov S.P., Antipina E.E., Mosatova C.I. Osteologicheskiimaterial i osobennosti hoziaistvennogo uklada naselenia poselenia Bori III. [Osteological material and characeristics of the Borki III Settlement lifestyle]. Tezisy dokladov mezhvuzovskoi Istoriko-kraevedcheskoi konferencii. [The Inter-Institutional Local History Conference Theses]. Bryansk – 1988. Pp. 64–65;

29. Oblomskii A.M. (Otv. Red.) [ed.-in-chief] Brianskii klad ukrashenii s Vyemchatoi emaliu vostochno evropeiskogo stilia (III v.n.e.) [The Bryansk buried treasure of ornaments with a concave enamel in the Eastern Europe Style (III BCE)]. – Ranneslavianskii mir. Vypusk 18. [Early Slavic World. Publication 18]. – M.: IA RAN (in print).;

30. Oblomskiy A.M. Etnicheskie protsessy na vodorazdele Dnepra i Dona v I – V vv. n.e.

[Ethnic development on the subdivide of the Dnieper and the Don]. M.-Sumy. – 1991;

31. Padin V.A. Poselenie kievskoy kultury i volyntsevskiy kurgan v Trubchevskom rayone. // Desninskie drevnosti. Vypusk 3. [Settlements in Kiev culture and volyntsevskiy burial hill in Trubchevskiy region]. Bryansk: Klintsovskaya gorodskaya tipografiya. 2004, pp. 111–114;

32. Terpilovskiy R.V. Rannie slavyane Podesenya III – V vv. [The first Slavs of Podesenye in the III – V centuries]. Kiev «Naukova Dumka», 1984 – 125 p.;

33. Terpilovskiy R.V., Pashkevich G.O., Gorbanenko S.A. 2005. Zemlerobstvo meshkantsiv-rannoslovyanskiy poselen Roïshche ta oleksandrivka 1 [Farming of the inhabitants of the early Slavic settlements Roishche and Aleksandrovka 1]. Arkheologichniy litopis Livoberezhnoï Ukraïni. 1–2. Poltava, pp. 50–60;

34. Khutkin I.N., Piskunov V.O. Nakhodki fibul pervoy pol. I tys. n.e. na territorii Dyatkovskogo rayona Bryanskoy oblasti [Findings of fibulae, 1st millennium A.D., on the territory of Bryansk oblast Dyatkovskiy region]. // "Dyatkovskiy rayon. Stranitsy istorii", publ. VI, Dyatkovo 2016;

35. Chubur A.A., Gavrilov K.N., Cheplyanskaya E.A. Verkhnie sloi mnogosloynogo poseleniya Khotylevo 2 na Desne (epokha bronzy, zheleznyy vek) [The upper layers of the multi-layered settlement of Khotylevo 2 on the Desna (the Bronze Age, the Iron Age) // Desninskie drevnosti (publ. 2)]. – Bryansk, 2002, pp. 74–84;

36. Shinakov E.A. «Most» mezhdu srednem Podneprovem i Poochem v pozdnerimskoe vremya [«Bridge» between middle Podneprovye and Poochye in late Roman age]. // Russkiy sbornik. Publ. 8, part 1. Bryans: RIO BGU – 2016, – pp. 165–172;

37. Shinakov E.A. (1995). Vliyanie protsessa «gosudarstvennogo osvoeniya» na ekosistemy Srednego Podesen‘ya. // Ekologicheskiy opyt chelovechestva: proshloe v nastoyashchem i budushchem. Tezisy dokladov. [The impact of state development process on the ecosystems of the Middle Podesenye. // The ecological experience of mankind: the past in the present and future. The abstracts]. Chief Editor A.G. Ganzha. – M.: Otdelenie ekologo-informatsionnyx sistem MAI. [Department of Environmental Information Systems of MAI]. – pp. 36–38;

38. Shinakov E.A. (1988). Do pytannia pro "lovyshcha" kniahyni Olhy v Chernihivskiizemli // II Chernihivskaoblasnanaukovakonferentsiia z istorychnohokraeznavstva. TezydopovideiVyp.II. [The territories of Princess Olga in the area of Chernigov // The second Chernihiv regional conference on the historical area studies. The abstracts. The second edition]. Chernihiv – Nizhyn, 1988;

39. Shinakov E.A. (2006). Mnogosloynoe poselenie Borki III pod Pogarom (Publikatsiya materialov) // Russkiy sbornik. Trudy Kafedry Otechestvennoy istorii drevnosti i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika I.G. Petrovskogo. [The multi-layered settlement of Borki III near Pogar (Publication of material) // Russian collection. Writings of the Department of National Ancient History and the Middle Ages of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky]. Bryansk, 2006;

40. Shinakov E.A. (December 16 – 19, 2008). Nahodki predmetov s emalyami pozdnerimskoy epohi v Podesen'e i voprosy ih proiskhozhdeniya i atributsii. // Sluchaynye nahodki: hronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyy kontekst. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii. [The artefacts with enamels of the late Roman Empire found in Podesenye and problems with their origin and attribution. // The accidental artefacts: chronology, attribution, historical and cultural context. The proceedings of the thematic scientific conference]. Managing editor Savinov D.G. – St. Petersburg, pp. 109–115;

41. Shinakov E.A. (1996). Ob osobom tipe poseleniy Drevney Rusi v Srednem Podesen'e // Problemy istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya i Zapada Rossii. [About a special type of settlements of Ancient Russia in the Middle Podesenye // Problems of historical demography and historical geography of the Central Chernozem Region and the West of Russia]. M., Bryansk, 1996;

42. Shinakov E.A. (2004). Khotylevskaya aglomeratsiya pamyatnikov i problemy ee muzeefikatsii. // Problemy sokhraneniya istoricheskikh gorodov i ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya Bryanskoy oblasti: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Istoricheskiy gorod». [Khotylev agglomeration of monuments and problems of its museumification. // Problems of Preservation of

Historical Cities and Objects of Historical and Cultural Heritage of the Bryansk Region: The proceedings of the scientifically-practical conference "The Historical City"]. Izdatel'stvo BGU. [BSU publishing house]. Bryansk. P. 132;

43. Shinakov E.A., Zaytsev V.V. (1990). Drevnie orudiya pashennogo zemledeliya iz Sumskoy oblasti. // Tezisy dokladov i soobshcheniy pervoy Sumskoy oblastnoy nauchnoy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii (5 – 6 aprelya 1990 g.). [The ancient tools of the plow-based agriculture from the Sumy Oblast. // The abstracts of the first Sumy regional scientific local-history conference (April 5 – 6, 1990)]. Sumy, pp. 33–34;

44. Shinakov E.A., Lobanov G.V. Fiziko-geograficheskie regioni i character rezmeshenia naselenia na severo-zapade Novgorod-Severskich zemel' v IX-XII vv. // Russkiy sbornik. Vypusk 8, tom 1. [Physiographic regions and the nature of population distribution in the North-West of Novgorod-Seversky lands in IX-XII centuries. // Russian collection. 8th edition. Volume 1]. – Bryansk: BSU's publishing house – 2016, pp. 173–179;

45. Shinakov EA, Ryabchevsky NG Monuments of the I millennium AD on the territory of with. Khotylevo "// Archeology of the Eastern European Forest-Steppe: materials of the II International Scientific Conference. Voronezh, December 18-20, 2015 / Sv. Ed. Ph.D. A.M. Skorobogata. - Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2016. S. 399 - 404;

46. Shinakov E.A., Chubur A.A. Lunnitsi kruga «varvarskich viemchatich emaley» v Srednedesninskov regione [Lunnitsas circle of "barbaric champlevé enamels" in the Srednedesninskiy region]. // Germany-Sarmatia Volumme III. – M., 2016, pp. 215–226;

47. Shinakov E.A., Chubur A.A., Piskunov V.O. K voprosu o desnyanskoy lakune v areale viemchatich emaley // Grani gumanitarnogo znaniya. Sbornik statey k 60-letiyu S.P. Schaveleva. [The Desna lacuna in the area of notched enamels // The edges of humanitarian knowledge. The collection of articles devoted to S. P. Schavelev's 60th birthday]. Kursk: Pub-ing of Kursk State Medical University, 2013. – Pp. 70–75;

48. Shishkin R.G. Gosudarstvo I ekologia naselenia srednego Podneprovia konca I – V v. n. e. Dissertacia kandidata istoricheskich nauk. [The government and ecology of the population of the Middle Podneprovy in the end of the I – V. c. AD].: Dissertation of candidate of historical sciences. Kiev – 1996. // The archive of IA NASU;

49. Shmidt E.A, Shinakov E.A. Istoria krestianstva Zapadnogo regiona RSFSR. Period feodalisma. [The history of the Western peasantry in the region of the RSFSR. The period of feudalism]. Voronezh, 1991. Pp. 9–26;

50. Schramko B.A. Drevniy derevyanni plug iz Sergeevskogo torfnyaka (V svazi s problemoy vozniknovenia pashennogo zemledeliya v Vostochnoi Evrope [Ancient wooden plough from Sergeevskiy peat (The problem of the emergence of plow agriculture in Eastern Europe)]. // CA. – 1964 – No. 4, pp. 84–100;

51. Schapova Y.L. Material'noe proizvodstvo v archeologiceskyu epochu. [Schapova J.L. Material production in the archeological age]. – Saint's Petersburg: Aleteya, 2011. – 236 p.;

52. Scheglova O.A. Esche raz o date i kul'turnoy atributsii rala iz Tokarevskogo torfyanika // Sluchaynye nahodki: hronologiya, atributsiya, istoriko-kul'turnyy kontekst. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii. [Once more about the timeline and cultural attribution of the ard plough from the Tokarevsky peatland // Accidental discoveries: chronology, attribution, historical and cultural context. Records of the thematic scientific conference]. Chief Editor Savinov D.G. – Saint Petersburg, 16 – 19 December 2008. Pp. 189 – 192.

Об авторах

Рябчевский Николай Геннадьевич –старший лаборант Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований. Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail:NikkiGun@yandex.ru

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, заведующий Научно –образовательным центром археолого –этнологических исследований. Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail:shinakov@mail.ru

Лобанов Григорий Владимирович –кандидат географических наук, Заведующий кафедрой географии, экологии и землеустройства, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail:

Ryabchevsky Nikolai Gennad'evich –laboratory assistant of the Scientific and educational center of archaeological and ethnological research. Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky. E-mail: NikkiGun@yandex.ru

Shinakov Evgenii Alexandrovich – doctor of history, professor of the cathedra of Russian history and the head of the Scientific and educational center of archaeological and ethnological research. Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E –mail: shinakov@mail.ru

Lobanov Grigory Vladimirovich – PhD in Geography, head of the Geography, Ecology and Land Management department, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky. E-mail:

УДК 001.83(100)

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИМ НАУЧНЫМ ПРОСТРАНСТВОМ

В статье речь пойдет о результатах отчета Innocult «Интернационализация исследований: институциональные инновации, культура и организации в условиях соперничества и сотрудничества». Данный проект ставил цель определить влияние европейских исследовательских программ на научно-исследовательские политики на фоне многоуровневой системы управления, а также на ключевых акторов в сфере научной политики – университеты и исследовательские организации. Автором статьи полученные результаты рассмотрены в свете недавних изменений и тенденций развития исследовательского комплекса в Европе, с опорой на преобладающую парадигму перехода от модели государственного контроля к модели управления. В статье приводится анализ групп европейских стран с точки зрения их участия и уровня активности в рамках научно-исследовательской системы Европы, рассмотрены основные роли университетов и исследовательских структур, а также определены их основные характеристики. Особое внимание уделяется процессам интернационализации национальных научных комплексов, имеющим место в последние несколько десятилетий.

Ключевые слова: Научная политика; Европейское исследовательское пространство; Innocult; Рамочные программы технологического развития ЕС.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-150-155

Наука становится все более гетерогенной, что, в связи наличием объективных различий в проводимой странами научно-исследовательской политики, представляет новые сложности в вопросах оценивания научного качества осуществляемых исследований. В течение долгого времени экономическая релевантность и тематическая актуальность научных исследований воспринимались как само собой разумеющееся. Тем не менее, в последние десятилетия изменения в социетальной роли и положении науки обеспечили необходимость получения объективного актуального знания, что нашло теоретическое обоснование в таких концепциях как Режим-2 [9] и “тройная спираль” [7]. Кроме того, в последние годы в сфере изучения научно-исследовательской политики центральное место занимают вопросы наличия сходств и различий в национальных исследовательских политиках, а особенно – выяснение степени развития научных комплексов в странах и определение сохраняющегося преобладания задач национальной научно-исследовательской системы в условиях усиливающейся интернационализации. Европейское научное пространство представляет собой политический концепт, в основе которого лежит идея об увеличение эффективности осуществляемой в Европе научно-исследовательской деятельности. В замысле Еврокомиссии, стоявшей у истоков данного понятия, содержалось прежде всего намерение наращивать сотрудничество между научными акторами по всей Европе. По прошествии более чем 15 лет можно говорить о значительном влиянии ЕНП в целом на научную политику и научные стратегии на национальном уровне, а также на работу университетов и исследовательских организаций в странах- участницах Пространства.

Собственно целью исследования Innocult, проводимого в 1998-2001 гг., являлось изучение того, как происходит глобализация и европеизация национальной научной политики на трех выбранных для изучения уровнях – формулирование политики и определение стратегий, непосредственно деятельность исследовательских структур и влияние РП ЕС на национальные исследовательские системы. С точки зрения методологии исследование представляло собой серию очных интервью с представителями различных научных кругов, т.е. непосредственно акторами научной политики, а также с официальными лицами, принимающими участие в процессе принятия решений в данной области. Кроме того, в ряде научных сфер ученым, работающим в европейских научных организациях, предлагалось провести собственное исследование и оценить эффективность произошедших изменений.

Так, можно говорить о том, что основной задачей отчета являлся анализ Европейской научной системы с точки зрения изучения про-

ходящих в ней процессов интернационализации и развития. В частности, исследование концентрировалось на переходе от понятия «правительства» к концепту «управлению» в качестве основного инновационного тренда в сфере, а «европеизация» науки рассматривалась прежде всего через призму принципов конвергенции и комплементарности.

Регулирование научной политики национальными правительствами было основным способом ее проведения с первых послевоенных лет и до середины 1980-х гг. [4] Главной отличительной чертой этого периода было ориентирование на политические и юридические инструменты в вопросах определения структуры исследовательских организаций, распределения финансирования и выборе приоритетных направлений исследований [6]. Государство контролировало сферу «издалека», в основном на законодательном уровне и практически полностью полагалось на выбранные исследовательские университеты и институты, предоставляя им почти полную автономию в области непосредственного осуществления научной деятельности. Исключением были лишь области «стратегического значения» - ядерная физика, ядерная инженерия, аэронавтика и т.д.[8].

В отличие от этого подхода основной отличительной чертой пришедшего на смену периода «управления» является то, что объекты исследований (а значит и их тематическая ориентированность) определяются государством в диалоге с заинтересованными экономическими акторами. Этот диалог постепенно углублялся и стал включать в себя, помимо изначального выбора тематики, вопросы финансирования, занятости, оценки результатов и международного сотрудничества.

Начиная с конца 1980-гг. можно было наблюдать значительную степень сближения национальных научно-исследовательских систем в Европе, даже несмотря на очевидную разницу в структуре формулирования и осуществления научной политики на национальных уровнях. На первый план на этом этапе выходит диалог и стимулирование, а не регулирование и принуждение.

С одной стороны, изучение и описание научно-исследовательской политики в конкретной стране не представляет определенной сложности: какие положения были приняты, какие принципы и процедуры изложены. Тем не менее, большую трудность представляет ответ на вопрос, имеют ли внедренные меры одинаковое влияние во всех изучаемых странах, отвечают ли они принципу конвергентности, дают ли адекватное и достаточное представление о проводимой политике. Используя ряд инструментов, исследование Innocult, таким образом, ставило перед собой задачу изучение основных характеристик национальных исследовательских комплексов, особое внимание уделяя выявлению приоритетных направлений, вопросам финансирования науки и составления научных бюджетов, оценке результатов исследований, их сущности и участию страны в международном научном сотрудничестве. По итогам были выделены следующие три группы стран.

Первая группа включает в себя страны Северной и Западной Европы (Швеция, Финляндия, Великобритания, Нидерланды). Именно в этих странах модель управления нашла наибольшее развитие, особенно в вопросах, связанных с финансированием науки и занятостью в научной среде [3]. Институциональные акторы в этих государствах постоянно конкурируют между собой за получение бОльших отчислений, а ученые соперничают за возможность участия в наиболее интересных и выгодных исследовательских инициативах и проектах.

Вторая группа, состоящая из стран Центральной Европы – Австрии и Германии – принципиально не отличается от первой, однако в этих странах наука меньше ориентируется на принцип управления. Тем не менее, интересно, что эти две страны имеют принципиально разный путь институционального развития науки: за последние годы Австрия, во многом благодаря наращиванию сотрудничества на наднациональном уровне, пережила масштабные изменения, в основном в контексте принципов финансирования. В Германии же ситуация оставалось достаточно стабильной на протяжении всего периода.

Третья группа – страны Южной Европы – Франция и Португалия – демонстрируют структурные различия, как между собой, так и по сравнению с другими странами. Португалия ближе к модели управления по занятости в сфере науки, однако дальше с точки зрения

выбора направлений исследований. Во Франции наблюдается противоположная ситуация.

Практически во всех странах исследование выявило закономерную связь между интернационализацией науки и переходу в ней к модели управления. Тем не менее, нужно учитывать, что управление не является синонимом демократизации, и практически нигде данный переход не означал привлечения большего числа социетальных и промышленных акторов к финансированию научной деятельности. Наоборот, в сочетании со снижением роли и участия государства в вопросах науки, во многих случаях даже привел к некоторой стагнации.

Акторы научно-исследовательской политики: университеты и исследовательские центры

Университеты являются важной составляющей европейской научно-исследовательской системы. Являясь элементами национального научно-исследовательского комплекса и объектами национальной научной политики, в условиях последних изменений они столкнулись как с новыми вызовами, так и с новыми возможностями. В особенной степени нововведения и изменения коснулись вопросов финансирования, в связи с чем университетам пришлось вводить новые практики и схемы, что не могло не сказаться на некоторой смене приоритетов на этом направлении [1]. Вообще институциональные изменения и восприятие этих изменений сильно зависит от национального контекста и среды, типа университета (его возраста и направления специализации), однако говорить о их системном характере все же невозможно.

Несмотря на то, что описанный выше переход развивается по общим принципам и его характерные механизмы едины, различия проявляются на более мелком уровне – так университеты применяют скорее разнообразные практики, нежели один общий подход. Некоторые из этих практик носят сугубо символический характер, другие же направлены на достижение конкретных результатов. Национальные научные круги стремятся вырабатывать такие стратегии, которые позволили бы снять часть давления с национальных исследовательских структур и предложить варианты, которые были бы оптимальными для приспособления национальных интересов к общеевропейским приоритетам научного развития. Нельзя не отметить, что исторически являясь организационно сложными структурам, университеты неохотно осваивают новые методы и мероприятия, предлагаемые в условиях интернационализации научного комплекса. Это особенно заметно в поведении отдельных ученых – так, применяемые ими меры и механизмы довольно сильно похожи на традиционные практики, использующиеся задолго до начала процесса европеизации науки [5] . Явление также подтверждается различиями в образе мышления архитекторов «новой науки» и позицией самих ученых: первые более охотно говорят о необходимости и неотвратимости изменений, в то время как вторые не выражают однозначного мнения по поводу того, как вышеописанный переход проявляется в конкретной среде их исследовательских организаций.

С точки зрения европеизации науки, существует лишь слабая корреляции между национальными институциональными инновациями и участием в общеевропейских исследовательских проектах [2]. Решения национальных ученых о присоединении к проектам на уровне Европы принимаются ими исходя из организационных целей и исследовательских показателей. Таким образом, ученые, ориентированные на достижение результатов, более склонны к сотрудничеству в рамках программ поддержки исследований в ЕС [5].

Научно-исследовательские структуры включают в себя академии наук, исследовательские институты, частные исследовательские центры и международные научные организации. Все они отличаются между собой по схемам и способам финансирования, а также их функциям в рамках национальной научно-исследовательской системы и типам проводимых исследований. Академии наук и исследовательские институты имеют более стабильное положение, так как во многом опираются на государственную поддержку в виде субсидий и нефинансовых инструментов содействия. Как результат, их исследовательский профиль более понятен. Частные исследовательские центры, в свою очередь, более готовы к конкурсному распределению финансирования, но в то же время остаются более уязвимыми перед необходимостью постоянной поддержки исследовательского

процесса. Общим для всех является то, что во всех исследовательских структурах преобладает тенденция на увеличение финансовой поддержки из частных источников, в том числе из ЕС, при постепенном сокращении доли государственного финансирования.

Увеличение бюрократических препятствий и усложнение административных процедур в процессе получения конкурсного финансирования ускорили и организационные перемены – тренд, который более заметен на уровне исследовательских организаций, чем университетов. С точки зрения занятости, исследовательские организации, чаще ориентированные на предоставление постоянных рабочих мест, стали предлагать временные исследовательские позиции для осуществления конкретных проектов, что привлекает большое количество выпускников.

В общем исследовательские организации являются более активными в области интенсификации международного сотрудничества, хотя и уровень исследовательской активности сильно разнится в соответствии с типом таких организаций. Конечно, нужно принимать во внимание и национальные особенности – так университеты Великобритании охотнее участвуют в европейских программах, чем, например, университеты стран континентальной Европы. Тем не менее и на уровне отдельных стран национальные особенности меньше проявляются в стенах исследовательских организаций.

Основные характеристики исследовательских структур, участвующих в европейских научных проектах

Структура и составляющие ЕНП определяются по сути деятельностью в нем исследовательских организаций ЕС и ассоциированных стран. С точки зрения географии стран, принимающих участие в европейских проектах, распределение выглядит следующим образом. Страны Западной Европы составляют чуть более 40%, Центральная Европа – около 14%, страны Северной Европы – 16%, страны Южной Европы – 13%, Бенилюкс – 12%, ассоциированные страны и страны СНГ – около 1% [10]. Данная статистика свидетельствует прежде всего о том, что некоторые национальные научно-исследовательские комплексы были лучше готовы к процессам европеизации, в связи с чем принимают более активное участие в инициативах на наднациональном уровне. Так, с точки зрения отдельных стран, Великобритания, Германия и Франция, а также скандинавские страны находятся среди лидеров по объемам участия в европейских программах, исходя как из получаемого финансирования из общего бюджета, так и по количеству выполняемых проектов.

В контексте размера исследовательских структур на европейском научном поле можно говорить о балансе между малыми, средними и крупными организациями. Так, среди одобренных заявок в рамках 6-й РП 30% представляли небольшие исследовательские институты, 40% - организации среднего размера, и еще 30% - крупные организации.

Университеты доминируют в европейских исследовательских проектах. Частные научные организации составляют приблизительно одну пятую всех одобренных заявок в крупных странах, странах Центральной и Южной Европы, между тем они хуже представлены в Северных странах и в Бенилюксе. Мелкие и средние частные научные организации проявляют наибольшую активность в Центральной и Южной Европе.

	Крупные страны	Страны Северной Европы	Страны Южной Европы	Страны Центральной Европы	Бенилюкс
Мелкие и средние ИО	19,8%	27,7%	25,6%	27,6%	23,7%
Крупные ИО	14,3%	14,9%	3,7%	6,9%	13,2%
Мелкие и средние Университеты	31,8%	32,7%	36,6%	32,2%	40,8%
Крупные Университеты	14%	12%	8,5%	9%	5,5%
Мелкие и средние ЧИО	13%	9,7%	17%	17,3%	9%
Крупные частные ИО	7,5%	3%	8,4%	7%	7,5%

Типы и размер исследовательских организаций в рамках РП. Источник: OECD Statistics

Указанные расхождения можно связать с различиями в национальных исследовательских системах, что в свою очередь свидетельствует о сильной влиянии национальной исследовательской культуры на поведение страны в рамках общеевропейских программ. Кроме того национальные научно-исследовательские комплексы по-разному реагируют на вызовы, с которыми они сталкиваются в процессе сотрудничества на европейском уровне.

Итоги исследования Innocult говорят о том, что в результате выполнения 4-й и 5-й РП было налажено тесное сотрудничество между исследовательскими сообществами и Европейской комиссией, которое, хотя, и было несколько осложнено в ходе 6-ий 7-й РП. Это можно объяснить ослабеванием влияния отдельных научных сообществ и сужением поля исследований, что отвечает интересам Еврокомиссии, однако идет в разрез с провозглашаемым ей принципом “стимулирования исследовательского превосходства”. Таким образом, намерение Еврокомиссии сократить количество реализуемых проектов приводит к потере исследовательского потенциала в ЕС, что в результате скорее влечет за собой ослабевание научно-исследовательской системы в Европе, а не ее укрепление.

Список литературы

1.Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления: от «Studium Generale» до «Предпринимательского университета»// Международные процессы. 2015. Т.13. №1. С.35-47.

2.Талагаева Д.А. Норвегия – государственная научная политика//Полис. Политические исследования. 2014. №1. С.155-165.

3.Талагаева Д.А. Скандинавские страны: научная политика как баланс национальных приоритетов и задач общеевропейского развития//Вестник Брянского Государственного Университета. 2018. № 2 (36). С. 203-216.

4.Шестопал А.В., Коннов В.И. Рецензирование как организационная основа научной деятельности//в сборнике Социально-политическая функция национальных нвучных фондов//М.:МГИМО, 2016. С.18-37.

5.Barend Van der Meulen. Europeanization of Research and the Role of Universities: An Organizational-Cultural Perspective. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1351161022000042570 (Accessed 12/05/2018)

6.Benedetto Lepori, Peter van der Besselaar, Barend van der Meulen. Comparing the Evolution of National Research Policies: What Patterns of Change?//Science and Public Policy, July 2007, p. 372-388.

7.Henry Etzkowitz and Loet Leyserdorff. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies// Science and Public Policy, Vol.25, Issue 3, 1998, p. 195-203.

8.John Crowley and Elise Feron. From Research Policy to the Governance of Research? A Theoretical Framework and Some Empirical Conclusions// Innovation. Carfax Publishing Taylor and Francis Group, Vol.16, #4, 2003.

9.Michel Gibbons. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies//Sage, 1994. 179 p. URL: https://books.google.ru/books/about/The_New_Production_of_Knowledge.html?id=KS_caFqMFoMC&redir_esc=y (Accessed 12/06/2018).

10.OECD Statistics. Science, Technology and Patents. URL: https://stats.oecd.org (Accessed 23/08/2018)

SCIENTIFIC INQUIRY AS TOOL OF EUROPEAN SCIENTIFIC SPACE MANAGEMENT

This article discusses the findings of the Innocult project: «Internationalization of Research: Institutional Innovation, Culture and Agency in the Framework of Competition and Cooperation». This project set to examine the inpact of the EU research programs on research policies against the background of multi-level governance, as well as on key research actors – universities and other research organizations. The author analyzes the outcomes in the light of the recent development of the research system in Europe, bearing in mind the transition from governmental control to governance. The article looks into european countries and studies the differences in their models of participation within the EU research framework. Internationalization trends, which have taken place for over a few decades, are also concerned.

Keywords: Science policy; research; European Research Area; Innocult; EU Framework programs

References

1.Konnov V.I., Repina M.I. Evolyutziya Modelei Universitetskogo Upravleniya: ot «Studium Generale» do «Predrpinimateliskogo Universiteta» [The Evolution of University Governance models: From «Studium Generale» to «Entrepreneur University»]//International Trends. 2015. Vol.13. No.1. p.35-47.

2.Talagaeva D.A. Norvegiya – gosudarstvennaya nauchnaya politika [Norway – state science policy] //Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. No.1. p.155-165.

3.Talagaeva D.A. Skandinavskie strany: nauchnaya politika kak balans natsionalinyh prioritetov i zadach obscheevropeiskogo razvitiya [Scandinavian countries; Science Policy as a Balance of National Priorities and European Objectives] //Vestnik Bryanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2018. No.2 (36). P. 203-216.

4.Shestopal A.V., Konnov V.I. Retsenzirovanie kak organizatsionnaya osnova nauchnoy deyatelinosti [Peer-review as the organizational basis for research]//Sotsialino-politicheskaya funktsiya nauchnyh fondov/M:MGIMO, 2016. 18-37 p.

5.Barend Van der Meulen. Europeanization of Research and the Role of Universities: An Organizational-Cultural Perspective. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1351161022000042570 (Accessed 12/05/2018)

6.Benedetto Lepori, Peter van der Besselaar, Barend van der Meulen. Comparing the Evolution of National Research Policies: What Patterns of Change?//Science and Public Policy, July 2007, p. 372-388.

7.Henry Etzkowitz and Loet Leyserdorff. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies// Science and Public Policy, Vol.25, Issue 3, 1998, p. 195-203.

8.John Crowley and Elise Feron. From Research Policy to the Governance of Research? A Theoretical Framework and Some Empirical Conclusions// Innovation. Carfax Publishing Taylor and Francis Group, Vol.16, #4, 2003.

9.Michel Gibbons. The New Production of Knowledge. The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies//Sage, 1994. 179 p. URL: https://books.google.ru/books/about/The_New_Production_of_Knowledge.html?id=KS_caFqMFoMC&redir_esc=y (Accessed 12/06/2018).

10.OECD Statistics. Science, Technology and Patents. URL: https://stats.oecd.org (Accessed 23/08/2018)

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна – кандидат политических наук, ст. преподаватель кафедры английского языка №6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Talagaeva Darya Aleksandrovna - candidate of political sciences, senior lecturer of the English language department №6, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail:: d.talagaeva@mail.ru.

УДК 262.13(456.31)

Шебалина Е.О., соискатель кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия).

СЛУЧАЙ КАРЛО МАРИЯ ВИГАНО: КОНСЕРВАТОРЫ ВНОВЬ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ ПАПЫ РИМСКОГО

В статье анализируется произошедший в Ватикане скандал с архиепископом Ньюарка (штат Нью-Джерси), связанный по своей сути с борьбой консерваторов и либералов в отношении Папы Франциска и проводимой им политики. В ходе анализа выявлено, что данный случай является составной частью череды проблем подобного рода и свидетельствует о новом витке борьбы консерваторов и либералов в Ватикане. Инцидент наносит определенный урон имиджу католической церкви в целом и Папе Франциску в частности. Неоднозначная реакция понтифика на скандал может быть объяснена, с одной стороны, желанием сделать церковь более прозрачной, с другой, необходимостью сохранить жесткую бюрократическую структуру. При этом определено, что Франциск остаётся понтификом, который больше своих предшественников сделал для того, чтобы церковь стала более прозрачной.
Ключевые слова: Святой Престол, Ватикан, Папа Римский Франциск, консерваторы.
DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-156-160

Недавно Монсеньор Карло Мария Вигано, апостольский нунций в США (2011-2016), призвал Пану Франциска отречься от престола. По мнению дипломата, понтифик, несмотря на осведомленность о неоднократных случаях растления со стороны архиепископа Вашингтона (2000-2006) кардинала Теодора Маккэррика в отношении молодых семинаристов, не отстранял последнего от служения. 26 августа 2018 г. Вигано опубликовал в итальянских СМИ (газета «La Verita», блог ватиниста Альдо Мария Валли) досье из 10 страниц, в котором представил доказательство того, что Римская курия и лично Папа Франциск на протяжении многих лет были в курсе нетрадиционных наклонностей Маккзррика и скрывали этот факт от общественности [12].

В действительности, данное событие является результатом обострения борьбы, существующей в Римской курии между «консерваторами» и «либералами», противниками и сторонниками нынешнего папы, и особенно обострившейся в период его понтификата. В 2016 году 4 кардинала-консерватора, ранее занимавшие руководящие посты в Римской курии (Раймонд Берк, Вальтер Брандмюллер, Карло Каффарра, Иоахим Майснер) открыто выступили против Франциска [10], направив понтифику письмо с критическими замечаниями относительно папской энциклики «Amoris laetitia» (2016) [7] и потребовав срочного объяснения изложенных пунктов. Папа Римский оставил данное обращение без ответа. Конец 2016 года ознаменовался беспрецедентным случаем в истории отношений Мальтийского Ордена с Римско-католической церковью: Великий Магистр Фра Мэтью Фестинг призвал Ватикан не вмешиваться во внутренние дела организации после решения Папы Франциска созвать комиссию для расследования обстоятельств отставки Великого канцлера Ордена [3]. В итоге Мэтью Фестинг был низложен со своей должности, а новым руководителям Ордена был избран лояльный Святому Престолу Фра Джакомо Далла Торре (брат которого возглавляет Суд города-государства Ватикан). Консерваторы, которые выступили против Папы, опять потерпели поражение, и в 2018 году возобновили «кампанию» против Франциска.

Письмо Карло Мария Вигано [12] вызвало широкий общественный резонанс. Папу Франциска незамедлительно поддержали многие американские католические священнослужители. Среди них архиепископ Вашингтона кардинал Дональд Уильям Вюрл, архиепископы Ньюарка, Чикаго, епископ Сан-Диего. Некоторые из них обвинялись в досье, опубликованном Вигано.

В свою очередь, на стороне дипломата выступили консерваторы: председатель Конференции католических епископов США кардинал Д.ДиНардо, епископ Спрингфилда Томас Папроки, епископы Финикса, Талсы, Тайлера, Мадисона и уже упомянутый ранее кардинал Раймонд Берк [9].

Обвинения Вигано

В досье, которое опубликовал монсеньор, говорится: «Теперь, когда коррупция

достигла вершины иерархии Церкви, моя совесть обязывает меня раскрыть те истины, которые я узнал в отношении очень грустного дела бывшего архиепископа Вашингтона Теодора МакКаррика во время моей службы в качестве делегата для апостольского представительства с 1998 по 2009 год и апостольского нунция в Соединенных Штатах Америки с 19 октября 2011 года до конца мая 2016 года». Вигано объясняет, что два бывших нунция в Соединенных Штатах, Габриэль Монтальво (на службе с 1998 по 2005 год) и Пьетро Самби (с 2005 по 2011 год), «не преминули незамедлительно сообщить Святому Престолу, как только они услышали о грубом и аморальном поведении с семинаристами и священниками архиепископа МакКаррика» [12]. Однако реакции, как пишет дипломат, не последовало. В частности, Вигано подчеркивает, что «нунций Самби передал государственному секретарю кардиналу Тарчизио Бертоне обвинения против МакКаррика на основании сведений о насилиях над несовершеннолетними. В других двух документах, переданных Т.Бертоне, Литтлтон рассказал свою историю сексуального насилия со стороны тогдашнего архиепископа Ньюарка и нескольких других священников и семинаристов. Нунций добавил, что Литтлтон уже направил эти заявления в различные гражданские и церковные судебные органы в июне 2006 года, и поэтому очень вероятно, что новость скоро будет обнародована. В связи с этим он настоятельно призвал руководство Римской курии принять меры.

Предпосылки

Карло Мария Вигано родился в 1941 году, рукоположен в священники в 1968 г. и направлен в епархию Павии. Вигано поступает в Папскую Духовную академию, где священников обучают дипломатической службе. Дипломат довольно быстро завоевывает известность и уважение коллег, и его замечает тогдашний «министр внутренних дел» Ватикана монсеньор Джованни Бенелли. Он назначает Вигано своим секретарем вместе с аргентинцем Леонардо Сандри (сейчас - префект Конгрегации для Восточных Церквей) [5].

Те, кто работал вместе с Вигано в Государственном секретариате, характеризовали его как человека скрупулезного, образованного и всецело погруженного в работу. В 1989 году Иоанн Павел II назначил его постоянным наблюдателем Святого Престола в Совете Европы. В 1992 году Папа лично возвел его в сан архиепископа на Церемонии в Соборе Святого Петра и направил его апостольским нунцием в Нигерию. Через 6 лет, в 1998 году, Иоанн Павел II приглашает его в Рим, поручив ему престижную должность делегата папских представителей в Государственном секретариате. Именно здесь дипломат встречается с монсеньором Сандри, который с 2000 по 2007 год занимает должность заместителя Госсекретаря.

Однако для Вигано сценарий полностью меняется с приходом кардинала Тарчизио Бертоне на пост Государственного секретариата на смену Анджело Содано. Между двумя кардиналами часто происходят столкновения. Нунций хорошо работает в Государственном секретариате в тандеме с кардиналом Джованни Лайоло, председателем Губернаторства города-государства Ватикан. Вигано не скрывает своей надежды стать последователем Лайоло. Однако его планы не будут реализованы, так как Т.Бертоне принимает отправить Вигано апостольским нунцием в Вашингтон.

Вигано предпринимает все усилия, чтобы отсрочить отправку в Вашингтон. Он пытается добиться аудиенции Бенедикта XVI и сопротивляться «изгнанию», заявив, что таким образом вся его работа противодействию коррупции в городе-государстве Ватикан канет в лету. Папа не изменяет своего решения, чтобы не дискредитировать Государственного секретаря Т.Бертоне [8].

С приходом Папы Франциска нунций верит в скорейшее возвращение в Ватикан и получение кардинальского сана. В 2015 году визит Бергольо в Соединенные Штаты завершается триумфом. Переговоры с президентом Обамой, выступление в Конгрессе США и Генассамблее ООН — венчают успехи папской дипломатии. Бергольо, в соответствии с протокольной практикой, посещает в Вашингтоне нунция Вигано, который стремится убедить нового понтифика в необходимости возвращения в Рим кардиналом. Однако Папа не вызывает его из столицы США. Более того, по достижении монсеньором 75 лет (канонический возраст отставки), понтифик отправляет дипломата на пенсию.

Бывший нунций возвращается в Ватикан. Но Папа Франциск не принимает дипломата в Ватикане и даже не предоставляет последнему квартиру в резиденции нунциев на покое. Вигано предпринимает попытку противостоять нынешнему понтифику и получает в этом начинании поддержку союзников- консерваторов [6].

Развитие ситуации

На письмо монсеньора Вигано Папа дает ответ посредством политики прямой коммуникации [2]. На мессе в Доме Св. Марты (постоянная резиденция Понтифика) Франциск заявляет: «истинна - смиренна, правда — молчалива», а с людьми, «которые ищут лишь скандала, разделения», единственный верный путь — «молчание и молитва». Кроме того, Папа, апеллируя к Священному писанию, призывает верующих «поразмыслить над своими действиями в повседневной жизни, когда возникает непонимание». В этой ситуации необходимо помнить как «отец лжи, обвинитель, дьявол стремится разрушить единство семьи, народа». Понтифик не упоминает экс-нунция, однако дает понять всему миру свою непримиримую позицию.

Данный инцидент в Римско-католической церкви не станет последним в борьбе двух противостоящих злит внутри Ватикана. Активная позиция Папы Франциска вызывает резкое недовольство консерваторов [11]. Однако на данный момент очевидно, что как и предыдущие, попытки сменить церковное руководство и выступить против нынешней власти Святого Петра будут жестко пресекаться на первый взгляд мягким аргентинским Папой. Как и ситуации с Банком Ватикана, истории со скандалами и растлениями безусловно наносят ущерб имиджу католической церкви в США. При этом необходимо помнить, что несмотря на наличие проблемы именно Франциск поднял ее столь открыто и, более того, признал её существование в лоне церкви. Он поддержал целый ряд судебных процессов, в том числе в США, Чили, Ирландии и Великобритании. Также Франциском предпринимаются многочисленные попытки сделать церковь более прозрачной.

Список литературы

1. Зонова Т.В. Франциск – папа политик [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 30.09.2015. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsisk-papa-politik/

2. Шебалин Д.Д. Шебалина Е.О. 80 лет Папе Франциску: Понтифик не перестает удивлять // Портал МГИМО-Университета. 19.12.16. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/80-let-pape-frantsisku/

3. Шебалин Д.Д. Шебалина Е.О. Мальтийский Орден против Папы Римского — борьба консерваторов и либералов в Ватикане // Портал МГИМО-Университета. 24.01.2017. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/maltiyskiy-orden-protiv-papy-rimskogo/

4. Шебалин Д.Д. Шебалина Е.О. Публичная дипломатия Святого престола // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — с. 217-238.

5. Chi è Viganò, l'arcivescovo che accusa il Papa // Adnkronos.com. 29.08.2018. URL: http://www.adnkronos.com/fatti/cronaca/2018/08/29/chi-vigano-arcivescovo-che-accusa-papa_hMVhN7KqHeXRsW7wdV3O3J.html

6. Colina, J. Le accuse di monsignor Viganò contro Papa Francesco sono vere? // Aleteia. 29.08.2018. URL: https://it.aleteia.org/2018/08/29/accuse-monsignor-vigano-contro-papa-francesco-sono-vere/

7. Esortazione Apostolica postsinodale AMORIS LÆTITIA del Santo Padre Francesco ai vescovi ai presbiteri e ai diaconi alle persone consacrate agli sposi cristiani e a tutti i fedeli laici sull'amore nella famiglia. // Tipografia Vaticana. 19.03.2016. URL: https://w2.vatican.va/content/dam/francesco/pdf/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20160319_amoris-laetitia_it.pdf

8. La Rocca, O. Viganò contro Papa Francesco: quando il rancore diventa vendetta. // Famiglia Cristiana. 12.09.2018. URL: http://www.famigliacristiana.it/articolo/monsignor-vigano-contro-papa-francesco-quando-il-rancore-diventa-vendetta.aspx

9. Lovett, I. U.S. Bishops Are Divided in a Way Rarely Seen in Public. // The Wall Street Journal. 3.09.2018. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-bishops-are-divided-in-a-way-rarely-seen-in-public-1535893201

10. Moia, L. Divorziati risposati. Dubbi e risposte sull'Amoris Laetitia. Il Papa ha già chiarito. Avvenire.it. 02.12.2016. URL: https://www.avvenire.it/chiesa/pagine/i-dubbi-e-le-risposte-il-papa-ha-gi-chiarito

11. Schiavazzi, P. Grande confusione sotto il cielo vaticano, situazione eccellente? // Limesonline.com. 13.09.2018. URL: http://www.limesonline.com/cartaceo/grande-confusione-sotto-il-cielo-vaticano-situazione-eccellente?prv=true

12. Valli, A.M. Caso McCarrick. "Il papa sapeva. Ecco perché deve dimettersi". // Blog di Aldo Maria Valli. 26.08.2018. URL: https://www.aldomariavalli.it/2018/08/26/caso-mccarrick-il-papa-sapeva-ecco-perche-deve-dimettersi/

VIGANO CASE: CONSERVATIVES OPPOSING POPE FRANCIS AGAIN

The article analyzes the scandal which took place in the Vatican with the Archbishop of Newark, which in its essence has to do with the struggle of conservatives and liberals against Pope Francis and his policy. The author states that the case is another one in a series of problems of this kind and marks a new round of struggle between conservatives and liberals in the Vatican. The incident causes damage to the image of the Catholic Church in general and to Pope Francis in particular. The ambiguous response of the pontiff to the scandal can be explained, on the one hand, by desire to make the church more transparent, on the other, the need to maintain a rigid bureaucratic structure. At the same time, it is determined that Francis remains a pontiff, who made more than his predecessors to make the church more transparent.
Keywords: Holy See, Vatican, Pope Francis, conservatives.

References

1. Zonova T.V. Francisk – papa politik [Elektronnyj resurs] // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 30.09.2015. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsisk-papa-politik/

2. Shebalin D.D. Shebalina E.O. 80 let Pape Francisku: Pontifik ne perestaet udivlyat' // Portal MGIMO-Universiteta. 19.12.16. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/80-let-pape-frantsisku/

3. Shebalin D.D. Shebalina E.O. Mal'tijskij Orden protiv Papy Rimskogo — bor'ba konservatorov i liberalov v Vatikane // Portal MGIMO-Universiteta. 24.01.2017. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/maltiyskiy-orden-protiv-papy-rimskogo/

4. Shebalin D.D. Shebalina E.O. Publichnaya diplomatiya Svyatogo prestola // Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika: Nauchnoe izdanie / Pod red. M. M. Lebedevoj. — M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. — s. 217-238.

5. Chi è Viganò, l\'arcivescovo che accusa il Papa // Adnkronos.com. 29.08.2018. URL: http://www.adnkronos.com/fatti/cronaca/2018/08/29/chi-vigano-arcivescovo-che-accusa-papa_hMVhN7KqHeXRsW7wdV3O3J.html

6. Colina, J. Le accuse di monsignor Viganò contro Papa Francesco sono vere? // Aleteia. 29.08.2018. URL: https://it.aleteia.org/2018/08/29/accuse-monsignor-vigano-contro-papa-francesco-sono-vere/

7. Esortazione Apostolica postsinodale AMORIS LÆTITIA del Santo Padre Francesco ai vescovi ai presbiteri e ai diaconi alle persone consacrate agli sposi cristiani e a tutti i fedeli laici sull'amore nella famiglia. // Tipografia Vaticana. 19.03.2016. URL: https://w2.vatican.va/content/dam/francesco/pdf/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20160319_amoris-laetitia_it.pdf

8. La Rocca, O. Viganò contro Papa Francesco: quando il rancore diventa vendetta. // Famiglia Cristiana. 12.09.2018. URL: http://www.famigliacristiana.it/articolo/monsignor-vigano-contro-papa-francesco-quando-il-rancore-diventa-vendetta.aspx

9. Lovett, I. U.S. Bishops Are Divided in a Way Rarely Seen in Public. // The Wall Street Journal. 3.09.2018. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-bishops-are-divided-in-a-way-rarely-seen-in-public-1535893201

10. Moia, L. Divorziati risposati. Dubbi e risposte sull\'Amoris Laetitia. Il Papa ha già chiarito. Avvenire.it. 02.12.2016. URL: https://www.avvenire.it/chiesa/pagine/i-dubbi-e-le-risposte-il-papa-ha-gi-chiarito

11. Schiavazzi, P. Grande confusione sotto il cielo vaticano, situazione eccellente? // Limesonline.com. 13.09.2018. URL: http://www.limesonline.com/cartaceo/grande-confusione-sotto-il-cielo-vaticano-situazione-eccellente?prv=true

12. Valli, A.M. Caso McCarrick. "Il papa sapeva. Ecco perché deve dimettersi". // Blog di Aldo Maria Valli. 26.08.2018. URL: https://www.aldomariavalli.it/2018/08/26/caso-mccarrick-il-papa-sapeva-ecco-perche-deve-dimettersi/

Об авторе

Шебалина Екатерина Олеговна – соискатель кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Shebalina Ekaterina Olegovna - PhD student, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF (Russia), E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

УДК 94(410)

Шендыгаев Д.И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОФИЦЕРОВ БРИТАНСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Статья посвящена проблемам военной истории Великобритании. Автором предпринимается попытка проанализировать и изучить систему подготовки офицеров британской армии и флота, а также исследуется потенциал частных школ в системе подготовки учащихся к поступлению в военные учебные заведения Великобритании. Помимо прочего, в работе рассматриваются попытки реформировать систему подготовки офицеров в Королевском военном колледже в Сандхерсте, в Королевской военной академии в Вулидже. Кроме того, исследуются проблемы подготовки офицеров в Штабном колледже в Кемберли и военно-морском колледже в Гринвиче

Ключевые слова: Военное образование в Великобритании, британская армия и военно-морской флот, британский офицерский корпус, Королевское военное училище в Сандхерсте, Королевская военная академия в Вулидже, Штабной колледж в Кемберли, военно-морской колледж в Гринвиче.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-161-168

Начало XX века естественным образом повлекло за собой ряд существенных изменений, как в социальной, так и в политической сферах общественной жизни. Технические изобретения, индустриализация, проблемы, связанные с управлением Британской империи, требовали от офицеров конкретных и качественных знаний, наряду с повышением профессионализма в целом. В существовавших в начале XX века условиях, государство стало отдавать первостепенное значение обучению и подготовки военных кадров в специализированных военных учреждениях Великобритании.

Руководители, так или иначе, всегда играли главенствующую роль, особенно это характерно для генералитета и офицерства во время военных конфликтов. В конце XIX начале XX вв. в британской армии и обществе превалировало мнение о том, что верховное командование в целом и отдельные офицеры, в частности, должны являться эталоном храбрости, силы и решительности. Кроме того, они всегда должны были находиться в центре сражения и составлять основу военного руководства [2, с. 25]. Примитивная и устаревшая форма военного руководства, проявляющаяся в личном присутствии, фактически в эпицентре сражения, в армии, и величавостью своей осанки и бесстрашием в бою, во флоте, деформировалась накануне, и приняла свои окончательные, обезличенные и высокоорганизованные формы, во время Первой мировой войны. Важной точкой отсчета осознания изменившихся условий войны и корректировки учебного плана подготовки офицеров британской армии явилась англо-бурская война 1899-1902 гг. Необходимость пересмотра роли командующего в сражении возникла с самого начала войны и одним из примеров послужила участь Пенна Саймонса, генерала, которому пришлось организовывать все приготовления незадолго до объявления войны. Артур Конан Дойл в своем исследовании событий англо-бурской войны 1899-1902 гг. писал: «Генерал Саймонс с поразительным мужеством навлекал на себя огонь противника, отказавшись спешиваться, получил смертельное ранение в живот, к тому же, его сопровождал ординарец с красным флажком части, что еще больше привлекало внимание» [3, с. 84]. Помимо устаревшего характера понимания современной войны изменился и сам масштаб сражений. Так, если герцог Мальборо вел боевые действия на фронте в 8 км, а герцог Веллингтон при Ватерлоо имел фронт менее 5 км, то уже во время Первой мировой войны военное руководство имело дело с фронтом в 160 км, где основные боевые действия сосредотачивались на пространстве протяженностью 16-30 км [2, с. 51].

В начале XIX века возникла необходимость в совершенствовании подготовки и образования офицеров пехоты и кавалерии. В 1802 г. в Марлоу (Marlow) был основан и занял ведущее положение в стране Королев-

ский военный колледж, который был перенесен в 1812 г. в Сандхерст (Royal Military College, Sandhurst). Фактическим основателем училища являлся Джон Ле Марчант, который был одним из знаменитых британских генералов от кавалерии. Он считал, что профессиональная подготовка младших офицеров являлась необходимой для британской армии [13, p. 9]. В 1813 г. состоялось торжественное освящение знамени Королевского военного училища в Сандхерсте, на церемонии которого присутствовала королева, вместе с принцем-регентом и герцогом Йоркским. Училище набирало, в среднем, около 200 кадет: 100 должны были быть сыновьями аристократов и офицеров, другие 50 – имеющие договоренности и поступающие на службу в Ост-Индскую компанию, и 50 мест предназначалось для сыновей офицеров, погибших на военной службе, и не имевших родственников. Возрастной ценз для поступления в училище начиналось от 16 лет для выпускников школ, и доходил до 22 лет, для тех, кто уже имел университетское образование [6, pp. 213-214]. Поступление в училище проходило 2 раза в год, обычно с 10 февраля и 1 сентября, и раз в полгода объявлялись точные даты экзаменов, место их проведения и количество вакантных мест. Для поступающих, имеющих университетское образование, давалось 2 попытки сдачи экзаменов, в то время как представителям остальных категорий разрешалось сдавать не более 3 раз. Помимо прочего необходимо было написать заявление на предоставление возможности сдавать вступительные испытания, и подать их было необходимо не позднее 15 октября и 15 мая, соответственно. К данному заявлению, для лиц, не имеющих университетского образования, должно было быть прикреплено свидетельство о рождении и характеристика от ответственного лица, под контролем которого находился абитуриент с 12 лет. Для молодых людей, не достигших 21 года, к заявлению необходимо было прикрепить сертификат о сдаче экзаменов с предыдущего места обучение, либо о прохождении экзаменов в Оксфорде, предыдущего экзамена в Кембридже, итогового экзамена в Дублине, экзамена первого года обучения в университете в Дарема, или экзамена для кандидатов в армию в Шотландских университетах. Между тем, для тех, кому не исполнилось 22 лет, необходимо было иметь степень Оксфорда, Кембриджа, университета Дарема, Лондона, Дублина и шотландских университетов: в Эдинбурге, Святого Андрея, в Глазго и Абердинского.

До начала сдачи основного экзамена необходимо было сдать пробный, который показывал общий уровень интеллектуального развития, способности кандидата и по которому не ставились отметки, кроме баллов по геометрическому чертежу. Зачисление осуществлялось по суммарному количеству баллов основного экзамена, в сумме с баллами по чертежу, которые удалось набрать кандидату. В перечень обязательных экзаменов входила математика и английский язык, а оставшимися по выбору являлись современные иностранные языки (французский, немецкий), история, естественные науки, экспериментальные науки и черчение [1, с. 55]. Кандидат мог выбирать предметы для сдачи экзамена, кроме обязательных, но их должно было быть не менее 2 и не более 4, не считая черчение.

Обучение являлось платным, и его стоимость была четко определена для каждой категории кадет. Минимальный размер оплаты обучения составлял 20 £ и в данную категорию входили кадеты, направляющихся для службы в Индии, и дети офицеров армии и флота, отцы которых погибли во время несения службы. Сумму в размере от 40 до 80 £ платили дети военных, начиная от младших офицеров и заканчивая генералами, адмиралами и преподавателями военных учреждений, и плата варьировалась в зависимости от военного звания отца и должности, занимаемой в армии. Однако самую большую плату за обучение, в размере 125 £, вносили дети частных лиц. В стоимость обучения входило обмундирование и питание кадет. Эти данные показывают, что, несмотря на отмену патентов в армии, получение высшего военного образования было делом трудным и дорогостоящим[6, p. 215], что можно было сказать и об армейской жизни в целом. Так будущий фельдмаршал Бернард Монтгомери вспоминал: «Армейская жизнь требовала расходов, которые заметно превышали денежное довольствие. Считалось, что нужен личный доход, по меньшей мере, 100 фунтов в год для

службы даже в, как говорится, наименее «престижных» частях территориальной армии. Чтобы приняли в кавалерийские и в более престижные пехотные полки, требовался доход в 300-400 фунтов» [4, с. 16].(стоимость £1.00 в 1855 г. ≈ £ 102.38 в 2017 г.) [16]

Обучение в Сандхерсте длилось 1 год, который делился на 2 семестра, в течение которого кадеты назначались в подразделения не менее 25 человек, под руководством одного из профессоров или преподавателя. Учебный план включал изучение королевского законодательства и приказов по армии, полковое хозяйство, экономику и корреспонденцию, военный устав, военную тактику, фортификацию, топографию и разведку, пехотную и полевую артиллерию, наряду со строевой подготовкой, фехтованием, верховой ездой и плаванием. В конце каждого семестра кадеты сдавали экзамены, и при успешной сдаче переходили в следующей семестр, а при провале, приходилось начинать весь курс заново. По прохождению курса и удачной сдаче экзаменов, кадеты распределялись в армию в чине второго лейтенанта. Для тех кадет, которые неудачно сдавали экзамены по окончанию второго семестра, не разрешалось вернуться в училище, но было разрешено сдать экзамен еще один раз, однако в случае провала и этого экзамена, кадет не распределялся в армию. Шансы на хорошую должность зависели как наличия вакансий, так и от места новоиспеченного офицера в общем рейтинге по результатам финальных испытаний [10, pp. 126-130]. К концу XIX века стали уделять больше внимания на личностные аспекты офицеров, в том числе, офицер позиционировался как лидер, который должен заботиться о своих подчиненных, ставить интересы вверенных ему людей выше своих собственных [5, p.141].

Важным этапом в эволюции офицерского образования и военных учреждений было открытие Королевской военной академии в Вулидже (Royal Military Academy, Woolwich) в 1741 году. Академия была первым военным учреждением, профессионально готовившим офицеров в Великобритании, и специализировалась на подготовке офицеров артиллерии и инженерных войск. Первые годы работы были весьма удручающими: отсутствие казарм до 1752 г., а при их появлении, не каждому доставалась своя кровать, и ее приходилось делить с другими обучающимися. Помимо ужасных жилищных условий, не лучше обстояло дело с образовательными планами. Математика, физика и химия преподавались только в теории (фактически без учебников) 3 дня в неделю, а другие 3 дня были посвящены практическому обучению артиллерийского дела, минированию, строительству мостов. Финальные экзамены ограничивались несколькими вопросами перед членами комиссии. В связи с потребностями армии, развитием вооружения и эволюцией офицерского корпуса, изменялся учебный план и ужесточалась дисциплина в академии. К концу XIX века академия предоставляла ежегодно 100 учебных мест, и кадеты тратили от 2 до 4 лет теоретического обучения до того момента как приступить к практическим занятиям. Зачислением в академию ведал начальник главного управления вооружения и боевой техники [6, p. 222]. Возрастной ценз для поступления в академию варьировался от 16 до 18 лет. Экзамены в академию разрешалось сдавать 2 раза в год: в декабре и июле, и кандидаты не допускались к экзаменам, если 1 января и 1 июля они выходили за рамки возрастных ограничений. Плата за обучение была различной, но она не отличалась от стоимости года обучения в Сандхерсте [10, p. 128]. В стоимость обучения входило обмундирование и питание, а об оставшихся необходимых вещах должны были заботиться родители кадет.

Во время обучения в академии кадеты делились на группы, кураторами каждой группы которых был один майор и 4 лейтенанта, и в их задачи входило поддержание дисциплины и проведение учений. В курс обучения входили обязательные предметы: математика, включая тригонометрию и практическую механику, фортификация, артиллерийское мастерство, военная графика, история и география, французский и немецкие языки, элементарная химия и физика, строевая подготовка и физические упражнения. В перечень предметов по выбору входили: высшая математика и фортификация, латинский, греческий, а также помимо обязательных языков итальянский, русский, испанский или хиндустани, ландшафтный рисунок, а также

более сложный курс химии. Все курсы учебных предметов имели бальную систему и по прохождении курсов, для получения сертификата о квалификации и дальнейшей отправки в войска, кадетам необходимо было набрать определенное количество баллов. Так надо было набрать не меньше половины баллов от возможных по таким обязательным предметам как: математика, механика, артиллерия и фортификация, и половину баллов от суммы всех баллов по обязательным предметам. Также необходимо было набрать минимум 1/3 от суммы баллов по профильным предметам [10, pp. 124-125].

В связи с закрытием военной семинарии в Аддискомбе (Лондон) (Addiscombe, Military Seminary) в 1861 г., которая была открыта Ост-Индской компанией для подготовки офицеров к службе в Индии, и военной ситуацией в Европе в 1870-х гг. количество обучающихся в Сандхерсте и Вулидже, медленно, но непреклонно росло. Военная семинария готовила офицеров для службы в Индии, а во время закрытия было принято решение, что подготовку офицеров для нужд британской армии в Индии будут готовить в училище и академии. После закрытия семинарии в Аддискомбе, фактически, все прибывающие офицеры Британской Индийской армии были выпускниками Сандхерста [14, p. 193]. Возрастной ценз для поступления в семинарию был определен 15 годами, а основные учебные дисциплины и срок обучения соответствовал нормам в Сандхерсте. За время своего существования семинария смогла выпустить 2000 офицеров пехоты, 1100 офицеров артиллерии и 500 офицеров инженерных войск [8, p. 5].

Ошибки, некомпетентность и явные промахи высшего командования Великобритании во время Крымской войны не заставили себя долго ждать. Вследствие назначения нескольких комиссий по изучению проблем военного образования, многочисленных споров в парламенте, Советом по военному образованию было решено основать штабной колледж в Кемберли, для обучения старших офицеров, который несколько бы отличался от, уже существовавшего, королевского военного училища в Сандхерсте, но до 1911 г. попадающий под юрисдикцию военного училища [5, p. 136].

Строительство колледжа было окончено в 1862 г. и затраты на строительство составили 62 000 £. Штабной колледж в Кемберли готовил штабных офицеров для всех родов войск британской армии [12, p. 59]. Поступление осуществлялось только на конкурсной основе путем сдачи экзамена, помимо этого требовались хорошие отзывы о последних 3-х годах службы, а для младших офицеров свидетельства о прохождении квалификационных экзаменов. Полный курс обучения в колледже составлял 2 года, каждый год был разделен на 3 семестра: первый – с 22 января по 15 апреля, второй – с 16 мая по 31 июля и третий – с 1 октября по 21 декабря [12, p. 60]. В перечень учебных дисциплин и первостепенное значение уделялось изучению таких предметов как: история, черчение, военное управление, военно-уголовное право, изучение строительства фортификационных сооружений и разведка, и в дополнение иностранный язык, естественные науки и математика, однако в меньшей степени или практически отсутствовали учебные дисциплины, связанные с изучением военного искусства[1, с. 56]. После завершающих экзаменов и включения в список офицерского состава, офицер должен был прослужить 6 месяцев, позже срок службы был снижен до 1 месяца, в войсках, отличных от собственной специализации.

Тем не менее, нельзя в полной мере говорить, что учеба в колледже являлась распространенным способом продвижения по карьерной лестнице. Необходимость предварительной подготовки для сдачи вступительных экзаменов, служба многих офицеров за границей, возможность поступление только одного кандидата от батальона и негативное отношение высокопоставленных генералов к выпускникам колледжа, в связи с заповедями офицерско-джентельменской традиции, принижали репутацию учебного заведения. До отмены патентов в британской армии в 1870 г., учеба в колледже, вовсе считалась потерей 2 лет военной службы и возможности продвижения по карьерной лестнице [5, pp. 136-137]. Важные изменения произошли в 1880-х гг. Была отменена возможность получение сертификата об окончании колледжа, без фактического прохождения курса. Помимо этого, возросло количество мест для поступления в год,

с 30 до 32 мест до 40, и дополнительные места были рассчитаны для кандидатов из войск, базировавшихся в Индии. Количество мест в колледже увеличивалось и накануне Первой мировой войны и составило - 80, а уже во время войны 100[12, p. 59]. Важным изменением являлась возможность выставлять более одного кандидата от полка для поступления в колледж. Процесс обучение был ориентирован на изучение тактических и стратегических проблем и задач[5, pp. 137-138]. Уже в начале XX века была осознана значимость обучения в колледже для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Так Монтгомери писал, что для овладения военным искусством требуется вся жизнь, а для постижения всех его тонкостей первым шагом должно было стать поступление в штабной колледж в Кемберли [4, с. 30-31].

В январе 1873 г. королева подписала указ об открытии военно-морского колледжа в Гринвиче (Royal Naval College, Greenwich). В военно-морском колледже можно было получить профессиональное образование выше мичманского звания, а также колледж был открыт для повышения квалификации офицеров, начиная от исполняющих обязанности младших лейтенантов (Acting Sub-Lieutenant), штурманов и заканчивая званиями капитанов различных рангов. Сдать экзамены в колледж можно было 2 раза в год и начинались экзамены с третьей среды июня и последней среды ноября, а сроки сдачи экзаменов назначались с 15 июля и 15 января соответственно. Кандидатам, на момент сдачи экзаменов, должно было быть не меньше 12 и не больше 13,5 лет. До сдачи вступительных экзаменов кандидат должен был пройти медицинскую комиссию и физическое соответствие для службы на флоте. Помимо этого, необходимо было сдать свидетельство о рождении и характеристику, либо от директора школы, либо от священнослужителя прихода, который посещал кандидат. Возможность сдавать вступительные экзамены предоставлялась только один раз, и для успешного прохождения требовалось набрать не менее 40% от максимального количества баллов каждого вступительного экзамена, которые были следующими:

1. Диктант по английскому языку – 100 баллов
2. Чтение современной английской литературы и грамматический разбор простых предложений – 100 баллов
3. Арифметика – 200 баллов
4. Основы алгебры – 200 баллов
5. Основы геометрии – 200 баллов
6. Латинский язык: чтение, перевод и грамматический разбор отрывков на латинском, перевод простых фраз с английского на латинский – 200 баллов
7. Чтение, перевод и грамматический разбор простых фраз с французского – 100 баллов
8. История священных писаний – 100 баллов [10, p. 137].

Кандидаты, успешно прошедшие вступительные экзамены и зачисленные в колледж, направлялись на учебный корабль H.M.S. “Britannia”, 120-пушечный линейный корабль первого ранга, расположенный в Дартмуте. Двухгодичный курс обучения на корабле делился на 4 семестра, и в конце каждого необходимо было сдавать экзамены. За неудовлетворительное прохождение экзаменов кадет наказывался. В зависимости от ситуации наказание варьировалось от выговора до отчисления.

Для возможности прохождения обучения на корабле необходимо было внести плату в размере 100 £, помимо этого стоимость года обучения составляла 70 £, однако лорды-уполномоченные адмиралтейства могли сократить оплату до 40 £, в связи с конкретными обстоятельствами кадета. В Гринвиче изучался широкий перечень учебных дисциплин. Большое внимание уделялось развитию системы знаний из различных областей науки, таких как, геометрия и прикладная математика, включая кинематику, механику, теориям звука, света, тепла и магнетизма, а также геодезия, гидрография и морская астрономия. Преобладающее значение в деле обучения морских офицеров имело инженерное дело. В военно-морском колледже преподавались предметы по черчению, кораблестроению, морским фортификациям и морской артиллерии. К гуманитарному перечню дисциплин относилось изучение международного и морского права, морской истории и тактики, включая изучение морских сигналов и эволюцию паровых двигателей, а также акцент делался на изучение иностран-

ных языков [6, pp. 246-247]. Учебный год начинался 1 октября и завершался 30 июня.

После прохождения обучения на учебном корабле, кадет направлялся на морское судно в качестве мичмана и должен был находиться на службе в течении 5 лет, от качества прохождения которой зависели его дальнейшие перспективы. Обычно, после 3 или 3,5 лет службы в качестве мичмана, кадет отправлялся в Гринвич, для прохождения математического курса и на корабль H.M.S. “Excellent”, для курса по артиллерии, после этого разрешалось сдавать экзамен на звание исполняющего обязанностей младшего лейтенанта, и несколько экзаменов на знание своих обязанностей. Во время прохождения службы на корабле, капитан судна следил за выполнением обязанностей кадета и поддержанием дисциплины. Финальный экзамен включал в себя знания практического морского дела, артиллерии и навигации, и сдавался либо в Гринвиче, либо на морских базах, а в качестве экзаменаторов выступали морские офицеры. В случае прохождения экзаменов на отлично, кадет получал сертификат первого класса и получал звание младшего лейтенанта [10, pp. 137-139].

Важную роль в области подготовки будущих офицеров британской армии занимали частные школы. Во второй половине XIX века требования к общеобразовательному уровню развития поступающих в Сандхерст и Вулидж возросли и ужесточились. С задачей подготовки будущих военных к получению высшего образования и соответствию требований удачно справлялись частные школы [14, p. 192]. Однако все большее количество родителей нанимало репетиторов для своих детей, специально для поступления в военные учреждения. Многие военный подчеркивали тот факт, что учебные дисциплины, которые изучают учащиеся данных учреждений, являются важными образовательными фундаментами, влияющими на уровень подготовки будущих офицеров. К тому же условия пребывания в частных школах были приближены к условиям в военных учреждениях, что помогало быстрее адаптироваться кадетам в новых условиях [7, p. 63]. Так, уже к концу XIX века около 90 % поступающих в военную академию в Вулидже составляли выпускники частных школ [8, p. 347]. Однако критиков военной системой образования беспокоила не столько перечень учебных дисциплин данного типа школ, сколько содержание образования и соответствие его к требованиям времени. В Великобритании существовал ряд школ, являющиеся военными по своей структуре, предназначенные, в основном, для детей солдат и сирот, и готовящие их, в основном, для прохождения службы в армии, а часть для поступления в Сандхерст и Вулидж. Так существовала Королевская Хиберниан военная школа (Royal Hibernian Military School) в Дублине, Королевское военное училище герцога Йоркского (Duke of York`s Royal Military School) в Лондоне. Эти школы были во многом похожи, количество обучающихся варьировалось от 410 до 480 человек. В школах изучались следующие учебные дисциплины: грамматика, чтение, правописание, арифметика, элементарная механика, география, английская история. Внимание уделялось физическому воспитанию, строевой подготовке, артиллерийскому мастерству. В школах обучались до 14 лет. Несмотря на некоторые недостатки, подобная двухуровневая система обучения, вначале школьное образование, чаще всего обучение в частных школах, а затем вступительные экзамены и получение военного образования, оставалась, фактически, неизменной вплоть до Второй Мировой войны [14, p. 193].

К концу XIX века общие условия проживания и питания в военных учебных учреждениях улучшились. Большое внимание уделялось физическому состоянию кадет, строевой подготовке, верховой езде, непосредственно тактике, стратегии и военному управлению, однако технический прогресс в расчет фактически не брался. Несмотря на то, что нередко проводились спортивные соревнования между учащимися, крупной военной базы или лагеря для целенаправленной военной подготовки войск, отправляющихся на базирование в колонии, не существовало [1, с. 56].

По окончанию англо-бурской войны 1899-1902 гг. в английском обществе вспыхнули яростные дискуссии по вопросу о подготовке и профессионализме британской армии в целом, и офицеров, в частности. В связи с выявленными трудностями во время войны, было принято решение о том, что необходимо

улучшить качество обучение старших офицеров (от ранга полковника и выше) в армии [8, p. 75]. После очевидных неудач британской армии во время англо-бурской войны на командный состав армии обрушился поток нападок. В британском обществе стали говорить о явной невыполнимости первоначальных идей военных реформ Эдварда Кардуэлла по отмене патентов и поступлению в военные заведения на конкурсной основе. Полковник Кинг-Хармен высказывался за идею кардинального пересмотра учебных дисциплин в Сандхерсте и Вуллидже, предлагал уделять больше внимания физическому соответствию поступающих, и даже об унификации военного образования армии и флота, считая морское образование образцом военного образования [11, pp. 62-65]. Несмотря на создание комиссии во главе с Экерсом-Дугласом, предназначенной для решения трудностей военного образования по итогам англо-бурской войны, и, казалось бы, реформирования учебной программы военного образования, суть ее оставалась неизменной до начала Первой мировой войны [9, pp. 13-14].

С началом Первой мировой войны и затем формированием регулярной армии в Великобритании появился огромный спрос на офицеров. Несмотря на уменьшение срока обучения до 6 месяцев, военные учреждения Сандхерста и Вулиджа могли обеспечивать только 42% от общего количества новоиспеченных офицеров регулярной армии, в то время как за весь период войны было подготовлено около 250 тыс. офицеров [15, p. 235]. В связи с этим на офицерские должности назначали молодых людей, имеющих приемлемый уровень образования, которые проходили специальные месячные курсы тренировок и обучение, а к концу войны, требования к уровню образования еще больше регрессировал.

Список литературы

1. Егоров К.Б. Армейский офицерский корпус и имперская политика Великобритании во второй половине XIX века. Кандидат.диссер. СПб. 2000.
2. Кингстон-Макклори Э.Дж. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М. 1957.
3. Конан Дойл А. Англо-бурская война: 1899-1902. М. 2018.
4. Монтгомери. Мемуары фельдмаршала Монтгомери виконта Аламейнского. М. 2004.
5. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. NY. 2007.
6. Dumaresq de Carteret-Bisson F.S. Our Schools and Colleges. Vol. I. L. 1884.
7. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.
8. Harold E. Raugh, Jr. The Victorians at war, 1815-1914: an encyclopedia of British military history. Santa Barbara, California, 2004.
9. Johnston Harry H. On the urgent need for reform in our national and class education. L. 1918.
10. King A. Our sons; How to start them in life. L. 1880.
11. King-Harman M.J. The education of Army officers. //United Service Magazine. Vol. XXIX. New Series. April 1904 to September 1904. L. 1904.
12. Leask G.A. Sir William Robertson. The Life Story of the Chief of the Imperial General Staff. L., NY., Toronto and Melbourne. 1917.
13. Mockler-Ferryman A.F. Annals of Sandhurst. A Chronicle of the Royal Military College. L. 1900.
14. Otley C.B. The educational background of British Army officers. // Sociology, vol. 7, 2. May 1, 1973.
15. Statistics of the Military Effort of the British Empire during the Great War. 1914-1920. The War Office. 1922.
16. Bank of England. [Электронный ресурс]//URL: http://www.bankofengland.co.uk/Pages/home.aspx (Дата обращения: 11.10.2017)

MILITARY EDUCATION OF OFFICERS OF BRITISH ARMY AND NAVY ON THE CUSP OF THE XIX-XX CENTURIES.

This article is devoted to problems of military history of Great Britain. The author tried to analyze and explore system of training of British Army and Navy officers and also opportunities of public schools in system of preentry training in Great Britain. Among other issues, present article addresses the problems of reformation of officers` training system in the Royal Military College at Sandhurst and the Royal Military Academy at Woolwich. Besides, there are studied the problems of officers` training in the Staff College at Camberley and the Royal Naval Staff College at Greenwich.
Keywords: Military education in Great Britain, British Army and Navy, British Officer Corps, the Royal Military College at Sandhurst, the Royal Military Academy at Woolwich, the Staff College at Camberley, the Royal Naval Staff College at Greenwich.

References

1. Egorov K.B. Armejskij oficerskij korpus i imperskaya politika Velikobritanii vo vtoroj polovine XIX veka: dis…kand. istor. nauk. [The Officer Corps of Army and imperial policy of Great Britain in the second half of the XIX century]St. Petersburg. 2000.
2. Kingston-MakkloriEH.Dzh. Rukovodstvo vojnoj. Analiz roli politicheskogo rukovodstva i vysshego voennogo komandovaniya. [Kingston-McCloughry. The Direction of War] M. 1957.
3. Konan Dojl A. Anglo-burskaya vojna: 1899-1902. [Arthur Conan Doyle. The Great Boer War] M.2018.
4. Montgomeri. Memuary fel'dmarshala Montgomeri vikonta Alamejnskogo. [Montgomery. The Memoirs of field-marshal the viscount Montgomery of Alamein] M.2004.
5. Clayton A. The British Officer. Leading the Army from 1660 to the Present. NY. 2007.
6. Dumaresq de Carteret-Bisson F.S. Our Schools and Colleges. Vol. I. L. 1884.
7. French D. Military Identities. The Regimental System, the British Army, and the British People, c. 1870-2000. Oxford. 2005.
8. Harold E. Raugh, Jr. The Victorians at war, 1815-1914: an encyclopedia of British military history. Santa Barbara, California, 2004.
9. Johnston Harry H. On the urgent need for reform in our national and class education. L.1918.
10. King A. Our sons; How to start them in life. L. 1880.
11. King-Harman M.J. The education of Army officers. //United Service Magazine. Vol. XXIX. New Series. April 1904 to September 1904. L. 1904.
12. Leask G.A. Sir William Robertson. The Life Story of the Chief of the Imperial General Staff. L., NY., Toronto and Melbourne. 1917.
13. Mockler-Ferryman A.F. Annals of Sandhurst. A Chronicle of the Royal Military College. L. 1900.
14. Otley C.B. The educational background of British Army officers. // Sociology, vol. 7, 2. May 1, 1973.
15. Statistics of the Military Effort of the British Empire during the Great War. 1914-1920. The War Office. 1922.
16. BankofEngland. [electronic source]//URL: http://www.bankofengland.co.uk/Pages/home.aspx (reference date: 11.10.2017)

Об авторе

Шендыгаев Дмитрий Игоревич – аспирант, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: shendygaev@inbox.ru

Shendygaev Dmitriy Igorevich – Postgraduate student, Department of World history, international relations and international law, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: shendygaev@inbox.ru

УДК 657.2.016 + 330.322.1

Дедова О.В., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Мельгуй А.Э., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Дворецкая Ю.А., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ковалев А.Ф., кандидат технических наук, Брянский государственный аграрный университет (Россия)

ФИНАНСОВО-УЧЕТНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРАРНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

В статье анализируется современное состояние и динамика развития инвестиционной деятельности экономических субъектов, функционирующих в агарном секторе экономики, на примере отдельных показателей материально-технической базы сельскохозяйственных организаций. Рассматривается значение бухгалтерского учета в формировании необходимой учетно-аналитической информации связанной с инвестиционной деятельностью агарных формирований, а также применяемый финансово-учетный инструментарий и его роль в подготовке таких данных для руководства сельскохозяйственных предприятий. Финансирование текущей деятельности и капитальных вложений в субъектах сельскохозяйственной отрасли осуществляется за счет собственных и привлеченных источников, среди которых присутствует и господдержка, и классифицируется на долгосрочное и текущее финансирование. Основные составляющие инвестиционного поля аграрных формирований включают приобретение и создание объектов основных средств, поддержание необходимых качественных характеристик природных ресурсов, подбор соответствующего для выполнения определенных функций персонала и повышение его квалификации, приобретение специализированных производственных запасов и расчеты с персоналом и сторонними лицами в текущей хозяйственной жизни экономического субъекта. Все направления инвестиционной деятельности должны находить свое отражение в учетно-аналитической системе, созданной бухгалтерской службой сельхозтоваропроизводителя.
Ключевые слова: аграрный сектор экономики, инвестиционная деятельность, бухгалтерский учет, финансово-учетные инструменты, финансирование инвестиционной деятельности экономического субъекта.

Инвестиционная деятельность представляет собой вложение свободных денежных средств или иного имущества и осуществление практических действий, направленных на получение прибыли или достижение иного положительного эффекта. Для сельскохозяйственных предприятий вложения любого характера носят актуальный характер, поскольку их деятельность в России существенно зависит от климатических условий, характеризующихся чрезмерными перепадами, кредитной политики государства, обуславливающей возможность привлечения заемных средств, кадрового развития трудового потенциала, замедляющегося нежеланием граждан работать в достаточно непростых условиях сельскохозяйственного производства и прочих факторов.

Это обусловило необходимость изучения возможностей аграрных формирований в части финансирования производственной и непроизводственной сфер деятельности за счет различных источников финансирования и отражение инвестирования в учетной системе экономических субъектов.

В процессе проведенного исследования применялись следующие научные методы: монографический, расчетно-конструктивный, статистического наблюдения, синтеза и анализа, а также элементы бухгалтерского учета: счета и двойная запись, отчетность и балансовое обобщение.

Исследование показало, что инвестиционная деятельность аграрных формирований заключается в осуществлении различного рода вложений в развитие собственного производства, как на краткосрочный, так и долгосрочный период времени [11].

Инвестиционная активность в современном мире организована по следующим приоритетным направлениям:

1) развитие материально - производственной базы в количественном и качественном выражении;

2) развитие кадрового потенциала для обеспечения положительного индекса производительности труда.

Инвестиционная деятельность аграрных формирований проявляется в модернизации и замене используемых ранее при производстве продукции сельхозмашин и оборудования [3]. Такой вывод подтверждается, например, снижением количества сельхозтехники за последние годы при положительном индексе производства продукции по России (см. таблицу 1).

Таблица 1

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях по РФ, тыс. штук

Наименование сельхозтехники	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Тракторы	746,7	480,3	310,3	233,6	216,8	29,0
Плуги	237,6	148,8	87,7	64,1	59,7	25,1
Культиваторы	260,1	175,5	119,8	93,2	87,6	33,7
Сеялки	314,9	218,9	134,0	93,6	82,8	26,3
Зерноуборочные комбайны	198,7	129,2	80,7	61,4	57,6	29,0
Косилки	98,4	63,9	41,3	32,2	30,5	31,0
Доильные установки и агрегаты	88,7	50,3	31,4	25,1	22,9	25,8

Представленные в таблице 1 данные наглядно демонстрируют отрицательную динамику количества сельхозмашин по всем представленным наименованиям. По неуказанным категориям сельскохозяйственной техники (например, жатки, пресс-подборщики, картофелеуборочные и кормоуборочные комбайны и т.д.) - такая же тенденция за последние полтора десятка лет. Основная причина заключается в приобретении экономическими субъектами, функционирующими в аграрном секторе экономики, новых, более технологически оснащенных машин, которые могут совмещать функции нескольких ранее разобщенных агрегатов. Одновременно необходимо учитывать количество сельхозтоваропроизводителей и вовлеченность находящихся в их распоряжении земель в сельскохозяйственный оборот. Это позволяет определить нужное количество сельхозтехники для обработки используемых сельскохозяйственный угодий [5].

Так, новые технологии в развитии машиностроения для аграрных формирований привели к сокращению количества техники на 1000 га пашни, что наиболее наглядно отражают статистические данные по тракторам и комбайнам (таблица 2).

Таблица 2

Обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами и комбайнами по РФ

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Приходится тракторов на 1000 га пашни, шт.	7	6	4	3	3	42,9
Нагрузка пашни на один трактор, га	135	181	236	307	327	242,2
Приходится на 1000 га посевов (посадки) соответствующих культур комбайнов, шт.:						
Зерноуборочных	5	4	3	2	2	40,0
Кукурузоуборочных	10	5	1	0	0	-
Картофелеуборочных	51	32	16	15	17	33,3
Льноуборочных	35	22	24	14	11	31,4
Приходится посевов (посадки) соответствующих культур на один комбайн, га						
Зерноуборочных	195	253	327	422	427	219,0
Кукурузоуборочных	97	215	817	2008	2625	В 27р.
Картофелеуборочных	19	31	62	67	60	В 3 р.
Льноуборочных	28	46	42	70	93	В 3,3р.

За период 2000-2017гг сократилось количество тракторов на 1000 га пашни в 2,3 раза, а площадь пашни, приходящейся на 1 трактор, увеличилась в 2,4 раза, т.е. несмотря на увеличение посевных площадей, новые машины справляются с их обработкой. Количество

комбайнов также уменьшилось в 2-4 раза в зависимости от категории возделываемой культуры, при одновременном повышении приходящейся на 1 комбайн площади посевов.

Эффективность инвестиционных вложений на замену технологического парка подтверждается и ростом производства продукции сельскохозяйственными организациями России (см. таблицу 3).

Таблица 3

Продукция по сельскохозяйственным организациям РФ, млн. руб.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Продукция сельского хозяйства	742,4	1380,9	2587,8	5165,7	5654,0	В 7,6р.
в том числе:						
растениеводства	394,7	669,8	1191,5	2791,4	3033,2	В 7,7р.
животноводства	347,7	711,1	1396,3	2374,3	2620,8	В 7,5р.

Данные таблицы 3 показывают значительные темпы прироста произведенной продукции. Несомненно, инфляционные процессы к 2017-му году по сравнению с 2000-м годом (данные в таблице 2 приведены в фактически действовавших ценах) серьезно повлияли на рост стоимости произведенной продукции. Но значительно увеличились и объемы производства сельхозпродукции, чему способствовали инвестиционные вложения в модернизацию и приобретение как техники и оборудования, так и в строительство зданий и сооружений, вовлечение в оборот вышедшей из использования после развала колхозов и совхозов, являющихся основой советского сельскохозяйственного производства, пашни и других земельных угодий.

Экономические субъекты, функционирующие в аграрном секторе народного хозяйства, не могут ограничиваться инвестициями только в основной капитал. Для их текущей деятельности требуется поддержание на необходимом уровне используемых биологических ресурсов, который позволит получать экономически обоснованные урожаи сельхозкультур и кормовой базы [6]. Это обеспечивается за счет внесения минеральных и органических удобрений, проведения мелиорации земель. Данные мероприятия являются дорогостоящими, однако окупают себя высокими урожаями выращиваемых культур при соблюдении правил агротехники их возделывания.

За 2000-2017 гг. внесение минеральных удобрений (см. таблицу 4) выросло как в количественном (на 1,1 млн. т.) так и в качественном выражении (на 36 т. на 1 га посевной площади). В результате доля посевной площади, в которую вносились минеральные удобрения в 2017 г. составила немногим более половины - 58%, что в два раза выше данного показателя в 2000 г. - 27%.

Таблица 4

Внесение минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях по РФ

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Внесено минеральных удобрений - всего, млн. т	1,4	1,4	1,9	2,0	2,5	178,6
На 1 га всей посевной площади, т, из нее:	19	25	38	42	55	В 3р.
Зерновых и зернобобовых культур	20	29	41	45	58	В 2,9р.
Картофеля	155	181	263	328	354	В 2,3р.
Кормовых культур	13	9	12	14	19	146,2
Удельный вес площади, удобренной минеральными удобрениями во всей посевной площади, %	27	32	42	48	58	В 2,1р.

Органические удобрения являются одним из важных составляющих условий успешного выращивания сельхозкультур и требуют соответствующего финансирования. В динамике по количественным показателям их минимальное внесение приходится на 2005г (см. таблицу 5), в 2017 г. данный показатель был на уровне 2000 г. Качественный показатель, отражающий количество органики на гектар посевной площади вырос почти в два раза. Удельный вес внесения удобрений по используемым в сельскохозяйственном производстве площадям увеличился с 2,2% в 2000 г. до 9,2 % в 2017 г.

Таблица 5

Внесение органических удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях по РФ

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Внесено минеральных удобрений - всего, млн. т	66,0	49,9	53,1	64,2	66,6	101,0
На 1 га всей посевной площади, из нее:	0,9	0,9	1,1	1,3	1,5	166,7
Зерновых и зернобобовых культур	1,0	0,9	1,0	1,2	1,3	130,0
Картофеля	27	16,4	9,1	6,1	6,4	23,7
Кормовых культур	0,7	0,7	1,0	1,5	1,7	В 2,4р.
Удельный вес площади, удобренной минеральными удобрениями во всей посевной площади, %	2,2	3,4	7,5	8,4	9,2	В 4,2р.

Химическая мелиорация земель направлена на улучшение плодородности почвы. При этом она отличается значительным уровнем вложенных финансовых средств и характеризуется периодичностью повторения раз в 5-7 лет. Как показывают данные таблицы 6, данные мероприятия имеют место в хозяйственной деятельности экономических субъектов, функционирующих в аграрном секторе экономики, однако никакой динамики и целенаправленной государственной политики в показателях обработанных земель и количестве внесенных минералов не наблюдается. При этом, химическая мелиорация земель является одной из затратных статей инвестиционной деятельности аграрных формирований.

Таблица 6

Проведение работ по химической мелиорации земель в сельскохозяйственных организациях по РФ

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. в % к 2000 г.
Произвестковано кислых почв, млн.га	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	50,0
Внесено известняковой муки и других известковых материалов - всего, млн. т	2,8	2,3	2,0	2,1	2,1	75,0
На 1 га, т	6,8	6,6	9,0	8,6	8,6	126,5
Проведено гипсование солонцовых почв, тыс. га	9,2	0,8	0,1	1,1	5,0	54,3
Внесено гипса, фосфогипса и других гипсосодержащих пород - всего, тыс. т	86,0	6,4	0,7	3,2	27,0	31,4
На 1 га, т	9,3	8,2	7,6	2,8	5,4	50,22
Проведено фосфоритование кислых почв, тыс. га	54	43	3,7	16,8	8,6	15,9
Внесено фосфоритной муки - всего, тыс. т	67	50	3,8	9,7	7,6	11,3
На 1 га, т	1,2	1,2	1,0	0,6	0,9	75,0

Таким образом, экономические субъекты, функционирующие в аграрном секторе экономики, для достижения положительных производственных результатов, выражающихся в объеме произведенной продукции, несут значительные расходы капитального и текущего характера, что требует существенного объема как внутренних, так и привлеченных инвестиций.

Инвестиционная деятельность экономических субъектов, функционирующих в аграрном секторе экономики, обеспечивается за счет собственных и привлеченных источников. Наиболее привлекательными среди первых, на наш взгляд, является уставный капитал и прибыль. При этом, если вклады учредителей не могут постоянно расти, то обеспечение прибылью функционирования сельскохозяйственной организации вполне определено: получение прибыли возможно в экономическом субъекте, оснащенном современным оборудованием, имеющим достаточное количество подготовленного высококвалифицированного персонала, заинтересованного в результатах собственного труда. Таким образом, взаимосвязь между прибылью и инвестициями носит прямой характер.

С точки зрения предмета инвестирования вложения классифицируются на долгосрочные и краткосрочные. Согласно Положению по бухгалтерскому учету о долгосрочных инвестициях (утв. Минфином РФ 30.12.1993 №160) [1] таковыми признаются затраты на создание, модернизацию с улучшением или расширением функций, а также приобретение внеоборотных активов долгосрочного использования. Долгосрочные инвестиции осуществляются в виде:

- капитального строительства новых объектов или существенной реконструкции действующих;
- приобретения объектов основных средств;
- покупки земли и объектов природопользования;
- приобретения и создания нематериальных активов.

Краткосрочное инвестирование следует определять как финансирование текущей деятельности в виде приобретения производственных запасов, выплаты зарплаты, расчетов с бюджетом и внебюджетными фондами и другими лицами, поставляющими экономическому субъекту свои товары, работы услуги.

В бухгалтерском учете процесс формирования уставного капитала экономического субъекта и определение прибыли фиксируется с помощью бухгалтерских проводок, имеющих следующий вид (см. таблицу 7).

Таблица 7

Бухгалтерские проводки по формированию уставного капитала и фиксации прибыли в сельскохозяйственных организациях

№	Содержание хозяйственной операции	Корреспондирующие бухгалтерские счета	
		Дебет	Кредит
1	Сформирован уставный капитал экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики.	75	80
2	Поступили основные средства от учредителей в погашение вклада в уставный капитал экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики.	08	75
3	Оприходованы материальные запасы, поступившие от учредителей в счет погашения задолженности по вкладам	10, 41	75
3	Поступили денежные средства от учредителей в погашение вклада в уставный капитал экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики, которые будут финансировать инвестиционную деятельность.	51,52,55	75
4	Получена прибыль от основной и прочей деятельности экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики	90/9, 91/9	99
5	Начислен налог на прибыль организаций по результатам функционирования экономического субъекта в налоговом периоде	99	68/субсчет «Налог на прибыль организаций»
6	Отражена чистая прибыль экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики, по итогам финансового года	99	84

Как показывают примеры хозяйственных операций в таблице 7, при погашении вкладов в уставный капитал инвестирование производится двумя способами: прямым - имущество вносится непосредственно, и косвенным - учредители передают денежные средства на приобретение активов [2].

Чаще всего именно собственные источники являются средством финансирования повышения профессиональной компетенции работников и подбора высококвалифицированных специалистов. В современных условиях работодатели, как по собственной инициативе, так и по требованию законодательства требуют подтверждения сотрудниками соответствующего уровня знаний и компетенций. С 2017г отдельные специальности предполагают оценку профессиональных навыков работников. Достаточно стремительное развитие IT - технологий во всех отраслях народного хозяйства требует и новых знаний от лиц, непосредственно выполняю-

щих свои функции на технологически модернизированном или новом оборудовании. Поэтому расходы на обучение персонала или подбор новых более высококвалифицированных или узкоспециализированных кадров все более увеличиваются и рассматриваются руководством экономических субъектов, функционирующих в аграрном секторе экономики, как инвестиции в трудовые ресурсы.

В бухгалтерском учете оплата услуг по развитию кадрового потенциала сельхозорганизации оформляется проводками, представленными в таблице 8.

Таблица 8

Бухгалтерские проводки по оплате услуг, связанных с развитием кадрового потенциала сельскохозяйственной организации

№	Содержание хозяйственной операции	Корреспондирующие бухгалтерские счета	
		Дебет	Кредит
1	Отнесены на общехозяйственные расходы экономического субъекта, функционирующего в аграрной сфере экономики, затраты по предъявленным счетам за курсы повышения квалификации сотрудников, а также услуги рекрутинговых компаний по подбору персонала.	26	60, 76
2	Начислен НДС по счетам-фактурам, предъявленным обучающими центрами или рекрутинговыми компаниями за оказанные услуги.	19	60, 76
3	Сельскохозяйственной организацией перечислены средства в оплату услуг обучающим центрам или рекрутинговым компаниям за оказанные услуги.	60, 76	51
4	«Входной» НДС по счетам-фактурам, предъявленным обучающими центрами или рекрутинговыми компаниями за оказанные услуги, выставлен на уменьшение задолженности в бюджет по данному налогу.	68/субсчет «Налог на добавленную стоимость»	19

Заемный капитал для финансирования инвестиционной деятельности обеспечивается в большинстве случаев долгосрочными кредитами и займами. Чаще всего коммерческие банки, изучив предмет кредитования, идут навстречу клиентам и предоставляют кредитные ресурсы под обычный или сниженный процент, но, во всяком случае, не завышают его [4]. В учетно-аналитической системе получение и использование заемных средств отражается бухгалтерскими корреспонденциями, представленными в таблице 9.

Таблица 9

Бухгалтерские проводки по получению и использованию заемных средств для финансирования инвестиционной деятельности сельскохозяйственной организации

№	Содержание хозяйственной операции	Корреспондирующие бухгалтерские счета	
		Дебет	Кредит
1	Экономическим субъектом получены заемные средства на финансирование инвестиционной деятельности.	51,52,55	67
2	Экономическому субъекту начислены проценты по инвестиционному кредиту.	08	67
3	Экономическим субъектом осуществлены инвестиционные вложения.	08	60, 76, 70, 69, 10, 02, 26
4	Экономическим субъектом осуществлен возврат кредитных средств и оплата процентов по ним.	67	51,52,55
5	Приобретены производственные запасы организацией за счет кредитных средств	10	66, 67
6	Начислены процента по кредитам, взятым на инвестирование средств в материальные запасы	26	66, 67

Отдельным видом финансирования инвестиционных процессов, осуществляемых экономическими субъектами, функционирующими в аграрном секторе экономики, является государственная поддержка.

Важным документом, позволяющим создать комфортные условия для организации хозяйственной деятельности сельскохозяйственными товаропроизводителями, является Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717. Данная программа предусматривает ряд мероприятий, позволяющих создать экономическим субъектам, функционирующим в аграрном секторе экономики, комфортные условия в плане обновления основных производственных фондов, включая мероприятия по улучшению плодородия почв, закладке многолетних насаждений и ряд других. Кроме того, субсидии от государства данные экономические субъекты могут получить на возмещение убытков и затрат, на деятельность, связанную с модернизацией сельхозтехники, на покрытие расходов по уплате процентов по взятым ими инвестиционным кредитам [8].

Сельхозтоваропроизводитель имеет возможность получать дополнительное финансирование на основании положений Федеральных законов «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264ФЗ.

Получение субсидий для сельхозорганизаций в рамках целевого финансирования не дает оснований для получения налоговой льготы по налогу на прибыль, поскольку рассматриваемые объекты не относятся к категории некоммерческих организаций. Если за счет бюджетных средств финансируется инвестиционная деятельность в виде приобретения амортизируемого имущества, то субсидии отражаются в доходах одновременно с начислением амортизационных отчислений [9].

Сельхозтоваропроизводители по налогу на прибыль могут применять ставку в размере 0%, однако она относится только к доходам от продажи сельхозпродукции. Следовательно, к внереализационным доходам в виде государственных субсидий на финансирование инвестиционной деятельности налоговая ставка должна применяться в обычном размере - 20%. Это подтверждено разъяснениями, содержащимися в письме Минфина РФ от 1 ноября 2013 г. № 03-03-06/1/46682.

Учетно-аналитическая работа по отражению в системе бухгалтерского учета полученных экономическим субъектом государственных субсидий на осуществление инвестиционной деятельности организуется согласно требованиям и положениям бухгалтерского стандарта ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи» и организуется на специально выделенном для этих целей бухгалтерском синтетическом счете 86 «Целевое финансирование».

При этом, согласно указанному бухгалтерскому стандарту ПБУ 13/2000, учет полученной государственной помощи может быть организован по двум различным вариантам:

- по мере того, как возникает право на государственную помощь;
- по мере фактического получения на счета экономического субъекта, функционирующего в аграрном секторе экономики, государственной субсидии.

Господдержка, использованная на финансирование капитальных затрат, списывается на прочие расходы в момент начисления амортизационных начислений по подлежащим амортизации объектам имущества экономического субъекта, которые были приобретены или созданы в рамках реализации инвестиционных программ.

Например, экономическому субъекту, функционирующему в аграрной сфере экономики, выделена субсидия в размере 17 млн. руб. на строительство товарно-молочной фермы. Вся сумма использована в полном объеме. Срок полезного использования - 20 лет.

В учете сформированы корреспонденции счетов, представленные таблице 10.

Таблица 10

Бухгалтерские проводки по получению и использованию субсидии экономическим субъектом, функционирующем в аграрной сфере экономики, на строительство товарно-молочной фермы.

№	Содержание хозяйственной операции	Корреспондирующие бухгалтерские счета		Сумма, тыс. рублей
		Дебет	Кредит	
1	Экономическим субъектом получена субсидия на строительство фермы.	51	86	17000,0
2	Зафиксировано в системе бухгалтерского учета экономического субъекта возникновение отложенного налогового актива.	09	68	17000,0 * 20% = 3400
3	Произведено строительство экономическим субъектом объекта инвестиционных вложений.	08	60, 10, 70, 69, 02, 26	17000,0
4	Законченный строительством объект оприходован в состав основных средств экономического субъекта.	01	08	17000,0
5	В учете экономического субъекта признана господдержка, которая отражается в составе доходов будущих периодов.	86	98	17000,0
6	Учетно-аналитической службой экономического субъекта начислена амортизация за первый месяц эксплуатации товарно-молочной фермы, введенной в эксплуатацию за счет государственной помощи.	20	02	17000,0 / 20 лет / 12 мес. = 70,833
7	При отражении амортизационных отчислений учетно-аналитической службой экономического субъекта, государственное финансирование включается в доходы текущего отчетного периода деятельности сельскохозяйственного предприятия.	98	91	70,833
8	Одновременно учетно-аналитической службой экономического субъекта погашается соответствующая доля зафиксированного отложенного налогового актива [7].	68	09	70,833 * 20% = 14,167

В бухгалтерской отчетности инвестиционные вложения отражаются от конечной их трансформации на дату составления годовых форм:

1. Если признан и оприходован объект основных средств или нематериальных активов - в строках бухгалтерского баланса, показывающим остаточную стоимость таких активов.

2. Объект не завершен строительством, установкой или регистрацией - в строках баланса, предназначенных для информации о результатах исследований и разработок, нематериальных и материальных поисковых объектах, прочих внеоборотных активах.

3. Произведенные вложения в оборотные активы в виде сырья и материалов, незавершенное производство - во втором разделе баланса по строке, предназначенной для запасов [10].

Нормативная база, регулирующая финансовый учет объектов бухгалтерского учета, связанных с инвестированием средств для развития экономических субъектов, функционирующих в аграрном секторе экономики, предусматривает четко разработанный финансово-учетный инструментарий для обобщения информации, связанной с отражением такой деятельности в бухгалтерских регистрах. Также в ней предусмотрена четкая градация отражения обобщенной информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности в зависимости от категории и стадии осуществления финансовых вложений. Это позволяет качественно организовать не только учетно-аналитическую работу по отражению инвестиционной деятельности экономического субъекта, но и зафиксировать необходимую информацию в его бухгалтерской отчетности.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующий вывод: грамотно построенная экономическим субъектом, функционирующим в сельскохозяйственном производстве, система бухгалтерского учета, правильно выбранные и применяемые финансово-учетные инструменты для аккумуляции и аналитической обработки

информационных потоков об инвестиционной деятельности, надлежаще организованная система внутреннего контроля позволяют значительно повысить эффективность инвестиционных вложений и получить в ближайшей или среднесрочной перспективе значительную прибыль от проведенных инвестиционных мероприятий.

Список литературы

1. Положение по бухгалтерскому учету долгосрочных инвестиций: Утверждено Министерством финансов РФ 30 декабря 1993 г. № 160 //

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3053/

2. Дедова О.В., Шварц Э.С. Применение налоговых льгот при осуществлении инвестиционной деятельности в Брянской области // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 246-252.

3. Ермакова Л.В., Остаева А.В. Современные подходы по оптимизации затрат на предприятии // Журнал экономических исследований. 2016. Т. 2. № 12. С. 3.

4. Ермакова Л.В., Гудкова О.В., Дворецкая Ю.А. Инновационные технологии на рынке банковских услуг // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 5. С. 424-429.

5. Жукова О. Н. Система учета капитальных вложений и источников их финансирования в аграрных формированиях в период адаптации к международным стандартам финансовой отчетности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. Брянск, 2004. 193 с.

6. Катков Ю.Н., Дедова О.В., Кузнецова О.Н., Ковалева Н.Н., Ермакова Л.В. Методологические и практические подходы к обеспечению устойчивости сельскохозяйственных организаций // Вестник АПК Ставрополья. 2017. № 2 (26). С. 207-213.

7. Ковалева Н.Н., Мельгуй А.Э., Дедова О.В., Дворецкая Ю.А. Налоговые и бухгалтерские последствия проведения реконструкции и модернизации основных средств в организациях АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. 2018. №1. С.60-71.

8. Кузнецова О.Н., Мельгуй А.Э., Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А. Механизм управления бухгалтерскими рисками в аграрных формированиях // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2017. № 5 (60). С.73-79.

9. Мельгуй А.Э., Федоров Г.Б. Государственные субсидии: как получить и правильно использовать // Главбух. 2001. № 2. С.48.

10. Организационное и методологическое обеспечение бухгалтерского учета в системе экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Хоружий Л.И., Катков Ю.Н., Глушак Н.В., Глушак О.В., Карзаева Н.Н., Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Кузнецова О.Н., Дедова О.В., Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А. Иркутск, 2017. – 134 с.

11. Современные налоговые парадигмы российской экономики. Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А., Мельгуй А.Э., Кузнецова О.Н., Катков Ю.Н., Дедова О.В., Ермакова Л.В. / Под научной редакцией Н.Н. Ковалевой. Брянск, 2017 – 169 с.

FINANCIAL ACCOUNTING TOOLS FOR INVESTMENT ACTIVITIES OF AGRICULTURAL TO SHAPE'S TRANSFORMATION

In article analyzes the current state and dynamics of investment activity of economic entities operating in the agricultural sector of the economy, on the example of individual indicators of the material and technical base of agricultural organizations. The importance of accounting in the formation of the necessary information about the investment activity of agricultural formations, as well as the applied financial and accounting tools and its role in the preparation of such data for the management of agricultural enterprises is considered. Financing of current activities and capital investments in the subjects of the agricultural sector is carried out at the expense of own and attracted sources, among which state support is available, and is divided into long-term and current. The main components of the investment field of agricultural forms will include the acquisition and creation of fixed assets, maintaining the necessary qualities of natural resources, the selection and training of employees, the acquisition of specialized production stocks and calculations with staff and third parties in the current life. All areas of investment activity should be reflected in the accounting and analytical system of agricultural producers.

Keywords: agricultural sector of economy, investment activity, accounting, financial and accounting tools, financing of investment activity

References

1. Polozhenie po buhgalterskomu uchetu dolgosrochnyih investitsiy (utv. Minfinom RF 30.12.1993 № 160) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3053/

2. Dedova O.V., Shvarts E.S. (2014) Primenenie nalogovyih lgot pri osuschestvlenii investitsionnoy deyatelnosti v Bryanskoy oblasti [Social auditing within the context of social responsibility of organizations] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta 3. 246-252.

3. Ermakova L.V., Ostaeva A.V. (2016) Sovremennyie podhodyi po optimizatsii zatrat na predpriyatii [Journal of economic research] Zhurnal ekonomicheskih issledovaniy. 2. 12. 3.

4. Ermakova L.V., Gudkova O.V., Dvoretskaya Yu.A. (2018) Innovatsionnyie tehnologii na ryinke bankovskih uslug [Bulletin of science and practice] Byulleten nauki i praktiki. 4. 5. 424-429.

5. Zhukova O. N. (2004) Sistema ucheta kapitalnyih vlozheniy i istochnikov ih finansirovaniya v agrarnyih formirovaniyah v period adaptatsii k mezhdunarodnyim standartam finansovoy otchetnosti: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.12. Bryansk. 193 .

6. Katkov Yu.N., Dedova O.V., Kuznetsova O.N., Kovaleva N.N., Ermakova L.V. (2017) Metodologicheskie i prakticheskie podhodyi k obespecheniyu ustoychivosti selskohozyaystvennyih organizatsiy [Bulletin of agriculture Stavropol] Vestnik APK Stav-ropolya. 2 (26). 207-213.

7. Kovaleva N.N., Melguy A.E., Dedova O.V., Dvoretskaya Yu.A. (2018) Nalogovyie i buhgalterskie posledstviya provedeniya rekonstruktsii i modernizatsii osnovnyih sredstv v organizatsiyah APK [Accounting in agriculture] Buhuchet v selskom hozyaystve. 1. 60-71.

8. Kuznetsova O.N., Melguy A.E., Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A. (2017) Mehanizm upravleniya buhgalterskimi riskami v agrarnyih formirovaniyah [Agricultural science of Euro-North-East] Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka. 5 (60). 73-79.

9. Melguy A.E., Fedorov G.B. (2001) Gosudarstvennyie subsidii: kak polu-chit i pravilno ispolzovat [Glavbukh] Glavbuh. 2. 48.

10. Organizatsionnoe i metodologicheskoe obespechenie buhgalterskogo ucheta v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti hozyaystvuyuschih sub'ektov. (2017) [Organizational and methodological provision of accountancy in economic security system of economic entities] Horuzhiy L.I., Katkov Yu.N., Glushak N.V., Glushak O.V., Karzaeva N.N., Melguy A.E., Ermakova L.V., Kuznetsova O.N., Dedova O.V., Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A. Irkutsk.

11. Sovremennyie nalogovyie paradigmyi rossiyskoy ekonomiki. (2017) [Modern tax paradigm of Russian economy] Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A., Melguy A.E., Kuznetsova O.N., Katkov Yu.N., Dedova O.V., Ermakova L.V. / Pod nauchnoy redaktsiey N.N. Kovalevoy. Bryansk.

Об авторах

Дедова Ольга Васильевна – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: o.vod2012@yandex.ru.
Мельгуй Андрей Эдуардович – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: mae1089@yandex.ru.
Дворецкая Юлия Александровна – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: dvorezul@mail.ru.
Ковалев Александр Федорович – кандидат технических наук, доцент Брянского государственного аграрного университета (Россия), E-mail: kovalev-alex441@yandex.ru

Dedova Olga Vasilyevna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), o.vod2012@yandex.ru
Melgui Andrey Eduardovich – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), mae1089@yandex.ru.
Dvoretskaya Yulia Nikolaevna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky (Russia),
dvorezul@mail.ru
Kovalev Alexander Fedorovich – candidate of technical Sciences, associate Professor, Bryansk state agrarian University (Russia), kovalev-alex441@yandex.ru

УДК 336.77

Зверев А.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)
Мандрон В.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)
Мишина М.Ю., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РФ

Банковский сектор – один из важнейших и неотъемлемых структурных элементов современной экономики. Во многом именно банковский сектор определяет уровень экономического развития государства, влияет на темпы экономического роста через инвестиции в различные сектора экономики. Российские нормы права предоставляют коммерческим банкам возможность самостоятельно распоряжаться своими фондами и доходами, поэтому банки наряду с основными видами банковской деятельности осуществляют инвестиционную деятельность в целях получения прибыли. В статье представлены выводы относительно качества инвестиционных процессов кредитными организациями в условиях финансового кризиса 2014-2015 гг. Проведен сравнительный анализ показателей характеризующих структуру активов банковского сектора, сгруппированных по направлениям вложений. Исходя из этого, разработаны для практического использования направления, позволяющие осуществлять эффективный отбор инструментов фондового рынка для включения в инвестиционный портфель кредитных организаций в условиях высокой волатильности и неопределенности финансового рынка.
Ключевые слова: Банк России, банковский сектор, волатильность инструментов фондового рынка, инвестиции, инвестиционная политика банка, коммерческие банки, портфель ценных бумаг, финансовый кризис, финансовый рынок, фондовый рынок, ценные бумаги.

В структуре активных операций совершаемых банковским сектором значительный удельный вес занимает инвестиционная деятельность. Кредитные организации выступают как одни из самых крупных институциональных инвесторов на финансовом рынке и формируют свои торговые и инвестиционные портфели, оцениваемые через счета прибылей и убытков [5, с. 274]. Инвестиционные операции в деятельности коммерческих банков предполагают вложение как собственных, так и привлеченных ресурсов в ценные бумаги с целью наращения своей доходной базы, за счет роста курсовой стоимости и процентного дохода или получения прав на участие в управлении финансово-хозяйственной деятельности других субъектов хозяйствования [2, с. 58].

Кредитные организации проводят широкий спектр операций и присутствуют во всех секторах финансового рынка (денежный рынок, рынок капиталов, валютный рынок, рынок золота), это связано с тем, что выбрана европейская модель организации деятельности банковского сектора, которая характеризуется универсальностью, в отличие от американской [6, с. 8]. В связи с этим коммерческие банки, проводят активную политику на рынке ценных бумаг, выполняя эмиссионную и инвестиционную деятельность, выходя на мировые и национальные фондовые рынки. Основными факторами, которые определяют эффективность инвестиционной деятельности банков в портфельном инвестировании, являются получение процентного дохода, повышение уровня показателей рентабельности и обеспечение ликвидности определенной группы активов, а также рост норматива достаточности собственных средств (капитала) [12, с. 700].

На результативность кредитных организаций в проведении инвестиционной деятельности влияет ряд факторов, ключевые из них: [5, с. 273]:

- уровень и динамика показателей, характеризующих состояние национальной и мировой экономики;
- организация структуры национальной кредитно-финансовой системы;
- уровень сформированности всех элементов инфраструктуры фондового рынка;
- законодательная база, регулирующая выпуск и обращение ценных бумаг, а также

обеспечивающая защиту прав всех категорий инвесторов;

- профессионализм участников при проведении операций на фондовых рынках;

- структура и объемы формируемого инвестиционного и торгового портфеля ценных бумаг, которые в свою очередь зависят от изменений дивидендной и процентной политики.

Банковская инвестиционной деятельности имеет следующие особенности [6, с. 346]:

1) Источники инвестиций могут быть собственные и привлеченные ресурсы кредитных организаций.

2) Инструменты, в которые банк может инвестировать ограничены действующим законодательством, в силу снижения рисков от масштабного банкротства кредитно-финансовых организаций.

3) Экономическим эффектом для банка является получение прибыли от инвестиций.

Коммерческие банки для реализации своей инвестиционной политики используют различные инвестиционные инструменты классифицируемые по различным признакам, но одними из самых приоритетных являются инструменты обращающиеся на фондовых рынках.

Методологическая основа исследования представляет собой, как теоретические, так и эмпирические методы, включающие теоретический анализ, синтез, аналогию, научное обобщение, оценка результатов инвестиционной активности банковского сектора.

Цель исследования: проанализировать современную структуру активов банковского сектора России по направлениям вложений и разработать эффективные меры её оптимизации, позволяющие сохранять инвестиционную активность в условиях неопределённости на финансовом рынке.

Этапы исследования. Проведенное исследование включает в себя этапы:

- первый этап – исследование, включающее теоретический обзор экономических, нормативно-правовых, учебно-методических, литературных источников по проблемам связанным с инвестиционной деятельностью банков. Определены цель, задачи, объект, предмет исследования, представлены общие направления аналитической работы.

- второй этап – аналитическое исследование полученных результатов, включающее анализ структуры активов кредитных организаций по направлениям вложений, структуры и динамики вложений банковского сектора в ценные бумаги, объёма и структуры эмиссии долговых обязательств, определение эффективности инвестиционной деятельности банков. Разработка направлений по оптимизации структуры инвестиционного портфеля кредитных организаций, позволяющей в условиях волатильности финансового рынка обеспечить им стабильную доходность в сочетании с приемлемой величиной инвестиционного риска и сохранить высокую инвестиционную активность.

Исходя из официальных данных, публикуемых Центральным Банком РФ в форме отчетов, объем инвестирования в ценные бумаги российскими коммерческими банками за период 2013-2016 гг. показал, что объемы проводимых банками операций в сфере формирования инвестиционных портфелей возрастают (рис. 1) [7, 8].

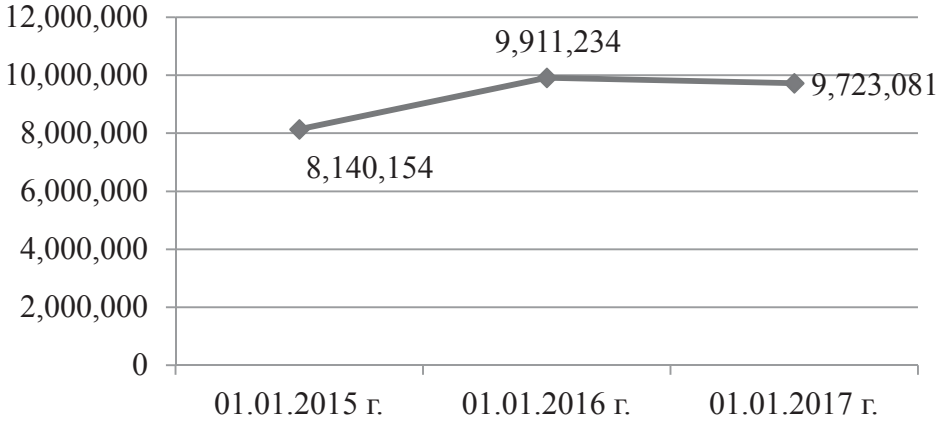


Рис. 1 Объем инвестирования коммерческими банками в ценные бумаги за 2014-2016 гг., млн. руб.

В 2017 г. объем инвестирования кредитными организациями в инструменты фондового рынка составил – 9 723 081 млн. руб., в 2016 г. инвестировано в ценные бумаги – 9 911 234 млн. руб., в 2015 г. – 8 140 154 млн. руб. За рассматриваемый период объем инвестирования в ценные бумаги увеличился на 1 582 927 млн. руб., или на 19,45 % [9, с. 58].

В 2016 гг. произошло не длительное снижение активности банковского сектора при инвестировании в инструменты долевого рынка, снижение активности в акции происходит в годы экономических кризисов, так как именно данный вид инструментов реагирует на любые изменения в экономике и политике (рис.2) [7].

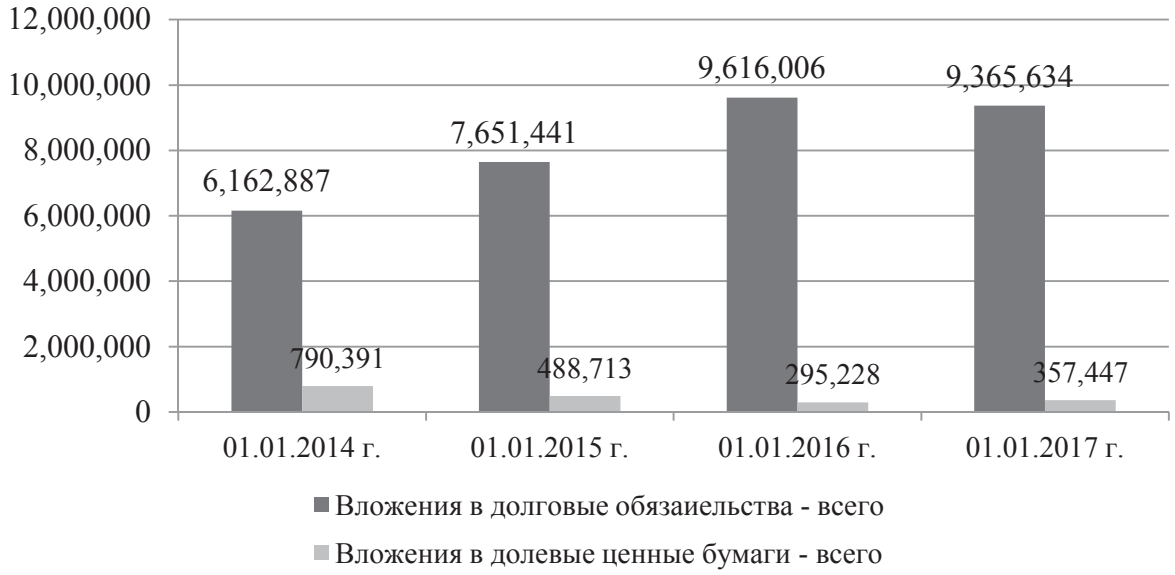


Рис. 2 Динамика объема вложений кредитных организаций в ценные бумаги за 01.01.2014-01.01.2017 гг. (млн. руб.)

По причине нестабильности национальной валюты и относительно высоких темпов инфляции, а также изменениями в организации и постановке учета банковских операций проведен анализ состава и структуры вложений кредитными организациями в долевые и долговые инструменты финансового рынка (см. табл. 1). На основании официальных данных представленных в аналитических отчетах Банка России, на 01.01.2015 г. объемы вложений коммерческих банков в ценные бумаги без учета тех, которые были приобретены на условиях РЕПО, составили – 8 140 154 млн. руб.: 7 651 441 млн. руб. – в долговые обязательства (94,00% общего объема вложений); 488 713 млн. руб. – вложения в акции (6,00% от общего объема вложений) [10, с. 8].

На 01.07.2017 г. вложения банковским сектором в долевые и долговые ценные бумаги составили – 9 723 081 млн. руб., из них вложения в долговые инструменты составили – 9 365 634 млн. руб. (96,19% от совокупного объема вложений), в долевые ценные бумаги – 357 447 млн. руб. (3,81% от общего объема инвестирования в ценные бумаг).

Рассматривая инструменты долгового рынка, установлено кредитные организации при формировании своих портфелей предпочитают государственные обязательства, которые представлены преимущественно облигациями федеральных займов и облигации эмитентами которых являются нерезиденты. [11, с. 4].

Проводя анализ инвестиционных предпочтений коммерческих банков в инструменты фондового рынка, важно отметить, что банковский сектор увеличил объемы вложений в долговые инструменты и снизил в корпоративные акции.

Таблица 1

Динамика и структура вложений коммерческими банками в ценные бумаги за 2014-2016 гг., млн. руб.

Показатели	1.01.2015		1.01.2016		1.07.2017	
	млн. руб.	в % к итогу	млн. руб.	в % к итогу	млн. руб.	в % к итогу
Всего долевых и долговых ценных бумаг	8 140 154	100,00	9 911 234	100,00	9 723 081	100,00
Вложения в долговые обязательства, - всего	7 651 441	94,00	9 616 006	97,02	9 365 634	96,23
государственные долговые обязательства	1 268 375	15,58	2 546 474	25,69	3 360 667	34,56
долговые обязательства субъектов Российской Федерации и местных органов власти	108 870	1,53	190 562	1,92	275 708	2,84
долговые обязательства, выпущенные кредитными организациями - резидентами	456 429	5,61	534 765	5,41	421 748	4,34
долговые обязательства, выпущенные нерезидентами	1 301 048	15,98	2 517 520	25,40	2 057 732	21,16
прочие долговые обязательства	666 449	8,19	1 210 310	15,26	1 412 792	14,54
долговые обязательства, переданные без прекращения признания	4 261 831	52,36	2 698 061	27,22	1 758 485	18,09
переоценка долговых обязательств	- 416 759	-	-21 160	-	63 853	0,66
Вложения в акции, - всего	488 713	6,00	295 228	2,98	357 447	3,67
акции кредитных организаций -резидентов	4 113	0,05	13 456	0,14	2 360	0,03
акции нерезидентов	84 504	1,04	51 375	0,51	46 817	0,48
прочие акции	197 775	2,43	139 313	1,41	160 092	1,65

Это связано с тем, что включение долговых обязательств в инвестиционные портфели имеет ряд существенных преимуществ для сохранения своей ликвидности [10, с. 310]:

– вложение в долговые обязательства обеспечивает регулярные купонные выплаты, которые имею чаще всего фиксированные процентные ставки и сроки, получения которых известны заранее на момент совершения вложения;

– долговые ценные бумаги относятся к самым ликвидным активам, и являются инструментами фондового рынка, которые являются более обязательными по выполнению условий обращения и доходности перед владельцами;

– отсутствует необходимость проводить частый мониторинг рейтинга и доходности ценной бумаги.

На рисунке 3, исходя из официальных данных представленных на сайте Банка России, представлена структура вложений банковского сектора в долговые обязательства.

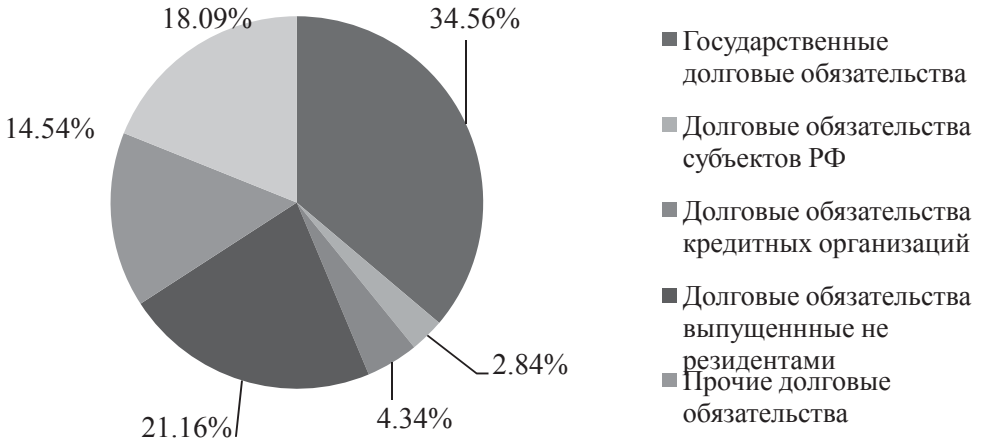


Рис. 3 Структура вложений коммерческими банками в долговые обязательства в 2016 г.

По результатам 2017 г. объем вложений составил – 9 365 634 млн. руб., что составляет 96,23% общего объема вложений в ценные бумаги [15].

Представленные данные рисунка 3 свидетельствуют о роли государственных облигаций в формируемых инвестиционных портфелях российских банков, на их долю приходится – 34,56% от объема инвестирования в долговые инструменты фондового рынка.

Вложения банковским сектором в долевые ценные бумаги на 1 января 2017 г. в сравнении с 1 января 2015 г. снизились в акции на 131 266 млн. руб., или на 26,86%.

Структура вложений в долевые ценные бумаги изображена на рисунке 4. Снижение объемов вложений кредитных организаций в долевые ценные бумаги также произошло в 2015 году. При этом следует отметить, что по состоянию за 2016 год российские банки повысили объемы инвестиций в долевые ценные бумаги [15].

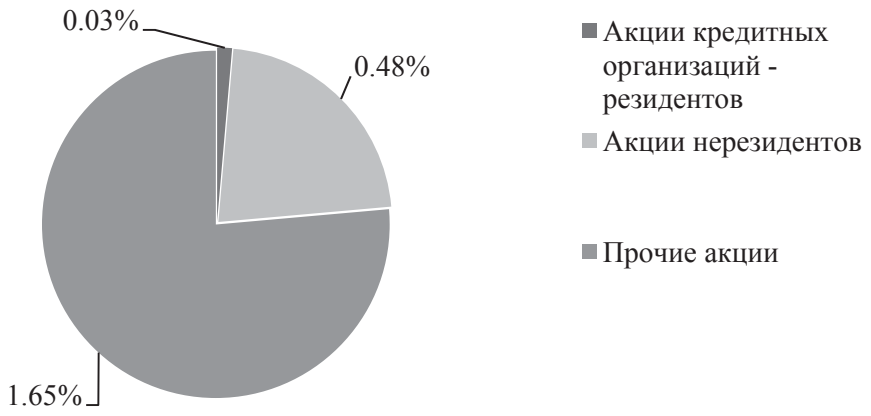


Рис. 4 Структура вложений коммерческими банками в долевые ценные бумаги в 2017 г.

На рисунке 5 отражена динамика инвестирования банковским сектором в деривативы.

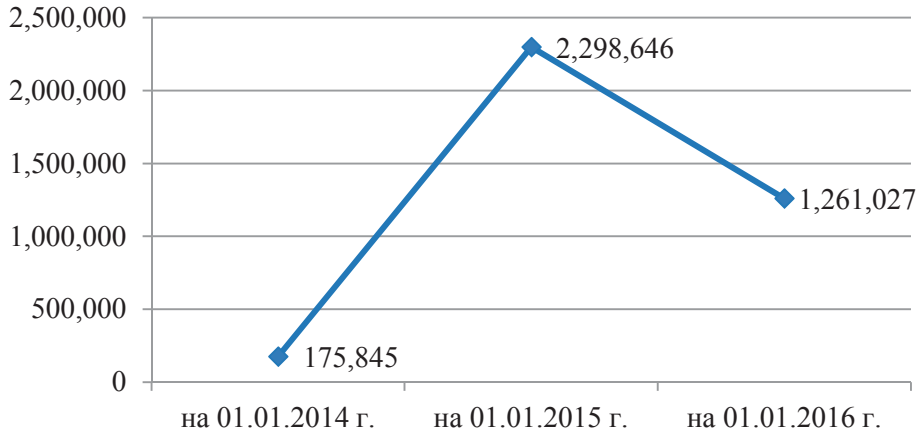


Рис. 5 Динамика вложений кредитными организациями в производные финансовые инструменты за 2013-2015 гг., млн. руб.

Объемы инвестированных средств в 2016 г. в сравнении с данными 2015 г. существенно снизились на 1 037 619 млн. руб., или на 45,15%, и составили – 1 261 027 млн. руб. В основном деривативы коммерческих банков состоят из опционных и своп контрактов на иностранную валюту.

Инвестиционная политика финансово-кредитных организаций является главной составляющей при определении ориентиров своей деятельности как на краткосрочную, так и долгосрочную свою перспективу (рис. 6) [7, с. 127].

Рис. 6 Механизм формирования инвестиционной политики банка

Как организационная составляющая инвестиционная политика является комплексом мер по формированию, мониторингу и диверсификации инвестиционных портфелей кредитных организаций и направлена на обеспечение оптимального объема и структуры инвестиционных инструментов, роста их текущей доходности при минимальном уровне риска [13, с. 195].

На основании проведенного исследования динамики объемов и структуры инвестирования в активы рынка ценных бумаг определены следующие тенденции:

- наблюдается положительная динамика, которая наблюдается в росте объемов инвестирования кредитными организациями в ценные бумаги, за исключением тех периодов, когда происходит снижение темпов экономического развития, что не благоприятно сказывается на рыночный курс и текущую доходность ценных бумаг [15];

- доля государственных долговых обязательств увеличилась за рассматриваемый период с 15,58% до 34,56% от общего объема вложений коммерческих банков в долговые обязательства;

- наибольший удельный вес в структуре вложений в долговые инструменты занимают государственные обязательства более 34%.

- произошло уменьшение доли вложений банковским сектором в долевые ценные бумаги с 6,00% в 2014 г. до 3,67% в 2017 г. от общего объема инвестиций в ценные бумаги;

- значительно увеличилась доля облигаций, эмитентами которых является корпоративный сектор;

- усиление инвестиционных операций в деятельности банковского сегмента на фондовых рынках способствует росту объемов концентрации капиталов.

Главным направлением инвестиционного процесса в деятельности кредитных организаций является правильно сформированная инвестиционная политика с учетом всех существующих экономических и политических факторов. Кредитным организациям в период разработки и утверждения своей инвестиционной политики на рынке ценных бумаг, с целью сохранения своей финансовой устойчивости и недопущения снижения доходности от проводимых операций важно соблюдать следующие принципы [9, с. 345]:

– направленность разрабатываемой и утверждаемой инвестиционной политики на реализацию стратегических планов финансово-кредитной организации и повышение финансовой устойчивости;

– учет инфляционных ожиданий при исчислении доходности отдельных инструментов фондового рынка и инвестиционных операций кредитных организаций;

– определение предполагаемой экономической эффективности инвестиционных операций коммерческими банками;

– мониторинг фондового рынка и инструментов входящих в структуру банковского портфеля;

– учитывать конъюнктуру финансового рынка, состояние национальной и мировой экономики при формировании структуры инвестиционного портфеля;

– оценка проектов и инвестиций по их актуальности и прогнозируемой эффективности;

– выбор надежных и более дешевых источников и методов финансирования банковских инвестиций.

Авторы считают, что ключевыми критериями отбора ценных бумаг и включения их в инвестиционный портфель должны являться срок их обращения, дисконт по операциям РЕПО, установленный Банком России по конкретному эмитенту и риск, выявленный в соответствии с действующей инвестиционной политикой банка. Номинальная доходность в современных условиях играет значительно меньшую роль, так как не способна в полной мере учесть расчетное значение риска.

Учет перечисленных факторов позволит банкам опереться на эффективный механизм отбора финансовых инструментов, обеспечивающих формирование оптимального инвестиционного и торгового портфеля, отвечающего требованиям текущей инвестиционной политики, и позволяющего получать максимальный доход при минимальном риске. Что в свою очередь обеспечит надёжность банковской системы, стабильность поступлений инвестиций в реальный сектор экономики России, позволит выйти из затянувшегося финансового кризиса и в ближайшем будущем выйти на стабильные темпы развития.

Список литературы

1. Ассоциация российских банков (АРБ). Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: WorldWideWeb (дата обращения 2 апреля 2018 г.).

2. Бондаренко Н.А. Инвестиционная привлекательность и ее составляющие / Н.А. Бондаренко, А. П. Лях // Ученые заметки ТОГУ. 2015. № 4. С.58-60.

3. Гиблова Н.М. Государственное регулирование инвестиционной деятельности коммерческих банков на фондовом рынке: стимулы и ограничения / Н.М. Гиблова // Банковское право. – Юрист, 2015. №2. С.56-63.

4. Гиблова Н.М. Тенденции и перспективы развития инвестиционных операций коммерческих банков на фондовом рынке России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук: 08.00.10 / Н. М. Гиблова; Финансовый университет при Правительстве РФ, 2013. – 26 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_12/.

5. Горбатенко И.А. Анализ и оценка портфеля ценных бумаг коммерческих банков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2-2. С. 273-277.

6. Иманкулова Б.Б. Инвестиционная политика и инвестиционная деятельность банка / Б.Б. Иманкулова, Ж. Кулманова // Экономика и эффективность организации производства. 2015. №22. С.7-10.

7. Любовцева Е.Г. Индивидуальные инвестиционные счета как инструмент инвестирования / Е.Г. Любовцева, М.Ю. Митрофанова, Э.Н. Рябинина. // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. 2015. №1(17). С.127-132.

8. Московская фондовая биржа. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: www.moex.com (дата обращения 22 марта 2018 г.).

9. Никонец О.Е., Мандрон В.В., Савинова Е.А. Формирование ресурсной базы коммерческих банков. IPO банковского сектора // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №2. С. 345-347.

10. Никонец О.Е., Мандрон В.В. Влияние мировой экономической ситуации на финансовый рынок России // Вестник Брянского государственного университета. 2014. №3. С. 309-3013.

11. Овсянникова С.Е., Акимочкина Т.А. Инвестиционная деятельность коммерческого банка, проблемы ее осуществления // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 4-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=13528 .

12. Рахаева Л.Б., Багова О.И. Инвестиционные банки на международных финансовых рынках // Актуальные вопросы современной экономики. 2014. № 4. С. 700–705.

13. Рябинина Э.Н. Российская практика регулирования активных операций коммерческих банков /Э.Н. Рябинина, Е.В. Рябинина. //Вестник Чувашского университета. 2014. №3. С. 196-202 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/45302865.pdf.

14. Самарин И.С. Методические рекомендации по использованию методов оценки инвестиционных рейтингов кредитных организаций // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85196.

15. Центральный Банк Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: www.cbr.ru. (дата обращения 18 марта 2018 г.).

INVESTMENT ACTIVITY AND INVESTMENT POLICY OF THE BANKING SECTOR OF THE RUSSIAN FEDERATION

The banking sector is one of the most important and integral structural elements of the modern economy. In many ways, it is the banking sector that determines the level of economic development of the state, affects the pace of economic growth through investment in various sectors of the economy. Russian legal norms provide commercial banks with the opportunity to independently manage their funds and income, so banks, along with the main types of banking activities carry out investment activities in order to make a profit. The article presents the conclusions about the quality of investment processes by credit institutions in the financial crisis of 2014-2015. a comparative analysis of indicators characterizing the structure of the assets of the banking sector, grouped by areas of investment. Based on this, the developed practical use of areas that allow for effective selection of stock market instruments for inclusion in the investment portfolio of credit institutions in the conditions of high volatility and uncertainty of the financial market.

Keywords: Bank of Russia, banking sector, volatility of stock market instruments, investments, investment policy of the Bank, commercial banks, securities portfolio, financial crisis, financial market, stock market, securities.

References

1. Associaciya rossijskih bankov (ARB). Oficial'nyj sajt [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: WorldWideWeb (data obrashcheniya 2 aprelya 2018 g.).

2. Bondarenko N. A. Investicionnaya privlekatel'nost' i ee sostavlyayushchie [Investment attractiveness and its components] / N.A. Bondarenko, A. P. Lyah // *Uchenye zametki TOGU [Scientists notes PNU]*, 2015, No. 4, pp. 58-60.

3. Giblova N.M. Gosudarstvennoe regulirovanie investicionnoj deyatel'nosti kommercheskih bankov na fondovom rynke: stimuly i ogranicheniya [State regulation of investment activity of commercial banks in the stock market: incentives and restrictions] / N.M. Giblova // *Bankovskoe pravo [Banking law]*, Yurist, 2015, No. 2, pp.56-63.

4. Giblova N.M. Tendencii i perspektivy razvitiya investicionnyh operacij kommercheskih bankov na fondovom rynke Rossii: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ehkon. nauk: 08.00.10 [Trends and prospects of development of investment operations of commercial banks in the Russian stock market: Avtoref. dis. on competition of a scientific degree. scientist. tap dance. kand. Ekon. Sciences: 08.00.10] / N. M. Giblova; Finansovyj universitet pri Pravitel'stve RF, 2013, 26 s. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.fa.ru/dep/ods/autorefs/Documents/2013_12/.

5. Gorbatenko I.A. Analiz i ocenka portfelya cennyh bumag kommercheskih bankov [Analysis and valuation of securities portfolio of commercial banks] // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh*

i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental research], 2016, № 2-2, pp. 273-277.

6. Imankulova B.B. Investicionnaya politika i investicionnaya deyatel'nost' banka [Investment policy and investment activity of the Bank] / B.B. Imankulova, Z. H. Kulmanova // *EHkonomika i ehffektivnost' organizacii proizvodstva [Economy and efficiency of production organization]*, 2015, No. 22, pp.7-10.

7. Lyubovceva E.G. Individual'nye investicionnye scheta kak instrument investirovaniya [Individual investment accounts as an investment instrument] / E.G. Lyubovceva, M.YU. Mitrofanova, EH.N. Ryabinina. // *Aktual'nye problemy ehkonomicheskoj teorii i regional'noj ehkonomiki [Actual problems of economic theory and regional Economics]*, 2015, No. 1(17), pp.127-132.

8. Moskovskaya fondovaya birzha. Oficial'nyj sajt [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. – URL:www. moex.com (data obrashcheniya 22 marta 2018 g.).

9. Nikonec O.E., Mandron V.V., Savinova E.A. Formirovanie resursnoj bazy kommercheskih bankov. IPO bankovskogo sektora [Formation of the resource base of commercial banks. Banking sector IPO] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk state University]*, 2015, No. 2, pp. 345-347.

10. Nikonec O.E., Mandron V.V. Vliyanie mirovoj ehkonomicheskoj situacii na finansovyj rynok Rossii [Impact of the global economic situation on the Russian financial market]// *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk state University]*, 2014, No. 3. S. 309-3013.

11. Ovsyannikova S.E., Akimochkina T.A. Investicionnaya deyatel'nost' kommercheskogo banka, problemy ee osushchestvleniya [Investment activity of commercial Bank, problems of its implementation] // *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik [International student scientific journal]*, 2015, No. 4-2 [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=13528 .

12. Rahaeva L.B., Bagova O.I. Investicionnye banki na mezhdunarodnyh finansovyh rynkah [Investment banks in international financial markets] // *Aktual'nye voprosy sovremennoj ehkonomiki [Topical issues of the modern economy]*, 2014, No. 4, pp. 700–705.

13. Ryabinina EH.N. Rossijskaya praktika regulirovaniya aktivnyh operacij kommercheskih bankov [The Russian practice of regulation of active operations of commercial banks] / EH.N. Ryabinina, E.V. Ryabinina. // *Vestnik CHuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]*, 2014, No. 3, S. 196-202 [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://elibrary.ru/download/45302865.pdf.

14. Samarin I.S. Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniyu metodov ocenki investicionnyh rejtingov kreditnyh organizacij [Methodological recommendations on the use of methods for assessing investment ratings of credit institutions] // *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii [Modern research and innovation]*, 2017, No. 12 [EHlektronnyj resurs], Rezhim dostupa: URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85196.

7. Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. – URL: www.cbr.ru. (data obrashcheniya 18 marta 2018 g.).

Об авторах

Зверев Алексей Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: zverev28@yandex.ru

Мандрон Виктория Валериевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: mandron.v@yandex.ru

Мишина Мария Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия). E-mail: mar-mish@yandex.ru

Zverev Aleksei Vitalievich – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: zverev28@yandex.ru

Mandron Victoria Valerievna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: mandron.v@yandex.ru

Mishina Maria Yurievna – candidate of economic Sciences, associate Professor, Bryansk state University named after I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: mar-mish@yandex.ru

УДК 336

Зверев А.В., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г. (Россия)
Ковалерова Л.А., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г. (Россия)
Мишина М.Ю., кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г. (Россия)

АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ

В настоящей статье проведено исследование проблем ипотечного кредитования в России, осуществлён поиск инструментов эффективного решения жилищного вопроса.
Ключевые слова: ипотечное кредитование, кредитный продукт, финансовый кризис, программы господдержки, кредитный портфель, кредитные риски.

Введенные экономические санкции оказали существенное влияние на банковский сектор нашей страны. К негативным последствиям их влияния можно отнести потерю возможности брать зарубежные кредиты («дешевые и длинные» западные деньги).

Так как не для всех коммерческих банков кредиты Центрального банка РФ являются доступными - образовалась нехватка необходимых ресурсов у российских коммерческих банков. Что повлекло за собой отзыв лицензий у многих коммерческих банков (таблица 1).

Таблица 1.

Количество зарегистрированных кредитных организаций ЦБ РФ

Дата	Количество Кредитных Организаций, шт.		
	Банки	Небанковские КО	Всего
На 01.01.2015 год	976	73	1049
На 01.01.2016 год	947	74	1021
На 01.01.2017 год	908	67	975

Таким образом, за 3 года количество коммерческих банков в России уменьшилось на 68 или на 7%, и на начало 2017 года составляло 975 кредитных организаций всего, из них: 908 коммерческие банки и 67 небанковские кредитные организации.

При этом число кредитных организаций в целом с 01.01.2015 по 01.01.2016 год снизилось на 28 (3%), на что повлияло уменьшение числа банков на 29 или на 3%, но число небанковских кредитных организаций увеличилось на 1, что не смогло повлиять на увеличение их числа в целом.

Ключевую роль в процессе стимулирования и развития банковского кредитования должно, как и прежде, играть государство. Это возможно благодаря законодательной базе финансово – кредитной системы, осуществления денежно – кредитной и налоговой политики. Особо сложное положение с вопросами ипотечного кредитования и поддержкой работающих в бюджете [1, с.136].

Ресурсов у государства на эти программы практически нет и надежда только на особое внимание к кредитным организациям, связанным с господдержкой.

Для более эффективного развития системы кредитования необходимо привлекать долгосрочные кредиты, утверждать субсидирование первоначального взноса заемщиков, совершенствовать нормативно-правовую базу в этой сфере, преодолевать кризис ликвидности. Нивелирование резкого ухудшения ситуации в основных сегментах российского кредитования в период с 2014 по 2016 г. в основном было реализовано Банком России и Правительством Российской Федерации в поддержку приоритетных направлений кредитования и сохранения стабильности банковского сектора.

За первые шесть месяцев 2017 г. физическим лицам в качестве кредитов было выдано 4 трлн. руб. Объемы выдачи кредитов после падения до 2,5 трлн. руб. в январе – июне 2015 г. постепенно вернулись до уровня

первого полугодия 2013 г. Динамика кредитования физических лиц в 2010-2014 гг. значительно опережала рост номинальных среднедушевых доходов населения. В период кризиса при стагнации доходов населения в номинале и сокращении доходов в реальном выражении произошло снижение кредитной активности домашних хозяйств.

Значительную роль играет жилищное кредитование, которое в последние пять лет более чем на 97% представлено ипотечными кредитными займами, выданными под залог жилья. Доля ипотеки выросла с 5% выданных физическим лицам кредитов в первом полугодии 2009 г. до 18,5% в январе-июне 2014 г., и в период экономического кризиса с некоторыми колебаниями держится на уровне 20% (рисунок 1).

Рис.1. – Доля ипотечных кредитов, выданных физическим лицам, %

В совокупной задолженности населения перед банками наблюдалась другая динамика: доля ипотечных кредитных займов с 28% в 2009 г. снизилась до 26% в 2012 г., а затем начала расти и к декабрю 2016 г. достигла 42% задолженности физических лиц по кредитам. По итогам первого полугодия 2017 г. 41,9% объема задолженности – это ипотечные кредиты [2, с.121].

В области ипотечного кредитования после спада в 2015 г. имеются определенные успехи. Как свидетельствуют статистические данные Банка России, средневзвешенная ставка по ипотечным жилищным кредитам в рублях, предоставленным в течение месяца, продолжила снижение и в июне 2017 г. составила 11,11% (рисунок 2).

Таким образом, она вновь опустилась до минимального значения за всю историю наблюдений. В первом полугодии 2017 г. банки выдали 423,5 тыс. ипотечных жилищных кредитов на сумму 773,0 млрд. рублей, из них в июне текущего года – 84,9 тыс. кредитов на сумму 157,6 млрд. рублей.

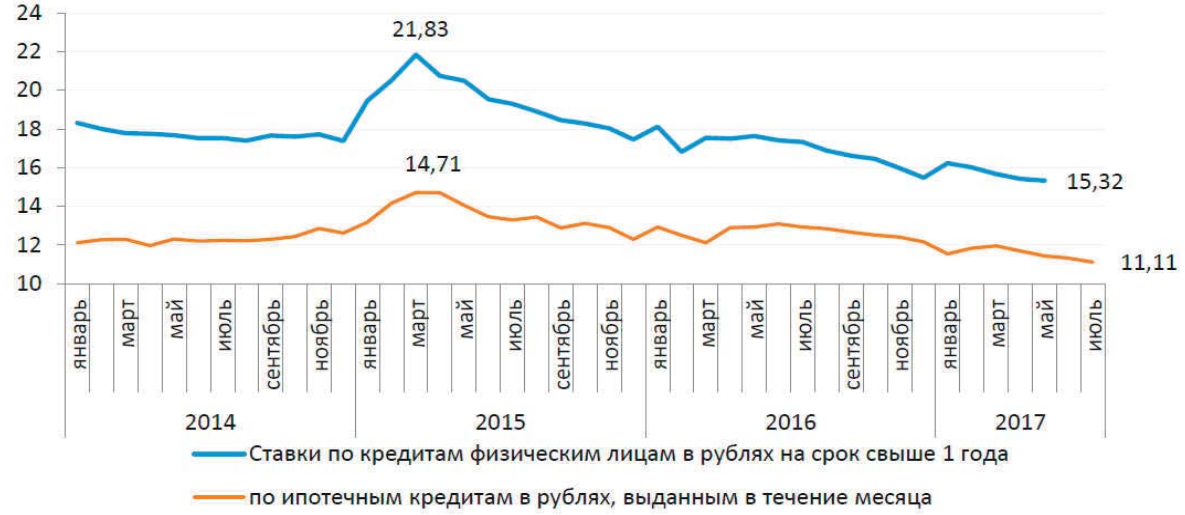


Рис.2. – Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, %

На фоне продолжающегося снижения процентных ставок объем предоставленных кредитов в рублях за июнь увеличился на 9,1%. В целом портфель ипотечных жилищных кредитов увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 11,6% и на 1 июля 2017 г. составил 4670,9 млрд. рублей. Доля просроченных ипотечных жилищных кредитов продолжает держаться на низком уровне – 1,5% (71,6 млрд. рублей).

Опросы населения ФОМ5 фиксируют стабильно негативное отношение населения к кредитам. Доля респондентов, считающих текущее время неблагоприятным для крупных покупок в кредит с августа 2015 г. по октябрь 2016 г. составляла 65-68%, затем немного уменьшившись. В июне 2017 г. 63% опрошенных дали отрицательную оценку и 8% назвали текущее время благоприятным для покупок в кредит. В течение последних 2,5 лет доля оптимистов в основном составляла от 6 до 9%, ненадолго достигнув 10% весной этого года. При этом 7-9% опрошенных были намерены в ближайшее время взять кредит. Таким образом, о резком изменении настроений населения относительно кредитов говорить не приходится.

Несмотря на столь явный перевес отрицательных мнений о кредитах, практически каждое третье домашнее хозяйство в ходе упомянутых регулярных опросов ФОМ отмечало, что оно выплачивает кредиты, в том числе 5-7% опрошенных платят по ипотеке. Среди плательщиков по кредитам 40% взяли последний кредит более двух лет назад, еще около 20% – от года до двух лет назад, и по 10% – от трех месяцев до полугода и до трех месяцев назад. Годом ранее доля заемщиков, недавно взявших кредит, была в полтора раза ниже. Сумма текущей задолженности перед банками не превышает 50 тыс. руб. у 40% заемщиков, а 12% заемщиков должны еще выплатить банку 500 тыс. руб. и более – ровно такое же распределение по задолженности наблюдалось год назад [3, с.67].

С выплатами по кредитам ситуация в некотором смысле улучшилась. Если два года назад 60% заемщиков отмечали, что платить им стало сложнее, год назад – 50%, то во II квартале текущего года уже только 40% отмечают, что за последние два-три месяца платить по кредиту им стало тяжелее. Задержки с выплатами, как и годом ранее, случались у 20% заемщиков.

В отличие от исследования ФОМ, данные опросов ВЦИОМ свидетельствуют о росте доверия россиян к банкам и кредитам: доля считающих время хорошим для того, чтобы взять кредит, выросла с 8-9% респондентов в июне 2015 и 2016 г. до 14% в июне 2017 г. Однако показатели 2012-2013 гг., когда 25-32% опрошенных считали время подходящим для обращения за кредитом, сегодня все еще недостижимо высоки. О росте объемов выдачи кредитов населению, как мы видели выше, свидетельствует и банковская статистика.

Для дальнейшего развития ипотечного рынка в сложных современных условиях необходимо четко определить принципы регулирования ипотечного кредитования. В свою очередь, это требует усовершенствования законодательной базы, а также повышение финансовой грамотности населения. Жилищная ипотека должна ориентироваться именно на те категории граждан, которые нуждаются даже в небольшом ипотечном кредите, это позволит при ограниченных ресурсах обеспечить кредитами максимально возможное число заемщиков.

По данным официальной статистики, неблагоприятные экономические эффекты ощутили 64% населения, при этом 21,6% считают, что негативные явления в экономике затронули их в сильной степени. В сравнении с тем же периодом прошлого года, общая численность тех, кто причисляет себя к пострадавшим, сократилась на 10%, что свидетельствует о снижении драматизма в восприятии экономической реальности (рисунок 3).

Дальнейшее снижение ставки будет обеспечено фундаментальными факторами, при условии восстановления роста отечественной экономики и стабильности цен на нефть. При этом коммерческие банки готовы к соответствующему снижению ипотечных ставок.

Помимо корректировки ставок, эксперты ожидают существенного увеличения объемов кредитования.

Однако часть аналитиков предупреждает о возможном повышении кредитных ставок, если с 2018 года перестанет действовать программа господдержки ипотеки.

Рис.3. – Оценка влияния кризисных явлений на экономическое положение домохозяйств, %

Отечественные банки продолжают наращивать объемы ипотечного кредитования. По итогам 2016 года объем ипотечных жилищных кредитов вырос до 1,5 трлн. руб. (рост на 26,7%). Однако объем рынка не дотягивает до показателей 2014 года, когда данный показатель превышал отметку 1,7 трлн. руб. При этом уровень ставки в декабре снизился до 11,55%, что является минимальным значением за предыдущие 5 лет. Годом ранее данный показатель приближался к рубежу 13%. Кроме того, спрос на рынке подогревают заявления чиновников, которые регулярно подчеркивают выгодность ипотечных кредитов [4, с.110].

Эксперты отмечают влияние внешних факторов на динамику отечественной экономики. В том числе существенное воздействие на макроэкономические показатели оказывает колебание нефтяных котировок. Экспорт нефти обеспечивает львиную долю бюджетных поступлений, и в случае нового падения цен дальнейшее снижение ставки ЦБ окажется под угрозой.

Средние ставки на ипотечном рынке с учетом господдержки сохранятся на уровне 10%. Однако отмена госпрограммы обернется существенным ростом стоимости кредитных ресурсов.

В результате ипотечные ставки прибавят 1-1,5%. В результате под угрозой окажется восстановление спроса на рынке недвижимости, что будет препятствовать экономическому росту.

В случае ухудшения экономической ситуации и роста инфляции, власти будут вынуждены пролонгировать срок действия госпрограммы. Динамика ипотечных процентов в коммерческих банках определит, до какого числа может быть продлена программа ипотеки с господдержкой. Если стоимость заемных ресурсов будет превышать 12%, то правительство будет вынуждено возобновить действие льготной программы.

Правительство не планирует пролонгировать господдержку ипотеки на 2018 год, что связано с экономическими факторами. В скором будущем ставки по кредитам будут ниже 10%, что станет абсолютным минимумом за всю историю.

Снижение стоимости ипотеки связано с действиями Центробанка, который продолжает снижать ключевую ставку. Несмотря на оптимизм чиновников, эксперты допускают увеличение ипотечных ставок до 13,5% без поддержки со стороны государства. В результате власти будут вынуждены продлить сроки действия программы [5, с.524].

Жилищный вопрос сегодня является одним из наиболее актуальны среди молодого поколения россиян, потому что позволить себе покупку квартиры за наличные средства и без кредитов и займов может лишь 10% населения страны.

Именно поэтому необходимо тщательно изучить условия ипотеки «Молодая семья» в Сбербанке на 2018 год, потому что на сегодняшний день ипотечное кредитование является одной из наиболее реальных возможностей стать обладателям собственного жилья.

Власти делают акцент на том, что для

принятия участия программе семья действительно должна иметь статус нуждающейся, а также все ее члены должны иметь статут граждан Российской Федерации.

В целом, условия получения ипотеки в Сбербанке в 2018 году будут такими же, как и в любой другой финансовой организации страны, но необходимо сделать акцент на том, что ипотечные деньги можно использовать не только на покупку жилья, а еще и на его постройку. Однако особое внимание сотрудники банка при оформлении ипотеки обращают на то, что супруги должны обязательно иметь общую прописку и проживать в одном регионе страны не менее 10 лет.

При этом сотрудники «Сбербанка» не особенно требуют документы, подтверждающие возможность получения ипотечного кредита, потому что им достаточно тех бумаг, которые подтверждают соответствие стандартным условиям взятия ипотечного кредита по программе «Молодая семья».

Специалисты Сбербанка считают, что особенного спроса на получение займов в 2018 году не предвидится, потому что сегодня немногие люди даже при помощи кредита могут позволить себе платить за собственное жилье (заработные платы у большинства россиян остаются по прежнему низкими, а рабочие места в государстве уменьшаются), поэтому прогноз ипотеки 2018 от Сбербанка является достаточно оптимистичным, тем более популярным данное финансовое учреждение делает тот факт, что каждый заемщик вправе самостоятельно выбирать для себя наиболее оптимальный срок кредитования (максимальный период не должен превышать 30 лет) [6].

Перед получением финансовых средств (субсидии) россиянину придется пройти ряд некоторых этапов, связанных с оформлением документов, потому что без них рассчитывать на получение денежных средств не придется. Изначально нужно будет подать заявление на получение займа и все документы, подтверждающие право на его получение, а после этого дождаться соответствующего ответа от банковской организации (в среднем данный процесс занимает около 10 полных дней).

Отдельное внимание необходимо уделить условиям страхования ипотеки в Сбербанке в 2018 году, потому что без оформления страховки специалисты банковской организации просто не смогут удовлетворить просьбу клиента о займе. Страховка позволяет банку обезопасить себя от риска потери финансовых средств, и оплачивается она в отдельности (пункт об этом есть в любом стандартном договоре каждого российского банка). Стоимость страховки рассчитывается индивидуально для каждого объекта недвижимости.

В основной пакет документов, необходимых для предоставления кредита, входят оригиналы паспортов членов семьи, а также при наличии ребенка его свидетельство о рождении, которое подтверждает тот факт, что он был рожден на территории Российской Федерации.

Дополнительно предоставляется свидетельство о браке, документы, подтверждающие соответствие условиям предоставления ипотечного займа. В некоторых случаях сотрудники банка могут запрашивать дополнительные бумаги, перечень которых они предоставляют человеку самостоятельно в зависимости от ситуации.

Отдельное внимание нужно уделить тому, что существует специальный калькулятор ипотеки «Молодая семья» Сбербанка 2018, который позволяет каждому желающему самостоятельно рассчитать размер платежей по ипотеке и их необходимое количество до полного погашения кредита.

Расчеты в калькуляторе производятся на основании общей стоимости жилья и размера первоначального взноса. Первоначальный взнос в Сбербанке сегодня составляет 10% от общей суммы, хотя недавно ходили слухи о том, что они его размер может быть увеличен до 20-30%.

Однако стоит помнить о том, что чем больше будет первоначальный взнос по кредиту, тем меньшим будет процент по выплатам и тем быстрее можно будет его закрыть, поэтому лучше всего обращаться в банк при наличии на руках суммы, превышающей значение первоначального взноса.

В целом, прогноз ипотеки Сбербанка на 2018 год, можно назвать достаточно оптимистичным, но стоит понимать то, что любой ипотечный кредит сопровождается переплатами, потому что именно на процентах от суммы финансовые организации и зарабатывают свой капитал, и Сбербанк в данном слу-

чае не является исключением. Однако данный вариант все равно является более оптимальным, чем аренда съемных квартир, потому что в случае ипотеки семья будет платить за собственное жилье, а не чужое, и, по сути, делать вклад в свое будущее.

В целом, в условиях современной экономической нестабильности и системы ипотечного кредитования совершенно естественно, что могут возникать различного рода проблемы в обеспечении граждан жильем путем ипотеки, решать которые приходится быстро, но, к сожалению, не всегда качественно [8].

В настоящее время рост жилищной ипотеки в РФ непосредственно сдерживается такими факторами, как:

1. Высокие процентные ставки по ипотечным кредитам; ипотека за рубежом больше привлекает население России.

2. Несовершенство нормативно-правового регулирования жилищного кредитования, в части: документальное оформление кредитных дел, установления, востребования задолженностей.

3. Относительная слабость российской банковской системы, ее интерес к работе с общественностью, сравнительно маленький опыт в долгосрочном кредитовании.

4. Инфляционные проблемы. Несмотря на все попытки правительства непосредственно уменьшить уровень инфляции, инфляция все равно выше, чем в развитых странах.

У банков и кредитно-финансовых организаций на фоне инфляции возникают две взаимосвязанные проблемы:

1. Граждане России бояться хранить деньги в банке на депозитах из-за нестабильной экономики.

2. Следствием этого является снижение уровня услуг по кредитованию, в том числе и по ипотечному.

На развитии сектора ипотечного кредитования это проявляется не лучшей стороной, поскольку реальные заработки обычных граждан непосредственно растут более замедленными темпами и ипотека остается «привилегией» успешных и богатых.

5. Проблемы ипотечного кредитования, которые вызваны не стабильной экономической ситуацией.

6. Проблемы ипотечного рынка, которые связаны с монополизацией рынка кредитования.

7. Проблемы, связанные с правительственными программами помощи и альтернативными вложениями ресурсов.

Государство должно быть заинтересовано в развитии ипотечного кредита. Банки основную прибыль зарабатывают за счет разницы между предложением средств и их правильным размещением. А при формировании эффективного кредитного портфеля ипотека для них наименее выгодна, так как прибыль ожидается после длительного периода времени. Банки в большей степени непосредственно заинтересованы в краткосрочных кредитах, так как затраты на них окупаются быстро и во многих случаях по большим процентным ставкам.

Большинство россиян (83%) не могут себе позволить пользоваться ипотекой, если возникает потребность улучшить свои жилищные условия [7].

Об этом свидетельствуют выявленные результаты всероссийских опросов, проведенных Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) совместно с компанией Russian Realty Research.

Опросы последних лет непосредственно показывают, что главной причиной, по которой большинство россиян не готовы обратиться в банк, за ипотекой, является недостаточный уровень доходов. Таким образом, значительная разница между доходами граждан и условиями ипотечного кредита в стране продолжает оставаться сильным барьером развития отечественной ипотеки.

В настоящее время ипотечные отношения в стране не достигли такого масштаба и эффективности, какими должны быть в нашем современном мире.

Многие эксперты полагают, что проблема не сама система ипотечного кредитования, а общие экономические показатели. Мировая практика свидетельствует, что ипотека перспективна там, где годовая инфляция не превышает 6% в национальной валюте.

До тех пор, пока разница между стоимостью недвижимости и денежными ресурсами населения будет велика, ипотека не сможет иметь массовый характер.

Таким образом, для повышения эффек-

тивности функционирования и развития системы ипотечного кредитования в условиях отечественного финансового рынка необходимо реализовать систему мер в следующих направлениях:

- необходимо устранить существующие недостатки и пробелы в законодательстве Российской Федерации в части совершения сделок;
- необходимо создание условий для развития и повышения эффективности системы регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в учреждениях юстиции;
- необходимо обеспечить снижение расходов на нотариальное удостоверение сделок для обеспечения более широкой доступности к ипотечным кредитным продуктам;
- следует уделить внимание в рамках реализуемой государственной денежно-кредитной политики вопросам обеспечения развития страхового и оценочного дела для целей эффективного и качественного обслуживания ипотечных кредитов;
- целесообразным, по мнению подавляющего числа экономистов, является снижение стоимости кредитных ресурсов в коммерческих банках, необходимых для выдачи долгосрочных ипотечных кредитов и создания привлекательных условий их доступности;
- на современном этапе развития отечественного финансового рынка, безусловно, нуждается в развитии вторичный рынок ипотечных кредитов;
- необходимо разработать механизмы и процедуры снижения рисков процентных ставок при ипотечном кредитовании;
- требуется обеспечить понижение издержек и рисков банков, которые возникают по причине отсутствия общепризнанных канонов и стандартов определения главных параметров ипотечных кредитов, нет стандартов на процедуры последующей продажи закладных;
- исключить дополнительные риски банков, возникающие из-за непрозрачности кредитной истории у заемщика вследствие отсутствия унифицированной практики ипотечного кредитования и единого бюро кредитных историй [2, с.118].

Подводя итог, следует сказать о том, что ипотечное кредитование ведет к благоприятному социальному развитию, выступая одним из мощных факторов формирования среднего класса общества, так как дает гражданам возможность иметь жилую собственность. Кроме того, ипотечное кредитование способно значительно ускорить развитие экономики страны в целом, так как при росте спроса на ипотеку происходит рост новостроек, что оживляет некоторые отрасли промышленности, увеличивает объемы производство и дает возможности дальнейшей модернизации.

В качестве основных направлений, повышения эффективности работы ипотечного кредитования непосредственно в России могут быть:

1. Снижение процентной ставки по ипотечному кредиту, что позволит вовлечь в ипотеку значительные части населения с разным уровнем дохода.
2. Укрепление законодательной и нормативной правовой базы ипотечного кредитования, устранение недостатков в законодательстве, прежде всего в части совершения сделок с закладными как ценными бумагами, обращения взыскания на заложенное имущество.
3. Для банков и остальных субъектов хозяйства: финансирование реального сектора экономики со стороны правительства и стимулирование инвестиционных потребностей населения; активизация государства при помощи в реализации программ ипотечного кредитования граждан.
4. Создание работающей системы обеспечения доступным по ценам жильем населения со средними доходами, основанной на рыночных принципах приобретения жилья на свободном от монополизма жилищном рынке за счет своих средств, граждан и долгосрочных ипотечных кредитов.
5. Увеличение конкуренции строительного комплекса, в том числе со стороны иностранных подрядчиков.

Таким образом, решение проблем и выявление перспектив развития ипотечного кредитования, безусловно, позволят наиболее улучшить жилищные условия граждан и создадут эффективную банковскую систему.

Список литературы

1. Беспалов Р.А., Беспалова О.В. Финансы. Учебное пособие / Брянск, 2016. - 200 с.
2. Зверев А.В., Ковалерова Л.А., Чернявская М.А. Некоторые аспекты регулирования и развития банковского сектора Российской Федерации в период санкций // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. - № 4 (6). - С.117-129.
3. Ковалерова Л.А., Лохвицкая С.В. Анализ динамики развития ипотечного рынка жилья с государственной поддержкой в РФ // Сборник статей Международной научно-практической конференции: Современные проблемы инновационного развития науки: г. Новосибирск, ч.1 - Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. - С.65-68.
4. Ковалерова Л.А., Чернявская М.А. Некоторые аспекты регулирования банковской деятельности в РФ // Сборник VI международной научно-практической конференции: «Наука и образование: Сохраняя прошлое, создаем будущее» Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2016. - С.109-111.
5. Савинова Е.А., Гавриченко Н.В. Теоретико-методологические аспекты исследования устойчивого развития коммерческих банков // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-2 (76-2). - С.523-526.
6. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.minfin.ru
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.gks.ru
8. Официальный сайт АИЖКХ - http://aizhk.org/ofitsialnyj-sajt/

ANALYSIS AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF HYPOTHECARY CREDITING IN RUSSIA

In this article the study of problems of hypothecary crediting in Russia, the search tools efficient housing.
Keywords: mortgage lending, loan product, the financial crisis, the programme of State support, the credit portfolio and credit risk.

References

1. Bespalov R.A., Bespalova O.V. Finance. Tutorial/Bryansk, 2016. - 200 c.
2. Zverev A.V., Kovalerova L.A., Chernyavskaya M.A. Some aspects of regulation and development of bank sector of the Russian Federation in the period of sanctions // Economics and management: problems, solutions. 2018.- № 4 (6). - S.117-129.
3. Kovalerova L.A., Lohvickaja S.V. Analysis of the dynamics of the housing mortgage market with State support in Russia // Collection of articles of the international scientific-practical Conference: modern problems of innovational development of Science: Novosibirsk, h. 1-UFA: MCII OMEGA SAINZ, 2016. - S.65-68.
4. Kovalerova L.A., Chernyavskaya M.A. certain aspects of the regulation of banking activity in Russia // Collection of VI international scientific-practical Conference: «the science and education: preserving the past, create the future "Penza: MCNS" Science and education ", 2016. - S.109-111.
5. Savinova E.A., Gavrichenko N.V. theoretical and methodological aspects of the study of sustainable development of commercial banks // Economics and entrepreneurship. 2016. № 11-2 (76-2). - S.523-526.
6. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. [Electronic resource]- access mode: www.minfin.ru
7. Official website of the Federal State statistics service. [Electronic resource]. Mode of access: www.gks.ru
8. Official website AIZhKH-http://aizhk.org/ofitsialnyj-sajt/

Об авторах

Зверев Алексей Витальевич - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г., E-mail: zverev28@yandex.ru

Ковалерова Людмила Анатольевна - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г., E-mail: kovaleroval@mail.ru

Мишина Мария Юрьевна - кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени Петровского И.Г., E-mail: mar-mish@yandex.ru

Zverev Alexey Vitalievich - candidate of economic science, Associate Professor, Bryansk State University named after Petrovsky I.G., E-mail: zverev28@yandex.ru

Kovalerova Lyudmila Anatolievna - candidate of economic science, Associate Professor, Bryansk State University named after Petrovsky I.G., E-mail: kovaleroval@mail.ru

Mishina Maria Yurievna - candidate of economic science, Associate Professor, Bryansk State University named after Petrovsky I.G., E-mail: mar-mish@yandex.ru

УДК 336.231 + 336.645.3

Кузнецова О.Н., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ермакова Л.В., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Ковалева Н.Н., кандидат экономических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)
Шлома А.В., кандидат педагогических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, филиал в г. Новозыбков (Россия)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье систематизированы изменения, связанные с пенсионным обеспечением в России, выделены основные проблемы пенсионных преобразований, предложены варианты совершенствования финансового механизма обязательного и добровольного пенсионного страхования. Рекомендованные меры затрагивают сферу государственного управления, а также систему корпоративного менеджмента российских хозяйствующих субъектов. На уровне государства авторы предлагают сформировать систему гарантированных пенсионных выплат в рамках системы обязательных пенсионных отчислений (в случае смерти застрахованного лица – в течение определенного срока и в определенном размере от страховой суммы). Для добровольного пенсионного обеспечения авторы рекомендуют снять ограничения в области маркетинга и обеспечения доступности разных инструментов по привлечению страхователей. Стимулирование дополнительных пенсионных вложений со стороны работодателей государство может осуществлять посредством налоговой политики. На уровне предприятий авторы рекомендуют внедрять эффективную систему менеджмента персонала и учета расчетов по пенсионному обеспечению (чтобы достигнуть баланса интересов, как работников, так и работодателей). Главным учетным инструментом может стать метод резервирования (при учете расчетов с работниками предприятия по оплате труда). Его целесообразно применять в налоговом учете организациям, которые функционируют на общей системе налогообложения.
Ключевые слова: маркетинг, негосударственное пенсионное страхование, обязательные пенсионные взносы, пенсионное обеспечение, Пенсионный фонд России (ПФР), резервирование, социальные расходы, страховая сумма, финансовый механизм.

Пенсионное обеспечение граждан – важная социальная функция государства. Но в условиях рыночной экономики применяются и другие финансовые инструменты для решения данной задачи. В России была предпринята попытка внедрить зарубежную модель пенсионного страхования населения, которая включает обязательное (государственное) пенсионное обеспечение и систему добровольного (государственного и негосударственного) страхования. Однако на сегодняшний момент эффект от преобразований не заметен. Кроме того, в перспективе – солидное повышение пенсионного возраста для граждан, что вряд ли можно считать проявлением социальной защиты населения.

Поэтому существует объективная потребность в систематизации проблем и совершенствовании финансового механизма пенсионного страхования в России.

В процессе исследования использовались следующие методы: монографический, наблюдение, сравнение, анализ (в рамках эмпирического мониторинга), гипотетический (как способ теоретического познания), счета и двойная запись (в рамках метода бухгалтерского учета).

Исследование показало, что пенсионное обеспечение в России в значительной степени зависит от системы обязательного государственного страхования. Причем данная система проявляла себя по-разному. Ее главная суть – все работодатели и индивидуальные предприниматели, использующие наемный труд, обязаны осуществлять обязательные пенсионные отчисления в Пенсионный фонд России. При этом плательщики классифицировались по различным категориям (в том числе – по сфере деятельности). Для отдельных категорий предусматривались пониженные тарифы (в настоящее время они тоже существуют). Кроме того, в разные годы тарифы обязательных пенсионных взносов варьировали в зависимости от возраста страхуемых работников предприятия. Индивидуальные предприниматели платили ежегодный фиксированный пенсионный взнос, который постоянно увеличивался.

В таблице 1 отражена основная динамика базового тарифа пенсионных отчислений для предприятий в период с 2000 по 2018 гг. [10].

Таблица 1

Базовый тариф отчислений в ПФР для юридических лиц

Годы	Величина тарифа, %
2000-2001	28
2002-2009	14
2010	20
2011	26
2012-2018	22

Так, в 2000-2001 гг. использовался максимальный базовый тариф. Затем он был снижен в 2 раза (государство рассчитывало, что работодатели выйдут из теневой экономики). При этом с 2002 г. пенсионная система России подвергалась многоэтапному реформированию. В частности, пенсия стала складываться из двух частей: страховой и накопительной. Правда, фактически накопительная часть была предусмотрена для более молодых застрахованных работников.

Начиная с 1 января 2015 г. в России стали формироваться страховые и накопительные части пенсии, в дальнейшем они были преобразованы в отдельные виды пенсий: страховую и накопительную. Накопительная пенсия представляет собой средства, которые аккумулируются на личном пенсионном счете страхуемого лица и не используются на текущие пенсионные выплаты.

С 1 января 2010 г. (после отмены ЕСН) базовый тариф обязательных пенсионных взносов снова начал расти, в конечном счете, достигнув уровня – 22 %. При этом ежегодно устанавливалась величина предельной суммы годового дохода на одного сотрудника, рассчитанная нарастающим итогом, сверх которой взимались дополнительные проценты (до 2012 г. применялся целый диапазон предельных сумм с использованием регрессивной шкалы). С 2012 г. используется одна предельная сумма, свыше которой действует тариф – 10 % (вместо 22 %). На рисунке 1 отражена динамика данной величины.

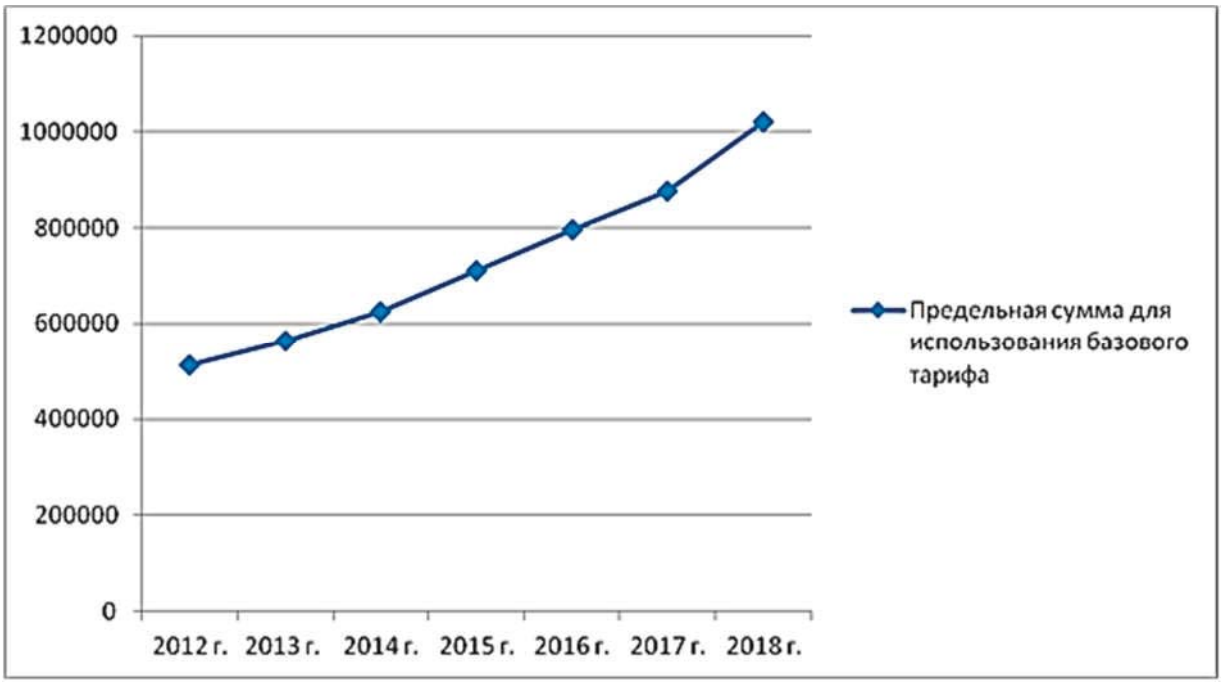


Рис.1 Динамика изменения предельной суммы для использования базового тарифа по обязательным пенсионным взносам в России

Представленные тенденции негативно сказывались на финансах хозяйствующих субъектов. Их социальных расходы в части пенсионного обеспечения сотрудников начали заметно увеличиваться после отмены ЕСН. В учете работодателей-предприятий такие социальные расходы отражаются следующим образом: Дебет счетов 20, 23, 25, 26,

44 … – Кредит счета 69 / «Расчеты по пенсионному обеспечению» [2].

То есть они включаются в расходы тех видов деятельности, в которых задействованы работники [1]. Причем для учета расчетов по взносам на страховую и накопительную пенсии использовались дополнительные субсчета второго порядка [4].

Сейчас установлен мораторий на создание накопительной пенсии, поэтому суммы взносов работодателей по обязательному пенсионному страхованию в полном объеме отправляются на финансирование исключительно страховой пенсии. До 31.12.2015 г. работающим гражданам нужно было определиться с вариантом пенсионного обеспечения: либо свои страховые взносы перечислять на формирование лишь страховой пенсии, либо при поступлении новых страховых взносов направлять их на страховую и накопительную пенсии, но только в том случае если государство снимет мораторий на формирование накопительной пенсии.

Страховые взносы граждан, не успевших подать заявление в ПФР и никак не отреагировавших на грядущие изменения в формировании пенсий, пойдут исключительно на страховую пенсию, а пенсионные накопления, образованные до 2015 г. преобразуются в накопительную пенсию гражданина.

Наряду с этим, с 2009 г. начала действовать система добровольных взносов, суть которой заключается в том, что любой гражданин имеет право вносить дополнительные денежные средства на накопительную часть своей пенсии. При этом существует ограничение в виде минимального размера взноса (2 тыс. руб.) в год по программе государственного софинансирования. Если гражданин вносит дополнительно от 2 тыс. руб. до 12 тыс. руб. в год, то государство удваивает эту сумму, но не более чем на 12 тыс. руб. в год. Однако с 01.01.2015 стать участником данной программы уже нельзя.

Кроме того, параллельно с обязательным пенсионным обеспечением в России создавалась система добровольного негосударственного страхования. В настоящее время в Реестре негосударственных пенсионных фондов, которые являются участниками системы гарантирования прав застрахованных граждан, находится 38 компаний. Среди них: НПФ «Сбербанка», НПФ «АВТОВАЗ», НПФ «Лукойл-Гарант», НПФ «Согласие», НПФ «Социальное развитие» и др. При этом исключено из указанного Реестра 9 негосударственных пенсионных фондов (НПФ «Регионфонд», НПФ «Уралсиб», НПФ «Наше будущее» и др.) [9].

Система гарантирования прав застрахованных лиц начала действовать в России с 01.01.2015, согласно Федеральному закону от 28.12.2013 № 422-ФЗ. Данная система была сформирована для обеспечения прав и законных интересов застрахованных лиц и определения ответственности абсолютно всех участников российского рынка обязательного пенсионного страхования за сохранность средств пенсионных накоплений (по аналогии с системой страхования банковских вкладов физических лиц).

Однако пенсионные преобразования не дали желаемого эффекта. К числу неудач в данной сфере можно отнести следующие негативные аспекты:

- недостаточная собираемость обязательных пенсионных взносов (отечественный бизнес продолжает использовать незаконные зарплатные схемы с целью полного ухода от обязательного пенсионного обеспечения или существенного его снижения [7]);
- система накопительной трудовой пенсии фактически не привлекла граждан (население было малоактивно в части перевода накопительной пенсии в негосударственные управляющие компании);
- не преодолена проблема, касающаяся досрочного выхода на пенсию, вместо этого – наоборот, намечается увеличение пенсионного возраста (в конечном итоге – на 8 лет для женщин и на 5 лет – для мужчин);
- не решена проблема стабильного и достойного роста размера пенсий для нынешних пенсионеров;
- сегмент негосударственного пенсионного страхования неоправданно занимает незначительную долю на рынке финансовых услуг.

Следовательно, отечественный финансовый механизм и обязательного, и добровольного пенсионного обеспечения требует неотлагательного совершенствования.

Для решения обозначенных проблем действующая пенсионная система РФ могла бы быть преобразована в соответствии с авторской концепцией, представленной на рис. 2.

Концепция совершенствование финансового механизма пенсионного страхования в России

Государственные меры	Корпоративные меры
1. Активизация выездных проверок ПФР и ФНС для вывода бизнеса из теневой экономики 2. Внедрение в системе обязательного пенсионного страхования механизма гарантированной выплаты пенсий в случае смерти застрахованного лица 3. Отмена лимитирования расходов на негосударственное пенсионное страхование в целях расчета налога на прибыль организаций 4. Отмена ограничений в области маркетинга и обеспечения доступности различных финансовых инструментов по привлечению клиентов для негосударственных пенсионных фондов	1. Использование метода резервирования в налоговом учете предприятиями, функционирующими на общей системе налогообложения (формирование резервов на оплату отпускных работникам) 2. Минимизация обязательных страховых взносов без ущемления социальных интересов работников

Рис. 2 Авторская концепция оптимизации финансового механизма пенсионного обеспечения в России

Она включает в себя два блока мероприятий:

- в рамках государственного управления (для системы обязательного пенсионного страхования и для сектора негосударственного пенсионного обеспечения);
- в рамках корпоративного менеджмента (в целях стимулирования дополнительных страховых пенсионных отчислений).

Центральное место среди рекомендованных мероприятий занимают государственные меры. Так, с целью повышения собираемости обязательных пенсионных взносов ПФР и ФНС должны проводить совместные выездные проверки сверх того количества, которое осуществляется в соответствии с Концепцией планирования выездных налоговых проверок. Особое внимание следует обращать на индивидуальных предпринимателей, так как именно они чаще всего применяют неофициальные трудовые отношения («черные заработные платы») [3].

Точный размер теневой экономики России неизвестен. Но по оценкам Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА), в 2016 г. отечественный нелегальный бизнес составлял 3,6 трлн. руб. (39 % от величины ВВП) [11].

Кроме ужесточения борьбы с неплательщиками обязательных пенсионных взносов государство не должно забывать и о своем прямом назначении. В частности, его социальная функция должна реализовываться в полной мере. С нашей точки зрения, важно предусмотреть в системе обязательного пенсионного страхования нормы, заложенные в финансовом механизме негосударственного пенсионного обеспечения – возможность гарантированной выплаты пенсий в случае смерти застрахованного лица. Но с учетом специфики функционирования ПФР, это необходимо сделать частично, допустим:

- в случае смерти застрахованного лица до его выхода на трудовую пенсию, его выгодоприобретатели (родственники) должны получать в течение 4-5 лет определенный процент от накопленной страховой суммы;
- в случае смерти застрахованного лица после его выхода на трудовую пенсию, его выгодоприобретатели должны получать в течение 2-3 лет определенный процент от накопленной страховой суммы.

Подобная система будет стимулировать ПРФ к социальной ответственности перед населением и потребует жесткого контроля целевого характера использования обязательных пенсионных отчислений. Кроме того, целесообразно подключить к данному процессу социальный аудит [5].

Параллельно государство должно стимулировать развитие системы негосударственного пенсионного обеспечения, которая в состоянии обеспечить реальную прибавку к трудовой пенсии граждан. Население зачастую не обладает финансовой грамотностью и просто не знает о гарантиях и преимуществах данной системы, а сами негосударственные пенсионные фонды не могут использовать для привлечения страхователей дополнительные бонусы, прогнозируемую доходность и прочие маркетинговые инструменты, которыми могут пользоваться, например, банки. Эти ограничения нужно снимать.

На уровне предприятий необходимо кардинально менять систему управления персоналом – акцентировать внимание на социальные инвестиции (уже давно доказано, что именно они обеспечивают наибольший положительный тренд для развития бизнеса). Но при этом, конечно, целесообразно использовать действующие льготы с целью минимизации обязательных страховых взносов (не в ПФР, а в другие внебюджетные фонды) [6].

Кроме того, нужно активно применять налоговую оптимизацию в части расчетов по оплате труда и социальному обеспечению. По мнению авторов, предприятиям, применяющим общую систему налогообложения, следует закрепить в учетной политике в целях налогообложения метод резервирования при начислении отпускных сотрудникам. Это позволит ежемесячно уменьшать налогооблагаемую прибыль компании. Причем в резерв необходимо включать не только сумму отпускных, но и обязательных страховых взносов по ним [8]. Высвобожденные средства можно опять-таки же использовать для социального стимулирования сотрудников (путем их вложения в негосударственные пенсионные фонды). В финансовом учете такие резервы – обязательны для организаций (за исключением малого бизнеса): Дебет счетов 20, 23, 25, 26, 44 … – Кредит счета 96.

Таким образом, в процессе исследования авторы пришли к выводу о том, что только совместные действия (со стороны, как государства, так и работодателей) помогут усовершенствовать финансовый механизм пенсионного обеспечения в России.

Список литературы

1. Дворецкая Ю. А., Ковалева Н. Н., Мельгуй А. Э. Расчеты с персоналом по оплате труда: современные подходы и тенденции // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 331-335.

2. Ермакова Л.В., Дворецкая Ю.А., Ковалева Н.Н. Модель оптимизации финансово-учетной системы предприятия // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (6). С. 29-35.

3. Ермакова Л.В., Дедова О.В., Мельгуй А.Э. Необходимость судебно-бухгалтерской экспертизы в современных условиях модернизации экономики России // Наука Красноярья. 2016. № 3-3 (26). С. 36-44.

4. Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Дедова О.В. Порядок учета и начисления заработной платы рабочим производственных предприятий // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 3. С. 279-290.

5. Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А. Социальный аудит в призме социальной ответственности организаций // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 278-283.

6. Кузнецова О.Н. Направления минимизации взносов во внебюджетные фонды для предприятий сферы сервиса и туризма // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 3 (22). С. 47-53.

7. Кузнецова О.Н. Минимизация налогов и обязательных страховых взносов для субъектов малого бизнеса // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 3. С. 283-285.

8. Кузнецова О.Н. Новая модель учета вознаграждений работникам предприятия // В мире научных открытий. 2013. № 4.1 (40). С. 260-270.

9. Реестр фондов-участников // Официальный сайт ПФР [Электронный ресурс]. URL: https://www.asv.org.ru/pension/list_npf/ (дата обращения: 30.06.2018).

10. Современные налоговые парадигмы российской экономики. Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А., Мельгуй А.Э., Кузнецова О.Н., Катков Ю.Н., Дедова О.В., Ермакова Л.В. / Под научной редакцией Н.Н. Ковалевой. Брянск, 2017. 169 с.

11. Организационное и методологическое обеспечение бухгалтерского учета в системе экономической безопасности хозяйствующих субъектов. Хоружий Л.И., Катков Ю.Н., Глушак Н.В., Глушак О.В., Карзаева Н.Н., Мельгуй А.Э., Ермакова Л.В., Кузнецова О.Н., Дедова О.В., Ковалева Н.Н., Дворецкая Ю.А. Иркутск, 2017. 134 с.

PROVISION OF PENSIONS IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

In article the changes connected with provision of pensions in Russia are systematized, the main problems of pension transformations are allocated, options of enhancement of the financial mechanism of compulsory and voluntary pension insurance are offered. The recommended measures affect the sphere of public administration and also the system of corporate management of the Russian accounting entities. At the level of the state authors suggest to create the system of the guaranteed retirement benefits within the system of obligatory pension assignments (in case of death of the insured person – during a certain term and in a certain size from an insurance sum). For voluntary provision of pensions authors recommend to lift limits in the field of marketing and ensuring availability of different tools on involvement of insurers. Stimulation of additional pension investments from employers can perform the state by means of tax policy. At the level of the entities authors recommend to implement the effective system of management of personnel and accounting of calculations for provision of pensions (to reach balance of interests, both workers, and employers). The reservation method (when accounting settlings with employees of the entity on compensation) can become the main accounting tool. It is reasonable to apply it in tax accounting to the organizations which function on the general system of the taxation.
Keywords: marketing, non-state pension insurance, compulsory pension contributions, provision of pensions, Pension Fund of the Russian Federation (PFRF), reservation, social expenses, insurance sum, financial mechanism.

References

1. Dvoretskaya Yu. A., Kovaleva N. N., Melguy A. E. (2015) Raschetyi s personalom po oplate truda: sovremennyie podhodyi i tendentsii. [Settlements with employees on wages: contemporary approaches and trends] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bryansk State University Bulletin] 2. 331-335.

2. Ermakova L.V., Dvoretskaya Yu.A., Kovaleva N.N. (2017) Model optimizatsii finansovo-uchetnoy sistemyi predpriyatiya. [An optimization model of financial accounting system of enterprise] Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. [Economy. Sociology. Right.] 2 (6). 29-35.

3. Ermakova L.V., Dedova O.V., Melguy A.E. (2016) Neobhodimost sudebno-buhgalterskoy ekspertizyi v sovremennyih usloviyah modernizatsii ekonomiki Rossii. [The need for forensic accounting in modern conditions of modernization of Russian economy] Nauka Krasnoyarya. [Science Krasnojarja] 3-3 (26). 36-44.

4. Melguy A.E., Ermakova L.V., Dedova O.V. (2016) Poryadok ucheta i nachisleniya zarabotnoy platyi rabochim proizvodstvennyih predpriyatiy. [Accounting and payroll work manufacturing enterprises] Ekonomika truda. [Labor Economics] 3. 279-290.

5. Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A. (2014) Sotsialnyiy audit v prizme sotsialnoy otvetstvennosti organizatsiy [Social auditing within the context of social responsibility of organizations] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bryansk State University Bulletin] 3. 278-283.

6. Kuznetsova O.N. (2011) Napravleniya minimizatsii vznosov vo vnebyudzhetnyie fondyi dlya predpriyatiy sferyi servisa i turizma. [Directions to minimization of contributions to extra-budgetary funds for the enterprises of sphere of service and tourism] Servis v Rossii i za rubezhom. [Service in Russia and abroad] 3 (22). 47-53.

7. Kuznetsova O.N. (2011) Minimizatsiya nalogov i obyazatelnyih strahovyih vznosov dlya sub'ektov malogo biznesa. [Minimizing taxes and obligatory insurance payments for small businesses] Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bryansk State University Bulletin] 3. 283-285.

8. Kuznetsova O.N. (2013) Novaya model ucheta voznagrazhdeniy rabotnikam predpriyatiya. [A new model of accounting for employee benefits company] V mire nauchnyih otkryitiy. [In the world of scientific discoveries] 4.1 (40). 260-270.

9. Reestr fondov-uchastnikov // Ofitsialnyiy sayt PFR [Elektronnyiy resurs]. URL: https://www.asv.org.ru/pension/list_npf/ (data obrascheniya: 30.06.2018).

10. Sovremennyie nalogovyie paradigmyi rossiyskoy ekonomiki. (2017) [Modern tax paradigm of Russian economy] Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A., Melguy A.E., Kuznetsova O.N., Katkov Yu.N., Dedova O.V., Ermakova L.V. / Pod nauchnoy redaktsiey N.N. Kovalevoy. Bryansk.

11. Organizatsionnoe i metodologicheskoe obespechenie buhgalterskogo ucheta v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti hozyaystvuyuschih sub'ektov. (2017) [Organizational and methodological provision of accountancy in economic security system of economic entities] Horuzhiy L.I., Katkov Yu.N., Glushak N.V., Glushak O.V., Karzaeva N.N., Melguy A.E., Ermakova L.V., Kuznetsova O.N., Dedova O.V., Kovaleva N.N., Dvoretskaya Yu.A. Irkutsk.

Об авторах

Кузнецова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: olga-kuz-1979@mail.ru.
Ермакова Людмила Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: tkdtkd@yandex.ru.
Ковалева Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovalevanat@yandex.ru.
Шлома Алла Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, филиал в г. Новозыбков (Россия), E-mail: avshloma@mail.ru.

Kuznetsova Olga Nikolaevna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), olga-kuz-1979@mail.ru.
Ermakova Ludmila Vladimirovna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: tkdtkd@yandex.ru.
Kovaleva Natalya Nikolaevna – candidate of economic sciences, Associate Professor, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovaleva-nat@yandex.ru.
Shloma Alla Viktorovna – candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Bryansk state University named after academician I.G. Petrovsky, branch in Novozybkov (Russia), E-mail: avshloma@mail.ru.

УДК 342.95

Артамонов А.Н., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Состояние коррупция в нашей стране продолжает оставаться одной из серьезнейших проблем. Система антикоррупционного законодательства России включает в себя два уровня нормативных правовых актов: федеральный и региональный. Целью настоящей статьи является анализ и общая юридико-техническая характеристика антикоррупционного законодательства субъектов Российской Федерации. Автором проведен сравнительно-правовой анализ всех имеющихся законов субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции, соотношение норм федерального и регионального антикоррупционного законодательства. Особое внимание уделяется юридико-техническим свойствам законодательных актов субъектов Российской Федерации с целью выявления наиболее типичных недостатков и ошибок регионального законодательства, регулирующего правоотношения в сфере противодействия коррупции. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что во всех субъектах Российской Федерации приняты и действуют законы о противодействии коррупции. В целом они схожи по структуре и содержанию, но имеют некоторые различия. Однако, качество юридической техники, применяемой региональным законодателем, находится на достаточно низком уровне и нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: Субъекты Российской Федерации. Противодействие коррупции. Антикоррупционное законодательство. Юридическая техника. Правовые понятия и дефиниции. Принципы противодействия коррупции.

С момента ратификации Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в 2006 году прошло более десяти лет. На протяжении последующего десятилетия в нашей стране была выстроена полноценная система антикоррупционного законодательства. Наряду с базовым Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» приняты и вступили в силу еще ряд специализированных законодательных актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Внесены важные изменения и дополнения в десятки действующих федеральных законов. Количество же подзаконных нормативных правовых актов антикоррупционной направленности измеряется уже сотнями. Именно федеральный массив антикоррупционного законодательства находится в сфере научных интересов подавляющего большинство ученых-правоведов [4. С. 261-269], которые практически не обращают внимание на нормативные правовые акты, имеющие меньшую юридическую силу [1. С. 6-12]. Исключения редки и не носят системного характера [2. С. 152-158].

Действующее антикоррупционное законодательство включает в себя не только федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты федерального уровня, но и соответствующее законодательство субъектов РФ. В каждом из 85 субъектов Российской Федерации приняты и действуют свои антикоррупционные законы, которые, как правило, дополняют и конкретизируют федеральное антикоррупционное законодательство. Следует так же отметить, что отдельные субъекты Российской Федерации сработали на опережение, приняв свои законы о противодействии коррупции еще до того, как это сделал федеральный законодатель. В Республике Татарстан закон «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» был принят 4 мая 2006 года, а закон Калужской области «О противодействии коррупции в Калужской области» - 27 апреля 2007 года. Однако в большинстве российских регионов соответствующие законодательные акты принимались в период с 2008 по 2009 годы.

Если попытаться дать общую характеристику антикоррупционым законам субъектов Российской Федерации, то следует начать с их названий. Обращает на себя внимание их тотальная идентичность – закон «О противодействии коррупции в ….» или «О мерах по противодействию коррупции в …», и дальше

идет название того или иного субъекта Российской Федерации. По сути, это калька с названия федерального закона о противодействии коррупции. Лишь в нескольких субъектах Федерации антикоррупционные законы имеют иные заголовки. В качестве примера можно привести Закон Воронежской области от 12 мая 2009 года № 49-ОЗ «О профилактике коррупции в Воронежской области».

Как отмечают специалисты, «не смотря на то, что термины «предупреждение», «профилактика», «предотвращение», «пресечение» зачастую употребляются как синонимы, коррупционная преступность представляет собой сложное, многогранное явление, требующее применения широкого спектра разного рода мер предупредительного воздействия» [6. С. 178]. В связи с этим вопросы терминологии имеют важное значение не только для теории, но и для правоприменительной практики.

Согласно одноименному федеральному закону, под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Сравнительный анализ компетенционных норм федерального закона о противодействии коррупции и соответствующих положений законодательных актов субъектов недвусмысленно дает понять, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации практически не обладают полномочиями по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений, т.е. по борьбе с коррупцией. К числу основных мер по противодействию коррупции на региональном уровне относятся: разработка и реализация программ противодействия коррупции; антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов; антикоррупционный мониторинг; антикоррупционные образование и пропаганда; совершенствование прохождения государственной гражданской службы; обеспечение информационной открытости и гласности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления и т.п. Подавляющее большинство этих и им подобных мер по своей природе носят сугубо предупредительный характер, то есть являются профилактическими. Следовательно, наличие в названии термина «профилактика» более точно отражает предмет правового регулирования региональных антикоррупционных законов.

По своей структуре антикоррупционные законы субъектов Российской Федерации схожи между собой. В большинстве случаев их объем составляет 13-15 статей. Так, Закон Тверской области от 9 июня 2009 года № 39-зо «О противодействии коррупции в Тверской области» состоит из 15 статей, Закон Республики Удмуртия от 20 сентября 2007 года № 55-РЗ «О мерах по противодействию коррупционным проявлениям в Удмуртской Республике» включает в себя 14 статей, Закон Саратовской области от 29 декабря 2007 № 155-ЗСО «О противодействии коррупции в Саратовской области» - 12 статей, а один из самых последних подобных законодательных актов – Закон города Москвы от 14 декабря 2014 года «О мерах по противодействию коррупции в городе Москве» более компактен и насчитывает всего 11 статей. Наибольшим по объему является Закон Республики Саха (Якутия) от 19 февраля 2009 года 668-З N 227-IV «О противодействии коррупции в Республики Саха (Якутия)», состоящий из 24 статей. Меньше всего – 6 статей, насчитывает Закон Рязанской области от 15 июля 2010 года № 70-оз «О противодействии и профилактике коррупции в Рязанской области. Однако, по нашему мнению, его качество далеко от совершенства. Минимальный набор правовых норм, причем преимущественно декларативного характера, является скорее формальным и не способствует эффективному противодействию и профилактике коррупции в регионе.

Законы субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции похожи не только в структурном, но и в содержательном плане, и различаются между собой незначительными вариациями. Это обусловлено тем,

что большая часть наиболее значимых вопросов в данной сфере регулируется федеральным законодательством, поэтому субъекты Российской Федерации могут принимать соответствующие законодательные акты только в строго установленных пределах. Так, например, Закон Свердловской области от 20 февраля 2009 года № 2-ОЗ «О противодействии коррупции в Свердловской области» содержит основные понятия, применяемые в законе, определяет основные принципы противодействия коррупции, систему мер по профилактике коррупции, а так же организационные основы противодействия коррупции. В законодательных актах отдельных субъектов Российской Федерации к этому перечню могут добавляться нормы, содержащие задачи антикоррупционной политики, систему субъектов, проводящих антикоррупционную политику в том или ином регионе, меры финансового обеспечения и др. Закон Республики Удмуртия включает в себя даже подробный перечень деяний, создающих условия для коррупционного поведения лиц, замещающих государственные должности Удмуртской Республики и должности государственной гражданской службы Удмуртской Республики. В статье 20 закона Республики Саха (Якутия) детально прописаны нормы, связанные с ответственностью за несоблюдение требований регионального антикоррупционного законодательства.

В научной среде достаточно широко распространено мнение о том, что дублирование региональным законодателем федеральных норм является ошибкой [5. С. 60]. Однако, по нашему мнению, не все так однозначно. Как быть, например, с понятиями и дефинициями, используемыми в законах субъектов Российской Федерации? В статье 1 уже упоминавшегося закона Республики Удмуртия содержится девять основных понятий, применяющихся для целей данного закона. Среди них только два непосредственно раскрыты в федеральном законодательстве - «коррупция» и «коррупциогенный фактор». Остальные понятия: «коррупционное правонарушение», «коррупционное проявление» «антикоррупционный мониторинг», «антикоррупционная экспертиза правовых актов» в федеральном законодательстве не встречаются. При этом дефиниции понятий закона субъекта Российской Федерации существенно расходятся с дефинициями аналогичных понятий, содержащимися в федеральных законах. Так, например, если под «коррупциогенным фактором» федеральный законодатель понимает «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции» (ч.2 ст.1 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»), то с точки зрения регионального законодателя «коррупциогенный фактор - явление или совокупность явлений, порождающие коррупционные правонарушения или способствующие их возникновению и (или) распространению» (ст.1 Закона Республики Удмуртия «О мерах по противодействию коррупционным проявлениям в Удмуртской Республике»).

Трудно понять и логику разработчиков Закона Нижегородской области от 7 марта 2008 года № 20-З «О противодействии коррупции в Нижегородской области», когда они сужают понятие «коррупциогенный фактор», закрепленное в федеральном законе, до масштабов своего региона. Согласно статье 2 областного закона коррупциогенный фактор, это «положения нормативного правового акта Нижегородской области (проекта нормативного правового акта), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции». Что принципиально нового дает такое определение и чем не устраивало уже существующее? Чем же так специфичны коррупциогенные факторы нормативных правовых актов Нижегородской области? Внятный ответ на эти вопросы вряд ли возможен.

В данном случае нам остается только

присоединиться к точке зрения специалистов, считающих, что «в законах субъектов РФ целесообразно текстуально сохранить в полной мере определения, содержащиеся в федеральных законах, которые не могут быть связаны с какой-либо спецификой того или иного субъекта РФ» [3. С. 61-63]. Судя по всему, такого же мнения придерживаются законодатели многих субъектов Российской Федерации (Владимирская область, Калужская область, Орловская область, Тверская область и т.д.). В качестве иллюстрацией может привести формулировку статьи 1 антикоррупционного Закона Воронежской области, где прямо сказано, что: «Для целей настоящего Закона Воронежской области используются основные понятия, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции».

Нередки случаи, когда дефиниции понятий и терминов, не раскрытых в федеральных нормативных правовых актах, не всегда корректно сформулированы в законах субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции. Так, в статье 2 Закона Кировской области от 30 апреля 2009 года № 365-ЗО «О противодействии коррупции в Кировской области», среди перечня потенциальных субъектов коррупционных отношений значатся руководители государственных учреждений и государственных предприятий Кировской области, но отсутствуют лица, занимающие аналогичные должности на местном уровне. Закон Псковской области от 17 июля 2008 года № 784-ОЗ «О противодействии коррупции в органах государственной власти Псковской области и органах местного самоуправления» наряду с определением коррупциогенного фактора, содержит определение и некоего «коррупционного фактора», под которым понимается явление или совокупность явлений, порождающих коррупцию или способствующих ее распространению. В Свердловском законе дефиниция понятия «антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов» дана в усеченной форме, только как «выявление в нормативных правовых актах Свердловской области и проектах нормативных правовых актов Свердловской области коррупциогенных факторов», т.е. без раскрытия целей экспертизы и ее последствий. Такая же ситуация наблюдается и в Законе Ивановской области от 18 июня 2009 года № 61-ОЗ «О противодействии коррупции в Ивановской области».

В структуру большинства антикоррупционных законов субъектов Российской Федерации включаются нормы, воспроизводящие семь основных принципов противодействия коррупции, изначально закрепленных в статье 3 ФЗ № 273. К ним относятся:

1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;

6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Как известно, под правовыми принципами понимаются основные идеи, руководящие положения, определяющие содержание и направления правового регулирования. В теории права они делятся на общие, межотраслевые, отраслевые, институциональные. Первые четыре принципа из федерального закона о противодействии коррупции носят общеправовой характер, оставшиеся три относятся к институциональным. Тем не менее, все принципы, содержащиеся в федеральном законе, являются основополагающими в данной сфере. Следовательно, на них должно основываться противодействие коррупции не только на федеральном уровне, но и в каждом субъекте Российской Федерации.

Законодатели ряда субъектов Российской Федерации пошли еще дальше и к принципам, установленным федеральным законам, добавили свои, региональные принципы противодействия коррупции. Таким образом, в Законе Кировской области их уже не 7, а 9, в Законе Республики Саха (Якутия) 11, в Законе Республики Удмуртия 12, в Законе Республики Кабардино-Балкария от 19 июня 2007 года № 38-РЗ «О профилактике коррупции в Кабардино-Балкарской Республике» целых 13 принципов. Полагаем, что такое количество

декларативных правовых норм совершенно излишне для законодательных актов субъектов Российской Федерации. Чего стоят и для чего нужны такие региональные принципы, как «защита государством прав и законных интересов лиц, замещающих государственные должности, должности государственной гражданской службы, установление этим лицам заработной платы (денежного содержания) и льгот, обеспечивающих указанным лицам и их семьям достойный уровень жизни» (п. 8 ст. 4 Закона Республики Кабардино-Балкария), или «недопустимость делегирования полномочий органов государственной власти Удмуртской Республики по государственному регулированию предпринимательской деятельности физическим и юридическим лицам, осуществляющим такую деятельность, а также делегирования полномочий по контролю за указанной деятельностью» (п.9 ст.3 Закона Республики Удмуртия)? Полагаем, что эти вопросы, так же как и предыдущие, останутся без ответа.

За прошедшее десятилетие в нашем государстве предприняты значительные усилия, направленные на минимизацию уровня коррупции. Одним из ключевых направлений деятельности в данной сфере является формирование масштабного антикоррупционного правового поля на правовом пространстве Российской Федерации. Антикоррупционное законодательство включает в себя два уровня нормативного правового регулирования: федеральный и региональный. В настоящее время все 85 субъектов Российской Федерации приняли свои законы о противодействии коррупции. По своей структуре и содержанию законы субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции схожи между собой, что обусловлено значительным объемом полномочий Российской Федерации, установленных федеральным законодательством.

Тем не менее, даже в такой ситуации региональные законы далеки от совершенства. В основе их названия содержится понятие «противодействие коррупции», что не отражают реальных полномочий органов государственной власти субъектов РФ в данной сфере. Прослеживается тенденция к неоправданному дублирование федерального законодательства и включению в текст правовых актов многочисленных декларативных положений. В отдельных случаях наблюдается стремление нагрузить закон нормами, отражающими мнимую региональную специфику противодействия коррупции и другие нарушения юридической техники.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что антикоррупционная сфера правового регулирования достаточно полно представлена федеральным законодательством. В связи с чем вновь хочется задаться вопросом о границах свободы регионального нормотворчества, о засилье в нем пустых декларативных статей, о целесообразности тотального слепого копирования федеральных норм и допустимости региональных особенностей там, где они являются излишними. Полагаем, что основная задача регионального законодателя состоит не в демонстрации некой специфики того или иного субъекта Российской Федерации или дублировании положений федеральных законов, а в развитии и конкретизации их в собственных правовых актах.

Список литературы

1. Басова Т.Б. Противодействие коррупции в свете административной реформы в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 4. С. 6-12.

2. Козлов Т.Е. Становление и развитие правового регулирования в сфере противодействия коррупции в Республике Крым // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 152-158.

3. Кочои С.М. Антикоррупционное законодательство: практика реализации в субъектах РФ // Законность. 2013. № 6. С. 61-63.

4. Мамитова Н.В. Проблемы противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. [Criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law] 2016. Т.10, № 3. С. 281-289.

5. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и предложениях по повышению их эффективности//Журнал российского права. 2012. № 11. С. 60.

6. Шведко А.В. Соотношение понятий «предупреждение», «пресечение» и «профилактика» в контексте исследования коррупционной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1. С.177-179.

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The state of corruption in our country continues to be one of the most serious problems. The system of anti-corruption legislation in Russia includes two levels of regulations: Federal and regional. The purpose of the present article is to analyze and to give general legal and technical characteristics of the anti-corruption legislation in the subjects of the Russian Federation. The author carried out a comparative legal analysis of the laws in the subjects of the Russian Federation on the corruption countering, the correlation of the norms of federal and regional anti-corruption legislation. Particular attention is paid to the legal and technical properties of legislative acts of the constituent entities in the Russian Federation in order to identify the most typical deficiencies and mistakes in regional legislation regulating legal relationship in the anti-corruption field. In the course of the research, the author comes to the conclusion that anti-corruption laws have been adopted and are acting in all constituent entities of the Russian Federation. In general, they are similar in structure and content, but they have some differences. However, the quality of legal techniques applied by a regional legislator does not always meet the modern requirements and needs to be improved.
Keywords: subjects of the Russian Federation, corruption countering, anti-corruption legislation, legal technique, legal concepts and definitions, principles of anti-corruption.

References

1. Basova T.B. Protivodeĭstvie korruptsii v svete administrativnoĭ reformy v Rossii [Combating corruption in the light of administrative reform in Russia]. Kriminologicheskiĭ zhurnal Baĭkal′skogo gosudarstvennogo universiteta ėkonomiki i prava [the Criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law]. 2012. № 4. S. 6-12.

2. Kozlov T.E. Stanovlenie i razvitie pravovogo regulirovaniia v sfere protivodeĭstviia korruptsii v Respublike Krym [The formation and development of legal regulation in the sphere of corruption counteraction in the Republic of Crimea]. ZHurnal rossiĭskogo prava [Journal of Russian law]. 2017. № 2. S. 152-158.

3. Kochoi S.M. Antikorruptsionnoe zakonodatel′stvo: praktika realizatsii v sub”ektakh RF [Anti-corruption legislation: practice implementation in the constituent entities of the Russian Federation]. Zakonnost′. [legality]. 2013. № 6. S. 61-63.

4. Mamitova N.V. Problemy protivodeĭstviia korruptsionnym prestupleniiam v Rossiĭskoĭ Federatsii. [Problems of counteraction to corruption crimes in the Russian Federation]. Kriminologicheskiĭ zhurnal Baĭkal′skogo gosudarstvennogo universiteta ėkonomiki i prava. 2016. T.10, № 3. S. 281-289.

5. Xabrieva T.IA., Andrichenko L.V., TSirin A.M. O rezul′tatakh analiza praktiki realizatsii programm protivodeĭstviia korruptsii v sub”ektakh Rossiĭskoĭ Federatsii i predlozheniiakh po povysheniiu ikh ėffektivnosti [The results of the analysis of practice of implementation of programs combating corruption in the constituent entities of the Russian Federation and proposals for improving their efficiency]. ZHurnal rossiĭskogo prava [Journal of Russian law]. 2012. № 11. S. 60.

6. SHvedko A.V. Sootnoshenie poniatiĭ «preduprezhdenie», «presechenie» i «profilaktika» v kontekste issledovaniia korruptsionnoĭ prestupnosti [The relationship between the concepts of "prevention", "suppression" and "prevention" in the context of the study of corruption crime]. Kriminologicheskiĭ zhurnal Baĭkal′skogo gosudarstvennogo universiteta ėkonomiki i prava. [the Criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law]. 2014. № 1. S.177-179.

Об авторе

Артамонов Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

Artamonov Alexey Nikolaevich – candidate of legal Sciences, associate Professor, head of chair of state legal disciplines, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: alexeiartamonow@yandex.ru

УДК 34.07

Вяткина Г.О., магистрант 1 курса, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье актуализируется проблема высокого уровня коррупции в контрольно-надзорных органах, анализируется основное антикоррупционное законодательство, раскрываются особенности внедрения системы предупреждения и профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности как основного элемента противодействия коррупции в данной сфере государственного управления. Автор раскрывает причины неэффективности контрольно-надзорной деятельности в целом, выделяет ряд проблем, связанных с внедрением системы предупреждения и профилактики коррупции в контрольно-надзорных органах и описывает правовые, организационные и социально-психологические механизмы как основу эффективного внедрения данной системы.

Ключевые слова: система предупреждения и профилактики коррупции, контрольно-надзорная деятельность, контрольно-надзорные органы, коррупциогенные факторы, карта коррупционных рисков, механизмы внедрения системы предупреждения коррупции

В настоящее время в государственном управлении по-прежнему важное место занимают меры, направленные на противодействие коррупции в органах государственной власти. Особо значима и опасна для государства не просто коррупция, а коррупция в такой сфере государственного управления как контрольная и надзорная. По данным доклада Председателя Счётной Палаты Российской Федерации Т.А. Голиковой на Гайдаровском форуме в 2018 году, по состоянию на 1 января 2018 года функции по контролю и надзору наряду с 19 федеральными службами осуществляют 8 (из 16) федеральных министерств и 5 (из 18) федеральных агентств, то есть всего 32 федеральных органа исполнительной власти. К сожалению, сегодня мы наблюдаем высокий уровень коррупционной составляющей в данных контрольно-надзорных органах, [10].

По данным Минтруда России, за 2017 год к ответственности за совершение коррупционных правонарушений привлечено 1362 федеральных государственных служащих контрольно-надзорных органов, из которых 1319 замещают должности федеральной государственной службы в территориальных органах и 43 - в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, [5]. При этом в территориальных органах к дисциплинарной ответственности привлечено 1274 человека, к административной – 41 человек, к уголовной – 4 человека. Стоит заметить, что данная статистика не может в полной мере отразить всю глубину данной проблемы, ведь такое явление как коррупция носит весьма латентный характер. Но, например, трагедия, произошедшая в Кемерово 25 марта 2018 года, в результате которой в пожаре торгово-развлекательного центра «Зимняя вишня» погибло 64 человека, наглядно демонстрирует нарушения всех требований пожарной безопасности ввиду коррумпированности контрольно-надзорных органов. Именно поэтому проблема высокого уровня коррупции в контрольно-надзорных органах требует поиска новых способов решения, [6].

В статье используются следующие методы исследования: 1) теоретический анализ приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности»; 2) анализ нормативной правовой базы Российской Федерации по противодействию коррупции; 3) анализ структуры карты коррупционных рисков; 4) сравнительный анализ внедрения системы предупреждения коррупции в различных контрольно-надзорных органах; 5) системный подход при исследовании и обобщении механизмов внедрения системы предупреждения и профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности; 6) обобщение полученных результатов исследования.

Основой антикоррупционного законодательства является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно нему, коррупция понимается как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерче-

ский подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, [2].

Отметим, что согласно статье 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ гражданский служащий может быть уволен в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, [1]. Кроме того, с 2018 года сведения о таком госслужащем подлежат включению в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр, [2]. По состоянию на 04.04.2018 года в реестр было включено всего 5 лиц, 11.05.2018 года – 47 лиц, 13.08.2018 – уже 325 лиц, и, очевидно, количество таких лиц будет расти, [13].

На мой взгляд, современная контрольно-надзорная деятельность, в первую очередь, ориентирована на поиск нарушений и применение штрафных санкций. Она направлена на наказание за уже совершённые преступления. Высокий уровень коррупции в контрольно-надзорных органах свидетельствует о её неэффективности.

Именно поэтому предлагается обратиться к приоритетной программе «Реформа контрольной и надзорной деятельности», разработанной Министерством экономического развития в конце 2016 года, [7]. Программа реализуется по восьми направлениям, одним из которых является создание системы предупреждения и профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности, призванной выявлять и устранять потенциально коррупциогенные нормы административных регламентов, регулирующих порядок осуществления контрольно-надзорной деятельности.

На сегодняшний день внедрением системы профилактики и предупреждения коррупции занимаются 16 федеральных органов исполнительной власти, осуществляющие контрольно-надзорные функции, среди них: МЧС России, ФАС России, ФНС России, Россельхознадзор, Роспотребнадзор, Росздравнадзор, Росприроднадзор, Ространснадзор, Роструд, Ростехнадзор, ФТС России и другие, [12].

В качестве примеров коррупциогенных факторов в данных органах власти можно назвать: 1) наличие «слепых зон», то есть отсутствие контроля за отдельными административными процедурами; 2) отсутствие условий открытости и прозрачности административных процедур; 3) объективные трудности осуществления контроля, например, необходимость обработки в рамках контроля больших объемов быстро меняющейся информации; 4) осуществление контроля за юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем), в котором работают родственники служащего; 5) непрофессионализм служащих и другое.

В соответствии с паспортом проекта «Внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности» его участники должны утвердить карту коррупционных рисков, являющуюся основой правового внедрения системы профилактики коррупции, [4]. Идейно эта карта является воплощением алгоритмического подхода к управлению. Карта – это визуализированный алгоритм действий, не оставляющий простора для административного произвола и собственного усмотрения служащего.

В ходе анализа структуры данной карты, было выявлено, что она включает в себя 4 элемента: 1) административная процедура (например, формирование проекта ежегодного плана проведения плановых проверок); 2) коррупционный риск и краткое описание возможной коррупционной схемы (например, исключение из ежегодного плана проверки организации, выплачивающей служащим контрольно-надзорного органа незаконное вознаграждение за непроведение проверок); 3) наименование подразделения и должности, замещение которых связано с коррупционными рисками (например, руководитель контрольно-надзорного управления); 4) предлагаемые меры по минимизации рисков (например, проверка уполномоченным подразделением контрольно-надзорного органа наличия возможной аффилированности между подконтрольным субъектом и служащими).

При анализе активности органов власти при реализации данного проекта было обнаружено, что далеко не все представили карту коррупционных рисков, являющуюся начальным этапом и базой внедрения системы профилактики коррупции (ФМБА России, Росавиация, Росрыболовство, [11], [8], [9]).

На мой взгляд, минимизация коррупционных рисков либо их устранение должна осуществляться через комплексное использование различных механизмов, например: 1) правовые (например, корректировку нормативных правовых актов, в том числе порядков и административных регламентов осуществления контрольно-надзорных функций в целях упорядочивания административных процедур, исключения противоречий и пробелов в правовом регулировании, создающих коррупционные риски; 2) организационные (например, минимизация степени усмотрения при принятии решений должностными лицами посредством установления четких оснований и критериев принятия решений; обеспечение прозрачности, понятности и выполнимости административных процедур; 3) социально-психологические (например, информирование подконтрольных субъектов о последствиях совершения коррупционных правонарушений и преступлений коррупционной направленности; обучение по антикоррупционной тематике для не менее 30 тысяч сотрудников подразделений (должностных лиц), ответственных за профилактику коррупционных правонарушений, а также для лиц, замещающих должности федеральной государственной службы, связанные с высоким коррупционным риском, формирование у таких лиц нетерпимого отношения к проявлениям коррупции), [4].

Анализируя реализацию реформы, был обнаружен ряд проблем, связанных с внедрением системы предупреждения и профилактики коррупции.

Во-первых, мало внимания уделяется организации и проведению ротации гражданских служащих. Отметим, что ротация представляет собой предусмотренное служебным контрактом назначение госслужащего на иную должность в том же или другом органе, [3]. Она проводится в целях повышения эффективности гражданской службы и противодействия коррупции путем назначения гражданских служащих на иные должности гражданской службы в том же или другом государственном органе, [1]. Именно поэтому контрольно-надзорным органам необходимо регулярно обновлять план эффективного проведения ротации государственных служащих.

Во-вторых, в некоторых органах власти план противодействия коррупции на 2018-2019 годы носит весьма размытый характер. Например, анализируя содержание данного документа в Федеральном медико-биологическом агентстве, который является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственный санитарно-эпидемиологический надзор и надзор в сфере донорства крови и её компонентов, можно заметить, что все мероприятия по противодействию коррупции содержат общие формулировки. Таким образом, план не учитывает специфику деятельности ФМБА России, [11]. Именно поэтому для успешной реализации плана противодействия коррупции в каждом органе власти необходимо учитывать специфику деятельности органа и максимально конкретизировать мероприятия антикоррупционного характера.

Наконец, практика повседневной управленческой деятельности показывает, что зачастую использование норм права осложняется бюрократизацией и формализацией при разработке различных правовых актов в области предупреждения и профилактики коррупции. Именно поэтому необходимо регулярно привлекать к обсуждению таких документов Общественный Совет при контрольно-надзорных органах, используя при этом различные формы взаимодействия (заседания, публичные слушания, круглые столы, семинары и другие формы). Взаимодействие госслужащих с общественностью при разработке правовых актов является одним из важных принципов внедрения системы предупреждения и профилактики коррупции и является элементом организационного механизма системы.

В ходе проведения исследования были получены следующие результаты: 1) внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности» предполагает создание системы, ориентированной на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений, а не на наказание за уже

совершенные правонарушения; 2) контрольно-надзорным органам необходимо регулярно обновлять план эффективного проведения ротации государственных служащих; 3) для успешной реализации плана противодействия коррупции в каждом органе власти, необходимо учитывать специфику деятельности органа и максимально конкретизировать мероприятия антикоррупционного характера; 4) для снижения вероятности бюрократизации и формализации при разработке различных правовых актов в области предупреждения и профилактики коррупции необходимо регулярно привлекать к обсуждению таких документов Общественный Совет при контрольно-надзорных органах, используя при этом различные формы взаимодействия (заседания, публичные слушания, круглые столы, семинары и другие формы). 5) для успешного внедрения системы предупреждения коррупции все участники реформы, являющиеся значимыми субъектами контроля и надзора, должны в комплексе использовать правовые, организационные и социально-психологические механизмы.

Таким образом, автор исследования выделил ряд проблем, связанных с внедрением системы предупреждения и профилактики коррупции и предложил различные способы их решения. Предложения автора помогут расширить и углубить методологическую базу мероприятий по минимизации коррупционных рисков и проектирования «дорожной карты» различных контрольно-надзорных органов по внедрению системы предупреждения коррупции.

Проблема высокого уровня коррупции по-прежнему не теряет своей актуальности. Особо значима и опасна для государства не просто коррупция, а коррупция в такой сфере государственного управления как контрольная и надзорная. Именно поэтому необходимо использовать различные механизмы внедрения системы предупреждения и профилактики коррупции в контрольно-надзорной деятельности как основного элемента противодействия коррупции.

Для успешного внедрения системы предупреждения коррупции все участники реформы, являющиеся значимыми субъектами контроля и надзора, должны в комплексе использовать правовые, организационные и социально-психологические механизмы, ведь именно в контрольно-надзорной деятельности коррупция является самой опасной для общества и государства.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2018)

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.08.2018)

3. «Методические рекомендации по организации ротации федеральных государственных гражданских служащих (версия - 3.0)» (утв. Минтрудом России) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 02.08.2018)

4. Паспорт приоритетного проекта «Внедрение системы предупреждения и профилактики коррупционных проявлений в контрольно-надзорной деятельности» (утв. протоколом заседания проектного комитета от 24 апреля 2018 года №3 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.08.2018)

5. Официальный сайт Минтруда России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosmintrud.ru/labour/public-service/234 (дата обращения: 02.08.2018)

6. Официальный сайт Первого канала [Электронный ресурс]– Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2018-04-01/343307 (дата обращения: 02.08.2018)

7. Официальный сайт реформы контрольно-надзорной деятельности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://контроль-надзор.рф (дата обращения: 04.08.2018)

8. Официальный сайт Росавиации [Электронный ресурс]– Режим доступа: https://www.favt.ru/ (дата обращения: 04.08.2018)

9. Официальный сайт Росрывболовства [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://fish.gov.ru/ (дата обращения: 01.08.2018)

10. Официальный сайт Счётной Палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/32272 (дата обращения: 06.08.2018)

11. Официальный сайт ФМБА России [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://fmbaros.ru (дата обращения: 06.08.2018)

12. Сайт «Открытое Правительство» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://open.gov.ru/events/5516506/ (дата обращения: 12.08.2018)

13. Федеральный портал госслужбы [Электронный ресурс]– Режим доступа: https://gossluzhba.gov.ru (дата обращения: 04.08.2018)

INTRODUCTION OF SYSTEM OF THE PREVENTION AND CORRUPTION PREVENTION IN COMPLIANCE AND ENFORCEMENT ACTIVITIES AS AN IMPORTANT CO-TAVLAYA CORRUPTION

The article highlights the problem of high level of corruption in control and supervisory activities, analyzes the main anti-corruption legislation, reveals the specifics of introducing a system of corruption's prevention in control and supervisory activities as the main element of countering corruption in this sphere of public administration. The author reveals the reasons for the ineffectiveness of control and supervisory activities in general, identifies a number of problems of the introduction of a system of corruption's prevention in control and supervisory activities and describes legal, organizational and socio-psychological mechanisms as the basis for the effective introduction of this system.

Keywords: system of prevention of corruption, control and supervisory activities, control and supervisory bodies, corruption factors, map of corruption risks, mechanisms for introduction of a system of corruption's prevention.

References

1. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federatsii» ot 27.07.2004 N 79-FZ (red. ot 28.12.2017). Retrieved 3 August, 2018 from http://www.consultant.ru/

2. Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 28.12.2017) «O protivodejstvii korruptsii». Retrieved 5 August, 2018 from http://www.consultant.ru/

3. «Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii rotatsii federal'nyh gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhaschih (versija - 3.0)» (utv. Mintrudom Rossii). Retrieved 2 August, 2018 from http://www.consultant.ru/

4. Pasport prioritetnogo proekta «Vnedrenie sistemy preduprezhdenija i profilaktiki korruptsionnyh projavlenij v kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti» (utv. protokolom zasedanija proektnogo komiteta ot 24 aprelja 2018 goda №3. Retrieved 6 August, 2018 from http://www.consultant.ru/

5. Ofitsial'nyj sajt Mintruda Rossii. Retrieved 2 August, 2018 from https://rosmintrud.ru/labour/public-service/234

6. Ofitsial'nyj sajt Pervogo kanala. Retrieved 2 August, 2018 from https://www.1tv.ru/news/2018-04-01/343307

7. Ofitsial'nyj sajt reformy kontrol'no-nadzornoj dejatel'nosti. Retrieved 4 August, 2018 from http://kontrol'-nadzor.rf

8. Ofitsial'nyj sajt Rosaviatsii. Retrieved 4 August, 2018 from https://www.favt.ru/

9. Ofitsial'nyj sajt Rosryvbolovstva. Retrieved 4 August, 2018 from http://fish.gov.ru/

10. Ofitsial'nyj sajt Chjotnoj Palaty Rossijskoj Federatsii. Retrieved 1 August, 2018 from http://www.ach.gov.ru/press_center/news/32272

11. Ofitsial'nyj sajt FMBA Rossii. Retrieved 2 August, 2018 from http://fmbaros.ru

12. Sajt «Otkrytoe Pravitel'stvo». Retrieved 12 August, 2018 from http://open.gov.ru/events/5516506/

13. Federal'nyj portal gossluzhby. Retrieved 4 August, 2018 from https://gossluzhba.gov.ru

Об авторе

Вяткина Галина Олеговна – студент 1 курса магистратуры Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, стипендиат Президента Российской Федерации. E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

Vyatkina Galina Olegovna – 1st year student of master's degree Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, the scholarship of the President of the Russian Federation. E-mail: galya.vyatkina00@mail.ru

УДК 349.422

Горбачев А.Н., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПОНЯТИЕ «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЬ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье анализируются действующее законодательство и судебная практика в области регулирования правового статуса сельскохозяйственных товаропроизводителей. Исследуются понятие и признаки сельскохозяйственных товаропроизводителей в российском законодательстве. Для этого анализируется, прежде всего, законодательство о развитии сельского хозяйства. Кроме того, исследуется гражданское законодательство, налоговое законодательство, законодательство о несостоятельности (банкротстве) и законодательство о финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей. Наконец, исследуется законодательство о различных формах сельскохозяйственного производства: о сельскохозяйственной кооперации, о крестьянском (фермерском) хозяйстве, о личном подсобном хозяйстве. Дается краткий обзор судебной практики по рассмотрению споров о соответствии конкретных хозяйствующих субъектов критериям, соблюдение которых необходимо для признания сельскохозяйственным товаропроизводителем. Приводятся решения судов как об отказе в признании сельскохозяйственным товаропроизводителем, так и об обоснованности применения налоговых и иных льгот, предусмотренных действующим законодательством для сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: сельскохозяйственный товаропроизводитель; сельскохозяйственный кооператив; сельскохозяйственная организация; сельскохозяйственная продукция; производство сельскохозяйственной продукции; переработка сельскохозяйственной продукции; реализация сельскохозяйственной продукции.

Сельскохозяйственный товаропроизводитель – одно из ключевых понятий современной экономики. В аграрном обществе, в условиях натурального хозяйства категории производителей и потребителей продуктов питания в основном совпадали, но в индустриальном и постиндустриальном обществе такое производство исключительно для собственного потребления возможно только в виде исключения. Современный потребитель полностью зависит от того, кто производит продукты питания на продажу, в объеме, превышающем собственные потребности. При этом последнее утверждение одинаково справедливо как для конкретного гражданина, так и для общества (государства) в целом. Сельскохозяйственный товаропроизводитель - одно из базовых понятий в отношении такого аспекта обеспечения государственной безопасности, как продовольственная безопасность [см. подробнее: 10, с. 29.]

Являясь неотъемлемым элементом весьма сложных по структуре социальных связей в современном обществе, сельскохозяйственный товаропроизводитель одновременно выступает субъектом множества различных видов правоотношений (земельных, налоговых, гражданских и пр.). Данное обстоятельство привело к тому, что легальное определение термина «сельскохозяйственный товаропроизводитель» сегодня содержится в различных актах российского законодательства, содержание которых далеко не всегда скоординировано между собой. Кроме того, в российском законодательстве используются также схожие по смыслу и по звучанию термины. В числе таковых необходимо, прежде всего, отметить термин «производитель сельскохозяйственной продукции», в п. 1 ст. 535 Гражданского кодекса РФ [1] обозначающий одну из сторон договора контрактации. Очевидно, что в данном случае речь идет именно о «товаропроизводителе», поскольку, согласно п. 2 той же ст. 535 ГК РФ, к отношениям контрактации субсидиарно применяются общие правила о поставке, а стороной договора поставки является поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность.

При этом непосредственно термин «сельскохозяйственный товаропроизводитель» впервые появился в современном российском законодательстве в тексте ст. 1 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ [3]. В его первоначальной редакции соответствующий термин определялся как «физическое или юридическое лицо, занятое производством сельскохозяйственной продукции, которая … должна составлять более 50 % от общего объема производимой ими продукции». ФЗ от 07.03.1997 № 47-ФЗ данное

определение было дополнено: «в том числе рыболовецкая артель (колхоз), производство сельскохозяйственной (рыбной) продукции и объем вылова водных биоресурсов в которой составляет в стоимостном выражении более 70 % общего объема производимой продукции». Сегодня, в актуальной редакции (ФЗ от 03.12.2008 № 250-ФЗ), соответствующее условие определяется как «производство сельскохозяйственной продукции, в том числе рыбной продукции, и уловы водных биологических ресурсов в которой составляет в стоимостном выражении более 70% общего объема производимой продукции».

В Федеральном законе № 193-ФЗ впервые определены два критерия отнесения производителя сельскохозяйственной продукции к категории сельскохозяйственных товаропроизводителей: 1. производство сельскохозяйственной продукции, 2. Ее преобладание в общем объеме собсьтвеной продукции (при этом размер доли зависит от характера продукции: для рыболовецких артелей - более 70 процентов, в остальных случаях – более 50 процентов). При этом в данном случае законодатель явно вышел за пределы предмета регулирования рассматриваемого закона, поскольку определил универсальные критерии признания сельскохозяйственным товаропроизводителем любого лица, а не только сельскохозяйственного кооператива.

Следующий законодательный акт, содержащий определение понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» - Федеральный закон от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ [4]. В первоначальной редакции абз. 3 ст. 2 данного закона был воспроизведен один из критериев, сформулированных в Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации» (50 процентов сельскохозяйственной продукции). При этом рыболовецкие артели особо в данном законе не выделялись, что упрощало для них возможность прибегнуть к финансовому оздоровлению на условиях, предусмотренных для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Кроме того, Федеральный закон № 83-ФЗ существенно изменил правила подсчёта соответствующей доли, позволив учитывать выручку не только от производства сельскохозяйственной продукции, но и от ее переработки. Однако в настоящее время вышеприведённое определение в Федеральном законе № 83-ФЗ не используется. В соответствии с Федеральным законом от 13.05.2008 № 67-ФЗ оно было заменено отсылочной нормой.

Законодательный акт, к которому отсылает ныне Федеральный закон № 83-ФЗ в части определения исследуемого понятия - Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ [8]. В первоначальной редакции: «сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации, и реализацию этой продукции при условии, что в общем доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей доля от реализации этой продукции составляет не менее чем семьдесят процентов в течение календарного года» (п. 1 ст. 3). В соответствии с Федеральным законом от 05.04.2009 № 46-ФЗ условие определения соответствующей доли ныне изложено следующим образом: «при условии, что в доходе … от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем семьдесят процентов за календарный год».

Федеральный закон № 264-ФЗ сохранил оба критерия, упомянутые в Федеральном законе «О сельскохозяйственной кооперации», существенно ужесточив их. Так, статус сельскохозяйственного товаропроизводителя сегодня можно получить, производя не любую сельскохозяйственную продукцию, а только входящую в перечень, утвержденный Правительством Российской Федерации. Изначально он был определен постановлением Правительства РФ от 11.06.2008 № 446 «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, производство, первичную и последующую (промышленную) переработку которой осуществляют сельскохозяйственные товаропроизводители», которое заменено распоряжением Правительства РФ от 25.01.2017 № 79-р [9] с аналогичным названием. Во-вторых, доля в общем доходе в размере семидесяти (а не пятидесяти) процентов установлена

для всех сельскохозяйственных товаропроизводителей, а не только для рыболовецких артелей. При этом следует учесть, что, в соответствии с п. 2 ст. 3 Федерального закона № 264-ФЗ, сельхозтоваропроизводителями признаются сельскохозяйственные потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства [6], а также граждане, ведущие личное подсобное хозяйство [7].

Наиболее детальное определение понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» используется для целей налогообложения, поскольку оно дается в абз. 2 ч. 1 ст. 346.2 части второй Налогового кодекса РФ от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ [2] (далее – НК РФ), содержащей раздел VIII.1 «Специальные налоговые режимы», который открывается главой 26.1. Согласно первоначальной редакции соответствующей нормы, введенной Федеральным законом от 29.12.2001 № 187-ФЗ налогоплательщик мог претендовать на статус сельхозтоваропроизводителя «при условии, что в общем доходе от реализации товаров (работ, услуг) … доля дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции и (или) выращенной ими рыбы, включая продукцию ее первичной переработки, произведенную ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства и (или) выращенной ими рыбы, составляет не менее 70 процентов».

Позднее первоначальная редакция не раз подвергалась серьезным изменениям. Так, ФЗ от 29.06.2005 № 68-ФЗ дополнил исследуемое определение указанием на возможность использовать для переработки произведенной продукции арендованные основные средства. Федеральным законом от 03.11.2006 № 177-ФЗ сельскохозяйственные товаропроизводители были лишены возможности в этом статусе выращивать и реализовывать рыбу, с другой стороны, к их число были включены потребительские сельхозкооперативы. Для последних ФЗ от 30.12.2008 № 314-ФЗ уточнил механизм определения соответствующей доли, включив в нее продукцию первичной переработки собственного сырья. Исходя из изложенного, следует указать на тождество определений исследуемого понятия в Федеральном законе № 264-ФЗ и в Налоговом кодексе РФ, регулирующих отличающиеся друг от друга отношения.

Завершая обзор актов российского законодательства, содержащих определение термина «сельскохозяйственный товаропроизводитель» и схожих по смыслу и по звучанию терминов, следует упомянуть также нормы Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [5], который в Главе IX содержит § 3 «Банкротство сельскохозяйственных организаций». Согласно п. 1 ст. 177 Федерального закона № 127-ФЗ для признания таковой необходимо производство и/или переработка сельхозпродукции в размере не менее половины от общей суммы выручки. Как видно, Федеральный закон № 264-ФЗ и НК РФ подходят к определению понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» существенно жестче, чем иные законодательные акты, поскольку требуют, чтобы доля дохода от сельскохозяйственной продукции составляла не менее 70 процентов. В то же время, Федеральный закон № 264-ФЗ», в отличие от НК РФ, требует, чтобы производимая сельскохозяйственная продукция входила в перечень, утвержденный Правительством РФ.

Участие сельскохозяйственных товаропроизводителей в различных видах правоотношений, регламентируемых разными законами, порождает обширную судебную практику. Понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель» исследуется различными судебными инстанциями. Так, в определении от 16.10.2007 № 726-О-О Конституционный Суд РФ указал: «федеральные законы, хотя и раскрывают содержание понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель», придают ему различный смысл. Вместе с тем все они отнесение товаропроизводителей к сельскохозяйственным связывают с производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции».

Наибольшее количество споров о соответствии того или иного хозяйствующего субъекта требованиям, предъявляемым законом к сельскохозяйственным товаропроизводителям, возникает в сфере налоговых правоотношений. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (ВАС РФ) от 04.03.008 г. № 12356/07 отмечено: «Президиум пришел к выводу, что участник спора сельскохозяйственным товаропроизводителем не является, исходя из определения,

данного в ст. 1 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации». Аналогичное решение приняли Федеральный арбитражный суд (далее – ФАС) Поволжского округа в постановлении от 19 марта 2009 г. № А55-11479/2008 и ФАС Северо-Западного округа в постановлении от 30 сентября 2009 г. № А21-9088/2008. При этом последний подчеркнул, что его вывод согласуется с позицией Высшего Арбитражного суда РФ, изложенной в вышеназванном постановлении Президиума.

В постановлении ФАС Поволжского округа от 9 октября 2008 г. № А12-2468/08-с38 отмечается: «Нормы действующего в 2007 году законодательства содержали различные понятия сельскохозяйственных производителей, различные критерии для отнесения организаций к этой категории производителей, поэтому согласно п. 7 ст. 3 НК РФ, все противоречия и неясности законодательства о налогах и сборах должны толковаться в пользу налогоплательщика». Совершенно иначе обоснован такой же вывод в постановлениях ФАС Северо-Кавказского округа от 13 апреля 2009 г. № А53-17743/2008-С5-46 и Волго-Вятского округа от 4 сентября 2009 г. № А82-15994/2008-19. Суды указали: «при одновременном действии нескольких законов, по-разному определяющих понятие «сельскохозяйственный товаропроизводитель», достаточно соответствия хотя бы одному из приведенных в данных законах определений». Схожие решения даны также в постановлении ФАС Поволжского округа от 21 июля 2009 г. № А65-24008/2008, постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июля 2009 г. № 15АП-3509/2009. Заслуживает внимание суждение, которое содержится в постановлении ФАС Северо-Западного округа от 31 августа 2009 г. №А21-9089/2008. По мнению данного суда, не может быть признан обоснованным довод о возможности «применения в спорном периоде понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель», которое дано в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства», поскольку оно дано только в целях этого закона и, следовательно, имеет ограниченную сферу применения».

Проблема критериев отнесения хозяйствующих субъектов к сельскохозяйственным товаропроизводителям также находит отражение в арбитражной практике. В делах о банкротстве сельскохозяйственных организаций судам приходится решать вопрос о соотношении рассматриваемого понятия со смежными. Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 24.12.2013 № 10125/13 по делу № А12-10006/2012 указано, что «из п. 1 ст. 177 Закона о банкротстве следует, что этот Закон устанавливает специальное понятие сельскохозяйственной организации, которое имеет значение исключительно для целей применения правил параграфа 3 главы IX Закона о банкротстве и не может применяться к лицам, имеющим первоначальное преимущественное право приобретения имущества должника по основаниям п. 2 ст. 179 Закона о банкротстве. Целью названной нормы является обеспечение сохранения функционального назначения имущества сельскохозяйственной организации (в том числе земли) для производства или переработки сельскохозяйственной продукции. Такая цель может быть достигнута только в случае предоставления преимущественного права лицу, являющемуся профессиональным субъектом в данной сфере деятельности».

Президиум ВАС РФ подчеркнул, что согласно Федеральному закону № 264-ФЗ доля дохода от реализации сельхозпродукции должна составлять не менее 70 % (а не 50%, как это определено Законом о банкротстве для сельскохозяйственных организаций). Данный вывод нашел свое отражение в последующей судебной практике: в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 24.02.2016 № Ф06-10062/2013 по делу № А55-19378/2011 отмечена необходимость учета позиции, изложенной в вышеприведенном постановлении Президиума ВАС РФ, в отношении критериев сельскохозяйственных предприятий, имеющих преимущественное право приобретения имущества должника. Таким образом, судебная практика указывает на то, что Федеральный закон № 127-ФЗ закрепляет преимущественное право приобретения имущества должника при банкротстве сельскохозяйственной организации, но требования к лицу, приобретающему такое имущество для дальнейшего использования в сельскохозяй-

ственном производстве, определяются законодательском не о банкротстве, а о развитии сельского хозяйства.

В то же время, следует признать, что проблема критериев отнесения хозяйствующих субъектов к сельскохозяйственным товаропроизводителям гораздо чаще возникает в сфере налоговых правоотношений. При этом разные суды используют для обоснования своей позиции разные аргументы. Так, согласно постановлению Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июля 2009 г. № 18АП-8648/2008/, заявитель является сельскохозяйственным товаропроизводителем, поскольку производимая им продукция относится к сельхозпродукции, производство, первичную и последующую переработку которой осуществляют сельхозтоваропроизводители. Арбитражный суд Свердловской области в решении от 2 февраля 2009 г. № А60-35465/2008-С8 положительно отвечая на вопрос о том, является ли заявитель сельскохозяйственным товаропроизводителем, учел, что он включен в реестр хозяйствующих субъектов агропромышленного комплекса Свердловской области в раздел "Сельхозтоваропроизводители". Заслуживает внимания вывод, сделанный в постановлении ФАС Поволжского округа от 29 января 2009 г. по делу № А55-3405/2008, основанный на сопоставлении норм законодательства о банкротстве и о развитии сельского хозяйства. В постановлении указывается, что решением Арбитражного суда кооператив признан несостоятельным и в отношении него открыто конкурсное производство, после чего хозяйственная деятельность должником не осуществляется. В этой связи кооператив не отвечает требованиям, предъявляемым к сельскохозяйственным товаропроизводителям.

Большое количество споров вызывают попытки ограничительного толкования комментируемой нормы. Весьма важный для сельскохозяйственных товаропроизводителей вывод содержится в определении Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 ноября 2009 г. № ВАС-12390/09. В нем подчеркивается, что положения п. 5 ст. 346.2 НК РФ, обуславливающие переход на уплату ЕСХН, не являются критерием, определяющим сельхозтоваропроизводителя (имеется в виду, что такие критерии определены п. 2 соответствующей статьи НК РФ). В постановлении ФАС Уральского округа от 8 апреля 2009 г. № Ф09-1874/09-С3 указано на необоснованное расширение содержание понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» включением дополнительного критерия (производство сельхозпродукции своими силами), который не законом не предусмотрен. Суд подчеркнул, что вполне допустима реализация сельхозпродукции, которая произведена «с использованием услуг производственного характера, оказываемых на платной основе сторонними организациями». Аналогичный вывод содержится в постановлении ФАС Уральского округа от 02.06.2008 г. № Ф09-3880/08-С3.

В постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 27.08.2014 по делу № А36-4475/2013 говорится: «Выполнение работ с привлечением арендованной техники своими силами не является основанием для утраты организацией статуса сельскохозяйственного товаропроизводителя». В этой связи следует сослаться также на упомянутое выше решение Арбитражного суда Свердловской области от 2 февраля 2009 г., в котором указано, что привлечение сторонней организации в рамках производственного процесса по выращиванию сельхозпродукции по гражданско-правовому договору «следует рассматривать как производство указанных действий собственными силами, учитывая наличие у заявителя в фактическом пользовании земельного участка и приобретение им собственных семенных материалов».

В то же время, не во всех случаях суды признают притязания хозяйствующих субъектов обоснованными. Так, в определении ВАС РФ от 18.10.2012 № ВАС-9790/12 по делу № А76-11262/2011 подчеркивается, что «общество не располагало ни материальными ни трудовыми ресурсами, позволяющими ему осуществлять сельскохозяйственную деятельность». В постановлении ФАС Волго-Вятского округа от 17.12.2008 г. № А28-3815/2008-84/21 указывается: «производство сельскохозяйственной продукции, ее уборка, переработка, а также доставка к месту хранения полностью осуществлялись на основании гражданско-правовых договоров третьими лицами». Схожая ситуация отражена в постановлении Арбитражного суда

Северо-Западного округа от 13.11.2015 по делу № А56-11637/2013, подтверждающему вывод: «о несоответствии заказчика в проверяемый период понятию «сельскохозяйственный товаропроизводитель», поскольку он в действительности не осуществлял сельскохозяйственное производство в кооперации с иными лицами, все работы по производству сельскохозяйственной продукции фактически осуществлял исключительно подрядчик».

По действующему законодательству сельхозтоваропроизводители - лица, производящие сельхозпродукцию, осуществляющие ее переработку и реализацию. В некоторых случаях налоговые органы требовали одновременного наличия всех этих признаков. ФАС Восточно-Сибирского округа в постановлении от 28 октября 2008 г. № А33-1764/2008-Ф02-5244/2008 пришел к выводу о том, что под рассматриваемое понятие подпадают лица, не только производящие сельскохозяйственную продукцию, но и осуществляющие ее переработку: «Иное толкование приведет к невозможности отнесения к данному понятию лиц, занимающихся только производством сельскохозяйственной продукции без ее переработки». Схожее решение принято ФАС Поволжского округа, который в постановлении от 24 марта 2009 г. № А12-14155/2008 не согласился с тем, что «налогоплательщик не отвечает критериям сельскохозяйственного товаропроизводителя ввиду участия его не во всех циклах технологического процесса возделывания сельскохозяйственных культур».

В постановлении Президиума ВАС РФ от 28.12.2010 N 9534/10 по делу N А57-24991/2009 отмечено: «Нормы НК РФ не исключают возможности применения системы налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей в случае, если выполнение работ на отдельных этапах производства сельскохозяйственной продукции осуществляется налогоплательщиком с привлечением иных организаций путем заключения с ними договоров подряда, возмездного оказания услуг либо договоров о совместной деятельности». Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 22.07.2014 № 18АП-6719/2014 по делу № А34-6061/2013, сославших на вышеуказанное постановление Президиума ВАС РФ, указал, что налогоплательщик не обязан лично выполнить весь цикл полевых работ. В то же время, осуществление именно полного цикла может рассматриваться как аргумент в пользу сельскохозяйственной организации, как это подчеркивается, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 26.05.2015 № Ф06-23707/2015 по делу № А55-19820/2014.

Необходимо отметить, что споры вызывают не только вопросы полноты производственного цикла. Так, в постановлении ФАС Северо-Западного округа от 2 апреля 2009 г. № А42-5785/2008 признана необоснованной позиция налогового органа, который считает, что соответствие сельскохозяйственного установленным критериям должно определяться по истечении каждого месяца. В решении Арбитражного суда г. Москвы от 22 октября 2007 г. по делу № А40-23667/07-75-151 указано, что налоговый орган необоснованно счел, что ОАО "Кристалл" не является сельскохозяйственным товаропроизводителем, так как не имеет земель сельскохозяйственного назначения, посредством которых возможно производство сельхозпродукции. В постановлении ФАС Уральского округа от 5 октября 2009 г. № Ф09-7486/09-С2 признано неправомерным расторжение налоговым органом соглашения о реструктуризации долгов с налогоплательщиком, заключенного в 2004 г., в связи с несоответствием понятию «сельскохозяйственный производитель», на том основании, что у него отсутствует доход от сельскохозяйственной деятельности за 2007 г. В Определением Верховного Суда РФ от 27.08.2018 № 308-КГ18-9871 по делу № А63-16897/2016 подчеркивается, что предприниматель утратил право на применение ЕСХН поскольку не представил налоговую декларацию, исходя из которой можно определить долю дохода от реализации сельскохозяйственной продукции в его общем доходе.

При этом вопросы о соответствии критериям, определяющим сельскохозяйственных товаропроизводителей, возникают в спорах последних не только с налоговыми органами по поводу предоставления налоговых льгот, но и с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации – по

поводу предоставления различных субсидий. Так, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.05.2015 № Ф03-1196/2015 по делу № А04-6022/2014 со ссылкой на норму ст. 3 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» указано, что из содержания вышеназванной правовой нормы не следует, что для определения статуса сельхозтоваропроизводителя доля дохода должна определяться применительно к предшествующему периоду (календарному году), соответствующей оговорки указанная норма не содержит. Поэтому правовые основания для принятия решения об отказе в предоставления субсидии на возмещение части затрат, связанных с восстановлением плодородия почв сельскохозяйственных угодий, подвергшихся подтоплению и переувлажнению, отсутствуют.

В решениях арбитражных судов, связанных с определением статуса сельскохозяйственного товаропроизводителя, находит отражение государственная аграрная политика (ст. 5 Федерального закона№ 264-ФЗ). В постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 октября 2009 г. № 17АП-8752/09 прямо указывается на то, что в данном законе продекларирована необходимость поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей. Поэтому суд, учитывая все обстоятельства в совокупности, принимая во внимание вид деятельности должника, его нестабильное материальное положение, пришел к выводу о обоснованности уменьшения размера обязательного платежа. В дальнейшем по этому делу принято постановление ФАС Уральского округа от 17 ноября 2009 г. N Ф09-8931/09-С2, в котором суд пришел к аналогичному выводу. В постановлении ФАС Уральского округа от 27 января 2009 г. № Ф09-10579/08-С3 указывается на то, что экскаватор и экскаватор-погрузчик, которые использовались на сельскохозяйственных работах для производства сельскохозяйственной продукции, зарегистрированные на сельскохозяйственного товаропроизводителя, не являются объектом налогообложения. В постановлении Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 октября 2009 г. № 19АП-5586/09, говорится о том, что Федеральным законом от 05.04.2009 г. № 46-ФЗ были изменены критерии, в соответствии с которыми определяется статус сельскохозяйственного товаропроизводителя. Суд подчеркнул, что данные изменения конкретизировали его определение.

В судебной практике находит отражение необходимость государственной поддержки обновления основных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей, прежде всего – применительно к определению содержания понятия «основные средства». В постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 17 марта 2008 г. № Ф08-991/08-369А указано, что расходы на приобретение имущества, необходимого для осуществления деятельности фермерского хозяйства, являются расходами, связанными с развитием крестьянского (фермерского) хозяйства. Исходя из этого, суд квалифицировал как расходы на обновление основных средств расходы на приобретение здания коровника. В решении Арбитражного суда Свердловской области от 2 февраля 2009 г. № А60-35465/2008-С8 подчеркивается, что производство сельскохозяйственной продукции осуществлялось на земельных участках, принадлежащих заявителю на праве собственности. При этом заявитель производил закупку семенных материалов для посева на указанных земельных участках. Суд определил земельные участки и посевной материал как основные средства для производства сельскохозяйственной продукции. В постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 05.11.2015 № Ф10-3676/2015 по делу № А48-2629/2014 отмечается: «на учете Общества в спорном периоде числились грузовой автомобиль, автобус, трактора, автопогрузчик. Апелляционный суд правомерно пришел к выводу, что наличие некоторых пороков в оформлении путевых листов, оформленных Обществом, не исключает возможность принятия этих документов к учету. Названные документы позволяют однозначно установить содержание хозяйственных операций».

В судебной практике последних лет наиболее интересным представляется постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 04.02.2016 № Ф02-7645/2015 по делу № А58-7761/2014. В данном постановлении решение вопроса об обоснованности предоставления налоговой льготы

обусловлено необходимостью решения вопроса о квалификации полученной сельскохозяйственным товаропроизводителем субсидии. Суды исходили из того обстоятельства, что полученные субсидии на возмещение затрат на производство молока, по своему экономическому содержанию являются выручкой, полученной от ведения обычного вида деятельности - реализации молока. Отнесение суммы субсидии к доходу от реализации и ее включение в долю дохода от сельскохозяйственной деятельности позволяет утверждать, что ответчик обоснованно применил специальный налоговый режим для сельскохозяйственных производителей в 2011 году, в котором им была получена субсидия.

При этом суды не всегда удовлетворяют притязания хозяйствующих субъектов на получение субсидий за счет бюджетных средств. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.04.2015 № Ф08-1823/2015 по делу № А32-10707/2014 отмечается, что суды сочли действия по отказу в предоставлении субсидии правомерными обоснованно, исходя из следующего. Общество зарегистрировано в качестве юридического лица 29.12.2012. С заявлением о предоставлении субсидии из краевого бюджета оно обратилось в министерство 18.12.2013. Как признает само общество, хозяйственной деятельностью оно начало заниматься с февраля 2013 года, то есть не могло подтвердить результаты хозяйственной деятельности за один календарный год. Определением Верховного Суда РФ от 23.07.2018 № 308-КГ18-9813 по делу № А32-1762/2016 отказано в признании незаконным решения об отказе в предоставлении субсидии на возмещение части затрат сельскохозяйственным товаропроизводителям на строительство сооружений, так как проектная документация на объект капитального строительства заявителем не была представлена.

Таким образом, исходя из изложенного можно прийти к выводу о том, что вопросы определения понятия «сельскохозяйственный товаропроизводитель» в нормах действующего российского законодательства являются весьма непростыми. Следовательно, то же самое можно говорить о применении указанных норм на практике. При этом вопросы, связанные с реализацией статуса сельскохозяйственного товаропроизводителя в различных видах правоотношений, выглядят намного более сложными и призваны составить предмет специального исследования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ.1996. № 5. Ст. 410.

2. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

3. Федеральный закон от 08.12.1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

4. Федеральный закон от 09.07.2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» // Парламентская газета. 2002. № 131-132.

5. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

6. Федеральный закон от 11.06.2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

7. Федеральный закон от 07.07.2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» // Парламентская газета. 2003. № 124-125.

8. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 27.

9. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2017 № 79-р «Об утверждении перечня сельскохозяйственной продукции, производство, первичную и последующую (промышленную) переработку которой осуществляют сельскохозяйственные товаропроизводители» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 852.

10. Горбачев А.Н. Правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности: опыт Венесуэлы // Таможенное дело. 2007. № 1. С. 29 - 32.

THE CONCEPT OF «AGRICULTURAL PRODUCER» IN THE LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

The article provides an overview of the current legislation and judicial practice in the field of regulation of the legal status of agricultural producers. Explores the concept and features of the agricultural producers in Russian legislation. For this purpose, first of all, legislation on the development of agriculture is analyzed. In addition, civil law, tax legislation, insolvency (bankruptcy) legislation and legislation on financial rehabilitation of agricultural producers are investigated. Finally, legislation is being examined on various forms of agricultural production: on agricultural cooperation, on the peasant (farming) economy, on personal subsidiary farming. There is a brief overview of the judicial practice on disputes on compliance of criteria of business entities, which must be followed for the recognition of agricultural producers. Reflects the decisions of courts as the refusal to recognize the agricultural producer and the validity of the use of tax and other benefits stipulated by law for agricultural producers.
Keywords: agricultural producers; agricultural cooperative; agriculture organization; agricultural products; agricultural production; processing of agricultural products; sale of agricultural products

References

1. (1996). Grazhdanskij kodeks RF (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 g. № 14-FZ [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 5. St. 410.
2. (2003). Nalogovyj kodeks RF (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 g. № 117-FZ [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 24. St. 2249.
3. (1995). Federal'nyj zakon ot 08.12.1995 g. № 193-FZ «O sel'skohozyajstvennoj kooperacii» [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 50. St. 4870.
4. (2002). Federal'nyj zakon ot 09.07.2002 g. № 83-FZ «O finansovom ozdorovlenii sel'skohozyajstvennyh tovaroproizvoditelej» [Parlamentskaya gazeta]. № 131-132.
5. (2003). Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 g. № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 43. St. 4190.
6. (2003). Federal'nyj zakon ot 11.06.2003 goda № 74-FZ «O krest'yanskom (fermerskom) hozyajstve» [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 24. St. 2249.
7. (2003). Federal'nyj zakon ot 07.07.2003 goda № 112-FZ «O lichnom podsobnom hozyajstve» [Parlamentskaya gazeta]. № 124-125.
8. (2006). Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 g. № 264-FZ «O razvitii sel'skogo hozyajstva» [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 1 (1 ch.). St. 27.
9. (2017). Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.01.2017 № 79-r «Ob utverzhdenii perechnya sel'skohozyajstvennoj produkcii, proizvodstvo, pervichnuyu i posleduyushchuyu (promyshlennuyu) pererabotku kotoroj osushchestvlyayut sel'skohozyajstvennye tovaroproizvoditeli» [Sobranie zakonodatel'stva RF]. № 5. St. 852.
10. Gorbachev, A.N. (2007). Pravovye aspekty obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti: opyt Venesuehly [Tamozhennoe delo], 1, 29 – 32.

Об авторе

Горбачев Александр Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой земельного, трудового и экологического права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: angorbachev@rambler.ru

Gorbachev Aleksandr Nikolayevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of department of land, labor and environmental law of Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky (Russia), e-mail: angorbachev@rambler.ru

УДК 342

Зраева И.М., кандидат юридических наук, Брянский филиал Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (Россия)

РОЗЫСК ГРАЖДАН, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОТДЕЛОВ ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА

В статье рассматривается вопросы организации взаимодействия органов внутренних дел и отделов военного комиссариата по розыску граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности. Рассматриваются основы и пробелы правого регулирования в указанной сфере. Правовому анализу подвергнуты правовой механизм и юридические основания осуществления полицией розыскных мероприятий граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности.

Ключевые слова: военный комиссариат, призыв на военную службу, уклонение от воинской службы, повестка, административное правонарушение, полиция, розыск, доставление, привод, административное задержание.

Одной из конституционных обязанностей гражданина в нашей стране закреплена защита Отечества, которая в мирное время реализуется в форме прохождения военной службы. Специальным нормативным актом, регламентирующим прохождение военной службы, является Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [1] положения п. 1 ст. 1 которого предусматривают призыв на военную службу.

Как известно, призыву на военную службу подлежат все мужчины возрастной категории от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять и не пребывающие в запасе [4]. Информируют военнообязанных о необходимости прибытия в военный комиссариат в связи с призывом на военную службу посредством повесток. Обязанность по вручению повесток действующим законодательством возложена на работников военного комиссариата или работодателей (должностных лиц) лицами по месту работы (учебы) призывника [4]. Вместе с тем граждане не всегда стремятся исполнить свою конституционную обязанность перед государством и уклоняются от призыва на военную службу. По статистике на 1 января 2017 года уклонились от прохождения воинской службы около 170 тысяч человек [11]. Розыск призывников считается одной из распространенных проблем военных комиссариатов, которые вынуждены прибегать в данном вопросе к помощи сотрудников полиции.

В соответствии с нормами Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» на органы внутренних дел возлагается обязанность по розыску граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности. Вместе с тем, если ранее, в законодательстве для сотрудников милиции данная норма была продублирована и также закреплена обязанность по розыску граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности, то в связи с реформированием системы МВД России и принятием федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» с целью исключения несвойственных ей функций данная обязанность для сотрудников была исключена.

Сложившаяся ситуация расхождения норм действующего законодательства привела к проблеме по обеспечению взаимодействия органов внутренних дел и отделов военного комиссариата в данном направлении деятельности. В практике имели место случаи отказа органов внутренних дел от осуществления розыскных мероприятий со ссылкой на отсутствие данной обязанности в федеральном законе «О полиции». Однако позиция сотрудников полиции судом поддержана не была [7]. На современном этапе взаимодействие сотрудников полиции и военных комиссариатов строится в соответствии с совместным приказом Министра обороны Российской Федерации, МВД России, ФМС России от 10.09.2007 № 366/789/197 «Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия военных комиссариатов, органов внутренних дел и территориальных органов Федеральной миграционной

службы в работе по обеспечению исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности» [5]. Вместе с тем, практика свидетельствует, что зачастую неверное толкование правовых норм в обозначенной сфере влекут неправомерные требования военных комиссариатов к органам внутренних дел при осуществлении розыскных мероприятий, так и действия сотрудников полиции, как следствие могут носить незаконный характер и нарушать права призывников. Все это свидетельствует об актуальности рассматриваемого вопроса и требует детального анализа правового механизма взаимодействия комиссариатов и полиции при осуществлении розыскных мероприятий.

Полномочия сотрудников полиции при взаимодействии с военными комиссариатами можно разделить на две группы:

– розыск призывников, с целью вручения повесток (если сотрудникам военного комиссариата вручить повестку не представляется возможным);

– розыск призывников, которые получили повестку, однако не являются по ней.

Розыскные мероприятия проводятся сотрудниками полиции в отношении обеих категорий граждан, но содержание этих мероприятий, основания для их проведения существенно различаются и любые нарушения законодательно установленного порядка автоматически влекут превышение должностных полномочий.

Обращаясь к вопросу розыска граждан, вручение повесток которым невозможно, следует обратить внимание, что в соответствии с действующим законодательством (ч. 2 ст. 31 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») сотрудники полиции имеют право осуществлять розыскные мероприятия исключительно на основании письменного обращения военного комиссариата. Все иные списки, поступающие из военных комиссариатов, носящие скорее информационный характер, а также устные запросы в рамках телефонных переговоров не являются основанием для каких-либо розыскных мероприятий со стороны сотрудников полиции.

При наличии поступившего в установленном порядке письменного обращения в соответствии с п. 5 Инструкции об организации взаимодействия № 366/789/197 сотрудники полиции обязаны:

– установить фактическое местонахождение гражданина;

– вручить ему повестку военного комиссариата;

– направить в военный комиссариат корешок повестки с подписью гражданина.

Иных полномочий у сотрудников полиции в отношении граждан, включённых в письменное обращение военного комиссариата, нет. Поэтому, применение иных обеспечительных мер как задержание, привод или доставление являются незаконными. Подтверждением тому служат материалы судебной практики. В частности, гражданин Форманчук К.В. обратился в Ленинский районный суд г. Екатеринбурга с заявлением в котором указал, что 12 октября 2007 г. находился в помещении УГИБДД ГУВД по Свердловской области, где был задержан и доставлен в военный комиссариат Чкаловского района г. Екатеринбурга. Судом действия сотрудников УГИБДД ГУВД по Свердловской области по обеспечению прибытия Форманчука К.В. в помещение военного комиссариата признаны не соответствующими закону, нарушающими право заявителя на личную неприкосновенность, свободу передвижения [8].

Обращаясь к вопросу розыска призывников, не являющихся по повесткам военного комиссариата, следует отметить, что согласно ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе органы внутренних дел обязаны производить розыск и при наличии законных оснований осуществлять задержание граждан, уклоняющихся от воинского учёта, призыва на военную службу или военные сборы, прохождения военной службы или военных сборов.

Законом установлена ответственность как административная, так и уголовная за нарушение места, сроков явки по повестке, либо уклонения от нее:

– ст. 21.5 КоАП РФ «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету»;

– ст. 328 УК РФ «Уклонение от про-

хождения военной и альтернативной гражданской службы».

В соответствии с Положением о призыве на военную службу граждан РФ [3] сотрудники полиции имеют право обеспечивать привод и доставление в военный комиссариат лиц, не исполняющих воинскую обязанность. Вместе с тем, порядок и основания реализации данных мер обеспечения также различен.

Правовой основой обеспечения привода и доставления является Кодекс РФ об административных правонарушениях и Инструкция о порядке осуществления привода, утверждённая приказом МВД России от 21 июня 2003 года № 438 [6].

Согласно ст. 27.15 КоАП [2], привод осуществляется в отношении лица либо законного представителя юридического лица, в отношении которых ведётся дело об административном правонарушении, законного представителя несовершеннолетнего лица, привлекаемого к административной ответственности, а также свидетеля. Основанием для привода служит определение органа или лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении в котором отражаются фамилия, имя, отчество, год рождения и место нахождения лица, подлежащего приводу. Привод призывника в военкомат, совершённый без вынесенного определения о приводе, незаконен и может быть оспорен в суде.

Таким образом, основанием для вынесения в отношении призывника военным комиссариатом определения о приводе является осуществление административного производства в рамках которого он высыпает либо лицом, в отношении которого возбуждено дело, либо свидетелем по данному делу. В иных случаях привод лица следует признать незаконным.

Целью привода, согласно ч. 3 ст. 29.4 КоАП РФ, является всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств дела об административном правонарушении и разрешение его в соответствии с законом. Иных целей привод преследовать не может. Совершение привода в иных целях (медицинское освидетельствование призывника, заседание призывной комиссии и пр.) незаконно. Равно незаконно и осуществление по итогам привода каких-либо мероприятий, отличных от рассмотрения дела об административном правонарушении.

Подтверждением тому являются материалы судебной практики. Так, судом было признано незаконным вынесение определения начальником отдела военного комиссариата Санкт-Петербурга по Красногвардейскому району о приводе гражданина Т. в отдел военного комиссариата на том основании, что определение о приводе было вынесено без достаточных к тому оснований: отдел военного комиссариата не смог представить доказательств совершения призывником административного правонарушения и возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении [9].

На основании поступившего в установленном порядке определения о приводе сотрудники полиции обязаны:

– организовать проверку указанных в определении сведений о лице, подлежащем приводу, а также принять меры к установлению его фактического местонахождения;

– по установлению лица, подлежащего приводу, объявить ему под расписку определение о приводе.

В случае отказа от подписи лица, подлежащего приводу, сотрудником полиции , исполняющим привод, в определении о приводе делается соответствующая запись.

По итогам исполнения сотрудником полиции определения о приводе военный комиссар вручает сотруднику полиции расписку с указанием времени исполнения определения.

Доставление как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении осуществляется при невозможности составления протокола об административном правонарушении (например, по причине отсутствия призывника). Сотрудники полиции имеют право осуществлять доставление призывника только на основании письменного обращения военного комиссариата о доставлении гражданина в котором указывается должностное лицо военного комиссариата, назначенное для обеспечения совместно с органом внутренних дел действий по реализации обращения о доставлении. Но непосредственно доставление осуществляется сотрудниками полиции.

При этом ст. 27.2 КоАП РФ устанавливает строгие требования к цели и месту доставления, а также к кругу лиц, осуществляющих доставление, и основаниям доставления. Доставление допускается только:

– в целях составления протокола об административном правонарушении. Осуществление доставления без намерения составить протокол с иной целью, например, с целью медицинского освидетельствования при призыве, заседания призывной комиссии, отправки к месту прохождения военной службы) делает незаконным само доставление;

– при условии невозможности составления протокола на месте выявления правонарушения. Наличие у военного комиссара возможности составить протокол на месте позволяет признать доставление незаконным.

Доставление гражданина, в отношении которого получено письменное обращение военного комиссара о доставлении, может осуществляться только в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или помещение органа местного самоуправления сельского поселения. Доставление в помещение военкомата или призывной комиссии недопустимо.

Доставление должно оформляться протоколом или записью в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Несоблюдение установленной формы выводит проводимые под видом доставления мероприятия за рамки закона.

Административное задержание есть кратковременное ограничение свободы физического лица. Так же, как и доставление, задержание осуществляется должностными лицами органов внутренних дел в случае обращения должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении. Действующее федеральное законодательство, предполагая возможность задержания гражданина, уклоняющегося от воинского учёта и призыва на военную службу (п. 3 ст. 4 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), не наделяет военного комиссара полномочиями по направлению в органы внутренних дел обращения о задержании призывника. Следовательно, инициирование задержания военным комиссаром на практике невозможно [10, с.14].

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ, должностные лица полиции вправе осуществлять задержание в следующих случаях:

– при выявлении административных правонарушений, дела о которых рассматривают органы внутренних дел;

– при выявлении административных правонарушений, по делам о которых органы внутренних дел составляют протоколы об административных правонарушениях;

– при выявлении любых административных правонарушений в случае обращения к ним должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы о соответствующих административных правонарушениях.

Поскольку ст. 23.11 КоАП РФ относит дела об административных правонарушениях в области воинского учёта к подведомственности военных комиссариатов, должностные лица военного комиссариата (военный комиссар, начальник отдела военного комиссариата, начальник отделения военного комиссариата) наделены полномочиями по составлению протокола об административном правонарушении по указанной категории дел, а возможность направления должностным лицом военного комиссариата обращения в органы внутренних дел о задержании гражданина, как было сказано выше, отсутствует, то и само задержание призывника в связи с совершением им правонарушения в области воинского учёта надо признать незаконным.

В соответствии со ст. 27.4. КоАП РФ, об административном задержании должен составляться протокол. Срок задержания не может превышать трёх часов (ст. 27.5. КоАП РФ), в исключительных случаях – 48 часов. По истечении указанного срока задержанный должен быть освобождён. Незаконное продление срока задержания должно рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы). Важно заметить, что содержание задержанных граждан в помещении военного комиссариата законодательством не допускается согласно ст. 27.3 КоАП РФ.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что организация взаимодействия органов внутренних

дел и отделов военного комиссариата по розыску граждан, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности, на современном этапе федеральным законодательством надлежащим образом не урегулировано в связи с противоречием действующих норм, что в свою очередь компенсировано подзаконными нормативными правовыми актами. Сам порядок участия и полномочия сотрудников полиции в розыскных мероприятиях лиц, уклоняющихся от призыва, зависят от категории разыскиваемых граждан. Так, в отношении граждан которым вручение повесток сотрудниками военного комиссариата не представляется возможным сотрудники полиции имеют право только произвести розыскные мероприятия и вручить повестку на основании официального письменного запроса военкомата. Доставление, привод, а также задержание в отношении указанной категории граждан сотрудниками полиции недопустимо.

В отношении розыска призывников, не являющихся по повесткам военного комиссариата, сотрудники полиции правомочны осуществлять ряд мер обеспечения производства по делу: задержание, доставление, а также привод. Вместе с тем, привод возможен только в здание военного комиссариата на основании определения военного комиссариата и только для рассмотрения дела об административном правонарушении. Доставление осуществляется сотрудниками полиции исключительно в служебное помещение отдела полиции или органа местного самоуправления сельского поселения на основании письменного обращения военного комиссариата и только в целях составления протокола об административном правонарушении. Содержание задержанных граждан в помещении военного комиссариата законодательством не допускается.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ// СЗ РФ. 2002. (Ч. 1) № 1. Ст.1.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.11.2006 № 663 «Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 47. Ст. 4894.

4. Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 «Об утверждении Положения о воинском учете» // СЗ РФ. 2006.№ 49. Ст. 5220.

5. Приказ Министра обороны Российской Федерации, МВД России, ФМС России от 10.09.2007 № 366/789/197 «Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия военных комиссариатов, органов внутренних дел и территориальных органов Федеральной миграционной службы в работе по обеспечению исполнения гражданами Российской Федерации воинской обязанности» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 45. 05.11.2007.

6. Приказ МВД России от 21.06.2003 № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода»// Рос. газ. № 137. 11.03.2003.

7. Решение Зеленчукского районного суда (Карачаево-Черкесская Республика) № 2-484/2014 от 28 мая 2014 г.

8. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 14 апреля 2008 № К 33-4146/08.

9. Решением Красногвардейского федерального районного суда Санкт-Петербурга от 28 февраля 2011 года по гражданскому делу № 2-1276/2011.

10. Акчурин З.Х., Федулова М.Н. Актуальные вопросы правового регулирования прохождения военной службы не на воинских должностях // Право в Вооруженных Силах. – 2006. – № 5. – С. 14.

11. Информационное агентство России «Вести»: Армия нашла новый способ бороться с уклонистами // 2018. 12 января. URL: www. vesti.ru/doc.html?id=2975412 (дата обращения 11.06.2018).

HE ORGANIZATION OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND DEPARTMENTS OF THE MILITARY COMMISSARIAT IN SEARCH OF CITIZENS WHO EVADE MILITARY DUTY

The article deals with the organization of interaction between the internal Affairs bodies and departments of the military Commissariat for the search of citizens evading military duty. The article discusses the basics and gaps of legal regulation in this area. The legal mechanism and legal grounds for the police to carry out investigative activities of citizens who evade military duty are subjected to legal analysis.
Keywords: military Commissariat, conscription, evasion of military service, summons, administrative offense, police, search, delivery, drive, administrative detention.

References

1. Federal law of the Russian Federation of 28.03.1998 № 53-FZ" on military duty and military service " // Sz RF. 1998. № 13. St. 1475.

2. Code of the Russian Federation on administrative offences of 30.12.2001 № 195-FZ/ / NW. 2002. (Part 1) № 1. St.1.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 11.11.2006 № 663 "on approval of the Regulations on conscription of citizens of the Russian Federation". 2006. No. 47. St. 4894.

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.11.2006 №. 719 "About the Position statement about the military account" // Sz the Russian Federation. 2006. No. 49. St. 5220.

5. The order of the Minister of defence of the Russian Federation, Ministry of internal Affairs of Russia, the Federal migration service of Russia dated 10.09.2007 No. 366/789/197 "On approval of the Instruction about the organization of interaction of military commissariats, bodies of internal Affairs and territorial bodies of the Federal migration service in securing the citizens of the Russian Federation military duty" // the Bulletin of normative acts of Federal bodies of Executive power. №. 45. 05.11.2007.

6. The order of the Ministry of internal Affairs of Russia of 21.06.2003 No. 438 "about the statement of the Instruction about the order of implementation of the drive"// ROS. gas. №. 137. 11.03.2003.

7. Decision of Zelenchuk district court (Karachay-Cherkess Republic) № 2-484 / 2014 of may 28, 2014

8. The decision of the Leninsky district court of Yekaterinburg, Sverdlovsk region from April 14, 2008 № to 33-4146 / 08.

9. Decision of the red guard Federal district court of St. Petersburg dated February 28, 2011 on civil case No. 2-1276 / 2011.

10. Akchurin Z. H., Fedulova M. N. Topical issues of legal regulation of military service not in military positions // Law in the Armed Forces. 2006. № 5. P.14.

11. News Agency of Russia "Vesti": the Army has found a new way to deal with evaders // 2018. January 12th. URL: www. vesti.ru/doc.html?id=2975412 (accessed 11.06.2018).

Об авторе

Зраева Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (Россия), E-mail: zraeva@mail.ru

Zraeva Irina Mikhailovna – candidate of legal Sciences, senior lecturer of the Department of General legal disciplines of the Bryansk branch of the all-Russian Institute for advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia (Russia), E-mail: zraeva@mail.ru

УДК 347.965.13

Сахарова Ю.В., кандидат юридических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВИДЫ И ФОРМЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ АДВОКАТА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ РАЗРЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ СПОРОВ

В статье рассмотрены понятие и ряд классификаций жилищных споров, которые имеют место на практике и выделяются в правовой доктрине (Е.П. Данилов, А.В. Закарлюка, Л.М. Пчелинцева).
Также в статье отмечено, что десяти видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, на досудебной стадии разрешения жилищных споров применимы не все. На досудебной стадии разрешения жилищных споров видом юридической помощи адвоката выступает защита жилищных прав в административном порядке путем обращения с заявлением или жалобой от имени своего доверителя в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу, являющемуся вышестоящим по отношению к лицу, нарушившему право.
В статье проанализирован принцип законности в деятельности адвоката применительно к исследуемой сфере.
Центральное место в процессе оказания юридической помощи адвокатом, в т.ч. в сфере жилищных правоотношений, занимает процессуальная деятельность адвоката-представителя, поскольку весь комплекс процессуальных прав (обращение в суд; представление доказательств; участие в процессе судебного доказывания; заявление отводов; заявление ходатайств, жалоб и проч.) адвокат реализует в процессуальной форме, установленной законодательством. Непроцессуальная форма оказания юридической помощи по отношению к процессуальной форме оказания юридической помощи носит вспомогательный характер, может предшествовать либо сопутствовать процессуальным формам. Данная форма работы адвоката характерна для досудебной стадии разрешения спора, включая жилищные правоотношения, и состоит из консультаций доверителю, советы, беседы и проч.
Ключевые слова: жилищные споры, адвокат, досудебное разрешение споров, процессуальная форма, непроцессуальная форма.

Объектом споров, регулируемых жилищным законодательством, является жилое помещение. Жилым признается изолированное помещение, относящееся к недвижимому имуществу, пригодное для постоянного проживания граждан, отвечающее установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства (п. 2 ст. 15 ЖК РФ[4]).

Одной из основных особенностей жилищных споров является субъектный состав участников, перечень которых определен ч.ч. 2 и 3 ст. 4 ЖК РФ. К ним относятся граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, а также иностранные граждане, лица без гражданства или иностранные юридические лица.

Основания возникновения жилищных споров называются в нормах, регулирующих те или иные виды жилищных отношений или устанавливающих ответственность за нарушение жилищного законодательства.

Иными словами, жилищный спор представляет собой разногласие заинтересованных лиц (участников жилищных правоотношений) по поводу их жилищных прав и обязанностей, разрешаемое регламентированным законом и иными актами судебном, административном порядке, либо путем урегулирования и достижения соглашения.

В правовой доктрине содержится ряд классификаций жилищных споров. Так, Е.П. Данилов предлагает следующую классификацию жилищных споров: 1) споры, связанные с возникновением права на жилое помещение (при представлении жилья по договору социального найма, при присоединении освободившегося жилого помещения, при покупке квартиры, при дарении и наследовании жилого помещения); 2) споры связанные с пользованием жилым помещением (при предоставлении коммунальных услуг, споры с жилищно-эксплуатационными организациями, при перепланировке жилья, споры связанные с регистрацией по месту пребывания и по месту жительства); 3) споры, возникающие при разделе жилья, как в домах муниципального жилищного фонда, так и находящегося в собственности [7, с. 35].

Закарлюка А.В. выделяет следующие категории жилищных споров.

Во-первых, дела о праве пользования жилыми помещениями, относящимися к жилищному фонду социального использования: а) дела о признании права пользования жилыми

помещениями, б) дела о признании нанимателя (члена семьи) утратившим право пользования жилыми помещением, в) дела об определении порядка пользования жилыми помещениями (разделе жилой площади), г) дела о признании ордера недействительным, д) дела о переустройстве жилого помещения, е) дела о принудительном обмене, ж) дела о признании отказа в разрешении на обмен недействительным, з) дела о признании договора обмена жилых помещений недействительным.

Во-вторых, дела, связанные с приватизацией жилых помещений, относящихся к жилищному фонду социального использования: а) дела об отказе в приватизации жилых помещений; дела о признании приватизации жилых помещений недействительной по иску нанимателя (члена его семьи); дела о включении жилых помещений в наследственную массу нанимателя (члена его семьи); дела по спорам меду собственниками жилья о выделе доли жилого помещения. В-третьих, дела о предоставлении жилых помещений по договору социального найма: а) дела о предоставлении жилых помещений гражданам, имеющим право на получение жилья в пределах определенного срока; дела о предоставлении жилых помещений, освободившихся в коммунальных квартирах [8, с. 155].

Представляется верным, что последнюю классификацию нельзя назвать полной, поскольку она не отражает споры, связанные с предоставлением жилищно-коммунальных услуг.

Наиболее полной видится классификация, которая охватывает практически все жилищные споры, разработанная Л.М. Пчелинцевой. Так, названный автор выделяет следующие категории гражданских дел, вытекающих из жилищных правоотношений и подпадающих под юрисдикцию районного суда: о сохранении за бывшим членом семьи собственника жилого помещения права пользования жилым помещением на определенный срок (ст. 31 ЖК РФ); о выселении гражданина, право пользования жилым помещением которого прекращено или который нарушает правила пользования жилым помещением (ст. 35 ЖК РФ); споры о нарушении преимущественного права покупки отчуждаемой комнаты в коммунальной квартире (ст. 42 ЖК РФ); споры о предоставлении освободившихся жилых помещений в коммунальной квартире (ст. 59 ЖК РФ); об осуществлении принудительного обмена жилыми помещениями (ст. 72 ЖК РФ); о признании обмена жилыми помещениями, предоставленными по договорам социального найма, недействительным (ст. 75 ЖК РФ); о расторжении договора социального найма жилого помещения по требованию наймодателя (ст. 83 ЖК РФ); о выселении граждан из жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма (ст. ст. 84-91 ЖК РФ и др.). Также Л.М. Пчелинцева выделяет экономические и иные споры, подведомственные арбитражным судам, могут возникнуть из жилищных отношений по поводу создания и деятельности жилищных и жилищно-строительных кооперативов, содержания и ремонта жилых помещений, предоставления коммунальных услуг, учета жилищного фонда и др. [12, с. 54-55].

Также Пчелинцева Л.М. указывает на категории дел, рассматриваемые мировым судьей: требование нанимателя жилого помещения по договору социального найма о возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением или неисполнением наймодателем обязанностей, предусмотренных жилищным законодательством (ст. 66 ЖК РФ); требование нанимателя жилого помещения о взыскании с поднанимателя платы за поднаем жилого помещения в случае невнесения ее в сроки, предусмотренные договором (ст. 78 ЖК РФ и др.); дела об определении порядка пользования имуществом (например, спор между участниками общей долевой собственности на жилое помещение о порядке пользования жилым помещением (ст. 247 ГК РФ [1]); спор о порядке пользования жилым помещением, предоставленным гражданину по завещательному отказу (ст. 33 ЖК РФ) [13, с. 78].

П. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации (далее – ФЗ об адвокатуре) [2] устанавливает перечень из десяти видов юридической помощи, оказываемой адвокатами. При этом данный перечень является открытым, поскольку адвокат вправе осуществлять иную юридическую помощь, не запрещенную

федеральным законом (п. 3 ст. 2 ФЗ об адвокатуре). Анализ названной статьи позволяет отметить, что не все из приведенных в перечне видов юридической помощи могут быть оказаны адвокатом на досудебной стадии разрешения жилищных споров. В частности, видится логичной возможность использования адвокатом следующих видов помощи доверителям на данной стадии: 1) дача консультаций и справок по правовым вопросам, как в устной, так и в письменной форме; 2) составление заявлений, жалоб, ходатайств, других документов правового характера; 3) представление интересов доверителя в различных органах власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях, организациях, в т.ч. на международном уровне, а также в т.ч. и в налоговых правоотношениях; 4) участие в качестве представителя доверителя в различных типах судопроизводства на досудебной стадии разрешения спора, в т.ч. при избрании сторонами жилищного спора альтернативного судебному средства разрешения этого спора; 5) иные формы, не запрещенные законом.

На досудебной стадии разрешения жилищных споров видом юридической помощи адвоката выступает защита жилищных прав в административном порядке путем обращения с заявлением или жалобой от имени своего доверителя в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу, являющемуся вышестоящим по отношению к лицу, нарушившему право, осуществляется только в случаях, предусмотренных ЖК РФ или другим федеральным законом. При этом право на обращение в суд за защитой жилищных прав сохраняется за лицом и в том случае, когда закон предусматривает административный порядок защиты жилищных прав. В случае несогласия с принятым в административном порядке решением заинтересованное лидо вправе обжаловать его в судебном порядке.

Кроме того адвокатские услуги могут быть востребованы при решении вопросов, связанных с приобретением жилья на условиях ипотеки или долевого участия в строительстве.

При приобретении жилья необходимо проверять законность предыдущих сделок с недвижимостью, чтобы избежать возможных правовых проблем. И адвокат, специализирующийся на жилищных вопросах, как раз способен оказать квалифицированную помощь в этом и иных вопросах (к примеру, оспаривание сделок купли-продажи жилья, договоров дарения, ренты, завещаний, признание права собственности на недвижимость, соблюдение прав при разделе жилья (раздел имущества и выдел из него доли, в т.ч. и совместно нажитого в браке), обман в ходе долевого строительства, и т.д.).

При совершении сделок с жильем необходимо уделять особое внимание истории недвижимости. В зависимости от основания приобретения жилья в собственность моно выделить разные степени риска. Наименьшую степень риска имеют сделки, где право собственности возникло на основании договора о долевом участии в строительстве, либо в результате постройки объекта недвижимости для себя, либо в процессе приватизации. Наибольшая степень риска при покупке недвижимости со вторичного рынка, и степень риска увеличивается пропорционально количеству сделок с этой недвижимостью [9, с. 38].

В зависимости от конкретной сделки вопросы, подлежащие выяснению в ходе юридической экспертизы документов, могут отличаться, но следующие моменты должны быть проанализированы адвокатом, оказывающим правовую помощь: 1) при приобретении квартиры или иной недвижимости в период брака по возмездной сделке необходимо нотариально заверенное согласие супруга продавца на отчуждение недвижимости, если второй супруг не указан в качестве стороны по договору; 2) использование доверенности после смерти доверителя также имеет место в практике с продажей или покупкой недвижимой собственности. В этом случае покупатель недвижимой собственности рискует лишиться ее после вступления наследников в права наследования. Такую ситуацию довольно трудно предугадать и очень сложно проверить в случае, если доверитель скончался не на территории России. Представляется, что наличие доверенности, а не самого продавца, при продаже недвижимости должно насторожить покупателя и его адвоката. В-третьих, необходимо запросить справку из налоговой инспекции об отсутствии задолженности по уплате налога на

имущество, переходящего в порядке наследования, дарения (если имущество поступило собственнику в порядке наследования или дарения). В-четвертых, необходимым действием при правовой экспертизе является обращение в органы, занимающиеся учетом и регистрацией прав собственности на недвижимое имущество с запросом о предоставлении информации о принадлежности недвижимости и о наличии ограничений (обременений) прав на объект недвижимости. В-пятых, немаловажным моментов выступает выяснение отсутствие задолженности по коммунальным платежам.

Кроме того, на досудебной стадии разрешения жилищных вопросов, связанных с совершением сделок с жильем проверяется: 1) личность продавца, или лица, действующего от него по доверенности (проверяется документ, удостоверяющий личность его действительность, дееспособность лица, наличие или отсутствие заболеваний не позволяющих ему осознавать происходящее), содержание доверенностей (какие конкретно полномочия предоставлены доверенному лицу, срок действия доверенности, не отменена ли она доверителем); 2) документы, подтверждающие право собственности (их подлинность, содержание, отметки о регистрации договора, права, обременений), опасение должно вызывать отсутствие свидетельства о регистрации права и предоставление взамен его выписки из реестра; 3) технические данные объекта (дата последней инвентаризации объекта, наличие перепланировок согласованных или не согласованных); 4) круг лиц, имеющих фактически или потенциально право пользования помещением, при наличии несовершеннолетних разрешение органа опеки и попечительства, сведения о месте жительства несовершеннолетних не прописанных в квартире, бронирование квартиры.

Представляется, что важным моментом в деятельности адвоката по жилищным вопросам выступает следующий аспект. Прежде чем приступить к защите прав и интересов будущего доверителя, адвокату необходимо поставить перед собой вопрос: можно ли оказать юридическую помощь обратившемуся за ней гражданину или организации, и если да, то в какой форме она должна быть оказана.

Разрешение жилищных споров относится к гражданскому судопроизводству (п. 1 ст. 22 ГПК РФ [3]). Соответственно, доказательства иска либо возражения сторон разрабатываются и представляются суду сторонами или другими лицами, участвующими в деле, к которым можно и отнести профессионального представителя-адвоката (ст. 57 ГПК РФ). Кроме того, обязанность представления сторонами доказательств закреплена в ст. 56 ГПК РФ. Касаемо проблемы доказывания второй вопрос, который следует поставить перед собой адвокату, заключается в том, следует ли ему осуществлять последнее и в какой форме.

Представляется, что ответ на первую часть вопроса зависит от законности и обоснованности требований лица, обратившегося за правовой помощью. Выбор же вида юридической помощи и способа ее оказания адвокатом зависит от ряда обстоятельств. Определенную сложность представляет выяснение того, какова связь между характеристикой доказательств и решением вопроса о принятии адвокатом поручения на ведение гражданского дела. Бесспорно, что нельзя принимать участие в процессе, если требование клиента противоречит закону или не имеет под собой оснований [5, с. 288].

Видится верным, что соответствующим основанием для заключения соглашения и принятия поручения на оказание юридической помощи является наличие правовой позиции, отражающей два аспекта: во-первых, законность требований, во-вторых, их доказуемость.

Принцип законности в деятельности адвоката означает безусловное соблюдение им действующих норм закона, устанавливающих условия и порядок его деятельности в различных формах. В соответствии со ст. 7 ФЗ об адвокатуре адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами, соблюдая при этом кодекс профессиональной этики адвоката.

Наличие достоверных материалов, подтверждающих законные требования или возражения обратившегося за помощью лица, выступает вторым необходимым элементом правовой позиции адвоката. Допустимость

доказательств является составной и необходимой частью доказуемости заявленных требований. К примеру, подготовка и последующее заявление иска, вытекающего из обязательства, срок исполнения которого не наступил и законом не предоставлено право требования их досрочного исполнения, представляет собой заявление требований, не основанных на законе. Зачастую в момент принятия поручения адвокатом ни ему, ни его доверителю не известно, какие имеются доказательства и каким образом они могут быть получены [6, с. 38].

Для адвоката основной задачей на данной стадии выступает определение законности требований (возражений) с учетом правовой природы жилищного спора, урегулированности возникшего спора нормами права, его подведомственности и подсудности.

При этом выявление незаконности требований доверителя выступает безусловным основанием для отказа от исполнения договора поручения между адвокатом и доверителем. Более того, отказывать в приеме поручения адвокат может только тогда, когда из имеющихся материалов (в т.ч. тех, которые могут быть получены в будущем) однозначно усматривается, что права обратившегося за помощью не нарушены либо их защита исключена.

Как было отмечено ранее, закрепленный в ФЗ об адвокатуре перечень юридической помощи адвоката, в т.ч. в сфере жилищных правоотношений, не исчерпывающий, поскольку адвокат вправе оказывать иную юридическую помощь, не запрещенную федеральным законом. К последней можно отнести: 1) организацию консультаций со специалистами (инженерными организациями, строителями и др.) в целях получения информации, необходимой для осуществления представительства по делу; 2) ведение переговоров с другой стороной жилищного спора в целях выработки мер по его разрешению на досудебной стадии его рассмотрения; 3) выяснение финансового положения стороны жилищного спора в целях предприятия мер по обеспечению будущего иска; 4) иные.

Касаемо форм юридической помощи адвоката в сфере жилищных правоотношений стоит отметить, что в юридической доктрине выделяют процессуальную и непроцессуальную формы соответствующей юридической помощи. Процессуальная форма деятельности адвоката-представителя в гражданском судопроизводстве опирается на нормы ГПК РФ (ст.ст. 35-34), а непроцессуальная – на нормы и предписания иных законов, нормативных актов, принципы и нормы адвокатской этики.

При этом если формы адвокатской юридической помощи отвечают на вопрос о том, как действовать представителю в гражданском судопроизводстве, чтобы профессионально выполнить поручение, то виды юридической помощи дают представление о том, что полномочен делать адвокат-представитель по гражданским делам в рамках названых форм. В содержании же юридической помощи отражаются конкретные процессуальные и непроцессуальные действия адвоката, совершаемые при осуществлении им профессиональной деятельности в соответствии с установленными законом процедурами [10, с. 29.].

Несомненно, центральное место в процессе оказания юридической помощи адвокатом, в т.ч. в сфере жилищных правоотношений, занимает процессуальная деятельность адвоката-представителя, поскольку весь комплекс процессуальных прав (обращение в суд; представление доказательств; участие в процессе судебного доказывания; заявление отводов; заявление ходатайств, жалоб и проч.) адвокат реализует в процессуальной форме, установленной законодательством. Причем делает он это на различных стадиях гражданского судопроизводства, но непременно в рамках его.

Непроцессуальная форма оказания юридической помощи по отношению к процессуальной форме оказания юридической помощи носит вспомогательный характер, может предшествовать либо сопутствовать процессуальным формам. Представляется верной, что данная форма работы адвоката характерна как раз для досудебной стадии разрешения спора, включая жилищные правоотношения, и состоит из консультаций доверителю, советы, беседы и т.д. [11, с. 140]. На практике же объем непроцессуальной формы работы адвоката содержательнее и разнообразней.

Проявления непроцессуальной формы

осуществления представительской деятельности в гражданском судопроизводстве для адвоката не может носить произвольный характер, поскольку тоже урегулированы законом. По своей правовой природе они также являются юридическими действиями, порождающими правоотношения. Однако по сравнению с процессуальными формами деятельности их разнообразие не такое обширное.

Иными словами, непроцессуальные формы оказания юридической помощи, используемые адвокатом, представляют собой тоже правовые, не запрещенные законом формы деятельности в интересах доверителя.

По содержанию процессуальных и непроцессуальных форм оказания юридической помощи, а также ее видов можно достоверно судить об эффективности адвокатской деятельности в качестве представителя в сфере жилищных правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №188-ФЗ // Российская газета. 2005. № 1.

5. Буробин В.Н. Адвокатская деятельность : учебно-практическое пособие / В.Н. Буробин, А.А. Власов, С.В. Дедиков, В.А. Злобин и др. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2005. – 604 с.

6. Буробин В.Н. Русская бизнес-адвокатура. Опыт создания юридической фирмы. – М.: Статут, 2009. – 167 с.

7. Данилов Е.П. Жилищные споры по новому ЖК РФ : Комментарии. Практика. Образцы документов. – М.: КноРус, 2007. – 528 с.

8. Дегтярев С.Л. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / С. Л. Дегтярев, А. В. Закарлюка, Л. М. Звягинцева и др. ; под ред. И. В. Решетниковой. – 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма, 2012. – 495 с.

9. Карпухин Д.В. Длящиеся жилищные правоотношения: проблемы толкования и правоприменения // Жилищное право. 2010. № 1.

10. Колоколова Э.Е. Адвокат – представитель в российском гражданском процессе: автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.15. – Саратов, 2005.

11. Колоколова Э.Е. Адвокат – представитель в гражданском процессе России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 160 с.

12. Пчелинцева Л.М. Право граждан на жилище: теоретические и законодательные основы // Законодательство и экономика. 2004. № 6.

13. Пчелинцева Л.М. Современный этап развития учения о праве граждан на жилище: теоретические аспекты // Жилищное право. 2004. № 3..

TYPES AND FORMS AND A LEGAL AID LAWYER AT THE PRE-TRIAL STAGE OF THE RESOLUTION OF HOUSING DISPUTES

The article considers the concept and a number of classifications of housing disputes that take place in practice and stand out in the legal doctrine (E. P. Danilov, A.V. Zakarlyuka, L. M. Pchelintseva).

The article also notes that not all ten types of legal assistance provided by lawyers at the pre-trial stage of resolving housing disputes are applicable. At the pre-trial stage of settlement of housing disputes, the type of legal assistance of a lawyer is the protection of housing rights in an administrative manner by filing an application or complaint on behalf of its principal with a state body, a local government body or an official who is superior to the person who violated the right. The article analyzes the principle of legality in the activities of a lawyer in relation to the study area. The Central place in the process of providing legal assistance by a lawyer, including in the field of housing relations, is the procedural activity of a lawyer-representative, since the whole complex of procedural rights (appeal to the court; presentation of evidence; participation in the process of judicial evidence; statement of challenges; statement of petitions, complaints, etc.).) the

lawyer realizes in the procedural form established by the legislation. Non-procedural form of legal assistance in relation to the procedural form of legal assistance is subsidiary, may precede or accompany procedural forms. This form of lawyer's work is typical for the pre-trial stage of dispute resolution, including housing relations, and consists of consultations to the principal, advice, conversations, etc.
Keywords: housing disputes, lawyer, pre-trial dispute resolution, procedural form, non-procedural form

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal'nyj zakon ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2002. № 23. St. 2102.
3. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532.
4. Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrya 2004 g. №188-FZ // Rossijskaya gazeta. 2005. № 1.
5. Burobin V.N. Advokatskaya deyatel'nost' : uchebno-prakticheskoe posobie / V.N. Burobin, A.A. Vlasov, S.V. Dedikov, V.A. Zlobin i dr. 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Statut, 2005. – 604 s.
6. Burobin V.N. Russkaya biznes-advokatura. Opyt sozdaniya yuridicheskoj firmy. – M.: Statut, 2009. – 167 c.
7. Danilov E.P. Zhilishchnye spory po novomu ZhK RF : Kommentarii. Praktika. Obrazcy dokumentov. – M.: KnoRus, 2007. – 528 s.
8. Degtyarev S.L. Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve / S. L. Degtyarev, A. V. Zakarlyuka, L. M. Zvyaginceva i dr. ; pod red. I. V. Reshetnikovoj. – 5-e izd., dop. i pererab. – M.: Norma, 2012. – 495 s.
9. Karpuhin D.V. Dlyashchiesya zhilishchnye pravootnosheniya: problemy tolkovaniya i pravoprimeneniya // Zhilishchnoe pravo. 2010. № 1.
10. Kolokolova E.E. Advokat – predstavitel' v rossijskom grazhdanskom processe: avtoref. dis…kand. yurid. nauk: 12.00.15. – Saratov, 2005.
11. Kolokolova E.E. Advokat – predstavitel' v grazhdanskom processe Rossii: monografiya. – M.: Yurlitinform, 2005. – 160 c.
12. Pchelinceva L.M. Pravo grazhdan na zhilishche: teoreticheskie i zakonodatel'nye osnovy // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2004. № 6.
13. Pchelinceva L.M. Sovremennyj etap razvitiya ucheniya o prave grazhdan na zhilishche: teoreticheskie aspekty // Zhilishchnoe pravo. 2004. № 3.

Об авторе

Сахарова Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: 1887342@mail.ru

Sakharova Julia Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: 1887342@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;
08.00.00 – экономические науки;
12.00.00 – юридические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>
- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:
- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

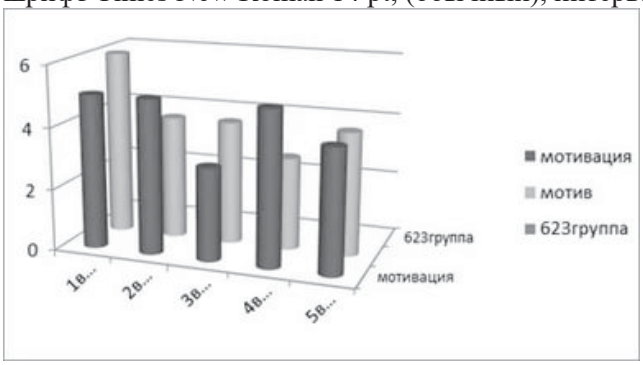


Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (37) 2018.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.09.2018.
Дата выхода журнала в свет: 29.09.2018.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 30. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**